

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*Издание включено в Перечень ВАК
РФ по группам специальностей:
09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник
Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергафельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (акад. МАИА, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Салогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Козгай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), *Дьёрдь Сарвар* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Джорджо Де Маркис* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философии факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://philosoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Academician of IAIA, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

Выпуск журнала посвящается
первому декану философско-социологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета,
доктору философских наук, заслуженному профессору Пермского университета
Утробину Игорю Серафимовичу,
которому в июне 2017 года исполнилось бы 80 лет

This issue of Journal is dedicated
to the 1st Dean of Philosophy and Sociology Faculty
of Perm State University,
Doctor of Philosophy, Honored Professor,
Utrobin Igor Serafimovich,
who would have turned 80 in June 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Антропный принцип и проблема антиномий <i>Бусов С.В., Зобова М.Р.</i>	318	The anthropic principle and the problem of antinomy <i>Sergey V. Busov, Maria R. Zobova</i>
Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса. Часть первая <i>Внутских А.Ю.</i>	328	Global catastrophic risks in the light of unified objectively determined universal process concept. Part 1 <i>Alexander Yu. Vnutskih</i>
Скрытый смысл неравенств Гейзенберга и частотная интерпретация волновой функции <i>Годарев-Лозовский М.Г.</i>	335	The hidden meaning of Heisenberg inequalities and frequency interpretation of wave function <i>Maxim G. Godarev-Lozovsky</i>
Машина и время: счет, память и скорость <i>Комаров С.В.</i>	341	Machine and time: account, memory and speed <i>Sergey V. Komarov</i>
Знак, сущность и сущность <i>Клёцкин М.В.</i>	352	Sign and essence <i>Mikhail V. Klyetskin</i>
Сущность и антропологические основания социальной функции государства <i>Шарков А.В.</i>	358	Essence and anthropological foundations of the state's social function <i>Anton V. Sharkov</i>
Культура и коммуникативные практики современности: проблемы и противоречия <i>Кузнецова Е.В.</i>	368	Culture and communicative practices of the modernity: issues and controversies <i>Evgeniya V. Kuznetsova</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Метафоры и будущие учителя: какими мы хотим стать в будущем <i>Зенгаро Ф., Зенгаро С.Э.</i>	374	Metaphors and pre-service teachers: what do we want to be when we grow up <i>Franco Zengaro, Sally A. Zengaro</i>
Несформированная профессиональная идентичность абитуриента как предиктор «кризиса второкурсника» <i>Кожевникова О.В., Шрейбер Т.В.</i>	381	Unachieved professional identity of the school leaver as a predictor of the «sophomore slump» <i>Oksana V. Kozhevnikova, Tatyana V. Shreiber</i>
Предварительная адаптация подростковой версии опросника «Причины для жизни» А. Османа и М. Линихэн <i>Волочков А.А., Левченко Д.В.</i>	396	Preliminary adaptation of the Osman–Linehan «Reasons for living» inventory (adolescent version) <i>Andrey A. Volochkov, Darya V. Levchenko</i>
Развитие речемыслительной деятельности младших школьников с естественным билингвизмом <i>Медведева Д.С.</i>	409	Development of verbal and cogitative activity of grade schoolchildren with natural bilingualism <i>Darya S. Medvedeva</i>

Влияние фильма-боевика на моральные аспекты Я-концепции зрителя (постановка проблемы)	416	Influence of action movie on moral aspects of self-concept of viewer (setting of the problem)
<i>Яновский М.И., Приймак А.Ю.</i>		<i>Mikhail I. Yanovsky, Anastasia Yu. Priymak</i>
О перспективах эмпирического исследования динамики эмоций	428	Prospects of the empirical research of emotions' dynamics
<i>Азанова И.Н., Левченко Е.В.</i>		<i>Irina N. Azanova, Elena V. Levchenko</i>
Современные методы диагностики и психокоррекции эмоционального выгорания педагогов	437	Modern methods of psychological diagnostics and correction of emotional teachers' burnout
<i>Сорокоумова Г.В., Шурыгина О.В.</i>		<i>Galina V. Sorokoumova, Olga V. Shurygina</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Приватизация собственности в постсоветской России: социальный радикализм и экономическая эффективность	444	Privatization of property in Post-Soviet Russia: social radicalism and economic effectiveness
<i>Беляева Л.А.</i>		<i>Ludmila A. Belyaeva</i>
Социальный капитал как концепт и феномен	460	Social capital as a concept and phenomenon
<i>Плотникова Е.Б., Кузнецов А.Е., Маркова Ю.С.</i>		<i>Elena B. Plotnikova, Alexander E. Kuznetsov, Yulia S. Markova</i>
Потенциальная мобильность горожан	477	Potential mobility of citizens
<i>Парамонова С.П., Стегний В.Н., Разинская В.Д., Денисов Ю.В.</i>		<i>Svetlana P. Paramonova, Vasilij N. Stegnyy, Viktoria D. Razinskaya, Yuriy V. Denisov</i>
Источники конструирования исторической памяти пермских школьников (по материалам социологического исследования)	486	Formation resources of historical memory of Perm schoolchildren (based on sociological investigations)
<i>Красноборов М.А.</i>		<i>Mikhail A. Krasnoborov</i>
Информация для авторов	497	Guidelines for English-speaking authors

---

ФИЛОСОФИЯ

УДК 524.8:165

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-318-327

АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП И ПРОБЛЕМА АНТИНОМИЙ***Бусов Сергей Васильевич****Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики****Зобова Мария Романовна****Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича*

Исследуется смысловая связь между антропным принципом и антиномиями в области познания и этики. Классический антропный принцип (АП) призван ограничить многообразие гипотез в космологии. Для этого в статье дан анализ дискуссии между видными физиками-космологами. Раскрывается значение АП — не только в космологии, но и в других отраслях человеческого знания. Значение АП проявляется не столько в качестве исходной посылки для получения дедуктивным путем каких-то следствий, сколько в качестве селектора для отбора моделей познания и поведения. Он выступает своего рода «поводырем», который нащупывает границы в той или иной предметной области и предостерегает исследователя от умножения сущностей и построения заведомо недоказуемых гипотез. Являясь в этом смысле развитием принципа «бритвы Оккама», АП призван рационально снимать парадоксальность (антиномичность) картины мира, разных ее аспектов. Известно, что антиномии являлись важным элементом метода познания. Показано, что антиномии возникают там и тогда в познавательном процессе, где и когда воля человека ограничена, недостаточно развит момент творческого преобразования мира, создающий условия существования человека. Этот момент акцентирован в АП содержательно, а не только формально.

Ключевые слова: антропный принцип, антиномия, свобода, Вселенная, бог, теодицея, суперотбор, селектор.

THE ANTHROPIC PRINCIPLE AND THE PROBLEM OF ANTINOMY***Sergey V. Busov****Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics****Maria R. Zobova****Saint-Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M.A. Bonch-Bruyevich*

The article is devoted to the relation between the anthropic principle and antinomies in the sphere of knowledge and ethics. The classic Anthropic Principle (AP) aims to limit the variety of existence hypotheses in cosmology. For this purpose the article analyzes discussion between notable physicists and cosmologists. The meaning of AP was revealed not only in the field of cosmology, but in the other fields of human knowledge as well. The meaning of AP appears not only as a presupposition for getting results through deductive method but as a selector for the selection of a cosmological model or the model of knowledge and behavior. It serves as a «guide-dog» to grope the borders in various subject areas and to warn the researcher from excessive multiplication of entities and building the obviously indefensible hypothesis. Developing «Occam's razor» principle, the AP is aimed to rationally remove the paradoxical feature (antinomic) of the picture of the world and its different aspects. From the history of philosophy it is known that antinomies were an important element of the

scientific method (I. Kant, N. Hartmann). Besides the ontological antinomies there are ethical ones (the antinomy of obligation, the paradox of God's existence, theodicy, and others) which are not amenable to rational logic what, however, does not reduce their philosophical and ethical values. In conclusion the authors note that the antinomies emerge there and then in the cognitive process, where and when the will of the person is limited, when the point of creative transformation of the world is underdeveloped, all of this provide conditions for humankind to exist. This concept is emphasized in the AP equally in content and form.

Keywords: anthropic principle, antinomy, freedom, Universe, God, theodicy, super-selection, selector.

Антропный принцип и его философское значение

Антропный принцип (АП) в философии и космологии указывает на одно важное обстоятельство: реальность, которую мы наблюдаем, в значительной степени определяется нами через условия, допускающие наше существование как наблюдателей [1, с. 370] (подразумеваются прежде всего космологические, физические условия). АП формулируется как своеобразный вариант принципа наблюдаемости, но по своей сути выходит далеко за рамки космологии, эпистемологии и вторгается в область социальных отношений и этики. Попытаемся это обосновать. Согласно классическому (слабому) АП то, что мы ожидаем наблюдать во Вселенной, зависит не только от научной теории, направляющей наши наблюдения, но и непосредственно от нашего положения во Вселенной как наблюдателей. АП вводит дополнительные измерения, на которые накладывается познаваемая реальность, а именно: условия нашего существования, связывающие наблюдателя и наблюдаемое — в космологическом смысле, а также наблюдателя и ненаблюдаемое — уже в философском смысле.

Введение АП с целью согласования философских (метафизических, онтологических), физических (космологических), а также идеологических (политических, этических, эстетических, религиозных) идей и понятий кажется нам вполне обоснованным. АП становится средоточием так называемого постмодернизма, служит пробным камнем для представителей новой методологии, которая метафорически может быть выражена такой парадоксальной фразой: «Я мыслю, значит, мир таков, каков он есть» [2]. Физическая и любая иная теория, противоречащая условиям (и факту) существования человека, в определенной части Вселенной и на некоторой стадии ее истории неверна. При всем разнообразии формулировок современного АП — от телеологических (и теологических) до синергетических — суть его в признании соизмеримости, взаимного соответствия человека и Вселенной. Происходит актуализация античного принципа тождества микрокосмоса и макрокосмоса в новом научно-философском кон-

тексте. Иными словами, мир таков, каков человек (вот человек, следовательно, соответствующим ему должен быть и мир). Однако не стоит сбрасывать со счетов и старый материалистический принцип: каков мир, таков и человек. Возникает антиномия, и если не суметь ее снять, то любые усилия философского конструирования никогда не выйдут за рамки эклектики.

У рационалистов некогда господствовал принцип тождества мышления и бытия (Шеллинг, Гегель), который выводил за рамки истинности все, что ему не соответствовало. В известном смысле АП также призван ограничить количество претендующих на существование гипотез (в космологии, синергетике), а также суждений в иных областях знания, противоречащих ему.

Так, применяя слабый антропный принцип, можно «объяснить» тот факт, что Большой взрыв произошел около 13 млрд лет назад, так как разумным существам потребовалось именно столько времени для их возникновения и развития.

Сильный антропный принцип показывает, что для устойчивого существования атомов, звезд и галактик необходима очень тонкая подстройка ряда численных величин фундаментальных физических констант. Даже небольшое отклонение от этих величин приводит к резкой потере устойчивости или к выпадению определенного звена эволюции. Так, если бы гравитационная постоянная (G) была чуть слабее, чем она есть, то все звезды были бы красными карликами. Напротив, если бы гравитационная постоянная (G) была чуть больше, то главная последовательность звезд целиком состояла бы из голубых гигантов, что означало бы отсутствие звезд средней массы типа нашего Солнца, из чего следовала, в свою очередь, невозможность возникновения во Вселенной разумных существ.

АП, будучи принципом соответствия, в космологии используется отнюдь не только для отбора конкретных гипотез, он играет эвристическую роль в формировании изобразительных моделей, из него также дедуцируются содержательные положения (следствия).

На сегодняшний день возросла актуальность АП: необходимо определить новые границы рационального, хотя, безусловно, эти границы чрезвычайно подвижны. Важно связать АП с другими принципами как онтологического, гносеологического, так и аксиологического ряда (принцип самоорганизации, принцип причинности, принцип познаваемости, принцип наблюдаемости, принцип осмысленности существования и т.д.). Такова одна из задач петербургской школы социальной синергетики, которую авторы статьи имеют честь представлять.

Центральное место в теории самоорганизации занимает понятие отбора, поскольку только через механизм отбора происходит смена хаоса и порядка. Отбор как фундаментальный закон самоорганизации и как закон эволюции развивается: линейные строго детерминированные системы уходят в основание, уходит в основание и соответствующий им принцип отбора, взамен актуализируется новый сложный нелинейный уровень системы, а вместе с ним и новый принцип отбора. Имеет место суперотбор — отбор самих факторов отбора. В рамках теории самоорганизации (И. Пригожин, Г. Хакен и др.) стал понятен переход «от механизмов к организмам». Если обратиться к аналогии естественного отбора и механической сборки, то становится очевидным, что удачные системные блоки не могли бы возникнуть чисто *случайно* под действием линейного (механического) перебора вариантов. Здесь присутствует либо «промысел Творца», например, как в иллюстрации Дж. Касти о «часовщике Хроносе» [3, с. 110], либо естественный механизм (суперотбор). Поскольку реальность Промысла в природе недоказуема и ненаблюдаема, то мы можем говорить о *нелинейности* поведения сложных систем. Тезаурус (набор) возможностей системы ограничен, но все же чрезвычайно велик, особенно в сложной системе, потому и возникают варианты ускоренной, укороченной, нелинейной эволюции системы. При огромном множестве вариантов значений фундаментальных физических констант с необходимостью обнаружится такой вариант, который окажется «наилучшим образом» согласованным с возникновением и существованием человека — наблюдателя.

Антропный принцип и этические антиномии

Согласно АП человек не может наблюдать то, что противоречит условиям его существования. Рассмотрим это определение АП в контексте этики: человек не может и не должен поступать

по отношению к другим людям в форме (или способом), противоречащей(им) условиям его (и их) существования. Если поместить человека (людей) в звериные (нечеловеческие) условия, то нельзя будет ждать (требовать) от него (от них) человеческого (морального) поведения. Но кто-то скатывается до уровня зверя-людоеда, а кто-то умирает и остается все-таки человеком! В. Франкл, описывая нечеловеческие условия существования узников немецкого концлагеря, говорил, что «в той чрезвычайной пограничной ситуации, в которой находился человек в лагере, тот смысл, то стремление, осуществлению которого он должен был посвятить себя, должен был быть настолько безусловным, чтобы он охватывал не только жизнь, но и страдание и смерть» [4, с. 151]. Следовательно, условия, где человек теряет не только свободу, но и смысл жизни и смерти, являются нечеловеческими. Эти условия, где происходит, по выражению В.П. Бранского, «зверификация» человека, когда человек превращается из «ценностного», «духовного животного» просто в «ценное животное», наделенное свойством «полезности» [5, с. 33], создает нередко сам человек, что приводит его к утрате смысла своей жизни и смерти. Философски это может быть выражено соотношением понятий самоорганизации и организации, а также понятиями «свобода» и «ответственность». Человек сам творит, организует условия своего существования, нередко делает это вполне свободно, но, как оказывается, часто безответственно. В состоянии «зверификации» погружались в первую очередь организаторы концлагерей, а затем поневоле и, к сожалению, некоторые из узников. Формируется своего рода этическая антиномия, противозаконность этического поведения в рамках данной организации (имеется в виду концлагерь или тюрьма с ужасными условиями содержания заключенных), когда выживать имеет смысл и в то же время не имеет смысла.

Антиномии И. Канта и антропный принцип

Антиномичность познавательной ситуации наиболее полно выразил, как известно, И. Кант. Он разделил мир на наблюдаемый и ненаблюдаемый, причем определил жесткие ограничения на познаваемость (наблюдаемость) «вещей-в-себе». Отсюда — его антиномии. По Канту, физическая Вселенная является синонимом феноменального (наблюдаемого. — *Авт.*) мира человека [см.: 6, с. 411]. А так как этот мир включает наблюдателя, он должен быть приспособлен для его существо-

вания. Так, кантовский мир «вещей для нас» приспособлен для человека, для его познавательной деятельности. Даже пчела из громадного количества стимулов, воздействующих на ее органы, отбирает их малую часть, чтобы создавать «свой мир». То же самое можно сказать о человеке. Конечно, в случае животных отбор воздействующих стимулов связан с выживанием особей и продлением их рода; человек же активно участвует в выборе данных (на основании чего он их выбирает: выживание? красота? логическая непротиворечивость? моральное правило?), которые получает, модифицирует их и накладывает на них пространственно-временные рамки. Эти феноменальные объекты отделены от сложного ноуменального мира. Наш феноменальный мир самоконструируется и по природе таков, что отталкивает все чужеродное [7, с. 104–105].

Отметим, что имеется своего рода кантовская модель АП в двух вариантах: слабый АП признает, что ноуменальный (ненаблюдаемый) мир должен обладать определенными свойствами, такими чтобы создания наподобие нас могли существовать; сильный АП подразумевает, что воспринимаемый нами мир выделяется из ноуменального [7, с. 105]. Кант предложил, ввиду непознаваемости (и ненаблюдаемости) «вещей-в-себе», создавать их идеальный образ, идеал (по сути, это знание, соответствующее нашему желанию). Но это, конечно, не решение его знаменитых антиномий, не их «снятие», выражаясь гегелевским языком. Антиномии возникли, когда встал вопрос перехода «от механизмов к организациям». Критическая философия Канта лишь обосновала актуальность этой задачи. Одним из главных вопросов, поставленных Кантом, стал вопрос о «возможности метафизики как науки». Речь, по сути, свелась к принципиальному различию знаний о феноменах и знаний о ноуменах. В первом виде знаний имеет место строгая корреляция способа познания и предмета познания (феномены), а во втором такая корреляция отсутствует, поскольку ноуменам как предмету познания не соответствует ни один рациональный, научный способ познания (в этом случае Кант, как известно, отдал предпочтение вере, а не знанию). Историческую ограниченность, относительность способов познания Кант интерпретировал как ограниченность человеческого разума вообще. Гегель снял такого рода ограниченность, но лишь в отношении мирового разума. Диалектический метод Гегеля оказался также не совсем адекватным в этом вопросе ввиду своей «спеку-

лятивности» (так часто характеризуется ограниченность классического немецкого идеализма).

По нашему мнению, должна существовать система, называемая «наблюдатель» (даже если она результат случайности), для того чтобы играть роль «судьи» в существовании «вещей-в-себе» (сфера сущности, ненаблюдаемое). Назовем такой аргумент самоссылающимся: я такой, следовательно, мир должен быть таким же, чтобы я в нем мог существовать; он относится к категории аргументов, к которой принадлежат все аргументы АП. В рамках его нужно определиться с условиями, в которых может существовать наблюдатель. Как только эти условия научно определены, «вещи в себе» начинают раскрывать свои тайны. «Наблюдатель» Канта таков, точнее, он находится в таких условиях, что принципиально не способен познать «вещи-в-себе». Гегелевский «наблюдатель» (мировой разум), напротив, поставлен в исключительные условия, гарантирующие ему абсолютную истину. Марксизм, в свою очередь, достиг значительных подвижек в исследовании исторических условий формирования и существования «наблюдателя», следовательно, вплотную приблизился к принципу самоорганизации (взаимные переходы порядка и хаоса); по сути, диалектическому материализму оставалось сделать лишь «последний шаг», что и вылилось в разного рода варианты системных исследований и, в частности, в универсальный эволюционизм (Н.Н. Моисеев, А.Д. Урсул и др.). Существенный прорыв в направлении принципиального снятия кантовских антиномий был совершен в середине XX в. теорией самоорганизации и синергетикой (И.Р. Пригожин, Г. Хакен, С.П. Курдюмов и др.). В работе Э. Янча «Самоорганизующаяся Вселенная» [8] ярко и на высоком научно-философском уровне описан переход «от механизмов к организмам», к открытым сложным системам. В основе концепции Янча новый стиль научного мышления — нелинейное мышление (см. также известные примеры нелинейного мышления: «теория колебаний» Л.И. Мандельштама, вероятностное прогнозирование и т.п.). Стоит также упомянуть концепцию гиперциклов М. Эйгена (формирование протожизни в виде самовоспроизводящихся сложных полимерных соединений) [9].

Этические антиномии у Н. Гартмана

Вернемся, однако, к проблеме этических антиномий. Н. Гартман считает, что проблемы этики носят характер антиномий, которые, как извест-

но, неразрешимы. Согласно Гартману, это не есть недостаток познания, а признак того, что мы имеем дело с реальностью. Вместе с тем это означает, что категории бытия, жизни и становления вообще не определяемы: «Бытие есть последнее, о чем можно спрашивать. Последнее никогда не дефинируемо», — заявляет он [10, с. 156]. «Ценностные противоположности, — пишет он в своей “Этике”, — появились в категориальном анализе ценности и долженствования; отсюда их абстрактность. Содержательно обуславливающие основные ценности появляются в анализе все того же образования, которое одно в состоянии подхватить в сфере действительного актуальное долженствование бытия и превратить в действительность, и которое за счет этого производит опосредование между сферой идеальных ценностей и сферой реального бытия» [11, с. 341–342]. Центральное место в структуре идеального бытия Гартмана занимает свобода как ценность. В «царстве идеальных ценностей», которое мы можем интерпретировать как область общечеловеческих (абсолютных) ценностей, ценностные антиномии, по-видимому, отсутствуют, поскольку для этого необходим переход к реальному бытию. Но в самих идеальных ценностях, по Гартману, содержится зародыш возможных реальных конфликтов. «В этосе... человека, — пишет он, — присутствуют оба начала: как хаотическое, так и демиургическое. В хаотическом заключены возможности человека, но также и опасности, которые ему угрожают; в демиургическом лежит его миссия. Осуществлять ее и означает быть человеком» [11, с. 91]. Согласно Гартману, человек не связан законами природы (в кантовском понимании), над которыми он поднимается в выборе целей и средств, но не связан он жестко и с законами нравственными, с долженствованием и императивами логоса (в шелеровском, по-видимому, понимании логоса [см.: 11, с. 298]), так как свободен их принять или отвергнуть. Свобода отграничена от необходимости (морального поведения) произволом. Произвол и свобода антиномичны (у Гегеля эти антиномии сняты, но сняты в аспекте мирового духа, т.е. спекулятивно). Для Гартмана, последователя Канта, субъектом свободы является человек, потому для человека произвол есть часть свободы, момент ее самореализации. Поскольку свобода явлена в границах необходимости, то и в аспекте ценностной ориентации произвол направлен на необходимое (необходимая ценность). Правда,

способ, каким он явлен, часто не является ценностью (Гартман, как и мы, считает, что здесь может иметь место и антиценность, например, насилие, убийство и пр.). Произвол есть проявление воли. Как ведет себя воля в отношении должного и ценности? «Должное означает будущее восполнение недостатка в чем-то, ценность — само это что-то, что должно быть осуществлено и тем самым восполнено» [11, с. 217]. Воля не детерминирована должным, поскольку автономна, однако компенсацией «недостатка» (ценности) занята, следовательно, связана с должным.

На основании сказанного Гартман устанавливает вторую антиномию свободы, о которой Кант, сформулировавший первую «антиномию свободы и необходимости», не упоминает. Согласно Канту, есть «свободная причинность» и нет свободы, «все совершается в мире только по законам природы» [6, с. 418–419]. Новую антиномию Гартман назвал «антиномией долженствования». Формулировка ее такова: «Воля детерминирована и не детерминирована должным».

С одной стороны, то обстоятельство, что воля не принуждена подчиняться должному и может свободно долженствование нарушить, понимается как ценность, т.е. как должное. С другой стороны, свобода произвола (по-видимому, независимо от способа ее проявления, поскольку уже упоминалось, что способы могут быть антиценностью) тоже ценность и она *должна* существовать. Более того, она есть неперемное условие возможности «доброй воли». Речь о том, что условия существования людей «создают» мораль (формы поведения). Одним из условий, по Гартману, является произвол и насилие («злая воля»), следовательно произвол и насилие могут быть условием для «доброй воли» человека (т.е. для гуманных способов проявления свободы).

Заканчивая анализ гартмановской этики, воспроизведем еще раз основную посылку АП в сфере этики: человек не может и не должен поступать по отношению к другим людям в форме (или способом), противоречащей(им) условиям его (и их) существования. Если для Канта человек не может поменять условия своего существования, поскольку «вещи-в-себе» вне границ его власти (у Гегеля господином условий является мировой дух), то в марксизме впервые в истории философии сам человек провозглашается творцом условий своего существования, что, конечно, близко и нашей позиции. Гартман предлагает следующий выход из антиномии: «Свобода

должна быть в двойном смысле: не только свобода в отношении природной закономерности (причинно-следственной связи и прочих онтологических детерминаций), но одновременно и свобода в отношении нравственных принципов и их требований долженствования... Воле нужно иметь свободное пространство в отношении именно тех принципов, касательно которых она определяется как нравственная воля» [11, с. 609]. Там же Гартман заключает: если воля не подчиняется принципу, то подчиняется естественному закону. При этом он упускает (или не замечает, полагая несущественным), что существует культура (искусственная природа и ее законы), от которой человек зависим (та самая «среда», которая, по выражению Ф.М. Достоевского, иногда «заедает».) тогда, когда он независим от принципов, императивов и норм, при том что сами люди создают условия своего существования (т.е. социальную среду).

Вывод следует с неизбежностью: там, где человек (общество) лишен (лишено) возможности создавать условия собственного существования, не может быть свободы, морали, ценностей и пр. Антиномии возникают, как правило, там и тогда в познавательном процессе, где и когда человек ограничен, его воля ограничена, отсутствует (или крайне недостаточен) момент творческого преобразования мира, создания условий существования человека. В АП этот момент акцентирован содержательно, а не только формально. Кстати, если для успешного преобразования мира и существования в нем необходимо такое условие, как существование бога в духовной сфере культуры, то такое условие с неизбежностью создается, и АП включает его в свое содержание.

Этические антиномии и проблема существования бога

Рассмотрим этические антиномии в аспекте проблемы доказательства бытия бога, которая актуальна до тех пор, пока актуальна этическая проблематика. Аргументы за или против существования бога предлагались мыслителями в разные эпохи (Августин, Ансельм, Аверроэс, Фома Аквинский, Декарт, Кант). Были также мыслители, сформулировавшие аргументы *против* существования бога (Д. Юм, Ф. Ницше, Б. Рассел). В современной философии и науке вопрос существования бога продолжает обсуждаться учеными (С. Хокинг, Р. Докинз и др.) и философами-теологами (У.Л. Крейг, Д.Х. Хик и др.). Религиозные мыслители объясняют неспособность ре-

шить вопрос существования бога (особенно, что касается эмпирических методов) тем, что речь идет о сверхъестественной реальности. В современной культуре возникают попытки дать эмпирическое и художественное определение такого рода реальности (формируется аналог — виртуальная реальность с нарушениями законов природы). Так, в фильме «Матрица» (1999) машины с искусственным интеллектом создали «вторую реальность», поработили людей, заменив их свободную волю симулякром, никак не влияющим на течение подлинной истории (подлинной реальности), причем определить, где подлинное, а где неподлинное бытие, наблюдателю изнутри невозможно, поскольку отсутствует критерий; это возвращает нас к проблематике Канта (Матрица есть «вещь-в-себе», человек под властью Матрицы не свободен, поскольку не может изменить, переформатировать условия своего существования). АП, по сути, призван быть таким критерием (аналог принципа наблюдаемости), однако для оперирования АП требуется теоретическая подготовка.

Еще Эпикур в IV в. до н.э. отмечал, что наличие зла противоречит существованию бога, который должен был бы быть всемогущим и всеблагим. Но зло все же существует, поэтому приходится признать существование бога при наличии в мире зла, — это следует из классической концепции *теодицеи* (Августин, схоласты). Само слово «теодицея» ввел Лейбниц, сформулировавший в ее рамках два «затруднения», касающиеся «отношения ко злу» бога и человека. Первое «возникает из человеческой свободы», которая «мыслится необходимой»; второе касается «действий Бога, которые, по видимости, слишком способствуют злу», что представлялось Лейбницу «противоположным благодати, святости и справедливости Бога» [12, с. 130]. Слово «теодицея» состоит из двух: «бог» (θεός) и «справедливость» (Δίκη); Дике в древнегреческой мифологии богиня правды, потому соединение двух элементов дает в итоге новое понятие — «богооправдание» (или «правда бога»). Средневековые схоласты в теодицее говорят о двух «правдах» — человека и бога, о том, как они часто не только не совпадают, но и противоположны.

Из-за сложности природы человека его представления о боге парадоксальны. По Марксу (и Фейербаху), бог — это сущность человека, которой придали сверхъестественные свойства, т.е. идея, существующая сама по себе. Отсюда — многие парадоксы существования бога. Из атри-

бутов всемогущества и всеблагости бога вытекают следующие логические противоречия: «может ли бог создать камень такой величины, чтобы сам не смог поднять его?», или «если бог всемогущ, то смог бы он породить существо, более влиятельное, чем он сам?», или «может ли бог сотворить нечто, в чем бы сам не смог разобраться?», или «если всякое деяние бога есть добро, то может ли это добро быть добром для всех без исключения, включая его самого?». Последнее предполагает, что для людей (или душ), обреченных на вечные муки, божественное наказание является бесспорным благом. Идея бога, с одной стороны, включает логическую интерпретацию самой Природы, сотворившей мир и человека, а с другой — интерпретацию Человека, создателя культуры (искусственной среды). Интерпретация единства естественного и искусственного всегда была антиномична, парадоксальна.

По сей день делаются попытки преодолеть парадоксальность бога. По убеждению американского философа и теолога Э. Плантинги, наивно полагать, что бог может совершить все что угодно. Он считает, что само понятие всемогущества требует уточнения, поскольку произвольная его трактовка приводит к парадоксам типа «парадокса камня». Потому на понятие всемогущества следует наложить следующие ограничения:

- 1) Бог не может сотворить все что угодно;
- 2) Бог не может сотворить логически невозможное;
- 3) Бог не может сотворить то, что станет логически невозможным, будучи сотворенным;
- 4) Бог не может сотворить то, что хотя и является логически возможным, но логически невозможно для Бога [13, р. 38].

Все перечисленные противоречия и парадоксы бога и теодицеи упираются в две главные и вечные проблемы человека и человечества: проблему смысла жизни и смерти и проблему свободы.

Очевидно, что проблему теодицеи надо решать в аспекте аксиологии. Социальная синергетика считает, что наравне с другими идеалами у людей есть идеалы религиозные (у христиан — христианские, у мусульман — мусульманские, у буддистов — буддистские и т.д.). Идеал — это желание людей видеть мир, общество, других людей, человеческие отношения и пр. отличающимися в лучшую сторону от имеющихся. Идеал эмоционально «заряжает» его приверженцев, заставляя их бороться за его торжество. Ни эмпирических, ни логических доказательств по про-

блеме теодицеи привести нельзя. Однако попытки всегда делались и будут делаться.

Если соотнести понятие бога-Творца и нашу Вселенную, то концептуально обнаружится нечто общее и важное, а именно возможность продуцирования неких правил или законов, на которых зиждется бытие сущего. Сюда можно отнести и трехмерность нашего пространства, и тонкую подстройку численных значений фундаментальных физических констант, и совпадение так называемых больших чисел, и согласованность энергии начального расширения Вселенной с ее гравитационной энергией (энергией ее сжатия), которая обеспечивает ее оптимальную структурную устойчивость [14, с. 37]. Все эти факты либо принимаются как данность — без объяснения, либо для их обоснования используется конечная причина, т.е. бог. Вышеуказанные явления с 70-х гг. XX в. стали объясняться физиками и философами как неотделимость структуры мира от структуры (жизнедеятельности) его обитателей, наблюдающих мир, — особых элементов, включенных в высшие уровни организации [15, р. 23].

Антропный принцип в космологии и трудности выбора модели

Определимся более подробно с космологическим содержанием АП. Известна полемика 2004 г. по АП физика-теоретика Ли Смолина (Институт теоретической физики, Ватерлоо, Канада) и одного из создателей теории струн Леонарда Сасскинда (Стэнфордский университет, США). Спор возник по поводу утверждения Смолина, что «антропный принцип не может дать никаких фальсифицируемых предсказаний, а поэтому не может быть частью науки» [16].

Кратко воспроизведем позиции оппонентов. Сторонник инфляционной теории (теории расширяющейся вселенной) Л. Сасскинд полагает, что большая часть ландшафта вселенных смертельна для жизни как таковой. Так почему же мы обнаруживаем себя скорее в одном классе вселенных, чем в другом? Расширение Вселенной привело к огромному количеству сконденсированных астрономических объектов. Законы гравитации, термодинамики, ядерной физики и пр. допускают широкий спектр возможных состояний — от холода межзвездного космоса до жары внутри звезд, с планетами, спутниками, астероидами между ними. Среди планет тоже существует огромное разнообразие. Итак, Вселенная заполнена этими различными состояниями, большинство из которых для нас смертельно. Но

Вселенная так велика, что статистически в ней вероятно существование одной или более населенных планет. Спрашивается, почему температура на нашей планете находится на середине температурной шкалы между замерзанием и кипением воды? Потому что мы здесь — и задаем эти вопросы. Другого объяснения нет. Такая температура имеет место потому, что жизнь требует жидкой воды. Эта логика здравого смысла иногда называется «антропным принципом» [см.: 7, с. 127–128].

Ли Смолин, сторонник теории воспроизводства вселенных внутри черных дыр, полагает, что позиция Сасскинда по АП не фальсифицируема, т.е. является ненаучной. Обратим внимание на то, что критерий Поппера служит лишь критерием отнесения теории к разряду научных, но не выступает критерием ее истинности или возможности ее успешного применения. Впрочем, уже ученик Поппера Лакатос противопоставил принципу фальсифицируемости новый — принцип программизма, согласно которому «гипотезу не только нельзя подтвердить опытным путем, но нельзя и опровергнуть... Теоретическая гипотеза... всегда будет только исследовательской программой» [17, с. 109]. Так, под нефальсифицируемостью Смолин понимает, что другие вселенные не могут никогда быть непосредственно наблюдаемыми, потому что они находятся за космическим горизонтом событий. Сасскинд ему возражает, говоря, что принцип фальсифицируемости отбрасывает немало важных и верных идей, а ложной теории дает обоснование: так, ламаркистская теория фальсифицируема, хотя это не означает, что она является научной. Возражение Сасскинда оставляет АП в рамках применимости хотя бы потому, что помогает выбрать то или иное направление научного поиска.

Как уже отмечалось, воспроизводство Вселенной, согласно Смолину, имеет место внутри черных дыр, т.е. внутри каждой черной дыры сингулярность является источником новой Вселенной, которая возникает из бесконечно плотной и горячей материи в процессе сжатия, последовательного отталкивания и расширения. Физические константы в отпрысках Вселенной практически те же, что и в родительской; без такого предположения естественный отбор не заработал бы. Смолин полагает, что эволюция ориентирована на оптимистический фактор. Это означает, что региональные вселенные будут преобладать в популяции и максимально производить черные дыры. Наша Вселенная имеет больше черных

дыр, чем любая другая возможная Вселенная. Отсюда следует, что законы и константы природы связаны с максимальным продуцированием черных дыр, а потому не нужны никакие антропные аргументы [см.: 7, с. 128–129]. По мнению Сасскинда, если бы в нашей Вселенной преобладали черные дыры, то вся материя всосалась бы в них и жизнь была бы невозможна. Мы живем в исключительно однородном мире, свободном от черных дыр. Отсутствие черных дыр и есть своего рода признак «антропной» селекции.

Заключение

История науки показывает, что для прорыва в той или иной области научных исследований необходим философский селектор. В.П. Бранский пишет: «Философские принципы играли роль не исходных посылок для получения дедуктивным путем каких-то следствий, а роль селекторов для отбора» [17, с. 206]. Роль такого селектора и выполняет АП, в частности, в космологии. Сильный АП в смысле принципа *соответствия* является только необходимым принципом выбора космологической модели Вселенной, но далеко не достаточным. Здесь требуется еще и принцип онтологического негеоцентризма [18, с. 123–182] как руководящее правило для отбора космологических моделей. Важно то, что АП работает не в одиночку, а в системе других фундаментальных принципов и категорий [7, с. 130].

Суть спора выдающихся физиков сводится к следующему: является ли АП барьером, ограждающим нас от выхода за пределы известных законов природы, или не является? Стоит только в теории выйти за сферу ее (теории) покрытия, за границы соответствующей ей предметной области, как возникают парадоксы (антиномии). АП, по мнению его сторонников, позиции которых защищают авторы данной статьи, призван «нащупывать» эти границы и не сталкиваться с антиномиями, или парадоксами (таковы, например, «расходимости в квантовой теории поля», указывающие на то, что теория вышла за границы применимости). На это, собственно, и указывает возражение Сасскинда. Роль АП очевидна — не только в области космологии, но и в других областях человеческого знания, в частности в этике, — служить своеобразным «поводырем», определяя границы той или иной предметной области, предостерегать исследователя от умножения сущностей и построения заведомо необоснованных гипотез.

Список литературы

1. *Картер Б.* Совпадения больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: теория и наблюдения: пер. с англ. А.Г. Полнарева, С.Ф. Шандарина / под ред. Я.Б. Зельдовича, И.Д. Новикова. М.: Мир, 1978. С. 369–379.
2. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.
3. *Касты Дж.* Большие системы. Связность, сложность и катастрофы: пер. с англ. А.А. Пионтковского / под ред. Ю.П. Гупало. М.: Мир, 1982. 216 с.
4. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева; вступит. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
5. *Бранский В.П.* Философский анализ понятия ценности // Синергетическая теория ценностей / под. ред. В.П. Бранского, С.Д. Пожарского. СПб.: ЛЕМА, 2012. С. 27–59.
6. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
7. *Бусов С.В., Зобова М.Р.* Антропный принцип в свете эволюционизма и синергетики. СПб.: ООО «АИК», 2016. 392 с.
8. *Jantsch E.* The Self-Organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. Oxford; New York; Toronto; Sydney; Paris; Frankfurt: Pergamon Press, 1980. 342 p.
9. *Эйген М., Шустер П.* Гиперцикл: принципы самоорганизации макромолекул. М.: Мир, 1982. 268 с.
10. *Гартман Н.* К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
11. *Гартман Н.* Этика / пер. с нем. А.Б. Глаголева; под ред. Ю.С. Медведева, Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 708 с.
12. *Лейбниц Г.В.* Попыты теодицеи о благодти Божией, свободе человека и начале зла // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. 554 с.
13. *Plantinga A.* The Nature of Necessity. Oxford: Clarendon Press, 1974. 256 p.
14. *Зобова М.Р.* Антропный принцип в структуре представлений об эволюции Вселенной и человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 3(15). С. 33–40.
15. *Barrow J.D., Tipler F.J.* The Anthropic Cosmological Principle. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1986. 706 p.
16. *Smolin L., Susskind L.* Smolin vs. Susskind: The Anthropic Principle. URL: <http://edge.org/conversation/smolin-vs-susskind-the-anthropic-principle> (accessed: 15.01.2015).
17. *Бранский В.П.* Философия физики XX века. Итоги и перспективы. СПб.: Политехника, 2002. 253 с.
18. *Бранский В.П.* Философское значение «проблемы наглядности» в современной физике. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 192 с.

Получено 18.01.2017

References

1. *Carter B.* *Sovpadeniya bol'shikh chisel i antropologicheskiy printsip v kosmologii* [The Large Number of Coincidences and the Anthropological Principle in Cosmology]. *Kosmologiya: teoriya i nablyudeniya* [Cosmology: Theory and Observations]. Moscow, Mir Publ., 1978, pp. 369–379. (In English).
2. *Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P.* *Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiya, tempomiry* [The Basics of Synergy. The Regimes with Sharpening, Self-Organization, Tempo-Worlds]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2002. 414 p. (In Russian).
3. *Casti J.* *Bol'shie sistemy. Svyaznost', slozhnost' i katastrofy* [The Large systems. The Connectedness, Complexity and Disaster]. Moscow, Mir Publ., 1982, 216 p. (In Russian).
4. *Frankl V.* *Chelovek v poiskah smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow, Progress Publ., 1990, 368 p. (In Russian).
5. *Branskiy V. P.* *Filosofskiy analiz ponyatiya tsennosti* [The Philosophical Analysis of Value's Conception]. *Filosofskiy analiz ponyatiya tsennosti* [Synergetic theory of value]. St. Petersburg, LEMA Publ., 2012, pp. 27–59. (In Russian).
6. *Kant I.* *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols.] Moscow, Mysl' Publ., 1964, vol. 3, 799 p. (In Russian).
7. *Busov S.V., Zobova M.R.* *Antropnyi printsip v svete evolyutsionizma i sinergetiki* [The Anthropic Principle in the Light of Evolutionism and Synergy]. St. Petersburg: «AIC» Ltd. Publ., 2016, 392 p. (In Russian).
8. *Jantsch E.* *The Self-Organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution.* Oxford; New York; Toronto; Sydney; Paris; Frankfurt: Pergamon Press, 1980, 342 p. (In English).
9. *Eigen M., Schuster P.* *Hyperzyklus: Prinzipien der Selbstorganisation von Makromolekülen* [Hypercycle: the Principles of Self-Organization of Macromolecules]. Moscow, Mir Publ., 1982, 268 p. (In Russian).

10. Hartmann N. *K osnovopolozheniyu ontologii* [By Fundamental Principle of Ontology]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, 640 p. (In Russian).
11. Hartmann N. *Etika* [Ethics]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2002, 708 p. (In Russian).
12. Leibniz G.W. *Opyty teodetsii o blagosti Bozhiey, svobode cheloveka i nachale zla* [The Experiments of Theodicy on the Goodness of God, Human Freedom and the Beginning of Evil] *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 4, 554 p. (In Russian).
13. Plantinga A. *The Nature of Necessity*. Oxford: Clarendon Press, 1974, 256 p. (In English).
14. Zobova M.R. *Antropnyi printsip v structure predstavleniy ob evolyutsii Vselennoy i cheloveka* [The Anthropic Principle in the Structure of the Presentations about the Evolution of the Universe and the Human Being]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2013, iss. 3(15), pp. 33–40. (In Russian).
15. Barrow J.D., Tipler F.J. *The Anthropic Cosmological Principle*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1986, 706 p. (In English).
16. Smolin L., Susskind L. *Smolin vs. Susskind: The Anthropic Principle*. Available at: <http://edge.org/conversation/smolin-vs-susskind-the-anthropic-principle> (accessed 15.01.2015). (In English).
17. Branskiy V.P. *Filosofiya fiziki XX veka. Itogi i perspektivy* [Physics Philosophy of the 20th Century. Results and Prospects]. St. Petersburg, Politekhnik Publ., 2002, 253 p. (In Russian).
18. Branskiy V.P. *Filosofskoe znachenie «problemy naglyadnosti» v sovremennoy fizike* [The Philosophical Meaning of «Visibility Problem» in Modern Physics]. Moscow, Book House «LIBROKOM» Publ., 2010, 192 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 18.01.2017

Об авторах

Бусов Сергей Васильевич

кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, 197101, Санкт-Петербург, пр. Кронверкский, 49; e-mail: swbusoff@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6710-2042

Зобова Мария Романовна

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, 193232, Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22/1; e-mail: mrzobova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9759-986X

About the authors

Busov Sergey Vasil'evich

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities

Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, 49, Kronversky av., Saint-Petersburg, 197101, Russia; e-mail: swbusoff@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6710-2042

Zobova Maria Romanovna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social and Political Sciences

Saint-Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M.A. Bonch-Bruyevich, 22/1, Bolshevikov av., Saint-Petersburg, 193232, Russia; e-mail: mrzobova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9759-986X

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бусов С.В., Зобова М.Р. Антропный принцип и проблема антиномий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 318–327. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-318-327

Please cite this article in English as:

Busov S.V., Zobova M.R. The anthropic principle and the problem of antinomy // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 318–327. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-318-327

УДК 008:[111.1 + 165]

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-328-334

ГЛОБАЛЬНЫЕ КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ РИСКИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО ЗАКОНОМЕРНОГО МИРОВОГО ПРОЦЕССА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Внутских Александр Юрьевич

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

Статья посвящена сопоставлению онтологических и эпистемологических принципов концепции глобальных катастрофических рисков и концепции единого закономерного мирового процесса. Показано, что концепция глобальных катастрофических рисков является важной современной трансдисциплинарной концепцией, имеющей существенное влияние как в экспертном сообществе, так и в массовом сознании. Реконструированы три онтологических и три гносеологических принципа данной концепции. Онтологические принципы сфокусированы на идее случайного и непредсказуемого характера любых процессов в мире, в том числе процессов, приводящих к глобальным катастрофам, в силу равновероятности этих процессов и «равноправия» всех возможностей. Эпистемологические принципы сфокусированы на идее автономности субъективной стороны познания и его ограниченности вследствие конечности сферы человеческого опыта, проистекающей из когнитивных искажений и эффектов наблюдательной селекции. Однако с учетом содержания системы фактов современных частных наук, а также с позиций концепции единого закономерного мирового процесса философские (в первую очередь онтологические) принципы концепции глобальных катастрофических рисков выглядят недостаточно обоснованными. Показано, что идея иерархии возможностей и феномен «квантовой запутанности» в свете концепции единого закономерного мирового процесса позволяет совместить представления о закономерном в целом характере развития (интегральном прогрессе) с представлениями о случайных процессах (включая случайности глобальных катастроф). Кроме того, идея связи бесконечного и конечного в человеческом опыте на фоне онтологии «связанного», а не хаотичного мира позволяет говорить о репрезентативном характере нашего опыта в отношении мира в целом.

Ключевые слова: глобальные катастрофы, единый закономерный мировой процесс, когнитивные искажения, эффект наблюдательной селекции.

GLOBAL CATASTROPHIC RISKS IN THE LIGHT OF UNIFIED OBJECTIVELY DETERMINED UNIVERSAL PROCESS CONCEPT. PART 1

Alexander Yu. Vnutskikh

*Perm State University,
Perm National Research Polytechnical University*

The article deals with the comparison of ontological and epistemological principles of the global catastrophic risks concept and the concept of unified objectively determined universal process. The author suggests that the concept of global catastrophic risks is an important contemporary trans-disciplinary concept, which has a significant influence both in the expert community and in the mass consciousness. Three ontological and three epistemological principles of the concept have been reconstructed in the article. Ontological principles are focused on the idea of casual and unpredictable character of any processes in the world, including processes leading to global catastrophes. It follows from equal probability of these processes and the «equality» of all possibilities. Epistemological principles are focused on the idea of autonomy of the subjective side in cognition and its limitations. These limitations are interpreted as results of finiteness of the human experience's sphere, due to cognitive biases and observation selection effects. However, the system of sciences and humanities

facts, which can be interpreted in the light of the concept of unified objectively determined universal process, evidences that the philosophical principles (first of all, ontological ones) of the concept of global catastrophic risks are insufficiently substantiated. The author believes, that the idea of a hierarchy of possibilities and «quantum entanglement's» phenomenon in the light of the concept unified objectively determined universal process suffer to combine the idea of determined integral progress with the idea of casual processes (including the chances of global catastrophes). Also, the link between the world's infinity and human experience's sphere in the light of the un-chaotic world's concept allows to speak about the representative character of our experience with respect to the world as a whole.

Keywords: global catastrophic risks, unified objectively determined universal process, cognitive biases, observation selection effects.

Введение

«Развитие... скачкообразное, катастрофическое, революционное; — “перерывы постепенности”; превращение количества в качество... взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления... связь, дающая единый закономерный мировой процесс...» [1, с. 56]. Таким образом в начале XX в. Ленин характеризовал *единый закономерный мировой процесс* (ЕЗМП) — концепт, ставший ключевым для современной формы диалектики и материализма [2, с. 66–92]. В конце XX в. в свете крушения социалистической системы идея «перерывов постепенности» стала менее популярной в общественных науках, особенно на постсоветском пространстве. Однако она никогда не оставляла их полностью, а спустя десятилетие после крушения СССР даже Ф. Фукуяма констатировал факт «возобновления» истории со всеми ее неожиданностями и опасностями, начав исследовать возможность постчеловеческого будущего вследствие биотехнологической революции [3]. Если же говорить о настоящем времени и ближайшем будущем, то многие современные исследователи сходятся на мысли, что человечество существует и будет вынуждено существовать в зоне серьезных рисков, чреватых катастрофическими событиями — хотя бы в смысле влиятельной концепции «общества риска» немецкого социолога У. Бека, всерьез опасавшегося, что чрезвычайное положение может стать *нормой* для социума XXI в. [4].

В свою очередь, в естествознании, в частности, в космологии, химии и биологии, большое значение скачкообразных, катастрофических событий в эволюционном процессе на протяжении XX в. признавалось многими авторитетными учеными. Вспомним, например, о таких ключевых естественно-научных концепциях, как концепция «Большого взрыва» Г. Гамова, «хиральной катастрофы» Л.Л. Морозова, «прерывистого равновесия» в эволюционной биологии С. Гулда и

Н. Элдриджа. В обобщающей общенаучной концепции самоорганизации — глобальном эволюционизме Э. Янча и Н.Н. Моисеева — значение таких «перерывов постепенности», как нелинейные этапы и точки бифуркации, для процесса развития считается во многом определяющим, хотя, возможно, и с некоторым ущербом для понимания закономерного характера этой эволюции в целом.

Важнейшей тенденцией современной науки является трансдисциплинарный характер ее исследований. И во второй половине XX — начале XXI в. усилиями естествоиспытателей, философов, экономистов, специалистов по страховому делу, социологов, политологов, специалистов в области международных отношений, социальных психологов, медиков, специалистов в области технических наук начинает развиваться еще один подход, основанный на идее «перерыва постепенности» эволюционного процесса, — концепция *глобальных катастрофических рисков (ГКР)*. Формирование данной концепции имеет длительную предысторию. Упомянем, например, эсхатологические мифы, характерные для многих народов мира, и эсхатологические концепции авраамических религий; философские учения об экпирозе Гераклита и о разрушении целых миров у Демокрита; идеи Г. Уэллса, исключившего в своей лекции в Королевском институте в Лондоне строгое доказательство невозможности глобальных катастроф, способных уничтожить человечество (1903); замечательную книгу биохимика и фантаста А. Азимова «Выбор катастроф», в которой он одним из первых классифицировал возможные катастрофические события в зависимости от их масштаба и последствий для человечества, выделив пять видов (1979); работы американских и советских ученых, посвященные анализу климатических последствий крупномасштабного ядерного конфликта (1983).

В настоящее время концепция ГКР находит отклик не только в массовом сознании эпохи

«позднего капитализма», отражающем кризисное состояние общества в формах массовой культуры, наполненной апокалиптическими и постапокалиптическими элементами. Она имеет немало авторитетных, политически и экономически влиятельных сторонников по всему миру и институционализована в качестве научного направления. В частности, в Оксфордском университете (Великобритания) во взаимодействии с Oxford Martin School работает Институт будущего человечества (Future of Humanity Institute) [5]. Эксперты Всемирного экономического форума в Давосе ежегодно готовят доклад Global Risks Report [6]. В России известным пропагандистом идей концепции ГКР является А.В. Турчин — эксперт Российского трансгуманистического движения по глобальным катастрофам [7]. В целом можно констатировать, что исследование глобальных катастроф является достаточно значимым для современной мировой науки: поиск источников, для которых словосочетание «глобальные катастрофы» является ключевым, в российской научной электронной библиотеке (НЭБ) дал 695 результатов, а в международной системе CrossRef — 573877 результатов.

Актуальность нашего исследования концепции ГКР определяется тем обстоятельством, что, насколько нам известно, ее философские основания до сих пор не подвергались специальному анализу в сопоставлении с принципами концепции ЕЗМП. С ее позиций проблему нашего исследования можно сформулировать так: совместимы ли — и если да, то каким конкретно образом — представления о закономерном, «связанном» характере мирового процесса, с одной стороны, и представления о «перерывах постепенности», о рисках глобальных катастроф, способных разрушить плоды интегрального прогресса в виде жизни и человека — с другой?

Есть к этому трансдисциплинарному подходу вопросы и с позиций эпистемологии, философии и методологии науки. Действительно, если глобальные катастрофы являются «разрывами» эволюционного процесса, «перерывами постепенности» в строгом смысле, то они не могут быть предсказаны на основе познанных объективных закономерностей; однако в этом случае нельзя исключать, что данный подход вообще выходит за пределы науки. Например, по мнению И. Лакатоса, теория настолько адекватно объясняет известные факты, насколько успешно она способна предсказывать еще неизвестные, т.е.

насколько она фальсифицируема в принципе [8]. В эпистемологическом ключе проблему можно сформулировать так: насколько адекватно человек может судить о ГКР в силу антропной специфики его знаний о мире? Ведь очевидно, что мы можем знать лишь то, что в принципе способно знать человеческое существо, опирающееся на обусловленный социальными и природными обстоятельствами опыт.

В соответствии с определенными проблемами основной целью исследования является научно-философский анализ принципов и предпосылок появления концепции ГКР. В качестве основных задач данной работы назовем следующие:

- определить, из каких онтологических и эпистемологических принципов исходят современные исследователи ГКР;

- обнаружить или исключить совместимость онтологических и эпистемологических принципов концепций ЕЗМП и ГКР.

Именно они формируют структуру нашего исследования. В его первой части, помимо обсуждения актуальности, постановки проблем, характеристики цели и задач работы, приводятся определение и классификация ГКР, реконструируются онтологические и гносеологические принципы соответствующей концепции. Во второй части исследования эти принципы обсуждаются в сопоставлении с принципами концепции ЕЗМП.

Определение и классификация ГКР

Лидеры современных исследований ГКР Ник Бостром и Милан Чиркович определили феномен ГКР следующим образом: это «риск, который мог бы потенциально причинить серьезный урон человеческому благополучию в глобальном масштабе», включая подмножество экзистенциальных рисков («угроз существованию» — existential risks), связанных с возможным вымиранием человечества или необратимым ограничением его потенциала [9, р. 1, 3]. Опираясь на это определение ГКР, дадим соответствующую классификацию возможных глобальных катастроф, включающую: 1) риски, исходящие от природы (например, вспышки сверхновых, всплески гамма-излучения, мощные солнечные вспышки, риск столкновения Земли с крупным астероидом или кометой, земной супервулканизм); 2) риски, исходящие от непреднамеренных последствий человеческой деятельности (например, глобальные климатические изменения, пандемии, искусственный интеллект, вышедший из под контроля, социально-экономическая ката-

строфа); 3) риски, исходящие от враждебных действий (например, ядерная война, ядерный и био-терроризм, боевые нанотехнологии).

Разумеется, риски, относящиеся к этим трем группам, связаны друг с другом. Как отмечают Н. Бостром и М. Чиркович, такая антропогенная опасность, как конфликт с применением ядерного оружия, тесно связана с неконтролируемыми силами природы, поскольку многие разрушительные следствия такого конфликта будут опосредованы климатическими изменениями [9, р. 7]. И, наоборот, как отмечает Р. Хансон, все обсуждаемые виды катастроф (в том числе природные по происхождению) опасны не только своими непосредственными следствиями, но и тем, что могут привести к непропорционально масштабному, в отношении к сравнительно небольшому воздействию, коллапсу сложных, глубоко дифференцированных и потому высокоуязвимых экономической и социальной систем современного общества [10].

Следовательно, связь рисков как таковых в концепции ГКР учитывается. Однако этого нельзя сказать относительно понимания сторонниками концепции ГКР связи обнаруживаемых при диалектическом подходе противоположностей, а также относительно связи прошлого и будущего, т.е. относительно процесса развития в целом. Противоположные стороны реальности, в представлении сторонников концепции ГКР, оказываются изолированными, а процессы изменений этой реальности — фрагментированными, хаотичными и потому непредсказуемыми. Постараемся обосновать эту точку зрения, реконструируя онтологические и гносеологические принципы сторонников концепции ГКР.

Онтологические принципы концепции ГКР

1. *Принцип несвязанности прошлого и будущего, приводящей к неопределенному и непредсказуемому характеру развития.* Специфика глобальных катастроф, по мнению сторонников концепции ГКР, состоит именно в том, что они во всех смыслах беспрецедентны. Н. Бостром пишет, что «...наш прошлый успех не дает никаких оснований ожидать успеха в будущем» и «хотя легко думать об эволюции как о жизни, происходящей от простых к более сложным формам, мы не должны некритически предполагать, что это всегда так... здесь, на Земле, простые репликаторы развились в человеческие существа (среди прочего), но по причине эффекта селективности наблюдения информационная ценность этого од-

ного свидетельства очень ограничена» [11]. Прошлое могло бы быть совершенно иным; оно нерепрезентативно относительно многих явлений будущего: «ошибочно веря, что прошлое предсказуемо, люди пришли к выводу, что будущее тоже предсказуемо... Люди удивляются катастрофам, которых они не ожидали, которые лежат за пределами известных им исторически вероятных распределений», отмечает в этой связи Е. Юджовски [12, р. 94].

2. *Принцип «равноправия» возможностей («в равной степени возможно все») и абсолютизации случайности, определяющих характер процессов в наблюдаемой Вселенной.* Н. Бостром в этой связи отмечал, что «в любой момент мы можем быть сброшены в мусорный ящик космической истории расширяющимся фронтом вакуумного перехода, запущенного в далекой галактике миллиард лет назад» [11].

3. *Принцип конечности человека и ограниченности прогрессивного развития материи в наблюдаемой Вселенной.* Н. Бостром и М. Чиркович, вслед за астрофизиком Ф. Адамсом, подчеркивают, что «не только технологически трудно, но и физически невозможно для разумного информационного процесса продолжаться за пределами некоторого конечного времени в будущем. Если так, то исчезновение (человечества. — А.В.) — это только вопрос времени» [9, р. 8]. Действительно, согласно расчетам возрастающая светимость Солнца приведет к гибели сложных форм жизни на Земле уже через 0,9–1,5 млрд лет. И полностью «стерилизует» планету через 3,5 млрд лет [13, р. 34]. Правда, авторы оговариваются о возможности более долговременного существования разумной жизни за счет колонизации космического пространства [9, р. 8]. Однако и в этом случае, по их мнению, «разумный информационный процесс» обречен в силу predetermined деградации сложных форм материи в расширяющейся Вселенной [13, pp. 41–45].

Эпистемологические принципы концепции ГКР

1. *Принцип разделения субъективных и объективных рисков с выделением первых как основы для принятия решений.* Н. Бостром приводит в этой связи такой пример: «Первой созданной человеком экзистенциальной угрозой была... атомная бомба. В то время существовало... беспокойство, что взрыв запустит цепную реакцию посредством “поджигания” атмосферы. Хотя теперь

мы знаем, что такой итог был физически невозможен, в то время это предположение соответствовало определению экзистенциальной угрозы. Чтобы нечто было риском, исходя из доступных знания и понимания, достаточно, чтобы была субъективная вероятность неблагоприятного исхода, даже если потом выясняется, что объективно не было ни одного шанса на то, чтобы случилось нечто плохое. Если мы не знаем, является ли что-то объективно рискованным, это является риском в субъективном смысле. Этот субъективный смысл является, конечно, тем, на чем мы должны основывать наши решения. В любой момент мы должны использовать нашу наилучшую субъективную оценку того, каковы объективные факторы риска» [11].

2. *Когнитивные искажения, характерные для человеческого познания и мышления, препятствуют адекватной оценке ГКР.* Е. Юдковски, подытоживая свой обзор различных видов когнитивных искажений, говорит о них следующее: «люди могут быть сверхуверены и сверхоптимистичны. Они могут быть сосредоточены на каких-то одних сценариях будущего, исключая при этом все остальные. Они могут не помнить ни одного случая всеобщего истребления. Они могут переоценивать предсказуемость прошлого и за счет этого недооценивать сюрпризы будущего. Они могут не осознавать важность подготовки к чрезвычайным ситуациям без преимуществ знания задним числом... Они могут уравнивать позитивную информацию о преимуществах некой технологии с негативной информацией о ее риске. Они могут быть отравлены фильмами, в которых мир, в конце концов, обязательно бывает спасен... Или же чрезвычайно неприятная перспектива человеческого вымирания может побудить их искать доводы в пользу того, что человечество не вымрет, без столь же интенсивного поиска причин, по которым это может произойти» [12, pp. 110–111].

3. *Эффекты наблюдательной селекции деформируют представления о месте человека в мире и препятствуют адекватной оценке ГКР.* М. Чиркович, А. Сандберг и Н. Бостром отмечают: «катастрофы, превышающие некий порог тяжести последствий, уничтожают всех наблюдателей и все экологические условия для повторного возникновения наблюдателей и, таким образом, ненаблюдаемы... Это означает, что исторические записи содержат только часть событий, лежащих внутри “границ антропной совместимости”... и не отображают все пространство событий. Часть

пространства параметров вовне этих границ, лежит в так называемой *антропной тени*: скрытый эффект наблюдательной селекции не позволяет нам распознавать величину близких нам экстремальных угроз (по временным и эволюционным причинам). Эта тень является источником ошибки, которая должна быть скорректирована, когда мы стремимся вывести объективное распределение шансов на основании эмпирического распределения прошлых событий» [14, p. 1500].

В качестве промежуточных выводов по первой части исследования отметим, что в онтологических и эпистемологических принципах концепции ГКР есть, по-видимому, существенное рациональное зерно, поскольку она основывается на важных фактах современной науки и на принципах критического мышления. Можно предположить, что в этой части она, по крайней мере отчасти, совместима с концепцией ЕЗМП. Вместе с тем представление о глобальных катастрофах, как и обосновывающая их *система* научных фактов, нуждаются в адекватной интерпретации в свете устойчивого интегрального прогресса, который в науке отражается, например, в форме таких обобщений, как антропный космологический принцип по Б. Картеру (особенно в его «сильной» формулировке), принцип биохимического предопределения по Д. Кеньону, биологические концепции «неограниченного прогресса» и мегаарогенеза по Дж. Хаксли и К.М. Завадскому, концепции «ограничения формообразования» и эволюционной дитропики по Ю.В. Чайковскому. Такого системного видения единичных фактов, как и приводящих к этим фактам единичных возможностей, в концепции ГКР не обнаруживается в силу позитивистского характера методологии ее сторонников.

(Окончание в следующем номере)

Список литературы

1. Ленин В.И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 26. С. 43–93.
2. Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. Ч. 3. 184 с.
3. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ: ЛЮКС, 2004. 349 с.
4. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 383 с.
5. Future of Humanity Institute. URL: <http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/about/> (accessed: 31.07.2017).

6. *Global Risks Report*. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2017> (accessed: 31.07.2017).
7. Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы: риски вымирания человечества в XXI веке. М.: URSS: ЛКИ, 2011. 431 с.
8. Lakatos I. Falsification and Methodology of Scientific Research Programmes // *The methodology of Scientific Research Programmes*. N.Y.: Cambridge University Press, 1989. P. 8–101. DOI: 10.1017/cbo9780511621123.003.
9. Bostrom N., Čirković M. Introduction // *Global Catastrophic Risks*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 1–29. DOI: 10.3726/978-3-653-00719-0/3.
10. Hanson R. Catastrophe, Social collapse, and human extinction // *Global Catastrophic Risks*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 363–378.
11. Bostrom N. Existential Risks. Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards // *Journal of Evolution and Technology*. 2002. Vol. 9, № 1. URL: <http://jetpress.org/contents.htm> (accessed: 30.07.2017.)
12. Yudkowsky E. Cognitive biases potentially affecting judgment of global risks // *Global Catastrophic Risks*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 91–119.
13. Adams F. Long-term astrophysical processes // *Global Catastrophic Risks*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 33–47.
14. Čirković M., Sandberg A., Bostrom N. Antropic shadow: observation selection effects and human extinction risks // *Risk Analysis*. 2010. Vol. 30, № 10. P. 1495–1506. DOI: 10.1111/j.1539-6924.2010.01460.x.
5. Future of Humanity Institute. Available at: <http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/about/> (accessed 31.07.2017). (In English).
6. *Global Risks Report*. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2017> (accessed 31.07.2017). (In English).
7. Turchin A.V. *Struktura global'noy katastrofy: riski vymiraniya chelovechestva v XXI veke* [The structure of the global catastrophe. Risks of human extinction in the XXI century]. Moscow, URSS Publ., LKI Publ., 2011, 431 p. (In Russian).
8. Lakatos I. Falsification and Methodology of Scientific Research Programmes. *The methodology of Scientific Research Programmes*. N.Y., Cambridge University Press, 1989, pp. 8–101. DOI: 10.1017/cbo9780511621123.003. (In English).
9. Bostrom N., Čirković M. Introduction. *Global Catastrophic Risks*. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 1–29. DOI: 10.3726/978-3-653-00719-0/3. (In English).
10. Hanson R. Catastrophe, Social collapse, and human extinction. *Global Catastrophic Risks*. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 363–378. (In English).
11. Bostrom N. Existential Risks. Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards. *Journal of Evolution and Technology*. 2002, vol. 9, no. 1. Available at: <http://jetpress.org/contents.htm> (accessed 30.07.2017). (In English).
12. Yudkowsky E. Cognitive biases potentially affecting judgment of global risks. *Global Catastrophic Risks*. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 91–119. (In English).
13. Adams F. Long-term astrophysical processes. *Global Catastrophic Risks*. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 33–47. (In English).
14. Čirković M, Sandberg A., Bostrom N. Antropic shadow: observation selection effects and human extinction risks. *Risk Analysis*. 2010, vol. 30, no. 10, pp. 1495–1506. DOI: 10.1111/j.1539-6924.2010.01460.x. (In English).

Получено 01.08.2017

References

1. Lenin V.I. *Karl Marks (Kratkiy biograficheskiy ocherk s izlozheniem marksizma)* [Karl Marx (A Brief Biographical Sketch With an Exposition of Marxism)]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1969, vol. 26, pp. 43–93. (In Russian).
2. Orlov V.V. *Istoriya chelovecheskogo intellekta* [The history of human intellect]. Perm, Perm State University Publ., 1999, part 3, 184 p. (In Russian).
3. Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution]. Moscow, AST Publ., 2004, 349 p. (In Russian).
4. Beck U. *Obschestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Moderni-

The date of the manuscript receipt 01.08.2017

Об авторе

Внутских Александр Юрьевич
доктор философских наук, доцент

профессор кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

профессор кафедры философии и права,
Пермский национальный исследовательский поли-
технический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;

e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-4162-1033

About the author

Vnutskih Alexander Yur'evich
Doctor of Philosophy, Docent

Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;

Professor of the Department of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;

e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-4162-1033

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса. Часть первая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 328–334. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-328-334

Please cite this article in English as:

Vnutskih A.Yu. Global catastrophic risks in the light of unified objectively determined universal process concept. Part 1 // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 328–334.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-328-334

УДК 114:530.145

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-335-340

СКРЫТЫЙ СМЫСЛ НЕРАВЕНСТВ ГЕЙЗЕНБЕРГА И ЧАСТОТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВОЛНОВОЙ ФУНКЦИИ

Годарев-Лозовский Максим Григорьевич

Санкт-Петербургское отделение Российского философского общества

Предложена система научно-философских положений, в которой исходным принципом является конкретизированный принцип различения: всякий материальный объект тождественен самому себе в пространстве и идентичен во времени. Показано, что из предложенного принципа следует интерпретация неравенств Гейзенберга в пользу элементарного (далее неделимого) атемпорального перемещения квантового микрообъекта. Скрытый индетерминистический смысл неравенств Гейзенберга заключается, по нашему мнению, в отсутствии непосредственной связи между динамикой координат и импульсом частицы. Элементарное изменение импульса квантовой частицы «запаздывает» за элементарным изменением ее координат. Констатируется, что тождественность микрочастицы самой себе возможна только в случае бесконечно малого промежутка времени посещения ею вероятной точки ее обнаружения в пространстве. При этом волновая функция частицы трактуется как относительная частота посещения микрообъектом присущих ему координат в реальном плоском пространстве. Обосновано также положение, что волновые функции отдельных частиц могут быть тождественными, а сами частицы — неразличимыми. В концептуальном контексте произведен самый общий философский анализ физического релятивизма, его соотносительности с предлагаемым подходом и сделан вывод о несостоятельности утверждений о фундаментальном характере теории относительности.

Ключевые слова: бесконечность, атемпоральность, бестраекторность, реальное пространство, перемещение, квантовая механика.

THE HIDDEN MEANING OF HEISENBERG INEQUALITIES AND FREQUENCY INTERPRETATION OF WAVE FUNCTION

Maxim G. Godarev-Lozovsky

Saint-Petersburg branch of the Russian Philosophical Society

The article suggests a system of scientific-philosophical provisions, in which the initial principle is the concretized principle of distinction: every material object is equal to itself in space and identical in time. It has been shown that the suggested principle implies the interpretation of Heisenberg's inequality in favor of elemental (hereinafter indivisible) atemporal displacement of a quantum micro object. The hidden nondeterministic meaning of Heisenberg inequalities is, in our view, the idea that there is no direct connection between the dynamics of coordinates and momentum of a particle. Elementary change of quantum particle momentum «lags» for elementary change of its coordinates. It is stated that the identity of a microparticle to itself is possible only in case of its infinitely short visit to the probable point of its detection in space. In this case the wave function of a particle is treated as a relative frequency of visits of the micro-object to its inherent coordinates in real flat space. The author of the article establishes a point that the wave functions of individual particles may be identical and the particles themselves — indistinguishable. In a conceptual context the article gives the most general philosophical analysis of physical relativism, and its relation with the proposed approach and the conclusion is made of the groundlessness of claims about the fundamental nature of the theory of relativity.

Keywords: infinity, atemporality, lack of trajectory, real space, movement, quantum mechanics.

Время и частотная интерпретация волновой функции

Научно-философской общественности хорошо известен **принцип различения**: *существует только то, что имеет различие* [1, с. 80–82]. Конкретизируем этот принцип по отношению к реальному плоскому пространству и времени: *всякий материальный объект тождественен самому себе в пространстве и идентичен во времени*. (При этом под тождественностью предлагается понимать полное совпадение свойств одного и того же объекта, а под идентичностью — отношение тождества к самому себе в ситуации постоянной изменчивости.) Вряд ли можно представить факты или логические аргументы, которые бы противоречили обозначенному исходному принципу.

Из принципа различения следуют **три основных вывода**: 1) существуют атемпоральная и темпоральная реальности; 2) относительная тождественность материального объекта самому себе реализуется в промежутке времени, который стремится к нулю; 3) две одинаковых частицы никогда не становятся тождественными друг другу. Рассмотрим каждый из выводов более детально.

Предложенный нами ранее **принцип атемпоральности**: *некоторые параметры квантового микрообъекта, в т.ч. координаты, изменяются атемпорально* — вполне отвечает наличию вневременной реальности. Обозначенный принцип обоснован как эмпирически (квантовая нелокальность), так и теоретически — теорией физического пространства и движения. Эта научно-философская теория вневременного перемещения — телепортации — частицы разрешает многовековые апории Зенона, связанные с невозможностью движения через бесконечную последовательность отрезков пути. Действительно, имеющий координаты микрообъект неподвижен, а движение представляет собой последовательность его состояний покоя [2, с. 94–102]. В науке понятие *классической* скорости *квантовой* частицы утратило всякий физический смысл, поскольку у частицы нет траектории, а понятие вектора скорости в определении ее импульса отсутствует. «В квантовой механике не существует понятия скорости частицы в классическом смысле, т.е. как предела, к которому стремится разность координат в два момента времени, деленная на интервал Δt между этими моментами» [3, с. 17]. Одной из величин, измерение которой произвольно повторяемо по желанию экспериментатора, являются координаты микрообъекта. Но в следующий бесконечно близкий момент времени они становятся

неопределенными, что, по-видимому, объясняется безграничным разнообразием самих граничных условий. Есть все основания полагать, что квантовый туннельный эффект является частным случаем элементарного атемпорального перемещения частицы. Аналогичные этому эффекту модели движения предлагались в разное время физиками Я. Френкелем (регенерация частиц [4]), В. Шульгой (поле-массовые превращения частиц [5]), Ю. Петровым (мерцающие частицы [6, с. 243–247]), М. Файзалом (частицы как «кинокадры» [7]), В. Янчиным (дискретное движение [8, с. 100–117]) и др. Атемпоральность проявляет себя также в синхронной динамике состояний функционально связанных квантовых систем в том числе в известных экспериментах А. Аспека.

На основании всего вышеизложенного сформулируем исходный тезис **философской интерпретации неравенств Гейзенберга**: неравенства Гейзенберга показывают, что физический смысл сохраняет понятие «координаты» и утрачивают понятия «траектория» и «скорость» квантовой микрочастицы. Обозначенный тезис логически непротиворечив, ибо если объект X находится в одном из A и B, то он не находится в другом, находясь одновременно, но последовательно в разных местах.

В свою очередь, обозначим положение, отвечающее относительной тождественности квантовой частицы самой себе во времени, как **принцип микротемпоральности**: квантовая частица имеет актуальные значения координат и импульса практически бесконечно малые промежутки времени. Смысл обозначенного принципа в том, что время однократного посещения частицей определенных координат, где вероятно ее обнаружение, является практически бесконечно малой величиной (т.е. $\Delta t < 10^{-44}$ сек). Это относится и к актуальным значениям импульса частицы, продолжительность которых также практически бесконечно мала. Сегодня нельзя предсказать даже гипотетическую возможность теоретического или практического обнаружения когда-либо в будущем порядка этой величины.

Принцип темпоральности исходит из конкретизированного принципа различения и приводит к **частотной интерпретации волновой функции**: привлекая вспомогательное математическое пространство, волновая функция описывает относительную частоту посещения реальной частицей в данный момент времени различных точек реального пространства. В. Янчин допустил, что эта частота для каждой конкретной точки облака, где ве-

роятно обнаружение частицы, пропорциональна $|\Psi|^2$ — квадрату модуля волновой функции. При этом известно, что квантовая нелокальность предполагает нахождение реальной частицы в разных местах одновременно. Но каким образом, например, в состоянии суперпозиции микрообъект может одновременно находиться во множестве различных точек пространства? В. Янчилин также показал, что между точками сколь угодно малого отрезка времени и несмежными друг с другом точками любого объема пространства возможно взаимное однозначное отображение, таким образом, микрообъект **одновременно**, последовательно и многократно посещает **сразу все** координаты, где вероятно его обнаружение. Причем одни точки частица посещает реже, другие — чаще, а третьи — с одинаковой частотой [8, с. 100–117]. Представляется, что общепринятая статистическая интерпретация волновой функции вполне разумно и непротиворечиво дополняется предложенной частотной интерпретацией.

И последний принцип, вытекающий из исходного, обозначим как **принцип неразличимости квантовых частиц**: волновые функции отдельных частиц могут становиться тождественными, а сами частицы — неразличимыми. Действительно, находясь в разных связях и отношениях, две неразличимые частицы онтологически не являются тождественными друг другу, при том что описывающие их волновые функции могут совпадать.

Таким образом, в изложенной концепции на основе исходного принципа предложена эвристическая система научно-философских положений. Но каким образом обозначенный подход концептуально согласуется с фундаментальной ролью, которую, как часто полагают, играет теория относительности?

Фундаментальные сущности современной науки и физический релятивизм

В самом начале XX в. потребность согласовать принцип относительности Галилея и уравнения Максвелла привела к созданию специальной теории относительности (СТО). У этой теории была логическая альтернатива, а именно — обобщить сами уравнения Максвелла и привести их в соответствие с галилеевым принципом относительности. Этот последний подход был реализован почти век спустя, и причиной такой задержки стало, по-видимому, всеобщее признание теории относительности А. Эйнштейна [9, с. 24–37]. Основным смыслом СТО состоит в отказе от ньютоновых независимых друг от друга и от материи абсолютных пространства и времени, а сами ее математические формулы используются для конкрет-

ных расчетов. Однако еще Н. Лобачевский отмечал то, что разные физические явления могут выражаться в терминах разных геометрий. Подтверждается или опровергается физический результат, а не геометрия. Геометрия не может быть экспериментальной наукой, она остается способом описания, нейтральным по отношению к тому, где и как он используется. Известно, что в настоящее время и астрономия, и микрофизика для своих экспериментов и опытов действительно используют реальное плоское трехмерное пространство. А в теоретической науке в настоящее время, как отмечает А. Севальников, существуют и развиваются парадигмы, где пространство-время вообще исключено из первичных физических категорий [10, с. 146–151]. Тем не менее можно обнаружить онтологические инварианты, которые не меняются с развитием самой науки.

Но к каким философским сущностям была и остается обращена фундаментальная наука?

1. Физические поля как математические функции координат и времени (Р. Фейнман).

2. Реальное плоское пространство как вместилище материи (И. Ньютон).

3. Время как способ мыслить длительность (Р. Декарт).

4. Материальная среда как содержимое пространства (Д. Максвелл).

А что предлагает физический релятивизм?

Эфир устраняется, вместилище объединяется с длительностью, поле сливается со средой... Однако пространство — это не время, а поле как *математический* конструкт — это не материальная среда и оно не может заполнять *физическое* пространство. При этом физическое пространство не должно быть *абсолютно* пустым, т.е. существовать без среды, — все это логические аксиомы.

Но, может быть, среда все же отсутствует? Вопрос этот не праздный, ибо известно, что А. Эйнштейн честно признавал — если экспериментально обнаружится, что эфир существует, то теория относительности будет опровергнута! Ожидалось, однако, обнаружить эфир неподвижный, а он оказался динамичным, о чем убедительно свидетельствуют, например, нулевые колебания вакуума. К тому же оказалось, что неозфир (вакуум) обладает механическими свойствами: плотностью, динамической и кинематической вязкостью. Наряду с этим выяснилось, что движению препятствует не плотность, а кинематическая вязкость среды [9, с. 231].

Но, может быть, СТО согласуется с квантовой механикой или с экспериментом? Нет, не согласуется. У квантовой частицы нет траектории, а для релятивистской частицы обязательна мировая

линия. При этом радарные наблюдения Венеры опровергают релятивистский принцип сложения скоростей [11, с. 258–267], а выделенная система отсчета, т.е. микроволновый фон, — существует. Добавим к этому, что программа создания квантовой релятивистской космологии на протяжении более чем века не реализована.

Таким образом, в самом общем виде можно констатировать, что *теория относительности как фундаментальная теория не состоялась*. Помните пушкинские строки: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань. Забылся я неосторожно: теперь плачу безумства дань...». Следовательно, развиваемый нами подход так же, как и квантовая механика, концептуально не связан с релятивистской парадигмой.

Скрытый смысл неравенств Гейзенберга

Стало общеизвестным утверждение Р. Фейнмана, что квантовую механику никто не понимает. А поиск скрытых смыслов этой науки многие физики и философы считают чуть ли не дурным тоном. При этом справедливо полагают, что неравенства Гейзенберга для координат и импульса являются следствием особенностей аппарата квантовой механики, а не следствием несовершенства измерительного прибора. Предпосылкой предлагаемой индетерминистической интерпретации неравенств Гейзенберга может служить утверждение, что *динамика импульса квантовой частицы не связана с динамикой ее координат*, т.е. динамика импульса реализуется во времени, а динамика координат — в пространстве. Выражаясь физически, говорят, что импульс частицы p не является функцией координаты частицы x [10, с. 34].

Действительно, невозможно одновременно определить точные значения координат и проекции импульса квантовой частицы — так традиционно интерпретируется это неравенство. Отметим, что эта общепринятая трактовка неравенств Гейзенберга в квантовой механике действительно констатирует фундаментальный научный факт, но не обнаруживает при этом его смысла. А Севальников отмечает, что квантовую механику допустимо рассматривать как в импульсном, так и в координатном математическом представлении: они симметричны. Но возникает парадокс: как можно оторвать импульс от координат частицы? [12, с. 49–51]. Ю. Владимиров пытается этот парадокс разрешить допущением, что координаты — это параметр из прошлого, а импульс — это параметр из будущего [12]. Помимо формальной, но не снимающей противоречия возможности описания этих параметров в конфигурационном (координатно-импульсном) пространстве, суще-

ствует еще один известный неординарный выход из этого концептуального тупика. Согласно В. Бернштейну, оба параметра, т.е. импульс и координаты, раздельно физически не существуют, а в процессе измерения регистрируется единственный параметр — действие, но оно регистрируется либо как импульс, либо как координаты в зависимости от того, как отградуирован прибор [13].

С нашей точки зрения, действительно можно согласиться с В. Бернштейном, что мы измеряем одно и то же — т.е. *действие*, но либо в *пространстве* (например, точечный след электрона на экране), либо во *времени*, т.е. отклонение стрелки прибора при регистрации импульса. Но можно согласиться и с Ю. Владимировым в том, что, регистрируя координаты, мы измеряем параметр из прошлого, однако, регистрируя импульс, мы измеряем параметр, который *изменяется во времени*. В противоположность динамике импульса координаты изменяются *вне времени*, т.е. атемпорально. Последнее утверждение требует более детального, чем уже сделано выше, обоснования.

Некоторые научные основания атемпорального перемещения частицы

1. Квантовый скачок электрона в атоме с орбиты на орбиту.

2. Невозможность предсказать точные координаты частицы в сколь угодно близком будущем, отсутствие у нее классического вектора скорости.

3. Операторы импульса и координат в квантовой механике не коммутируют.

4. Процесс туннелирования в координатном представлении не описывается ни во времени, ни уравнением Шредингера, а волновые пакеты под барьером не распространяются, а расплываются [14, с. 1059–1072].

5. Импульсное и координатное представления не тождественны друг другу, неизвестна структура зон при межзонном туннелировании в координатном представлении [14, с. 1059–1072].

Некоторые научные основания темпоральной динамики импульса

1. Проекция импульса частицы изменяется непрерывно по классическому закону и не квантуется [14, с. 1059–1072; 15, с. 197–199].

2. Туннельный эффект реализуется с сохранением мгновенного значения квазиимпульса [14, с. 1059–1072].

3. Известны эксперименты академика Н. Басова по мгновенному перемещению лазерного импульса на 2,5 метра [16, с. 58–60].

4. Известна структура зон при межзонном туннелировании в импульсном представлении [14, с. 1059–1072].

Заметим в заключение, что для реализации неравенств Гейзенберга необходимы два условия, а именно: а) актуальные значения величины должны иметь практически бесконечно малые промежутки времени и б) индетерминизм (несвязанность) динамики координат и импульса частицы. Синхронизация импульса и координаты ни теоретически, ни практически невозможна, так же, как немислим возврат к классической физике. *Координаты частицы изменяются атемпорально на несмежные, а ее импульс «запаздывает», непрерывно изменяясь в следующий за перемещением практически бесконечно малый промежуток времени.*

Но что же является причиной динамики импульса? Это непрерывная в пространстве и во времени материальная среда. Она постоянно взаимодействует со всеми материальными объектами. В самом общем виде эта среда материальна, динамична и непрерывна. **Самотождественность физического объекта подразумевает мгновенное взаимодействие его с непрерывной материальной средой.** Не случайно математический аппарат квантовой механики требует непрерывности волновой функции. Известно высказывание Д. Беркли: «Существовать — значит быть воспринимаемым». Уточним это высказывание: существовать — значит взаимодействовать.

В отношении динамики координаты в рамках научного подхода можно определить только то, что *не является причиной* атемпоральности. Причиной атемпоральности не являются физические взаимодействия, ибо менее совершенное — зависимое от времени не может быть причиной более совершенного.

Список литературы

1. *Колычев П.М.* Релятивистская онтология и релятивистская квантовая физика // *Философия физики: материалы науч. конф.* 17–18 июня 2010 г. М.: URSS, 2010. 387 с.
2. *Годарев-Лозовский М.Г.* Теория пространства и движения // *Фундаментальные проблемы естествознания и техники. Серия: Проблемы исследования Вселенной. Труды Конгресса – 2016.* СПб., 2016. 298 с.
3. *Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М.* Квантовая механика. Нерелятивистская теория. М., 1963. 702 с.
4. *Френкель Я.И.* Понятие движения в релятивистской квантовой теории // *Доклады АН СССР.* 1949. Т. LX, № 4. С. 507–509.
5. *Шульга В.П.* Модель кванта с процессом полемассовых превращений. М., 1998. 37 с.
6. *Петров Ю.И.* Парадоксы фундаментальных представлений физики. М.: URSS, 2014. 331 с.
7. *Faizal M., Khalil M.M., Das S.* Time crystals from minimum time uncertainty // *The European Physical Journal.* 2016. Vol. 76, № 3. URL: <https://link.springer.com/article/10.1140/epjc/s10052-016-3884-4> (accessed: 22.12.2016). DOI: 10.1140/epjc/s10052-016-3884-4.
8. *Янчилин В.Л.* Неопределенность, гравитация, космос. М.: URSS, 2012. 247 с.
9. *Клюшин Я.Г.* Электричество, гравитация, теплота — другой взгляд. СПб., 2015. 234 с.
10. *Севальников А.Ю.* Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии. М.: URSS, 2009. 189 с.
11. *Уоллес Б.Дж.* Проблема пространства и времени в современной физике // *Проблемы пространства и времени в современном естествознании.* СПб., 1991. 447 с.
12. *Проблема реализма в современной квантовой механике. Материалы дискуссии // Философия науки и техники.* 2016. Т. 21, № 2. С. 34–64. DOI: 10.21146/2413-9084-2016-21-2-34-64.
13. *Бернштейн В.М.* Масса и энергия. Развитие электродинамики и теории гравитации Вебера. Сравнение с теорией относительности и с эфирной теорией Лоренца. Квантовая механика без принципов «дуализма волны и частицы» и «неопределенности». М., 2010. 250 с.
14. *Келдыш Л.В.* Динамическое туннелирование // *Вестник Российской академии наук.* 2016. Т. 86, № 12. С. 1059–1072.
15. *Тарасов Л.В.* Основы квантовой механики. М.: URSS, 2016. 273 с.
16. *Басов Н.Г., Амбарцумян Р.В., Зуев В.С. Крюков П.Г., Летохов В.С.* Скорость распространения мощного импульса света в инверсно заселенной среде // *Доклады АН СССР.* 1965. Т. 165(1). С. 58–60.

Получено 24.12.2016

References

1. *Kolychev P.M.* *Relyativistskaya ontologiya i relyativistskaya kvantovaya fizika* [Relativistic ontology and relativistic quantum physics]. *Filosofiya nauki: materialy nauchnoy konferencii* [Philosophy of physics: materials of the scientific conference]. Moscow, URSS Publ., 2010, 387 p. (In Russian).
2. *Godarev-Lozovskiy M.G.* *Teoriya prostranstva i dvizheniya* [Theory of space and motion]. *Fundamental'nye problemy estestvoznaniya i tekhniki. Seriya: Problemy issledovaniya Vselennoy. Trudy Kongressa – 2016* [Fundamental problems of science and technology. Series: Problems of the study of Universe. Congress works – 2016]. St. Petersburg, 2016, 298 p. (In Russian).

3. Landau L.D., Lifshits E.M. *Kvantovaya mekhanika. Nerelyativistskaya teoriya* [Quantum mechanics. Nonrelativistic theory]. Moscow, 1963, 702 p. (In Russian).
4. Frenkel' Ya.I. *Ponyatie dvizheniya v relyativistskoy kvantovoy teorii* [The concept of motion in relativistic quantum theory]. *Doklady AN SSSR* [Reports of the Academy of Sciences of USSR]. 1949, vol. LX, no. 4, pp. 507–509. (In Russian).
5. Shul'ga V.P. *Model' kvanta s processom pole-massovykh prevrashcheniy* [The quantum model with the process of field-mass transformations]. Moscow, 1998, 37 p. (In Russian).
6. Petrov Yu.I. *Paradoksy fundamental'nykh predstavleniy fiziki* [Paradoxes of fundamental representations of physics]. Moscow, URSS Publ., 2014, 331 p. (In Russian).
7. Faizal M., Khalil M.M., Das S. Time crystals from minimum time uncertainty. *The European Physical Journal*. 2016, vol. 76, no. 3 Available at: <https://link.springer.com/article/10.1140/epjc/s10052-016-3884-4> (accessed 22.12.2016). DOI: 10.1140/epjc/s10052-016-3884-4. (In English).
8. Yanchilin V.L. *Neopredelennost', gravitatsiya, kosmos* [Uncertainty, gravity, space]. Moscow, URSS Publ., 2012, 247 p. (In Russian).
9. Klyushin Ya.G. *Elektrichestvo, gravitatsiya, teplo — drugoy vzglyad* [Electricity, gravity, heat — another view]. St. Petersburg, 2015, 234 p. (In Russian).
10. Seval'nikov A.Yu. *Interpretatsii kvantovoy mekhaniki. V poiskah novoy ontologii* [Interpretations of quantum mechanics. In search of a new ontology]. Moscow, URSS Publ., 2009, 189 p. (In Russian).
11. Walles B.Jh. *Problema prostranstva i vremeni v sovremennoy fizike* [The problem of space and time in modern physics]. *Problema prostranstva i vremeni v sovremennoy estestvoznanii* [The problems of space and time in modern natural science]. St. Petersburg, 1991, 447 p. (In Russian).
12. *Problema realizma v sovremennoy kvantovoy mekhanike. Materialy diskussii* [The problem of realism in modern quantum mechanics. Discussion materials]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. 2016, vol. 21, no. 2, pp. 34–64. DOI: 10.21146/2413-9084-2016-21-2-34-64. (In Russian).
13. Bernshteyn V.M. *Massa i energiya. Razvitie elektrodinamiki i teorii gravitatsii Vebera. Sravnenie s teoriey otositel'nosti i s efirnoy teoriey Lorentsa. Kvantovaya mekhanika bez printsypov «dualizma volny i chastitsy» i «neopredelennosti»* [Mass and energy. The development of electrodynamics and Weber's theory of gravitation. Comparison with the theory of relativity and with Lorentz's etheric theory. Quantum mechanics without the principles of «wave and particle dualism» and «uncertainty»]. Moscow, 2010, 250 p. (In Russian).
14. Keldysh L.V. *Dinamicheskoe tunnelirovanie* [Dynamic Tunneling]. *Vestnik RAN* [Herald of the RAS]. 2016, vol. 86, no. 12, pp. 1059–1072. (In Russian).
15. Tarasov L.V. *Osnovy kvantovoy mekhaniki* [Basics of quantum mechanics]. Moscow, URSS Publ., 2016, 273 p. (In Russian).
16. Basov N.G., Ambartsumyan R.V., Zuev V.S., Kryukov P.G., Letokhov V.S. *Skorost' rasprostraneniya moshchnogo impulsa sveta v inversno zaselyennoy srede* [The propagation velocity of an intense pulse of light in inverse populated environment]. *Doklady AN SSSR* [Reports of the Academy of Sciences of USSR]. 1965, vol. 165(1). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 24.12.2016

Об авторе

Годарев Максим Григорьевич

(псевдоним — Годарев-Лозовский М.Г.)
сопредседатель Санкт-Петербургского отделения
Российского Философского Общества

e-mail: godarev-lozovsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3511-0854

About the author

Godarev Maxim Grigor'evich

(pseudonym — Godarev-Lozovsky M.G.)
Co-Chairman of Saint-Petersburg branch
of the Russian Philosophical Society

e-mail: godarev-lozovsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3511-0854

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Годарев-Лозовский М.Г. Скрытый смысл неравенств Гейзенберга и частотная интерпретация волновой функции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 335–340. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-335-340

Please cite this article in English as:

Godarev-Lozovsky M.G. The hidden meaning of Heisenberg inequalities and frequency interpretation of wave function // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 335–340. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-335-340

УДК 621.01 + 115

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-341-351

МАШИНА И ВРЕМЯ: СЧЕТ, ПАМЯТЬ И СКОРОСТЬ

Комаров Сергей Владимирович

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Рассматривается временная сущность машины, которая заключена в принципе ее работы и реализована в ее конструкции. Время машины оказывается количественным повторением рабочих движений и в этом смысле — наличным временем. В противоположность этому действительный временной синтез строится не только как счетное время, но и как качественное различие модусов времени. В статье рассмотрен временной синтез в соответствии с кантовским учением о трансцендентальном схематизме воображения. Временной синтез моментов времени («прошлое», «настоящее», «будущее») осуществляется как линейный синтез операций воображения (антиципации, аппрегензии, рекогниции). Однако поскольку в основе схематизма воображения лежит *трансцендентальный счет (Anzähl)*, постольку кантовский рассудок может быть понят как своеобразная *машина* времени. Такое представление не учитывает качественного различия моментов времени, которое находится в основе механизма *памяти* (что предполагается диаграммой времени Гуссерля). Качественное время является не репродуктивным, а продуктивным синтезом; оно предполагает не линейную последовательность однородных моментов времени, а единство различных временных модусов. В статье показано, что поскольку кантовский временной синтез представляет единство продукции и репродукции, то на деле *качественное* и *количественное время* представляют собой стороны такого онтологического единства. Машинное представление рассудка является только одной из версий временного синтеза. Но именно такое представление в современную эпоху становится господствующим: *скорость* машины репрезентирует именно количественное время как простую счетную смену моментов. Рассмотрена трансформация темпоральной шкалы человеческого бытия под влиянием ускоряющихся процессов. Сделан вывод о том, что в эпоху машин время превращается не в переживаемое событие, а в простую репродукцию смены событий.

Ключевые слова: машина, время, настоящее, прошлое, будущее, количественное время, качественное время, воображение, трансцендентальный счет, антиципация, аппрегензия, рекогниция, репродукция, память, скорость.

MACHINE AND TIME: ACCOUNT, MEMORY AND SPEED

Sergey V. Komarov

Perm National Research Polytechnical University

The author of the article examines temporal essence of the machine, which is realized in its working principle and in its construction. Time of the machine is the quantitative repetition of working motions, and in this sense — of the present time. To the contrary the real temporal synthesis is built not only as denumerable time but also as a quality distinction of the forms of time. In the article a temporal synthesis is considered in accordance with Kantian doctrine of transcendental schemes of imagination. The temporal synthesis of the moments of time («past», «present», «future») is realized as a linear synthesis of operations of imagination (anticipation, apprehension, recognition). However, as in the basis of imagination' schematism lies *a transcendental account (Anzähl)*, so far Kantian reason can be understood as a peculiar time machine. Such presentation does not take into account qualitative distinction of the moments of time that is the basis of the mechanism of *memory* (it is assumed in the diagram of time by Husserl). Qualitative time is not reproductive but a productive synthesis; it presupposes not a linear sequence of homogeneous moments of time, but unity of different temporal modifications. The author shows that, as long as Kantian temporal synthesis presents unity of production and reproduction, *qualitative time* and *quantitative time* are parts of this ontological unity. Machine presentation of reason is

only one of several versions of temporal synthesis. But namely this presentation of reason in the contemporary era becomes a dominating notion: *speed* of the machine represents quantitative time as a simple account of the moments' shifting. Transformation of temporal scale of human life under influence of the accelerated processes is considered. The author concludes that in the machine age time is experienced by a person not as an event, but as a simple reproduction of the events' shifting.

Keywords: machine, time, present, past, future, quantitative time, qualitative time, imagination, transcendental account, anticipation, apprehension, recognition, reproduction, memory, speed.

...Мало у нас оснований считать, что у часов есть душа, заставляющая их показывать время.

Р. Декарт [1, с. 424].

1. Принцип машины и время. Основной целью («то, ради чего») любой машины (от простейших механизмов до современных компьютеров, машин социальной организации и идеальных тепловой машины Карно и машины Тьюринга) является выполнение полезной работы. Сам полезный эффект достигается за счет конструкции машины, т.е. пространственной организации сочленений ее элементов и частей, обеспечивающих возможность рабочего движения. Сама пространственная организация соединений деталей и механизмов любой машины является статической формой ее потенциального движения, непосредственным воплощением возможности совершения актуальной работы. Собственно, инженерная деятельность и направлена на решение задачи пространственной организации этого рабочего движения: конструкция всегда является прямым решением задачи, связывающей его цель и условия осуществления [2, с. 30]. Система дифференциальных уравнений, описывающих движение рабочих элементов, непосредственно воплощается в устройстве червячных и зубчатых механизмов, электрических цепей и каскадов транзисторов, функциональных блоков и в элементах контроллеров. В искусственной форме конструкции воплощена форма закона естественного движения. Другими словами, конструкция любой машины заключает в своей пространственной организации возможность совершения работы, перевода ее потенциальной энергии в кинетическую энергию. Энергия есть только мера совершения работы. Принцип машины и заключается в переводе *возможности*, заключенной в ее конструкции, в актуальную *действительность* ее рабочего движения.

Работа есть всегда функция времени. Способность совершить полезную работу заключается в конструкции машины; актуальное ее осуществление есть результат приведения в действие заложенного в конструкции энергетического принципа. Конструкция машины есть «свернутое», «по-

тенциальное» время работы, приведение ее в движение есть «развернутое», «актуальное» время ее совершения. Работа и есть непосредственное осуществление времени.

Однако о каком времени идет речь? Речь идет о *настоящем*, актуальном, наличном времени работы [3, с. 63–72]. В движениях рычагов простейших подъемных устройств, в возвратно-поступательном движении кривошипно-шатунных механизмов, круговых движениях кулачков и шестерней и т.д. воплощается действительное время. В постоянных замыканиях и размыканиях реле электрических цепей, в переключениях триггеров, в двоичной системе сигналов электронных устройств, движении светового луча по экрану, в переходе от одних строчек раstra к другим на дисплее, в открытиях и закрытиях окон на мониторе компьютера и т.д. реализуется настоящее время. В движении поездов, автомобилей, ракет и кораблей осуществляется актуальное время. Любое перемещение как переход из одной точки пространства в другую открывается как счет мгновений настоящего времени. Любая работа есть мультипликация настоящих мгновений. Любое движение происходит как переход от потенциального к актуальному присутствию в настоящий момент. В переключениях электронных устройств, в счете битов информации, в регистрах скорости и т.д. куется и отливается само время. *Принцип и существо машины заключается в производстве, продуцировании, фабрикации наличного времени.*

Иначе говоря, любая машина есть машина времени. Весь вопрос в *качестве* этого времени. Приведение времени в наличность, которое осуществляется в работе любой машины, означает *количественное* время. Настоящее время здесь выступает как простое и бескачественное время счета, время перебора одинаковых мгновений, перехода от одного момента к другому. Между этими моментами нет существенного различия; это время повторения того же самого. Одинаковые повторяющиеся движения рабочих органов есть дифференциальные шаги осуществления полезной работы. В повторяемости моментов и заключается сам рабочий эффект любой машины; в

однообразности моментов присутствует очарование и захваченность ее ритмом.

Это означает, что каждый момент есть момент «настоящего», в котором осуществлен весь принцип работы машины: в каждое мгновение вся машина целиком налично представляет все время своей работы. Пробег по всей линии времени работы машины есть только перебор и вереница равных моментов. Настоящий момент отделен от прошлого и от будущего, однако они ничем не отличаются друг от друга; каждый момент равен предыдущему и последующему. Движение здесь есть повторение; различие определяется только актуальностью: потенциально моменты работы абсолютно равны. Собственно, в этом повторении моментов и заключается эффект настоящего.

Понимание времени работы машины как количественного времени означает на деле *изъятие из времени*. Настоящее — значит присутствующее не только в данный момент, но всегда; настоящее означает стоящее на данном моменте, в котором воплощен принцип работы. «Вечное» настоящее, заключенное в самой конструкции машины и ее рабочем принципе, означает исключение действительного настоящего. В самом деле, настоящее отличается от прошлого и будущего именно тем, что оно есть то, что присутствует актуально, однако в данном случае прошлое и будущее ничем от настоящего момента не отличаются. Как уже было сказано, длительность работы самой машины есть только повторение однообразных движений. Консервация настоящего здесь заключается в однообразии моментов. Это различие тождественного, различие самого счета. В таком смысле количественное время машины оказывается не настоящим, а именно иллюзорным временем.

Это означает, что само время здесь *не является* действительным временным синтезом моментов прошлого, настоящего и будущего, поскольку они не отличаются друг от друга. *Время* в работе машины вообще *не является*, а *задается* изначальным их синтезом в ее принципе и конструкции. В целевой установке конструкции машины дано все время ее работы [Allerzeit]. Это бесконечное в конечном: актуальная бесконечность осуществления работы дана потенциально как наличная возможность повторения простого рабочего движения. Актуально — в различении моментов времени — она задана только для субъекта цели (инженера). Для самой машины — в ее принципе — времени нет; она есть «законсервированное», «остановленное», «редуцированное» к повторению работы время.

2. Машина сознания: трансцендентальный счет. Это означает, что действительное время существует только для создателя и работника машины¹. Действительное время как единство различного существует для субъекта, который и различает моменты времени в их синтезе. Время тогда выступает не как различие тождественного, а как действительное различие моментов времени в объективных явлениях. Однако такое возможно только в случае, если мы имеем дело с действительным временным синтезом.

Необходимо различать *синтез времени* и *временной синтез*; первое есть представление времени для его субъекта, второе есть становление самого времени (сознания) субъекта. Кантовское различие между объективным и субъективным единством самосознания (апперцепции) связано с различием этих двух синтезов, первый из которых является формой явления второго [4, с. 104].

Временной синтез есть синтез воображением чувственного многообразного опыта в соответствии с категориями рассудка под управлением трансцендентальной апперцепции. Чувственный образ суть реально осуществляемое соединение разрозненных элементов чувственного многообразного, но это соединение, как известно, осуществляется воображением в соответствии с категориями рассудка, которые суть презентации единства сознания. Фигурный синтез чувственных представлений совершается вместе с категориальным синтезом рассудка. Единство представлений согласуется с представлением единства. Иначе говоря, единство сознания есть действительный синтез элементов чувственного многообразного в *моем* сознании, и этот синтез разворачивается как время. Это время самого синтеза сознания субъекта. Какова механика такого синтеза?

Реальный синтез — это последовательность конечных шагов антиципации, аппрегензии и рекогниции — первое, второе, третье... Эта последовательность действий синтезирования есть живая энергия воображения, которая направляется представлением синтеза — темпоральной схемой понятия, т.е. изначально включает в себя «время».

Обобщенно это можно представить таким образом. Чтобы из многообразного чувственного

¹ Никакого идеализма в этом нет: объективное время объектов мира как независящее от познающего субъекта дано только для самого этого субъекта, но не для объектов мира. Время есть объективная форма существования объектов мира, но именно поэтому оно не дано им как нечто от них независимое; для них время существует «в-себе».

получилось единство созерцания, необходимо его обозрение и собрание вместе; этот синтез схватывания называется *антиципацией*. Такое предвосхищение единства самого явления дается посредством развертывания пространства и времени как «вместилища» чувственного содержания. Само развертывание пространства и времени восприятия уже есть объединение чувственного многообразного; другими словами, горизонтные схемы времени и пространства являются фактическими условиями-средствами синтеза схватывания. В этом смысле чистая форма созерцания времени как условие антиципации является всем временем (*Allerzeit*) единства предмета любого опыта.

Однако само пространство и время разворачиваются как сукцессивно-синоптический синтез, т.е. последовательный переход от одного элемента чувственного содержания к другому. Такое движение возможно только при условии наличия самой схемы фигурного синтеза. *Аппрегензия* и есть реальный синтез воображением предмета опыта на основе такой временной схемы. Иначе говоря, являясь синтезом последовательного схватывания элементов многообразного, она внутри себя содержит репродуктивный синтез времени (трансцендентальный счет). Это счет является своеобразным *генератором* времени, априорным условием фактического синтеза схватывания. Синтез схватывания вообще неразрывно связан с синтезом воспроизведения.

Иначе говоря, реальный синтез осуществляется как единство антиципации границ опыта (всего времени и всего пространства) с аппрегензией единства предмета опыта (на основе последовательного временного счета в схеме понятия). Для того чтобы такое единство — синтеза и понятия — действительно осуществилось, должно быть дано еще и представление самой их связи. Такое представление служит образом действия воображения не только для самого схватывания (синтеза) согласно трансцендентальной схеме, но и отнесения его к представлению его единства (понятию). Эта операция узнавания в понятии есть *рекогниция*. Она есть осознание действительно совершившегося синтеза (*я мыслю*)².

² Заметим, что в рекогниции также реализуется время, ибо она может быть узнаванием только такого единства, которое уже *фактически* осуществилось как временной акт. В синтезе осуществляется реальное единство сознания, которое в понятии только возможно. Поэтому аппрегензия по существу есть реальная *презентация* трансцендентальной апперцепции.

Таким образом, временной синтез разворачивается как линейная последовательность: антиципация — аппрегензия — рекогниция. *Сначала* предвосхищение единства как развертывание пространства и времени восприятия, *затем* реальный синтез схватывания на основе временных схем чистых рассудочных понятий, а *потом* узнавание воспринятого единства как моего восприятия. Этот линейный синтез есть последовательность временных определений: «раньше» — «сейчас» — «позже». Иначе говоря, антиципация как предвосхищение выступает модусом «будущего», аппрегензия как действительный синтез есть модус «настоящего», а рекогниция как воспроизведение единства в понятии является модусом «прошлого». Темпоральная схема синтеза предполагает единство модусов времени.

Эта схема временного синтеза лежит в основе восприятия любых предметов опыта, в том числе — синтеза самого времени. Мы не можем представить себе никакого времени (временного объекта), не разворачивая его в воображении в виде «стрелы времени», натурального ряда чисел, линейного развертывания последовательности счета, последовательности открывания окон на мониторе, и т.д. Синтез времени осуществляется как представление синтеза моментов времени.

Этот линейный характер временного синтеза открывает его действительную *тайну*: трансцендентальный счет осуществляется как чистое *количественное* или *репродуктивное* время. Редукция «Я» к его временному синтезу (бытию) открывает сознание как своеобразную идеальную *машину времени*³. Сознание может быть понято как идеальная машина воображения.

В самом деле, синтез совершается на основе таблицы категорий рассудка, в соответствии с которыми организованы и временные схемы воображения. Ячейки таблицы категорий представляют собой пространственную организацию самого

³ Согласно коперниканской установке субъектом нашего познавательного опыта является активное «Я», однако согласно критической установке Кант представлял себе действительным субъектом явления трансцендентальное воображение. «Десубстанциализация» ноуменального «Я» противоречит «коперниканскому» перевороту, но позволяет трактовать наше сознание как объективную работу машины чистого воображения. Кант глубоко усвоил урок Юма: наше «Я» есть только представление (идея). В этом отличие Августина и Гуссерля от Канта; они не допускают десубстанциализации нашего «Я»: при эпохе «Я» к чистому присутствию (Богу) или к трансцендентальной субъективности всегда остается нередуцируемый остаток нашего «я», который и совершает эти познавательные процедуры.

времени синтеза любого явления. Поэтому существует жесткая связь таблицы категорий и правил перехода между ними, ибо в ней заключается временная последовательность синтеза предмета любого опыта (это же касается и таблицы оснований рассудка). Рассудок для Канта есть аппарат для «вычисления» истинных представлений, своеобразный арифмометр с жестко заданной программой вычисления и считывания полученных результатов. В сочленениях колес его кулачково-шестеренчатого механизма заданы все возможные варианты предмета явления. В этом смысле «конструкция» таблицы категорий содержит все схемы временного синтеза предмета любого опыта и является набором «мыслящих колес», рабочее движение которых согласно счету времени дает конфигурацию синтеза предмета любого явления.

Тогда деятельность рассудка в синтезе чувственности может быть понята как реализация «встроенной» (априорной) машинной программы. Рассудок как такая «программа» управляет продуктивным синтезом; в этом случае таблица категорий выступает не просто логической структурой организации самого материала чувственности в созерцании, но является своеобразной операционной системой по отношению к нему. Любой эмпирический материал в пространстве созерцания располагается воображением по силовым пространственным линиям в соответствии с пространственной организацией таблицы категорий. Последняя есть структура самого экрана явления. Кантовский синтез в этом случае является вычерчиванием на виртуальном экране фигур предметов восприятия: луч воображения, проходя через силовое поле («прорезы») таблицы категорий, поляризуется, структурируется и приобретает фигурную форму, в соответствии с которой на экране созерцания высвечиваются фигуры предмета явления. Третьим измерением пространства в этой модели является сама деятельность продуктивного воображения, т.е. *время* самого синтеза. Априорная структура рассудка существует только в формальной трансцендентальной топике, а в действительности является дифференциацией самого поля чувственности. Другими словами и на «машинном» языке это означает: конструкция машины рассудка дана только в статике, а в работе она представляет собой энергию движений элементов машины. Или: организация машинного интеллекта дана в качестве набора «мыслящих» элементов, но в работе она проявляется как вся совокупность передачи электрических сигналов,

импульсов и контактов между «мыслящими» элементами. В любом случае в пространственной организации интеллекта инсталлировано время работы.

Таким образом, объективное представление временного синтеза сознания (в том числе — и синтез самого «Я») приводит к его машинному представлению. Время является объективным условием и средством синтеза сознания, но в качестве такового оно *представляется* чисто количественным, одномерным, линейным временем. Понимание сознания как *механизма или машины* возможно только на основе такого представления его временного синтеза⁴.

Однако парадоксально: именно такое репродуктивное представление времени не позволяет понять явление *памяти*, т.е. само *действительное* время.

3. Машина и память. «Машина и махинация не знают ни памяти, ни даже воспоминания» [6, с. 322]. Это очевидно, ибо продуцирование настоящего как наличного означает фактическое устранение прошлого и будущего. Счетное время означает тождество моментов; количественное время стирает всякие различия между моментами времени и фабрикация счетного времени есть толькоковка однообразного. Но в таком случае, строго говоря, и настоящий момент так же становится неуловимым, ибо он тут же в мгновение ока перестает быть настоящим. Это парадокс: настоящее, которое не обладает стойкостью. Повторение означает то, что все состояния реализованы как один момент: модусы времени могут быть различены только по отношению ко *всему* времени, но не сами по себе как таковые. Никакой из них не обладает собственным статусом, никакой из моментов не может быть понят как «прошлый», воспринят как «настоящий» и предвосхищен как «будущий».

Конечно, существует различие продуктивной и репродуктивной деятельности воображения, но, строго говоря, различить их в машинном представлении сознания становится трудным. Во-первых, для того, чтобы нечто вспомнить, его необходимо забыть, но как можно забыть *повторение* того же самого? Во-вторых, само воспоминание означает какое-то привилегированное начало (импульс воспоминания), которого в ряду одинаковых моментов просто быть не может. В-

⁴ Иное — *органическое* — представление сознания будет требовать иного представления временного синтеза [5, с. 82–97].

третьих, само воспоминание строится как представление в настоящий момент того, что было ранее: оно есть «прошлое в настоящем». Но это означает, что оно должно обладать маркером опознания и отличия его от настоящего. А таковым является только одно: мы *сейчас* относим этот момент влево *от* момента «теперь» по стреле времени. Строго говоря, это означает произвол, ибо на стреле количественного времени все моменты абсолютно равноправны.

Машина не знает памяти, ибо для нее нет времени. Для того чтобы могла быть память, моменты времени должны качественно различаться. *Качественное* время означает, что время понимается как такая полнота присутствия, в которой все моменты времени в их различии даны в-месте. Как это понять? Только так, что первичным является единство моментов времени, а не их различие; такое время есть тождество различного, а не различие тождественного. Тождество различного означает, что каждый момент времени должен быть понят как *единство* всех трех модусов. Собственно говоря, само различие возможно лишь по отношению к единому: лишь по отношению к моменту «настоящему» существуют моменты «прошлого» и «будущего». Никакого «субстанциализирования» момента «теперь» не происходит: актуальный момент является «настоящим» только по отношению к моменту уже «прошедшему» и по отношению к моменту еще «будущему», но не сам по себе. Но и они тоже не существуют сами по себе в этих статусах, а являются таковыми только как «иные» «настоящего» момента.

Суть дела в том, что каждый из этих модусов в своей определенности (как «прошлое», «настоящее» или «будущее») *есть* только по отношению к другим; они суть те же самые, но всякий раз — как таковые — иного конкретного «момента». Иначе говоря, каждый момент «несет» («держит») на себе два другие момента, и наоборот; они в этом смысле обращены друг к другу. Сам по себе момент настоящего оказывается только обращенностью на то, что уже *настало* («было»), и на то, что еще только *наступит* («будущее»). Это не точка, а интервал перехода, в котором совмещены (даны в-месте) то, что уходит, то, что наличествует, и то, что при-ходит.

Собственно на этом и основан эффект памяти. Как показал Гуссерль, интенция настоящего всегда сопряжена с интенцией того, что только что было, и того, что вот-вот случится. Ретенция и протенция существуют как «моменты» импресии настоящего. Импрессия в действительности

оказывается интервалом перетекания или погружения одного модуса времени в другой: модификации живого интенциального «Теперь» в «Теперь-бывшее». «Настоящее» выступает как интервал дифференцирования «прошлого» и «будущего», что и отражено в диаграмме времени. Именно потому, что интенцирование настоящего включает в себя «удержание» вот-вот бывшего, возможна *репродукция* прошлого (непосредственное восприятие прошлого настоящего момента, простое прошлое время), а также *воспоминание* как воспроизведение когда-то бывшего в настоящий момент («прошлое в настоящем», перфектное время). Память в этом смысле есть вторичная репродукция: во вторичной памяти воспроизводится не сам предмет в его актуальной современности («репрезентация»), но репродуцируется его ретенциальная модификация. Интенцией памяти является первичная ретенция.

Все это означает, что сам временной синтез может быть понят по-другому. Он представляет собой последовательность актов, однако вся суть в том, что кантовские антиципация, аппрегензия и рекогниция взаимно «предполагают» друг друга. Все три операции основываются на репродуктивном воображении (трансцендентальном счете), которое и порождает нелинейность времени. Каждый момент «теперь» трансцендентального счета есть предвосхищение еще-не-сосчитанного и уже-сосчитанного времени.

Так, аппрегензия есть схватывание элемента в момент времени «теперь». Однако для этого схватывания репродуктивное воображение должно продуцировать не только сам схватываемый момент «теперь», но все время как «место» схватывания — вереницу моментов. Иначе говоря, в настоящем моменте схватывания не только происходит схватывание, но этим же актом предвосхищается «еще-не-теперь» и «уже-не-теперь». Аппрегензия в точке настоящего оказывается антиципацией будущего и рекогницией прошлого.

Аналогично репродукция содержит в себе аппрегензию как таковую: воспроизведение в следующий момент того же самого предполагает отличие следующего момента от настоящего. При этом то, что антиципировалось ранее, «теперь» становится актуальным, а ранее схваченное — репродуцируется. Воспроизводиться может только то, что ранее было схвачено, т.е. аппрегензия выступает антиципацией для репродукции. Это означает, что способность репродукции в действительности оказывается продуктивной, ибо

способность воображения должна всякий раз заново образовывать такой горизонт для нее.

Наконец, актуальное схватывание содержит в себе и рекогницию. Если аппрегензия и репродукция имеют дело с одним и тем же схватываемым сущим, то в самом схватывании должно содержаться представление этого тождества. Рекогниция как представление этого единства требует различения точки «теперь» от точки «уже-не-теперь», т.е. повторения этих моментов. На деле оказывается, что синтез рекогниции, который при эмпирическом анализе выглядит как замыкающий, при живом временном синтезе является опережающим или «просматривающим» (*hindurchspahend*) будущее единство *моего* сознания.

Таким образом, действительный временной синтез предполагает не последовательность времен, а их единство — «вложенность» модусов времени друг в друга. Временной синтез является временем реального синтеза сознания. Количественный трансцендентальный счет только *отмечает* реальные шаги *пере-хода* и *об-ращения* качественных моментов времени; репродукция является мерой качественных событий времени.

В таком случае здесь есть важный момент. Если изначальная временность сознания основывается на *единстве* продуктивного и репродуктивного воображения, то различие между количественным и качественным временем основано на представлении времени и существует только для субъекта времени⁵. Объективно качественное и количественное время представляют собой *онтологическое различие* в тождестве: одно дано через другое. Однако поскольку сам временной синтез дан через синтез времени, то различие этих времен дано через разные их представления. Иначе

говоря, различие между количественным и качественным временем является относительным: это *онтическое различие* времени.

В машине реализовано именно количественное время, поскольку именно такое представление выражает ее изначальную временную структуру. Для самой машины нет ни времени, ни памяти. В памяти репродуцируется именно «прошлое», а машина есть повторение настоящего. Можно, конечно, ввести нейрофизиологическую метафору памяти как «травмы» — «телесной» для механических и «нейронной» для электронных машин, когда при сбое или аварии в самой конструкции машины и ее элементах остаются «следы» прошлого. В этом случае можно понять изменения микроструктуры материала или малые электрические потенциалы, обуславливающие неконтролируемые переходные процессы в электрических цепях, как «память». Они могут привести к тому, что в новых условиях режим работы машины может «воспроизвести» прошлый сбой, глюк или аварию. Но, строго говоря, эти деформации опять же задаются конструкцией машины: сломы происходят только там, где имеется напряжение конструкции, пробой электрических цепей осуществляются только в тех местах, которые обусловлены самой электрической схемой. В этом смысле в машине все ее состояния — включая аварии, сбой и пробой — всегда и уже заданы.

Поэтому никакого смысла в такой нейрофизиологической метафоре памяти нет, если только не интроецировать в машину собственную душу. В противном случае и в самом деле можно слышать «голос» машины в рокоте шестерен, лязге шатунов, стуке поршней, реве мотора, выхлопах пара и газа. Можно усмотреть «душу» электронных устройств в потрескивании электрических разрядов, тонком писке нагревания плат, рокоте вентиляторов компьютеров, скрипе мониторов, ровном шуме серверов, изменениях световых сигналов и смене цветных картинок на экране. А «разумные» сообщения и «социальное» поведение роботов принять за действительный этический выбор и моральное сознание [8].

Именно это «одушевление» техники позволяет в темпоральности машины усмотреть то, чего в ней нет, — качественное время. Но и качественное, и количественное время существуют только для самого субъекта. В самой машине никакого времени и памяти нет, поскольку нет необходимости в новом временном синтезе. Время машины изначально задано ее конструкцией.

⁵ Различие между Кантом и Гуссерлем в понимании темпоральности сознания заключается в том, что у Канта идет речь о самом временном механизме сознания, в то время как у Гуссерля — в первую очередь об осознании временных процессов (*Zeitbewußtsein*). Конечно, создатель феноменологии, описывая синтезы времени, также доходит и чистой временности как таковой. Так же, как выявление темпоральности сознания связано у Канта с «десубстанциализацией Я», выявление изначальной временности сознания у Гуссерля связано с бессубъектной трансцендентальной субъективностью. Однако феноменологическая установка только позволяет ему обнаружить изначальную абсолютную временность сознания, но продвинуться от данностей временных объектов к темпоральности актов, конституирующих само сознание, оказалось невозможным. Эти темпорально-конститутивные акты находят основу в «абсолютно сверхвременном потоке сознания, для описания которых «у нас уже не хватает слов» [7, с. 79].

4. Скорость и время машин. Декарт говорит, что можно понять все страсти человека как работу его телесного механизма (машины). Страсть есть увеличение или уменьшение способности к совершению движения⁶. Это наиболее наглядно проявляется в переходных процессах работы машин. Реальные машины отличаются от машин идеальных тем, что в последних нет именно переходных процессов. Переходные процессы — это процессы перевода потенциального в актуальное движение, перехода от *δυναμικς* к *ἐνεργεία*, от статики конструкции машины к движению ее рабочих органов. Это всегда переход от одного состояния к другому рабочему состоянию, которые всегда совершаются как ускорение⁷, началом которого является толчок (*jerk*).

Скорость перехода от одного состояния машины к другому характеризует быстрый выход машины на рабочий режим, а повышение скорости рабочих движений обуславливает производительность машины. Поэтому постоянное сокращение времени переходных процессов и повышение скорости машины становится целью ее совершенствования, поскольку это повышает количество ее работы. Скорость есть *страсть* машины.

Машина производит настоящее время, но скорость фабрикации этого настоящего означает его сокращение для человека (субъекта). Само настоящее время благодаря машинам становится другим. Триумф машин означает сокращение пребывания человека в настоящем, ускользание настоящего времени для него [11].

Это сокращение пребывания в настоящем выражает себя, прежде всего, в сжатии пространства: благодаря большим скоростям большие (*grösse*) пространства становятся «проходимыми», «пробегаемыми», «проживаемыми» за короткое время. Пространство как возможность движения утрачивается и скрадывается за счет больших машинных скоростей. Мы легко перемещаемся из одной точки пространства в другую за считанные часы; за счет скоростей движения происходит искривление пространства, приближение точек пространства друг к другу. Интернет вообще делает

такое перемещение почти мгновенным: электронная коммуникация как бы «изымает» расстояние, превращая его ничто.

Сжатие пространства по существу означает его искривление, а потому — сокращение времени. Проживаемое время благодаря скорости перехода сжимается для нас в почти исчезающую, моментальную точку. Это приводит к тому, что время пути переживается как пустое, незаполненное, скучное время. Спасение в том, чтобы еще больше ускорить этот переход: все современные технологии направлены именно на это. Временная диаграмма переживаний современного человека ведет к уменьшению горизонтальной оси импрессии и увеличению оси ретенции. Это означает, что из-за огромных скоростей перемещений и коммуникаций, быстрых перемен и ускорения течения процессов настоящее ускользает от человека и растет архив прошлого.

Это парадокс скорости: машина фабрикует настоящее, которое тут же изымается, становясь не-стоящим (прошлым). Настоящее — не совершенно; впрочем, как и прошлое. Рост архива прошлого является еще более *нестоящим* делом, поскольку оно теряет свою ценность. «Прошлое» — совершенно несовершенно: в нем нечего делать и с ним нечего делать. «Настоящее» — все же менее несовершенно, поскольку оно «начало» «будущего». Само по себе пребывание в настоящем для современного человека становится неуместным: он готовится жить в «будущем». «Настоящее» принимается только как «стартовая позиция» для перемен. В мире скоростей только будущее имеет ценность: машины и уют настоящее только как переход к будущему. Отсюда — современный бум инноваций. Только будущее имеет ценность в мире машин и их скоростей; победа техники — это нигилизм настоящего [12, с. 471–501].

Скорость перемен такова, что современный человек практически ничего не переживает как достойное и действительно настоящее. Темпоральная шкала теперь определяется стремлением «успеть». Это выражается в стремлении двигаться быстрее, однако поспеть за скоростью машин невозможно. Машинное сжатие пространства и сокращение времени означает, что временной синтез сознания не поспевает за машинным производством времени. Мы не успеваем за счет естественной собственной телесно-психической организации овладеть пространством и временем. Синтез времени, хотя и основан на временном синтезе, строится теперь по форме машинного времени. Количественное, счетное, одномерное

⁶ Декарт говорит: «То, что страсть в отношении какого-то одного субъекта, в другом отношении есть действие»; поэтому различие между телами заключается в различии материальных причин их движений [9, с. 482,484]. Ему вторит Спиноза: «Под аффектами я разумею состояние тела, которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию ...» [10, с. 335].

⁷ Переходные процессы, конечно, касаются и замедления, но различаются они по своему качественному протеканию, строго говоря, только вектором.

время становится господствующим временным представлением.

Проблема в том, что это одномерное время является пустым и скучным временем; оно сводится к чистой длительности. Возможность избегания этой скуки заключается в наращивании скорости его пробегания (*verlaufen*), что ведет к совершенному исчезновению «настоящего»; оно становится не воспринимаемым и не переживаемым. Поэтому стремление освоить мир машинных скоростей выражается в противоречивом стремлении к его «остановке». Это стремление современного человека выражается, во-первых, в консервации прошлого — утопическом стремлении жить прошлым, вопреки нарастающим переменам. Здесь наступающее оценивается только через призму прошлого, а потому — фактически упускается как «настоящее». Во-вторых, в прямом стремлении успеть остановить исчезающее мгновение настоящего благодаря современным техническим средствам. Это «документирование» настоящего, где важным становится сам момент схватывания настоящего, а не его действительное содержание. Примерами такого стремления успеть являются пребывание в социальных сетях, общение по электронной почте как сообщение о получении сообщения или выкладывание фотографий в Инстаграм⁸. В-третьих, «остановка» скорости изменений осуществляется за счет клипования сознания. Поскольку скорости машин ведут к потере самого перехода от момента к моменту, т.е. *самого времени*, то жизнь распадается на отдельные моменты, формально скрепленные количественным временем. Так мы смотрим на нашу детскую фотографию и опознаем в ней себя, но не можем соотнести прошлые события нашей жизни с настоящим моментом. Потеря линии судьбы, т.е. качественного времени нашей жизни, замещается чисто количественным временем биографии (анкеты). Фрагментация жизни выражается в клипировании сознания. Такое сознание позволяет «справиться» со скоростями тем, что

⁸ Выкладывание в Инстаграм фотографии каждого момента своей «жизни» является типичным примером потери настоящего. Здесь сам факт запечатления события становится важнее его содержания. В серии записи моментов само настоящее как настоящее исчезает; важной становится сама бесконечная серия моментов. Архив или массив информации растет так, что становится важен сам его рост или размер, а не его содержание или отдельный факт. Как раз отдельными мгновениями или фактами этого архива никто не занимается именно потому, что в своей массовости они теряют ценность отдельного когда-то бывшего момента переживания настоящего. Само отдельное настоящее никого не интересует, прошлое интересует только как серия моментов.

произвольно выделяет на стреле количественного времени те или иные моменты в качестве событий. Поскольку в однородном машинном времени привилегированных моментов нет, то любому из них может быть приписан статус важного и значимого, т.е. «настоящего». Это и позволяет заполнять скучное однородное количественное время произвольно выбранными интересными моментами внешних событий.

Однако самое главное, что такое сознание вообще «редуцирует» время. Мобильности не позволяют переживать перемены, поэтому клипированное сознание в условиях больших скоростей определяет себя не по времени (стреле времени), а по развертке пространства. Оно само есть не временное, а пространственное сознание. Клип — это картиночное, плоскостное или пространственное представление ситуации; сами пространства ситуации сжаты, поэтому переключение происходит мгновенно. Время устраняется в условиях всеобщей коммуникации, но пространство становится важным. Поэтому для новых мобильностей становится важным не вопрос: ты *когда*, а вопрос: ты *где*? [13, с. 57]. Онтология мобильности вообще меняет здесь-бытие человека.

Таким образом, триумф машины ведет к триумфу машинного времени. Скорость есть его первая производная, ускорение — его вторая производная. Чтобы успеть, надо вообще исключить, устранить, утилизировать (*abschaffen*) качественное время. Такая утилизация времени есть производство *другого времени*: времени вторичного синтеза как время изъятия настоящей человеческой жизни. Это «превращенное» время — время *переключения* с одной пространственной ситуации — на другую, с одного события — на другое, от одной ситуации — к другой, а не время *пребывания* человека. В конце концов, время как объективное явление всегда открывается как время для нас: даже космологическое время имеет смысл только в отношении нашей конечности. Именно наша конечность является онтологическим базисом «стоимости» времени; в своей устремленности к концу время ценно именно тем, что оно *проживается*, а не просто проходит. Но теперь время превращается не в *переживаемое* событие, а в *чередующуюся* смен событий, при которой содержание самого события редуцируется к его перемене. Такое время — не *extasis*, а *intasis* как событие «*перепада*» времен [14, р. 34]. Вся особенность этого инстажирования времени в том, что оно разворачивается как чистый счет событийности. В эпоху господства машин сама событийность редуцирована до простой репродукции.

Список литературы

1. Декарт Р. Описание человеческого тела. Об образовании животного // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 423–460.
2. Комаров С.В. «Хитрость» инженерного разума: постав и изъятие // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия: Культура. История. Философия. Право. 2015. № 2. С. 29–36.
3. Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность / пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2002. 559 с.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского, Ц.Г. Арзаканяна, М.И. Иткина; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. М.: Мысль, 1994. 591 с.
5. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч.: в 4 т. / пер. с фр. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. 336 с.
6. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938) / пер. с нем. А.Б. Григорьева; науч. ред. М. Маяцкий. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
7. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. I: Феноменология внутреннего сознания времени / составл., вступ. статья, пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Гнозис, 1994. 192 с.
8. Breazeal C. Social Interactions in HRI: The Robot View. URL: <http://robotic.media.mit.edu/wp-content/uploads/sites/14/2015/01/Breazeal-IEEEESMC-04-trv.pdf> (accessed: 15.10.2016).
9. Декарт Р. Страсти души // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 481–572.
10. Спиноза Б. Этика // Соч.: в 2 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. 489 с.
11. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / пер. с нем. А.Б. Григорьева В. Куренного; науч. ред. В. Куренного. М.: Дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.
12. Урри Д. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазаренко; вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Праксис, 2012. 576 с.
13. Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона / пер. с итал. К. Тименчик, М. Устюжаниновой. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 352 с.
14. Komarov S.V. Strategies of struggle against time: eventfulness and history // *Evropský Filozofický a Historický Diskurz*. 2015. Vol. 1, iss. 2. 74 p.

Получено 18.04.2017

References

1. Descartes R. *Opisanie chelovecheskogo tela. Ob obrazovanii zhivotnogo* [The Description of the Human Body. On the Formation of an Animal]. *Socineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1, pp. 423–460. (In Russian).
2. Komarov S.V. «Hitrost'» inzhenernogo razuma: postav i iz'yatie [«The trick» of the engineering mind: supply and removal]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya: Kul'tura. Istotiya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Series: Culture. History. Philosophy. Law]. 2015, no. 2, pp. 29–36. (In Russian).
3. Yunger F.G. *Sovershenstvo tekhniki. Mashina i sobstvennost'* [The perfection of technique. The machinery and property]. Saint-Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2002, 559 p. (In Russian).
4. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [The critique of pure reason]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 591 p. (In Russian).
5. Bergson H. *Opyt o neposredstvennykh danykh soznaniya* [An Essay on the Immediate Data of Consciousness]. *Sobranie socineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow, Moskovskiy klub Publ., vol. 1, 336 p. (In Russian).
6. Heidegger M. *Razmyshleniya II–VI (Chernye tetrad 1931–1938)* [Ponderings II–VI: Black Notebooks 1931–1938.]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2016, 584 p. (In Russian).
7. Husserl E. *Sobranie socineniy. T. 1. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Collected Works. Vol. 1: Phenomenology of the Consciousness of Internal Time]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, 192 p. (In Russian).
8. Breazeal C. Social Interactions in HRI: The Robot View. Available at: <http://robotic.media.mit.edu/wp-content/uploads/sites/14/2015/01/Breazeal-IEEEESMC-04-trv.pdf> (accessed 15.10.2016). (In English).
9. Descartes R. *Strasti dushi* [Passions of the soul]. *Socineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1, pp. 481–572. (In Russian).
10. Lubbe H. *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem* [Keep up with the times. Short stay in the present]. Moscow, HSE House Publ., 2016, 456 p. (In Russian).
11. Urry Jh. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow, Praksis Publ., 2012, 576 p. (In Russian).
12. Ferraris M. *Ty gde? Ontologiya mobil'nogo telefona* [Where Are You? Mobile Ontology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, 352 p. (In Russian).

13. Spinoza B. *Etika* [Ethics]. *Socineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1999, vol. 1, 489 p. (In Russian). Historical Discourse]. 2015, vol. 1, iss. 2, 74 p. (In English).
14. Komarov S.V. [Strategies of struggle against time: eventfulness and history] *Evropský Filozofický a Historický Diskurz* [European Philosophical and

The date of the manuscript receipt 18.04.2017

Об авторе

Комаров Сергей Владимирович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг»

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: komarov@rnc.edu.ru
ORCID: 0000-0001-7358-6151

About the author

Komarov Sergey Vladimirovich

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department
of Management and Marketing

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: komarov@rnc.edu.ru
ORCID: 0000-0001-7358-6151

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Комаров С.В. Машина и время: счет, память и скорость // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 341–351. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-341-351

Please cite this article in English as:

Komarov S.V. Machine and time: account, memory and speed // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 341–351. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-341-351

УДК 111

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-352-357

ЗНАК, СУЩНОСТЬ И СУЩЕСТЬ

Клёцкин Михаил Васильевич

Предмет исследования — знаковое выражение сущего в сознании в форме сущности, а также процесс становления понятия. Осознание сущности вещей проходит в три этапа: на первом сущность существует как физическое нечто, на втором — как неосознанная (но уже бытийствующая) сущность, на третьем — как осознанная сущность-понятие. Проанализирована взаимосвязь понятий «сущность», «знак», «сущее», «значимость» и предложена праксиологическая модель их объединения. Обосновывается утверждение, что сущность (τὸ τί ἦν εἶναι) есть непосредственное и изначально бессознательное мышление сущей-самой-по-себе вещи, ее непосредственное бытие до всякого осознания, служащее основанием такого осознания. Кроме того, мы различаем сущность и суть бытия вещи следующим образом: суть бытия — это определение сущности: определение неосознанного бытия сущей вещи через род и видовое отличие. На основании проведенного анализа утверждается, что бессознательные бытийные потребности прорываются в наличное бытие, творя символический ценностный образ сущего, ценностно относясь к сущему как к средству реализации потребности. Интерпретация знаков образует текстуру познания, т.е. устоявшиеся способы связи и использования сущностей.

Ключевые слова: сущее, сущность, значимость, ценностное отношение, вещь, Аристотель, аксиология, практика, истина, бытие, понятие, знак.

SIGN AND ESSENCE

Mikhail V. Klyetskin

Subject of the research — a symbolic expression of entity in consciousness in the form of an essence, and also the process of the development of the concept. Knowing of the essence of things goes through three stages: 1) essence exists as a physical something; 2) as an unconscious (but already existent) essence — «suschest»; 3) as a conscious essence-concept. The article analyzes the relation between concepts of essence, sign, entity, signficancy, and suggests praxeological model of their union. The author substantiates the assertion that «suschest» (τὸ τί ἦν εἶναι) is an immediate and initially unconscious thinking of the existing-in-itself things, immediate existence before any knowing, so serving as the basis for such knowing. In addition, we distinguish «suschest» and the thing's «essence of being» in this way: «essence of being» is the definition of «suschest» — defining the unconscious being of a thing through genus and species difference. On the basis of the analysis, the authors argue that unconscious existential needs break out into actual being, creating a symbolic value image of being, referring to the entity as to the instrument of realizing the need. Interpretation of signs forms the texture of cognition, that is, the established ways of connection and the use of essences.

Keywords: entity, essence, significance, value relation, thing, Aristotle, axiology, practice, truth, being, concept, sign.

Введение

В статье будет рассмотрено знаковое выражение сущего-самого-по-себе в сознании в форме сущности-понятия, а также сам процесс становления понятия. «О сущем говорится, правда, в различных значениях, но всякий раз по отношению к одному началу; одно называется сущим потому, что оно сущность, другое — потому, что оно со-

стояние сущности, третье — потому, что оно путь к сущности, или уничтожение и лишенность ее, или свойство ее, или то, что производит или порождает сущность и находится в каком-то отношении к ней; или оно отрицание чего-то из этого или отрицание самой сущности» [1, с. 119–120]. Сущее и сущность связаны самыми разнообразными способами, выделяется несколько видов как сущности, так и сущего. Собственно в осознании

и проговаривании этих взаимосвязей состоит задача фундаментальной онтологии.

Знак

Сущность-эйдос, понятийная форма, в которой сознанию является сущая вещь, является не просто фантазмом или симуляром, а *значимой* видимостью, т.е. миром знаков, имеющих смысл и ценность. *Все действительное является как знак, несущий смысл, а именно ценностный смысл предназначения.* Знак также является материалом для познания сущего в целом и универсальным типом соотносительности сущего и сущности.

В качестве материала знак конституируется отсыланием, имеющим характер *для-того-чтобы*. Знак имеет свою определенную полезность — он для указывания. Указывание *на-значает* средство для осуществления потребности. «Отсылание» как указание основано на «полезности для», т.е. на потребности. «Полезность для» есть онтологическая определенность материала *как материала*. Знак — это материал-указатель в наличном бытии, всегда движущемся и имеющем направление. Знак адресован специфически «пространственно-му» бытию, т.е. *показывает и структурирует* наличное бытие сущего, жизненный мир бытия и обстоятельства жизни индивида, в которых реализуется потребность. Знаки не существуют случайным образом, они упорядочиваются для удобства их применения, образуя структуру наличного бытия. Знак, таким образом, опредмечивает бытие, *выделяет* пригодный материал из бытийного потока становления, делает сущее доступным для использования. В знаке о себе заявляет лишенность, она же осуществляется через пригодный для этого материал, находимый рассмотрением в наличии или целенаправленно создаваемый сознательной деятельностью. Что обозначается, то становится доступным для использования, принимается в расчет сознанием.

Ценностное отношение есть реализация смысла бытия, оно *пред-на-значает* наличное бытие, образует его вещественным, т.е. вещающим о смысле бытия и сущем. Не случайно в русском языке слова «знак», «значимость», «знание» имеют общее происхождение: знание знаково и имеет значение (осознанный смысл). Знание и знак всегда несут ценностный смысл — бытийное предназначение, являющееся в знаке и раскрывающееся в его различении. Любые явления, даже сны, фантазии, мысли, являют, делают осознанными имманентные потребности бытия самости. Знак — форма осознания сущего-самого-по-себе

и наделение его смыслом. Знак символичен, он *переносит* в сознание неосознанный смысл, переносит на сущее (в форме знака) ценностное *отношение*.

Итак, знак — специфический бытийный способ осознания ценностного смысла бытия сущего, его «для-себя». Всякая «указательность» есть отсылание, но не всякое отсылание есть указывание, поскольку это отсылание может быть и неосознанным. Знак делает «видимым» и пригодным сущее в его бытийной представленности. *Каждый знак является модусом существования сущего — сущностью* (физической или умопостигаемой). Единое бытие распадается на отдельные сущности — различается. Знаки-сущности различаются и сравниваются между собой в зависимости от принадлежащих им физических или социальных свойств. Индивид всегда оценивает окружающие его предметы, дабы определить их пригодность для использования в своих целях, а в процессе сравнения с другими известными ему предметами определяет их значимость-пригодность. Так создается жизненный мир индивида, обладающий определенной ценностной структурой. *Определенное* мироустройство бытия обычно отождествляют с сущим-самим-по-себе, но это, на наш взгляд, не совсем правильно. Непосредственно знаем мы не это сущее, а лишь его бытийный образ. Причем этот образ не «открывается» как заранее существующий, а создается бытием как знаковый. Можно сказать, что знак «овеществляет» бытие сущего. Бессознательные бытийные потребности прорываются в наличное бытие, творя символический ценностный образ сущего, ценностно относясь к сущему как к средству реализации потребности. Интерпретация знаков образует текстуру познания, т.е. устоявшиеся способы связи и использования сущностей. Так познание интерпретирует знаки, образуя осознанный «жизненный мир» — бытийный способ выживания индивида, создаваемый им для приспособления к движению сущего.

Сущность

В сознании сущее представлено как наличное бытие, как *мир сущностей*. «И вопрос, который издревле ставился и ныне постоянно ставится и составляет затруднения, — вопрос о том, что такое сущее, — это вопрос о том, что такое сущность» [1, с. 188]. Сущностями принято называть как материальные единичные предметы наличного бытия, так и понятия, описывающие эти предметы или отношения между ними. В античном понима-

нии сущность — это истинное бытие предмета, оставший (истинный) образ вещи как в чувственной, так и в понятийной формах.

Трудным для понимания является вопрос об онтологическом статусе сущности: как соотносится сущность с сущим? Поскольку любая интерпретация сущего начинается с наличного бытия, сущности-понятия составляют материал и основание (подлежащее) всякого исследования. «Ни единое, ни сущее не могут быть сущностью для вещей (οὐτε τὸ ἐν οὐτε τὸ ὄν ἐνδέχεται οὐσίαν εἶναι τῶν πραγμάτων)» (*Aristoteles. Met. 1040b 18–19*) [2]. Сущность — это не сущее-само-по-себе, хотя и выражает его. Сущее-само-по-себе — это нечто «ἐπέκεινα τῆς οὐσίας» (по ту сторону сущностей), т.е. оно не есть сущность, но при этом познается как сущность. Сущности, представляющие в сознании сущее-само-по-себе, имеют одновременно как физическую, так и бытийную природу, но их связь с сущим-самим-по-себе остается определяющей. В своих поздних работах Стагирит отказался от концепции первой и второй сущностей (в этой концепции качества тоже объявлялись сущностями) в пользу концепции *целостной сущности*. «Сущность есть всущий [τὸ ἐνόν] эйдос, из которого и из материи [образована] так называемая целостная сущность» (ἢ γὰρ οὐσία ἐστὶ τὸ εἶδος τὸ ἐνόν ἐξ οὗ καὶ τῆς ὕλης ἢ σόνολος λέγεται οὐσία) (*Aristoteles. Met. 1037a 29*) [2]. Понятие «целостной сущности» включает в себя и собственно сущность-понятие (эйдос), и рассмотренную нами ниже «суть бытия», и сущее-само-по-себе-нечто (которое сущность-понятие обозначает). Однако в Средние века и в Новое время учение раннего Аристотеля о двух сущностях было воспроизведено в новоевропейской философии в концепции двух независимых субстанций — духовной и материальной.

Сущности ни о чем больше не сказываются, но все остальные понятия сказываются о них. Сущностями не являются роды и виды, так как они лишь задают онтологические границы существования сущностей и являются абстрактными, а не конкретными (как сущности) понятиями. Даже такие предельно абстрактные понятия, как бытие и сущее, хотя они, так или иначе, сказываются обо всем существующем, не являются сами сущностями. «Бытие же ни для чего не есть сущность, ибо сущее не есть род» [3, с. 324]. Лишь в модальных суждениях бытие играет роль как бы подлежащего, о котором, однако, сказывается не род, а модальности возможности и необходимости (и их отрицания). Хотя сущее-само-по-себе —

это единственное более общее понятие, чем бытие, но оно совершенно неопределенное и абстрактное, поэтому не может быть *определенным* родовым понятием в каком-либо определении или суждении, в том числе и в суждении о бытии. «“Бытие” или “не-бытие” не есть означение вещи (οὐ γὰρ τ’ὸ εἶναι ἢ μὴ εἶναι σημείον ἐστὶ τοῦ πράγματος), так же, когда скажешь “сущее” просто, само по себе, ибо само по себе оно ничего не значит и лишь имеет значение некоего связывания, без которого слагаемые не мыслятся» (*Aristoteles. De int. 16b 22–25*) [4]. Здесь Аристотель следует за Платоном, у которого материя и благо (так же, как и бытие) не являются сущностями: «οὐκ οὐσίας οντος του αγαθοῦ, ἀλλ’ ἐπι ἐπέκεινα τῆς οὐσίας πρεσβεία καὶ δυνάμει υπερέχοντος» (не сущность — существование блага, но все еще за пределами сущностей, превышая их достоинством и могуществом) (*Plato. Resp. 509b*) [5].

Тем, что материя существует бытийно, она близка к сущности, потребность же, например, сущностью не является, так как в своей исходности она не определена как нечто вещественное. Сущее, бытие, истина, потребность не имеются в наличии как нечто чувственное, а осуществляются. Сущее-само-по-себе, как и «чистое» бытие, не обозначает что-то конкретное, а обозначает два конституирующих процесса, принадлежность к которым составляет важнейшую характеристику любой единичной сущности и определяет ее истинность.

Хотя исходно сущность — это эйдос (понятие), но она не только эйдос. Сущность — это то, чем налично становится нечто сущее в процессе становления действительности. «И все, что возникает, возникает вследствие чего-то, из чего-то и становится чем-то (говоря “чем-то”, я имею в виду каждый род сущего: что-то становится или определенным нечто, или такой-то величины, или таким-то, или где-то)» [1, с. 197–198], то есть становится сущностью, о которой сказываются определенные категории. Хотя «сущее само по себе не возникает и не уничтожается» (τὸ ὄν αὐτὸ οὐ γίγνεται οὐδὲ φθείρεται) (*Aristoteles. Met. 1051b 29–30*) [2], того же нельзя сказать о сущностях (о наличном бытии сущего). Бытие сущностей не есть случайный поток сознания, наоборот, оно всегда необходимо, так как фундируется сущим-самим-по-себе. Кроме того, любой фантазм (представление) выражает в символической форме некоторую потребность («зов бытия» по Хайдеггеру) и поэтому имеет смысл. *Не случайна поэтому и такая характеристика сущности, как ее ценность.*

Рассмотрим сущность как понятие. Сущности-понятия играют важнейшую роль в познании. Они не просто обозначают нечто сущее, но выражают его важнейшие (ценные) для индивида стороны существования. «Эйдос — это понятие бытия как понятого (пойманного, знакомого) и поэтому содержит в себе ответ на вопрос, что мышление имеет в виду знать в качестве существенно сущего» [6, с. 234]. Возьмем дерево под нашим окном. Оно *существует* для нас как часть наличного бытия сущего, т.е. как образ в сознании — знак, знание, которое можно использовать. Действительное существование неотделимо от понимания: сущность наличной вещи двойственна, что всегда подчеркивалось в классической древнегреческой философии: она образна (*μορφή*) и понятийна (*εἶδος*). В первом случае дерево — сущая пространственно воспринимаемая единичная вещь, во втором — умопостигаемый понятийный образ. Сущее, выступая как материя, фундирует качества предмета как неотделимые от этого предмета свойства или как сопутствующие качества. Мышление, в свою очередь, определяет *значимость* сущих вещей, их пригодность для выполнения какой-либо задачи, формируя тем самым сущность-понятие. Сущности-понятия (эйдосы) изначально образуются как значимые и пред-назначенные, формируя, таким образом, предметный мир, имеющий начало существования вне самости индивида (в сущем-самом-по-себе) и одновременно в мышлении этой самости, образующей мир понятий-значимостей и придающей наличному бытию характер *пригодного*. Например, физическая сущность *существует*, будучи частью физического мира, а *значима* как часть бытия благодаря мышлению индивида.

Сущность-понятие — это то, как вещь *существует* для индивида в результате различения. Над ней нельзя поставить эксперимент, но ее возможно проанализировать, создать сущностную структуру сущего, истинность которой конституируется становлением бытия. Доказательство истинности или ложности рассуждений о чем-либо сводится к доказательству бытийного существования или несуществования рассматриваемых сущностей или их свойств (в этом смысл силлогистики), так как сущее-само-по-себе познаваемо только в бытийной форме сущности. «Необходимо, говорим мы, чтобы посредством доказательства о чем бы то ни было, исключая сущность, доказывалось, что оно есть» [3, с. 323–324].

Сущность

Рассмотрим теперь другую ипостась целостной сущности — так называемую суть бытия, обозначаемую нами термином «сущность». Суть бытия (*τὸ τί ἦν εἶναι*) — «странный иероглиф» аристотелевской философии, одно из важнейших онтологических понятий, в современной философии, к сожалению, практически неиспользуемое. Если сущность-понятие означает осмысленное «вот это» (*τί*), то суть бытия — это нечто еще не познанное, но бытийно существующее в мышлении — то, чем подлежащее суждения *было* (*ἦν*) до того, как стало этим конкретным подлежащим (*τί εἶναι*). Суть бытия, таким образом, связывает сферы сущего и наличного бытия сущего. В ранней работе «Категории» Аристотель еще не разделял сущность и суть бытия, вместо этого он говорил о двух видах сущности (эта традиция, благодаря комментариям Порфирия к «Категориям» Аристотеля, сохранилась и в средневековой и новоевропейской философии, поскольку она не выделяла неосознанное бытие как онтологический концепт). Сущность обозначает еще не осознанное бытие вещи — ее «*τὸ τί ἦν εἶναι*» — бытие сущего-самого-по-себе, еще не представленного как конкретное нечто. Сущность сохраняет самоидентичность целостной сущности в двух ее ипостасях: как нечто сущее-само-по-себе и как понятийно существующее. Собственно говоря, «*τὸ τί ἦν εἶναι*» — это то, что иногда обозначается как вещь в себе — нечто сущее в бытии, но еще не познанное. Когда же проговаривающее мышление проясняет бытийствующее сущее (делает его определенным *τί*), тогда оно проясняет и сущее-само-по-себе, делает его истинным.

В аристотелевской логике суть бытия — это обозначение бессознательного бытия чего-то сущего — логическое определение сущего бытия того, о чем идет речь в суждении. Рассмотрим, например, суждение «стол желтый». «Стол» — это сущность, «желтый» — это бытийное выявление (*φάσις*) определенной сущности (его «*τι*»). Сущность зачинает (*υπαρχει*) свои качества (сопутствующие свойства). Вернее же — зачинает качества не сущность, а стоящие за сущностью сущее-само-по-себе и суть бытия. «Суть бытия [*τὸ τί ἦν εἶναι*] каждой вещи означает то, что эта вещь есть сама по себе... только определение, в котором сама вещь не упоминается, но которое ее обозначает, и есть определение ее сути бытия» [1, с. 191]. Суть бытия вещи выражается в определении, которое показывает то, чем была рассматриваемая сущность до того, как стать осознанным бытием, до его явленности чем-то определенным. Аристотель

задается вопросом: «бытие платнем — есть ли это вообще некоторая суть бытия?» [1, с. 192]. И отвечает на него положительно, уточняя при этом, что «суть бытия имеется только для того, обозначение чего есть определение» [1, с. 192]. Она не существует отдельно от сущей-самой-по-себе вещи. Однако, по нашему мнению, Стагирит неудовлетворительно различает «обозначение чего есть определение» и само определение, поскольку называет их одним термином (τὸ τί ἦν εἶναι). Это дает основания для путаницы в терминах и в переводах. Все-таки невозможно чему-то определенному «τί» (определению) быть одновременно неосознанным, т.е. аристотелевский термин «τὸ τί ἦν εἶναι» внутренне противоречив во временном отношении. Необходимо снять эту противоречивость в дальнейшем различении этого термина. Но как эту задачу осуществить?

Выражение «τὸ τί ἦν εἶναι» слишком громоздкое, а его перевод как «сути бытия» слишком затемняет, на наш взгляд, его смысл. Поэтому мы предлагаем переводить его словом «существо». «Существо» — слово, придуманное В.В. Библихиным для перевода специфического хайдеггеровского термина в заметках на полях к «Бытию и времени». Этим термином Хайдеггер обозначает одновременно как бытие, так и сущность, показывая, что они есть бытие и сущность сущего-самого-по-себе. Мы же называем существом такое нечто, которое не сущее-само-по-себе и не понятие-сущность, а есть некоторое впечатление (переживание) в душе, выражаемое определением. Это опосредующее звено между понятием и сущим-самим-по-себе, то, чем было бытие вещи до того, как стать осознанным. Выражение сути бытия какого-либо нечто через определение описывает ставшее действительным бытие этого нечто в возможности. Не нужно отказываться и от термина «суть бытия», однако он должен приобрести смысл, отличный от смысла «сущности». Мы различаем существо и суть бытия следующим образом: суть бытия — это определение сущности, определение неосознанного бытия сущей вещи через род и видовое отличие. Существо — неосознанное бытие физической сущности, суть бытия — дефиниция этого бытия.

Существо может существовать без сущности-понятия, а такая сущность без сущности (например, кентавр), поэтому неправильно их отождествлять. Существо непосредственно зачинает сущность-понятие и составляет его смысл. Феномен в таком случае — явление сущности в качестве определенной сущности. Существо — бытийно-сущее основание осознанного бытия вещи. Физи-

ческое (материальное) бытийствует как сущность-понятие только через посредство сущности. Нематериальные сущности (треугольник, кентавр) могут о сущности не сказываться. Сознательное мышление становится действительным, осуществленным. Качества познаваемой сущности есть качества состояний психики, зачинаемых сущим-самим-по-себе и являющихся сущими именно как состояния души. Важно различать состояния психики и то, чем эти состояния вызываются, т.е. бытие сущего-самого-по-себе и само это сущее. При сущем движении сущего-самого-по-себе в душе (мышлении) возникают некие неосознанные и еще не реализованные в действительности предрасположенности (способности), уклады (состояния) и страсти (*Aristoteles*. EN. 1105b 19–21) [7]. Причем это не «застывшие» состояния и предрасположенности со страстями, а непрерывно меняющиеся и различающие действительное бытие индивида. На эту изменчивость сущности не обратил внимание Аристотель, так как для него было важным найти общую для всех основу истинного познания. Почему, например, все наблюдатели считают истинным высказывание, что данный стол желтого цвета? По мнению Аристотеля, потому что сущее, именуемое столом, вызывает в мышлении всех присутствующих идентичное впечатление — существо данного стола, качеством которого для всех будет желтый цвет (*Aristoteles*. Met. 1009a 36–38) [8]: «ετι δ' ἀξιόσομεν αὐτοὺς ὑπολαμβάνειν καὶ ἄλλην τινὰ οὐσίαν εἶναι τῶν ὄντων ἢ ὅτε κίνησες ὑπάρχει οὔτε φθορά οὔτε γένεσις το παράπαν» (а кроме того, мы требуем, чтобы они приняли бытие и некой иной сущности сущего, которая вообще не зачинает [ὑπάρχει] никаких движений — ни гибели, ни возникновения). По нашему мнению, речь в данном фрагменте идет именно о сущности. Но в таком случае, исходя из современных знаний о природе познания, трудно согласиться с данным высказыванием. Существо не есть что-то неизменное, ведь сущее-само-по-себе тоже меняется, изменяя, в свою очередь, и существо. Ну а существо зачинает изменения как истинного определения сути бытия вещи, так и ее сущности.

Заключение

Таким образом, существо есть непосредственное и изначально бессознательное мышление сущей-самой-по-себе вещи, ее непосредственное бытие до всякого осознания, служащее основанием такого осознания. Сущности существуют трансцендентально по отношению к наличному бытию, определяют его содержание и служат одним из

его онтических и онтологических оснований. Существо какой-либо сущности выражается в ее определении (через род и различие внутри рода), которое отграничивает бытие данной сущности от других сущностей и тем самым структурирует осознанное (и поэтому наличное) бытие. Определение сущности определяет не единичное сущее, а сразу некоторую область бытия схожих и в конкретный момент неразличимых впечатлений, называемых в логике объемом понятия.

Между сущим-самим-по-себе, сущестью и сущностью есть неразрывная связь, без которой мы бы не имели знания о сущем, а сущности бы не существовали. В рассмотренном нами примере нечто сущее-само-по-себе зачинает существо стола (его бессознательное бытие), а эта последняя — сущность стола (его наличное бытие). Это единство дает основания для отождествления стола-самого-по-себе и бытия столом в новоевропейской философии, но такое отождествление должно быть не априорным, а различенным в самом себе и основываться на исходном для философии различении бытия и сущего. Целостная сущность разделяется: 1) на нечто сущее-само-по-себе; 2) сущестью; 3) сущность-понятие, служащее подлежащим в суждении и вообще основой познания.

Список литературы

1. *Аристотель*. Метафизика // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 64–366.
2. *Aristotle's metaphysics: in 2 vols.* Oxford: Clarendon Press, 1970.
3. *Аристотель*. Вторая аналитика // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 256–346.
4. *Aristotle. Categories and De Interpretatione / tr. with notes by J.L. Ackrill.* Oxford: Clarendon Press, 1963.

Об авторе

Клёцкин Михаил Васильевич
кандидат философских наук

e-mail: samkoms@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2481-7379

5. *Platonis opera: in 5 vols.* / ed. by J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1900–1905.
6. *Ахутин А.В.* Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с.
7. *Aristotle. Nicomachean Ethics / tr. by D.W. Ross.* 1955. Vol. 9. P. 339–444.
8. *The Works of Aristotle. Vol. 1–2 // Great Books of Western World.* Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc. 1952. Vol. 8–9.

Получено 23.04.2017

References

1. *Aristotle. Metafizika [Metaphysics]. Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1, pp. 64–366. (In Russian).
2. *Aristotle's metaphysics: in 2 vols.* Oxford: Clarendon Press, 1970. (In English).
3. *Aristotle. Vtoraya analitika [Posterior Analytics]. Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1978, vol. 2, pp. 256–346. (In Russian).
4. *Aristotle. Categories and De Interpretatione / tr. with Notes by J.L. Ackrill.* Oxford: Clarendon Press, 1963. (In English).
5. *Platonis opera: in 5 vols.* / ed. by J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1900–1905. (In English).
6. *Akhútin A.V. Antichnye nachala filosofii [Ancient principles of philosophy].* St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 784 p. (In Russian).
7. *Aristotle. Nicomachean Ethics / tr. by D.W. Ross.* 1955, vol. 9, pp. 339–444. (In English).
8. *The Works of Aristotle: Vol. 1–2. Great Books of Western World.* Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc. 1952, vol. 8–9. (In English).

The date of the manuscript receipt 23.04.2017

About the author

Klyetskin Mikhail Vasil'evich
Ph.D. in Philosophy

e-mail: samkoms@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2481-7379

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Клёцкин М.В. Знак, сущность и сущестью // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 352–357. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-352-357

Please cite this article in English as:

Klyetskin M.V. Sign and essence // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 352–357. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-352-357

УДК 1:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-358-367

СУЩНОСТЬ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Шарков Антон Валерьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Среди ученых сегодня растет интерес к исследованию антропологических и социально-философских проблем государственного развития. Отечественные и зарубежные ученые все чаще обращаются к понятию социального государства, его проблемам и перспективам существования. Есть основания полагать, что в решении вопросов, связанных с будущим социального государства и проблемами его развития, свой вклад должны внести и философы. Проблема участия государства в развитии социальной сферы общества и вопросы реализации государством своей социальной функции разрабатываются социальной философией, теорией государства и права, историей, социологией. Перед учеными стоит задача описать и объяснить существенные изменения роли современного государства в управлении общественными делами (особенно в социальной сфере). Эта задача решается исследователями с разных, порой противоположных, теоретико-методологических позиций. Статья содержит социально-философское обоснование социальной функции государства исходя из теории исторического процесса, в основе которой лежит диалектика родовой и индивидуальной сущности человека. Предпринимается попытка выявить антропологические основания государства и его социальные функции, опираясь на философскую концепцию человеческой сущности. Дается определение социальной функции государства. Раскрывается понимание социальной функции государства в широком и узком значениях. В широком смысле доказывается, что социальная функция государства дополняет, корректирует аналогичную функцию общественного производства, тем самым сглаживая, смягчая отчуждение родовой сущности человека. В узком смысле предлагается рассматривать социальную функцию как активность государства в областях образования, здравоохранения и социального обеспечения.

Ключевые слова: государство, социальная функция, родовая сущность, отчуждение, исторический процесс, сущностные силы.

ESSENCE AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STATE'S SOCIAL FUNCTION

Anton V. Sharkov

Perm State University

In the scientific literature there is a growing interest in the anthropological and socio-philosophical problems of state development today. Russian and foreign scientists are increasingly turning to the notion of a social state, its problems and perspectives of existence. There is a reason to believe that in addressing issues related to the future of the social state and the problems of its development, philosophical thought should also make a contribution. The problem of state participation in the development of the social sphere and problems of the state's realization of its social function, are developed by a number of fundamental and humanitarian sciences: social philosophy, state and law theory, history, sociology. Scientists set the task of describing and explaining significant changes in the role of the modern state in the management of public affairs (especially in the social sphere). In this case, the task is solved by the researchers from different, sometimes opposing, theoretical and methodological positions. The essence of the state social function has been investigated engaging modern scientific theory of the historical process. The article contains a socio-philosophical substantiation of the state social function through the scientific theory of the historical process, which is based on the dialectics of the patrimonial and individual essence of man. The author makes an attempt to reveal the anthropological

foundations of the state and its social function through the philosophical conception of the human essence. The author's definition of the social function of the state is given. The article presents definitions of the social function of the state in broad and narrow meanings. In a broad sense the social function of the state elaborates, corrects a similar function of social production, thus it smooths and alleviates alienation of the patrimonial essence of man. In a narrow sense, it is proposed to consider the social function as an activity of the state in the fields of education, health and social security.

Keywords: state, social function, patrimonial essence, alienation, historical process, essential powers.

Введение

Сущность государства как центрального элемента политической надстройки, его функции, происхождение и развитие всегда были предметом внимания исследователей самых разных взглядов и научных школ и направлений. Актуальность изучения социальной функции государства обусловлена потребностью понимания сущности современного государства, процессов происходящих в нем, выработка предложений для решения важнейших общественных задач.

Начиная с 80-х гг. XX в. и по настоящее время в мире доминирует неолиберальная концепция государственной социальной политики. Она основывается на представлениях о том, что государство должно свести к минимуму свое присутствие в экономической и, прежде всего, в социальной сфере (*Laissez-fair, laissez passer*). Вопрос о степени участия государства в социальной сфере сегодня является дискуссионным не только в мировом сообществе, но и в политической элите современной России. Отстранение государства от решения социальных проблем, финансирование образования, здравоохранения и социального обеспечения по остаточному принципу привели в 90-х гг. в России к настоящей антропологической катастрофе, которая, в частности, выразилась в депопуляции населения.

Теоретической основой современного неолиберализма являются работы А. Смита [1], Ф. Хайека [2], М. Фридмана [3] и других ученых. Авторы этого подхода полагают, что вмешательство государства в экономические и социальные процессы нарушает правила рыночной конкуренции, вредит свободному развитию индивидов [4]. Сегодня можно встретить немало работ, которые продолжают обосновывать неизменность, устойчивость, универсальность и исключительность законов рыночной экономики [5]. В некоторых из них предпринимается попытка выявить и обосновать нравственные основы капитализма [6]. Отметим, что неолиберальная доктрина в современном варианте лишь заимствует некоторые из положений классической политэкономии, австрийской

школы и монетаризма, упрощая или же вовсе превращая их в догмы.

Своеобразную подпитку рыночный фундаментализм сегодня получает благодаря процессу глобализации и расширению мирового рынка. Вместе с новыми возможностями, которые несет глобализация, появляются новые риски и вызовы, направленные на умаление роли отдельных государств. Государство в своих действиях оказывается все чаще скованным деятельностью международных финансовых институтов, соглашений и транснациональных корпораций. Международная практика показывает, что глобальные процессы наносят значительный ущерб государственным социальным функциям. Образовавшаяся ниша вследствие ограничения социальных функций государства неизбежно наполняется деятельностью общественных и религиозных организаций, коммерческих структур и др. В 2011 г. даже апологет неолиберализма — Международный валютный фонд в лице своего руководителя Д. Стросс-Кана признал такую политику неоправданной, нежизнеспособной и даже опасной [7]. Между тем не следует забывать, что экономическая система современной России сформировалась преимущественно под влиянием положений «Вашингтонского консенсуса». Многие его идеи сегодня устарели и раскритикованы, но базовые установки продолжают жить и развиваться в других формах.

В теоретическом аспекте неолиберальный подход обосновывается особым взглядом на сущность человека. Человек представляется как атом общества, существующий в отрыве от другого человека и от общества в целом. Философия индивидуализма абсолютизирует личную ответственность человека за свою судьбу и за благополучие своей семьи, что, в частности, уже привело к разложению института традиционной семьи. Человек остается один на один с тяготами своей жизни, он может рассчитывать на поддержку со стороны (семьи, общины, общественных объединений, государства и др.) только в случае невозможности себя обеспечивать и создавать материальные условия своего существования. Получается, что отдельный человек не является сопричаст-

ным, включенным в общественную жизнь и ощущает собственное бессилие, что ведет к разнообразным и глубоким формам отчуждения. По мнению Э. Фромма, отчуждение — участь отдельного человека при капитализме [8, с. 230].

И.А. Гобозов полагает, что под влиянием глобализации происходит существенная трансформация отношений общества и государства. Роль государства пытаются принизить, свести ее лишь к соблюдению прав человека, защиты демократических принципов [9]. Предельному испытанию сегодня подвергаются социальные обязательства государства, его способность поддерживать качественное и количественное воспроизводство населения, бороться с вызовами мирового рынка и негативными последствиями глобализации. Особую роль, по мнению ученого, должно взять на себя и гражданское общество путем требований от государства оказания помощи нуждающимся, инвалидам и другим слоям общества [9].

Представляется, что проблема реализации государством своей социальной функции требует философского осмысления на глубинном, сущностном уровне. При этом в качестве методологического основания должна быть использована современная научная теория исторического процесса, в которой исследуются субстанциональные (сущностные) основания исторического процесса. Такой подход позволит провести сущностный анализ антропологических оснований государства, по-новому взглянуть на его социальную функцию.

Государство как политическая форма отчуждения родовой сущности человека

Современная научная теория исторического процесса понимает человека как социальное и материальное существо, способное к бесконечному развитию благодаря своему универсальному способу существования — человеческой деятельности. В творческой, преобразовательной деятельности заключена родовая сущность человека [10]. Каждый индивид является родовым существом, т.е. ему присуще все свойства человека вообще (сущностные силы). Родовая сущность человека показывает то общее, что есть между всеми индивидами как представителями рода человеческого. История человечества — это история постоянного развития человеческой сущности, ее самоусложнения. В процессе своего развития родовая человеческая сущность деформируется, проходит конкретно-исторические ограниченные формы (рабство, крепостничество, наемный труд). В этих исторически обусловленных ограничениях чело-

веческая сущность «распадается», «расщепляется» на родовую и индивидуальную. Олицетворением индивидуальной сущности являются ограниченно развивающиеся индивиды, не способные в полной мере удовлетворять свои потребности и иметь доступ ко всем общественным благам. В этом смысле история человечества — это и история растущего отчуждения родовой сущности. Отчуждение базируется на разнице между сущностью и существованием, на том факте, что человеческое существование отделено (отчуждено) от его сущности, что человек в наличной действительности представляет собой вовсе не то, что он есть в потенции, или, иначе говоря, он является собой не того, кем он может и должен стать [11]. Отчуждение родовой сущности становится возможным в силу противоречий внутри самой человеческой сущности, которые актуализируются в общественном разделении труда, появлении частной собственности, классовых столкновениях. Таким образом, каждая историческая эпоха отличается уровнем развития индивидов, а также своим специфическим противоречием между конкретными историческими индивидами и человеком как родовым (универсальным) существом. Таким образом, чем более развит индивид, тем глубже в нем раскрывается человеческий род.

Исторический процесс можно определить как развернутую в пространстве и во времени жизнедеятельность общества (человечества) [12]. Общество является единым целым организмом, который имеет присущие только ему объективные законы развития. Общественное развитие представляет собой, с одной стороны, процесс производства и воспроизводства человеческой сущности, а с другой — процесс углубления человека в собственную социальную материальную универсальную, родовую и индивидуальную сущность.

Род — это первая историческая общность людей, которая основывалась, в первую очередь, на кровной связи между ними. В этом обществе отдельный индивид не мыслил себя вне коллектива (рода) и отождествлял себя с ним, родовая и индивидуальная сущности человека в нем совпадали, т.е. род как общность людей представлял в целом весь род человеческий, все общество. До возникновения государства социальную функцию выполнял род. Публичная власть существовала и в родоплеменном строе, однако эта власть не была политической, не была отчуждена от народа, а основывалась на самоуправлении и осуществлялась непосредственно. Уже в этот период истории родовая организация общества несла перед инди-

видами определенные социальные обязательства, которые можно описать понятием общинно-родовая форма помощи. Община помогала своим членам в том случае, если семья самостоятельно не могла справиться с жизненными сложностями. В различных формах практиковалась забота о людях старшего поколения, о детях, оставшихся без родителей, о вдовах и т.д. Более того, люди помогали друг другу при постройке дома, уборке урожая, при болезни взрослых в семье, при пожаре, наводнении [13]. Помощь слабым и неприспособленным членам родовой общины являлась условием ее существования и способом проявления подлинной человечности.

В процессе развития сущностных сил человека произошло отделение умственного труда от физического, что обусловило раскол общества на классы, и расщепление человеческой сущности на родовую и индивидуальную. Разложение родоплеменного строя ознаменовало собой становление цивилизаций.

Л.А. Мусаелян отмечает, что поскольку родовая организация общества заменяется политической, то теперь человек ассоциируется с (свободным) гражданином, а общество — с государством, интересы которого оказываются определяющими по отношению к интересам отдельных граждан. Философ полагает, что в античности отношения между гражданином и государством были похожи на отношения между человеком и родом на ранних этапах истории [14].

Государство возникает на определенном уровне развития человеческой сущности, при этом родовая организация общества сменяется организацией политической. Род преобразуется в государство, которое становится выразителем интересов общества, родовая сущность человека содержится в воле народа. Однако государство, в отличие от рода, является не просто носителем публичной власти, но власти политической. Государство по отношению к отдельным индивидам выступает как форма иллюзорной общности, как их коллективная воля, «оторванная», отчужденная от них самих, как сила, стоящая «над обществом». В силу отчуждения оно имеет свои собственные интересы, никогда полностью не совпадающие с общественными интересами. Таким образом, государство представляет собой первую форму отчуждения родовой сущности человека — политическую.

Само отчуждение Маркс выводил из человеческой деятельности (труда) как универсального способа существования человека, в котором проявляется его родовая сущность [10]. Отметим, что

понятие «отчуждение» применяется в настоящем исследовании не только для описания процессов в сфере общественного бытия, но и в сфере общественного сознания. Однако экономическая сфера, т.е. сфера материального производства, более существенна для понимания и преодоления отчуждения в других сферах [15]. Развивая марксистское понимание отчуждения преимущественно вне сферы материального производства, Э. Фромм утверждает, что отчуждение человека от своей родовой сущности неизбежно приводит и к разнообразным формам отчуждения человека от человека [11]. В этом смысле государство и другие политические институты также можно рассматривать как политическую форму отчуждения родовой сущности человека. По мнению А.В. Бузгалина, государство, будучи социальной силой, в определенном смысле присваивает человеческие качества и тем самым превращает человека-творца в функцию и раба данных внеличностных сил [16]. Исторически государство выделяется (отчуждается) как сложнейшая форма политической организации общества в результате усложнения человеческой деятельности, а также глубинной потребности общества в управлении.

Представляется, что государство можно рассматривать как политическую форму отчуждения родовой сущности человека. Этот тезис имеет два аспекта:

1) государство, становясь официальным выразителем воли народа и представителем всего общества, осуществляет функции рода, заменяя собой родовую организацию общества;

2) государство является закономерным результатом человеческой деятельности, отчуждается как ее продукт и получает самостоятельное существование независимо от воли людей.

Ф. Энгельс связывал процесс политогенеза у греков и римлян с разделением общества на непримиримые классы, имевшие противоположные интересы: «...Государство есть признание, что общество... расколосось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходима сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновения, держала его в границах “порядка”. И эта сила, происходящая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» [17, с. 170]. Глубокая потребность общества в самосо-

хранении вызывает к жизни социальную функцию государства, при этом указанная потребность чаще всего актуализируется в результате социальных потрясений, насилия, борьбы классов. В зависимости от своего типа (рабовладельческое, азиатское, феодальное, капиталистическое, социалистическое) государство, будучи социально неоднородным образованием, обеспечивает воспроизводство господствующего в данный исторический период класса. У этого класса значительно больше возможностей, чтобы нужным им образом организовать, выстроить политическую власть. Однако в итоге государство отчуждается и от господствующего класса, т.е. сам этот класс полностью никогда не совпадает с государством.

Государство есть политическая форма родовой жизни человека, существующая в отчужденной форме. Оно имеет двоякую природу: с одной стороны, государство представляет собой политическую форму отчуждения родовой сущности человека и в каждом конкретном обществе это отчуждение воспроизводит; с другой стороны, государство вынуждено принимать специальные, исторически обусловленные меры для поддержания воспроизводства своего населения. Во втором случае оно через обеспечение определенного уровня жизни населения выполняет свои социальные функции, создавая условия для социального прогресса, который в конечном счете будучи реализованным, смягчает отчуждение родовой и индивидуальной сущности человека.

Социальная функция государства: узкий и широкий подходы к пониманию

Понятие «функция» производно от лат. *functio* — осуществление, выполнение. Функция есть способ поведения, присущий какому-либо объекту и способствующий сохранению существования этого объекта или той системы, в которую он входит в качестве элемента [18, с. 418]. В социологической науке это понятие указывает на ту роль, которую определенным социальный институт или частный социальный процесс выполняют по отношению к целому (например, функции государства, семьи и др.). При таком подходе под функцией понимается определенная совокупность последствий социальной деятельности. Различают функции явные и скрытые (латентные). Первые совпадают с намерениями и провозглашаемыми целями и задачами того или иного института, а скрытые обнаруживают себя с течением времени и отличаются от намерений участников деятельности [18, с. 419].

Функция государства — это определяемые экономической и социальной структурой классового (социально неоднородного) общества основные направления деятельности государства, проявляющиеся в содержании его работы по выполнению стоящих перед ним исторических задач [19, с. 20]. Это определение можно принять за рабочее, но с одной оговоркой. Она заключается в том, что помимо социально-экономических факторов на функции государства активно оказывают влияние и цивилизационные особенности, такие как культура, менталитет, право и другие надстроечные компоненты.

Исследователь функций государства Ф.В. Фетюков указывает на то, что в современных научных исследованиях и учебной литературе по-прежнему преобладает понимание функций государства как основных направлений (сторон) деятельности государства, выражающих его сущность и социальное назначение. При этом он отмечает, что сохраняется также и понимание функций государства как его социального назначения, заключающегося в упорядочивающем воздействии на общественные отношения в определенных сферах [20, с. 40].

По нашему мнению, **социальная функция государства — это система мер, принимаемая государством на постоянной основе для воспроизводства населения и поддержания определенного уровня его жизни с целью сохранения единства и целостности государства.** Есть основания полагать, что социальная функция государства находится в тесной связи с конкретно-историческим пониманием сущности человека. Понимание и осмысление сущности человека становится возможным благодаря ее постоянному, объективному развитию. Развитие человеческой сущности, развернутое в пространстве и во времени, составляет исторический процесс.

Социальная функция государства может рассматриваться в двух смыслах — узком и широком.

В широком смысле слова социальная функция государства выражает отношение государства к человеку через участие в развитии его сущностных сил. Это политика государства проявляется в основных сферах общественной жизни по сохранению и развитию родовой сущности человека в условиях отчужденного бытия этой сущности. Наиболее глубокая сторона социальной функции выражается в обеспечении занятости, в стимулировании познавательной активности индивида, удовлетворении его материальных потребностей,

утверждении социально ориентированных прав и свобод и др.

В самом широком смысле социальная функция присуща процессу общественного производства, так как именно в нем происходит воспроизводство родовой и индивидуальной человеческой сущности. В этом общественном производстве человеческой сущности экономическая сфера и материальное производство являются в конечном счете определяющими. Деятельность людей по производству материальных средств к жизни составляет основу экономической сферы жизни общества. Социальная функция государства не подменяет собой социальной функции общественного производства, наоборот, она дополняет ее.

Сферы общественной жизни можно определить как области жизнедеятельности людей, обусловленные общественным разделением труда, а также потребностью обеспечения нормального функционирования и развития общества. Социальная функция государства выражает активность государства в социальной сфере. Для того чтобы обеспечить нормальное функционирование и развитие общества, государство использует свои общие функции управления.

Воздействие государства на социальную сферу общественной жизни не может не отражаться и на материальной сфере, оказывая на нее обратное воздействие. В условиях конкретно-исторического разделения труда и расщепления человеческой сущности на родовую и индивидуальную, в определенной степени происходит выравнивание доступа индивидов к общественному богатству. Таким образом, социальная функция государства является ключом к социальной стабильности в обществе и позволяет ему нормально функционировать и развиваться как системе. К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что человек является субстанцией истории, он ее творец, однако для того, чтобы быть в состоянии «делать» эту историю, он должен иметь возможность жить [21, с. 26]. Не все люди в силу объективных причин могут самостоятельно создать себе такие условия и удовлетворять свои потребности. В силу социальной неоднородности (классовости) общества многие вынуждены не жить, а выживать, превращая свою родовую жизнь в средство для поддержания индивидуального существования. Полагаем, что создание условий для того, чтобы люди имели возможность жить и всесторонне развиваться, — историческая, а не сиюминутная область деятельности государства. Государство, будучи официальным представителем рода человеческого на определенной территории, ис-

пользуют социальные обязательства перед населением. Ф. Энгельс отмечал, что политическая власть была устойчивой только тогда, когда выполняла свои общественные обязанности [22, с. 184]. Таким образом, социальная функция государства в определенной степени обосновывает легитимность того или иного правительства, других органов государства, придавая устойчивость политической власти.

В обществе нет ничего, чтобы не являлось результатом реализации человеческой сущности, в том числе государство и его публичные институты. Государство по своей природе не способно устранить (эмансипировать) все формы отчуждения человека, но оно в каждый период истории, в зависимости от уровня развития человеческой сущности, оно в определенной степени привносит в социальное развитие общечеловеческое содержание. Через социальную функцию государство в определенной степени способствует развитию индивидов, обогащает их индивидуальное бытие и, как следствие, способствует росту основательности исторического процесса. Социальная функция государства выступает своеобразным объединяющим началом для людей. Через эту функцию подчеркивается принадлежность и сопричастность каждого человека к общественным делам. Чем сильнее социальная функция государства, тем меньше противоречие между родовой и индивидуальной сущностью человека.

В узком смысле социальная функция государства рассматривается как политика государства в социальной сфере развития общества, выражающаяся в определенной системе мероприятий, проводимых государством в области образования, здравоохранения и социального обеспечения.

Политика государства в области образования, здравоохранения и социального обеспечения отвечает за качественную сторону воспроизводства населения и направлена на развитие родовой сущности человека.

С момента своего образования государство является выражением публичной власти, обособленной от народа; оно должно отстаивать публичные (общественные) интересы, создавая соответствующие (в первую очередь материальные) условия. Поэтому сферы образования, здравоохранения и социального обеспечения предполагают создание и функционирование специальных учреждений (организаций), через которые и проводится государственная политика, удовлетворяются общественные потребности.

Как социальный институт, образование имеет свою специфику: подчинение общественным потребностям и выполнение важнейших социальных функций — обучение и воспитание. Образование выступает важнейшим элементом духовного производства и условием воспроизводства населения страны в целом, его сущностная характеристика — воспроизводство человека и социальных отношений. При таком подходе образование выступает социальным благом, которое является:

- источником научного, культурного, технического прогресса;
- условием экономического развития и увеличения национального богатства;
- своеобразным срезом общечеловеческой системы ценностей;
- инструментом удовлетворения потребностей, в т.ч. в познании;
- особым видом социальной практики;
- важнейшим элементом социализации индивида;
- основой самосохранения общества.

Как справедливо утверждает отечественный исследователь В.В. Морозов, образование является обязательным условием воспроизводства обществом своей сущности [23].

Исследователь Б. Бим-Бад отмечает, что образование определяет производительность труда и национальное богатство. С образованием тесно связан вопрос качественной стороны воспроизводства населения — вопрос продолжительности жизни населения страны. Прогресс в области образования связан с твердой уверенностью в будущем той или иной нации. Этот прогресс служит порукой в улучшении участи человеческого рода [24, с. 45].

Сохранение и поддержание здоровья населения является государственной задачей. Здоровье — важнейшая ценность человечества, оно определяет продуктивность трудовой деятельности и продолжительность жизни людей, является залогом творческой активности индивидов, выступает условием наиболее полного выражения личности. Не будет преувеличением сказать, что здравоохранение так же, как и образование, является сферой национальной безопасности, так как обеспечивает устойчивое воспроизводство населения.

По мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения, многие болезни являются следствием воздействия социальных факторов и здоровье индивида прямо связано с тем, что передано от родителей, а также особенно зависит от ка-

чества жизни, социального благополучия и духовности личности [25].

Сфера социального обеспечения является ключевой для раскрытия понятия социальной функции государства. В этой сфере также решаются задачи воспроизводства населения, уравнивание материальных условий жизни индивидов. Институт социального обеспечения включает в себя пенсионное обеспечение, социальную поддержку малоимущих слоев населения, инвалидов, детей-сирот и т.д. Поддержку получают те, кто в силу возраста, состояния здоровья и других факторов не могут в полной мере поддерживать свое существование на должном уровне.

Заключение

Исторический процесс является выражением развивающейся человеческой родовой и индивидуальной сущности. Государство есть политическая форма отчужденного бытия родовой сущности человека. Социальная функция государства есть способ сохранения, воспроизводства и развития родовой сущности человека в условиях отчужденного бытия этой сущности. С развитием сущностных сил человека происходит разложение первобытнообщинного строя и становление цивилизации, при этом родовая форма организации общества, основанная на публичной власти и самоуправлении, заменяется политической властью, выразителем которой становится государство. Теперь оно представляет род человеческий на определенной территории, однако в отличие от рода как исторической общности людей интересы государства никогда полностью не совпадают с интересами общества.

Социальная функция государства дополняет, корректирует аналогичную функцию общественного производства, тем самым сглаживая, смягчая отчуждение родовой сущности человека. Государство в определенной мере выравнивает доступ индивидов к социальным благам, выступая проводником социальной справедливости и объединяющим началом для людей. Тем самым создаются условия для сплочения общества, снижается изоляция индивидов, у них появляется возможность быть сопричастными к общественным делам.

Полагаем, что социальная функция государства также способствует социальному прогрессу и росту основательности исторического процесса. Это выражается, во-первых, в том, что социальная функция государства вносит значительный вклад в его гуманизацию; во-вторых, государство через социальную функцию в определенной степени способствует развитию сущностных сил че-

ловека, обогащает его индивидуальное бытие; в третьих, социальная функция государства исторически позволяет укреплять легитимность власти и расширить социальную базу ее опоры.

Список литературы

1. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1962. 684 с.
2. *Хайек Ф.* Дорога к рабству / пер. с англ. М. Гнедовского. М.: АСТ: Астрель, 2010. 317 с.
3. *Фридман М.* Капитализм и свобода / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. 240 с. (Б-ка Фонда «Либеральная миссия»).
4. *Боуз Д.* Либертарианство: История, принципы, политика / пер. с англ.; под ред. А.В. Куряева. Челябинск: Социум: Cato Institute, 2004. 392 с.
5. *Грин Д.Дж.* Возвращение в гражданское общество: Социальное обеспечение без участия государства / пер. с англ. М.: Новое изд-во, 2009. 220 с.
6. *Нравственность* капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей / под ред. Т.Дж. Палмера М.: Новое изд-во, 2012. 138 с.
7. *Баикатова А.* Глобализм с человеческим лицом // Независимая газета. 2011. 6 апр. URL: http://www.ng.ru/economics/2011-04-06/1_globalizm.html (дата обращения: 27.07.2017).
8. *Фромм Э.* Человек одинок // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 230–233.
9. *Гобозов И.А.* Общество и государство: их взаимодействие // Философия и общество. 2011. № 2. С. 5–22.
10. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1974. Т. 42. С. 86–99.
11. *Фромм Э.* Марксова концепция человека / пер. Э.М. Телятниковой // Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 375–414.
12. *Мусаелян Л.А.* Концепция исторического процесса К. Маркса: человеческий контекст // Философия и общество. 2007. № 3. С. 64–80.
13. *Рябова Е.Н.* Адресная социальная помощь в исторической ретроспективе // Ученые записки РГСУ. 2011. № 10(98). С. 13–18.
14. *Мусаелян Л.А.* Становление концепции исторического процесса и проблема отчуждения родовой сущности человека // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2002. Вып. 11. С. 60–81.
15. *Мусто М.* Еще раз о марксовой концепции отчуждения // Альтернативы. 2013. № 3. С. 37–61.
16. *Бузгалин А.В.* Определенчивание, овещнение и отчуждение: актуальность абстрактных философских дискуссий // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 124–129.
17. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 21. С. 23–178.
18. *Философская энциклопедия*: в 5 т. Т. 5: Сигнальные системы — Яшты / гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Сов. энцикл., 1970. 740 с.
19. *Бондарев А.С.* Функции государства: понятие и классификация // Юридическая наука в современном мире: фундаментальные и прикладные проблемы: сб. науч. тр. юрид. ф-та / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2000. Ч. I. С. 18–23.
20. *Фетюков Ф.В.* Эволюция представлений о сущности и содержании понятия «функции государства» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 3. С. 33–43.
21. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 7–544.
22. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг или Переворот в науке, совершенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 20. С. 5–342.
23. *Морозов В.В.* Сущность образования как социального института // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 293–299.
24. *Бим-Бад Б.* Человек и человечество: педагогико-антропологические аспекты взаимодействия // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии Университета РАО. Вып. 5: Педагогическая антропология и история образования. М.: Изд-во УРАО, 2001. С. 102–115.
25. *Жильская Л.В., Колокольцев В.А.* Проблемы реализации социальной функции государства по охране и укреплению здоровья населения Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 1. С. 63–70.

Получено 01.08.2017

References

1. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [The Wealth of Nations]. Moscow, Izd-vo social'no-ehkonomicheskoy literatury Publ., 1962, 684 p. (In Russian).
2. Hajek F. *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2010, 317 p. (In Russian).

3. Fridman M. *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and Freedom]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, 240 p. (In Russian).
4. Boaz D. *Libertarianstvo: Istorija, principy, politika* [Libertarianism: History, principles, politics]. Chelyabinsk, Socium Publ., Cato Institute Publ., 2004, 392 p. (In Russian).
5. Grin D.J. *Vozvrashchenie v grazhdanskoe obshchestvo: Social'noe obespechenie bez uchastiya gosudarstva* [Reinventing Civil Society the rediscovery of welfare without politics]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2009, 220 p. (In Russian).
6. *Nravstvennost' kapitalizma. To, o chem vy ne uslyshite ot prepodavatelej* [The Morality of Capitalism: What Your Professors Won't Tell You]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2012, 138 p. (In Russian).
7. Bashkatova A. *Globalizm s chelovecheskim licom* [Globalism with a human face]. *Nezavisimaya gazeta* [The Independent Newspaper]. 06.04.2011. Available at: http://www.ng.ru/economics/2011-04-06/1_globalizm.html (accessed 27.07.2017). (In Russian).
8. Fromm E. *Chelovek odinok* [Man is alone]. *Inostrannaya literatura* [Foreign literature]. 1966, no. 1, pp. 230–233. (In Russian).
9. Gobozov I.A. *Obshchestvo i gosudarstvo: ih vzaimodejstvie* [Society and state: their interaction]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2011, no. 2, pp. 5–22. (In Russian).
10. Marx K. *Ehkonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophic manuscripts of 1844]. *Marx K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, vol. 42, pp. 86–99. (In Russian).
11. Fromm E. *Marksova koncepciya cheloveka* [Marx's concept of man]. *Dusha cheloveka* [Human Soul]. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 375–414. (In Russian).
12. Musaelyan L.A. *Koncepciya istoricheskogo processa K. Marksa: chelovecheskij kontekst* [The concept of the historical process of K. Marx: the human context] *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2007, no. 3, pp. 64–80. (In Russian).
13. Ryabova E.N. *Adresnaya social'naya pomoshch' v istoricheskoy retrospektive* [Targeted social assistance in historical retrospect]. *Uchenye zapiski RGSU* [Scientific notes of the RSSU]. 2011, no. 10, pp. 13–18. (In Russian).
14. Musaelyan L.A. *Stanovlenie koncepcii istoricheskogo processa i problema otchuzhdeniya rodovoj sushchnosti cheloveka* [Formation of the concept of the historical process and the problem of alienation of the human ancestral essence]. *Novye idei v filosofii: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [New ideas in philosophy: inter-university collection of scientific works]. Perm, Perm State University Publ., 2002, pp. 60–81. (In Russian).
15. Musto M. *Eshche raz o marksovoj koncepcii otchuzhdeniya* [Once again about the Marx's concept of alienation]. *Al'ternativy* [Alternatives]. 2013, no. 3, pp. 37–61. (In Russian).
16. Buzgalin A.V. *Opredmechivanie, oveshchnienie i otchuzhdenie: aktual'nost' abstraktnykh filosofskih diskussij* [Objectification, impartialization and alienation: the relevance of abstract philosophical discussions]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2015, no. 5, pp. 124–129. (In Russian).
17. Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva* [Origin of the family, private property and the state]. *Marx K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1961, vol. 21, pp. 23–178. (In Russian).
18. *Filosofskaya ehnciklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1970, vol. 5, 740 p. (In Russian).
19. Bondarev A.S. *Funkcii gosudarstva: ponyatie i klassifikaciya* [Functions of the state: concept and classification]. *Yuridicheskaya nauka v sovremennom mire: fundamental'nye i prikladnye problemy: Sbornik nauchnykh trudov yuridicheskogo fakul'teta* [Legal science in the modern world: fundamental and applied problems: Collection of scientific works of the Faculty of Law]. Perm, Perm State University Publ., 2000, part 1, pp. 18–23. (In Russian).
20. Fetyukov F.V. *Ehvoljuciya predstavlenij o sushchnosti i sodержanii ponyatiya «funkcii gosudarstva»* [Evolution of ideas about the essence and content of the concept of «state functions»]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Jurisprudence], 2014, iss. 3, pp. 33–43. (In Russian).
21. Marx K., Engels F. *Nemeckaya ideologiya. Kritika novejshej nemeckoj filosofii v lice ee predstavitelej Fejerbaha, B. Bauehra i Shtirnera i nemeckogo socializma v lice ego razlichnykh prorokov* [German ideology. Criticism of modern German philosophy represented by Feuerbach, B. Bauer and Stirner and German socialism represented by different prophets]. *Marx K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1955, vol. 3, pp. 7–544. (In Russian).
22. Engels F. *Anti-Dyuring ili Perevorot v nauke, sovershennyj gospodinom Evgeniem Dyuringom* [Anti-Dühring or the Coup in Science, done by Mr. Eugene Dühring]. *Marx K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1961, vol. 20, pp. 5–342. (In Russian).

23. Morozov V.V. *Sushchnost' obrazovaniya kak social'nogo instituta* [The essence of education as a social institution]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanij* [Scientific problems of humanitarian research]. 2012, no. 2, pp. 293–299. (In Russian).
24. Bim-Bad B. *Chelovek i chelovechestvo: pedagogiko-antropologicheskie aspekty vzaimodejstviya* [Man and humanity: pedagogical and anthropological aspects of interaction]. *Trudy kafedry pedagogiki, istorii obrazovaniya i pedagogicheskoy antropologii Universiteta RAO. Vyp. 5: Pedagogicheskaya antropologiya i istoriya obrazovaniya* [Proceedings of the Department of Pedagogy, the history of education and teaching of anthropology at the RAO University. Issue. 5: Pedagogical Anthropology and the History of Education]. Moscow, Publishing House URAO Publ., 2001, pp. 102–115 (In Russian).
25. Zhilskaya L.V., Kolokoltsev V.A. *Problemy realizacii social'noj funkicii gosudarstva po ohrane i ukrepleniyu zdorov'ya naseleniya Rossijskoj Federacii* [Problems of realization of social function of the state for protection and strengthening of health of the population of the Russian Federation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Herald]. 2005, no. 1, pp. 63–70. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.08.2017

Об авторе

Шарков Антон Валерьевич

старший преподаватель кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: av.sharkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9326-5654

About the author

Sharkov Anton Valer'evich

Senior Lecturer of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: av.sharkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9326-5654

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шарков А.В. Сущность и антропологические основания социальной функции государства // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 358–367.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-358-367

Please cite this article in English as:

Sharkov A.V. Essence and anthropological foundations of the state's social function // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 358–367. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-358-367

УДК 008

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-368-373

КУЛЬТУРА И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Кузнецова Евгения Владимировна

Университет управления «ТИСБИ» (Набережночелнинский филиал)

Исследуются особенности развития культуры на глобализационно-интеграционном этапе развития общества в контексте коммуникативного взаимодействия. Средства массовой информации выступают ведущим фактором формирования нового миропорядка. Каждая культура уникальна, что необходимо учитывать при построении единого информационного пространства.

Современная культура в своем глобальном варианте — это по преимуществу система американских ценностей, американские образ жизни и мысли. Но для каждой культуры важны менталитет народа, ценности, традиции, обычаи в противоположность «глобальной» культуре, которая преследует главную цель — быть доступной массовой аудитории.

Коммуникация — составная часть глобализации. Коммуникация в социуме невозможна, если не изучены ее компоненты и механизмы. В качестве одного из важнейших факторов следует выделить культурный. Подход к новым культурным реалиям должен определяться согласно новым категориям, культура каждого этноса должна занять свое место в конгломерате культур. Автор статьи приходит к выводу, что если мы создаем общее информационное пространство, то не должны нарушать культурного многообразия мира. И средства массовой информации должны быть источником пропаганды ценностей толерантности и взаимного уважения.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, культура, массовая культура, средства массовой информации, коммуникация, культурный плюрализм.

CULTURE AND COMMUNICATIVE PRACTICES OF THE MODERNITY: ISSUES AND CONTROVERSIES

Evgeniya V. Kuznetsova

University of Management «TISBI» (Naberezhnye Chelny branch)

The article deals with the features of the cultural development on the stage of integration and globalization in the context of cultural and communicational exchange. Mass media plays a leading role among factors which form a new structure of the world. Every culture is unique and we have to remember it while making a common informational space. Modern culture in its global form is a system of American values, American lifestyle and way of thinking. Mentality, values, traditions, customs are important for every ethno-national culture in contrast to the culture that is illusory and based only on scientific and technical progress, full of desire of being easily accessible for the mass audience.

Communication is an integral part of the of globalization. It is impossible to make integration in a society, if its components and mechanisms are not investigated accurately. One of the most important factors in this case is a cultural factor. The approach to new cultural realities should be determined by new categories, a culture of every ethnic group should take its rightful place in the family of world cultures.

The author makes a conclusion that if we form a common informational space we should't destroy heterogeneous cultural world. And mass media has to propagandize values of tolerance and respect.

Keywords: globalization, integration, culture, mass culture, mass media, communication, cultural pluralism.

Благодаря глобализации культура как фактор социально-исторических изменений вновь оказалась в центре внимания ученых и общественных деятелей. Система культуры стала смысловым интегратором разноплановых явлений, многие из которых стали достоянием не только народа-создателя, но и вошли в мировую культуру, в чем большую роль сыграли радио, телевидение, Интернет. Мировая культура не имеет границ. В нее входят истины и ценности, выраженные в моральных установках и нравственных принципах, представлениях о подлинных научных уникальных технологических решениях. Ценности культуры — общезначимые ценности. Но для каждого отдельного человека кроме общезначимых ценностей важны и те ценности, которые обусловлены локальной культурной традицией его народа. При утрате любой из них происходит исчезновение определенных образцов, нравственных ориентиров и духовных идеалов. Будучи в границах определенной культуры, люди должны опираться также и на общезначимые ценности, не совпадающие с традицией их культуры. Те же, кто предпочитает только локальные ценностные ориентиры, ограничивают возможности развития своей культуры и себя внутри культурной традиции [1]. В то же время забвение собственной культуры, ее подавление обедняют человека и нарушают его право на культурную самоидентификацию.

Глобализация, охватившая в наше время весь мир — это следствие многих процессов. Интерес к данному явлению возник еще в XIX столетии, когда особенно актуальны стали такие темы, как геополитика, империализм, международные финансово-промышленные организации, интеграция Европы. Заметим, что сам термин впервые появился в базах данных Библиотеки Конгресса США в 1987 г.

Дискуссии относительно глобализации начались в связи с осмыслением проблемы завершающегося колониализма и экспансии индустриальной цивилизации в страны третьего мира.

Обсуждение продолжилось и в 90-е гг. вследствие ряда причин.

Во-первых, это стремительное развитие информационных технологий, Интернета, спутниковых средств связи, т.е. начало «информатизации».

Во-вторых, новые технологии расширили рынки труда и изменили его структуру.

В-третьих, изменения на карте мира, распад СССР и Югославии, окончание холодной войны, распад так называемого социалистического лагеря определили содержание многих, если не всех, идеологических установок и ориентиров в мире.

Значение концепции глобализации заключается именно в том, чтобы определить эти ориентиры и приоритеты, противоречия между участниками процессов глобализации и интеграции и представителями национальных политических и интеллектуальных элит.

Компьютерная революция как следствие роста высоких информационных технологий обусловила переход социума к новому состоянию, к изменению содержания жизни общества в целом, а также жизни профессиональных и региональных сообществ всех уровней.

Основу современного мира составляют глобальные информационные сети (Интернет). Одним из главных видов сырья в грядущей цивилизации является информация, в связи с чем происходит трансформация многих явлений и процессов, в первую очередь культурно-коммуникативных. На этапе вступления мира в третью, информационную, стадию развития цивилизации, когда решающую роль начинают играть демасшифицированные средства массовой информации, сама информация в результате тотальной трансформации выступает как стимулятор творческих сил и поисков. Постоянное участие в коммуникативном взаимодействии учит людей ориентироваться в глобальных потоках информации, независимо от существующих стандартов и предубеждений. Благодаря информации новая цивилизация начинает перестраивать образование, определять границы научных исследований, реорганизовывать сами СМИ.

С одной стороны, медиа, безусловно, являются одним из важнейших факторов разворачивающейся глобализации. С другой стороны, именно в последние годы проявилась внутренняя региональная дифференциация национальных государств, связанная с принципами социального переустройства и с проявлением этнокультурных различий. Это, в частности, проявляется в расширении сети средств массовой информации регионального уровня (издание книг, пресса, радио- и телетрансляция на региональных языках, телевидение специализированных каналов). Исследователь в области массмедиа Р. Вильямс считает, что появление современных моделей СМИ, актуализированных в эпоху «информационного общества», следует отнести к социальным проявлениям еще эпохи индустриализации и урбанизации. Именно в это время человек как участник глобализации одновременно стремится создать свой мир. Р. Вильямс выделяет этот феномен особенно, считает, что таким образом рождается опыт нового типа [2].

По мнению ряда исследователей, телевидение выступает в качестве определяющего фактора в формировании социокультурного пространства постиндустриального (информационного, трансиндустриального) общества. «Впервые в истории, — пишет изветный социолог и основатель теории постиндустриального общества Д. Белл, — телевидение создало то, что греки называли ойкуменой, или то, что М. Маклюэн называет “глобальной деревней”» [3].

В настоящее время возникли различные направления и тенденции в изучении массмедиа в целом и телевидения в частности, разработаны новые подходы. Отметим при этом, что в этих исследованиях существует неоднозначная терминология — массмедиа, средства массовой информации (СМИ), средства массовой коммуникации (СМК), массовые коммуникации (mass communications) и др. В общепринятой терминологии коммуникация означает определенный процесс преобразования знаков в знание, а вариант его множественного числа — коммуникации — обозначает знаки, которые придают смысл повседневной жизни, при этом подразумевается наличие различных знаковых систем.

Термин «mass media» является достаточно распространенным и употребительным. На сегодняшний день это — любое средство коммуникации, которое передает или сообщает то или иное значение. Телефон, кино, телевидение — все они «медиа» [4, с. 78]. В то же время связь со средой проявления и распространения осуществляется в каждом средстве массовой информации по-разному, в зависимости от степени «чистоты» медиума. Так, печатные СМИ представляют собой особую форму медиации, в то же время и электронные медиа, определенным образом связанные со средой своего «обитания» или трансляции, в свою очередь, формируют свой самореференциальный универсум. Уже в XIX в. печатные средства массовой информации становятся одним из основных факторов в развитии общества, а электронные медиа с самого начала своего существования неразрывно связаны с социальным контекстом.

В теории Р. Вильямса подчеркивается связь коммуникационных технологий с характером общества, причем история этой связи уходит еще в середину XIX в. — период существования железных дорог и телеграфа. «Массовые коммуникации не следует смешивать с делающими их — специфика массовых коммуникаций состоит в том, что в них по-разному проявляются природа аудитории, коммуникации и коммуникатора» [4, с. 72]. В информационном обществе проявление любого медийного феномена происходит в условиях доволь-

но сложной культурной ситуации, когда социальные и культурные процессы тесно взаимосвязаны, они наполняют технологические феномены культурными смыслами. Особенно остро встает этот вопрос в последние годы в связи с небывалым ростом информационных технологий, что значительно затрудняет прогнозирование как в отношении этой конкретной области, так и в отношении социокультурной сферы в целом.

В 90-е гг. XX в. наступает новый этап в развитии как мировых, так и отечественных массовых коммуникаций, причем в рамках этого периода процессы, происходящие в отечественных массмедиа, практически совпадают с подобными же процессами в европейских и мировых СМИ. Основными чертами ситуации в мировом медиaproстранстве конца прошлого века являются, по мнению многих исследователей, его непредсказуемость и неслыханная скорость технологических инноваций, которые, хотя и не позволяют нам выстраивать какие-либо прогнозы относительно того, каким будет потребление продукции в XXI в., не оставляют сомнения в его культурной значимости по отношению к новым информационным технологиям и зависимости от них.

В XXI в. доминантой среди средств массовой коммуникации являются электронные медиа [4, с. 74]. В качестве основных характеристик новой медийной культуры выступают распространение сети Интернет и кабельного телевидения, в связи с этим происходит рост числа каналов, что дает большой простор выбора зрителю. Но все чаще процесс более или менее целостного просмотра той иной передачи заменяется «зэппингом» — постоянным переключением каналов, в связи с чем возникает эффект одновременного просмотра целого ряда передач. Это позволяет говорить о том, что современный потребитель продуктов телевизионной культуры уже не в состоянии воспринять какой-либо смысловой целостности содержания, но одновременно включает в поле своего сознания ряд элементов, которые, в свою очередь, создают фрагментированный коллаж культурного опыта. Видео, ставшее в последние годы неотъемлемой частью повседневной жизни, связано с процессом массового распространения и используется для того, чтобы фрагменты, не представляющие интереса для зрителя, но занимающие место в коммуникационной цепочке, могли быть легко удалены. В результате видео и телевидение становятся своеобразным дайджестом.

Распространение кабельных и спутниковых каналов стало еще одним шагом к освобождению зрителя от «тирании» разработчиков программ. В то же время бурный количественный рост кана-

лов полностью изменил облик не только телевидения, но и культуры в целом. Это касается как исследователей, так и тех, кому предстоит приспособиться к новым технологиям, аудитории. «В конце XX века в Европе и в США произошло зарождение нового будущего, представляющего собой электронную супермагистраль в 500 каналов с доступом к универсуму неограниченной интерактивности и возможностью потребительского контроля. Это будущее полно и обещания, и выбора» [5, р. 13]. Но далеко не все относится к технологическому прорыву столь оптимистично, и прогнозы в данной области весьма противоречивы. Рассмотрим в данной ситуации точку зрения американского футуролога Э. Тоффлера [6].

Одна из основных черт информационного общества, по его мнению, — это уже упомянутая нами непредсказуемость. Изменения, которые непредсказуемы, происходят в одно и то же время в разных направлениях; они и станут основной чертой жизни человечества в цивилизации Третьей волны, причем повлияют они как на общество в целом, так и на индивидуальные судьбы. И эти изменения так или иначе выражаются в экспликации средств массовой информации (средств массовой коммуникации). Соответственно, прогнозирование облика будущего совершенно определенным образом соотносится с тем, что происходит в развитии массмедиа как с технологической, так и с социокультурной точки зрения.

С функционированием современного коммуникативного сообщества тесно связана и его этническая составляющая. Г. Почепцов, в частности, считает этнически значимым для любой науки процесс сбора, обработки и хранения информации.

Он пишет, что «информационные потоки национально специфичны. Невозможно выстроить эффективную коммуникацию без учета этого факта. Важно сочетать внешние и внутренние особенности такой национальной специфичности. Внешние будут отражать данные канала коммуникации, ключевых коммуникаторов. Внутренние — связаны не с формой, а с содержанием самого отбора приоритетов тематики» [7].

В современных условиях процесс коммуникации, безусловно, оказывает большое влияние на деятельность индивида и функционирование общества в целом. Именно с помощью обновленных и усовершенствованных средств массовой коммуникации, через их критическое восприятие и осмысление в настоящее время формируются общественные структуры и общественное мнение.

Коммуникация — это часть процесса глобализации. Невозможно объяснить интеграцию, если

внимательно не рассматривать процесс коммуникации и его составляющие [8].

Торговые связи, миграция населения, обмен туристами между странами формируют коммуникационную сеть взаимодействия в мире. Коммуникация невозможна без взаимопонимания. Однако с нарастанием культурных особенностей возможно и увеличение дистанции между коммуникантами в процессе межкультурного и межэтнического взаимодействия. Данная проблема в последнее время рассматривается исследователями с разных сторон. В числе ведущих индикаторов культурно-коммуникативных практик современности С.В. Орлов, например, называет стрит-арт, музыку, технологии [9, с. 8].

Культурный фактор, безусловно, важен в коммуникации. Идентификация субъекта с этносом и культурой определяет его отношение к корням. Мы идентифицируем себя с местом и временем. В то же время мы вступаем во взаимодействие с другими личностями, представителями других народов и носителями иных культурных образцов. Нет ключа к установлению теплых взаимоотношений внутри одного этноса, нет и унифицированного способа установления таких отношений в межэтническом взаимодействии. Но во всех случаях культурный фактор играет детерминирующую роль. Культурная мозаика ощутимо видоизменяет структуру единства мира [10].

Новые средства массовой коммуникации в последние десятилетия существенно изменили сущность и содержание процесса коммуникации. СМИ создают новую реальность — виртуальную, зачастую подменяя подлинную, создают и новую культуру — глобальную, стремясь заменить этнонациональные культуры народов.

Масскульт — феномен, обусловленный ростом высоких технологий и созданием глобального информационного пространства. Но было бы ошибкой отождествлять создание единой мировой культуры только на основе интеграции и создания стереотипизированных образцов американского масскульта. Не случайно во второй половине XX в. на фоне глобализационных процессов проявляется тенденция дифференциации. Не только принятие и уважение этнокультурных ценностей других народов, но и осознание своих собственных могут и должны стать условием развития межкультурных коммуникаций и диалога культур. А современная массовая культура в ее глобальном варианте — это культурная система, образ жизни и способ мышления западной культурной модели. Между тем за каждой этнонациональной культурой стоят своеобразие менталитета, особенности духовных приоритетов, культурной традиции — в противополож-

ность массовой культуре, стереотипизированной, коммерциализированной и основанной во многом на желании угодить как можно более широкой аудитории [11].

Итак, в настоящее время для культуры информационного общества характерны такие черты: приоритет визуального над словесным, мозаичность, приоритет формы, яркой, привлекательной оболочки, над содержанием, возможно, бедным и скудным, преобладание потребительского желания купить, приобрести что-либо [12, с. 256].

Новые медиа изменяют и способы существования культуры. «Media is message», т.е. «средство само по себе является сообщением». Современный подход к культурным реалиям должен определяться согласно новым категориям, при этом каждая культура хочет занять свое собственное, присущее только ей, место в конгломерате культур мира. М. Кастельс рассматривает понятие «массовая культура» в контексте информационного общества [13, с. 202]. Культурная индустрия, как считает М. Кастельс, во-первых, лишена здравого смысла. Во-вторых, ее формы стандартизированы, реализуются в зависимости от продукта. В-третьих, массовая культура играет, как и прежде, роль психологической защиты для человека, поскольку человеческая психика нуждается в релаксации и отдыхе.

Говоря о массовой культуре, мы часто отождествляем ее с медиакulturой, и ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что массмедиа оказывают определяющее влияние на современного человека, культуру повседневности, моду и жизненные стили. При этом ведущее место среди всех форм массмедиа в конце XX в. принадлежало телевидению. «Телевидение — это форма самой популярной культуры конца XX века. Оно является наиболее распространенной формой проведения свободного времени во всем мире» [14, р. 240]. А в начале XXI в. место телевидения в массовой культуре начали занимать новые медиа, функционирующие на основе интернет-технологий.

Феномен массовой культуры продолжает существовать в информационном обществе в индустрии развлечений, а также в областях, связанных со стандартизированным мышлением. Между тем единое пространство мира — это единое информационное пространство культур. Условием развития личности на уровне социальных групп и сообществ является культурный плюрализм.

Но в современном обществе средства массовой информации продолжают представлять собой угрозу для существования многих культур — угрозу, выраженную в возможности уничтожения

этих культур [15, с. 151]. Пропаганда нетерпимости, неприятия ценностей других народов становится условием разжигания этнонациональных конфликтов.

Однако создание нового миропорядка не должно привести к культурной гомогенности общества, стиранию его культурного многообразия. В контексте построения нового миропорядка следует говорить о неоднократном усилении внимания личности к таким ценностям, как взаимоуважение и взаимотерпение, в противоположность материальному обогащению любой ценой. И средства массовой информации должны выступать в данном случае как источник пропаганды ценностей подобного рода.

Список литературы

1. Кузнецова Е.В. Проблема развития культурно-коммуникативных процессов на этапе формирования информационной цивилизации // Новые идеи в философии. 2016. Вып. 3(24). С. 294–298.
2. Williams R. Television. Hannover. L., 1992. 285 p.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Наука, 1999. 310 с.
4. Шепинская Е.Н. Телевидение как форма культуры // Массовая культура на рубеже веков: сб. статей. М.; СПб: ДБ, 2005. С. 12–125.
5. Wright Ch. Mass Communication. A Sociological Perspective. N.Y., 1968. 235 p.
6. Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980. 526 p.
7. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Рефлбук, Киев: Ваклер, 2000. 310 с.
8. Кузнецова Е.В. Связи с общественностью как феномен культуры: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2004. 180 с.
9. Орлов С.В. Исследование информационного общества как комплексная проблема // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 4(24). С. 5–15. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-4-5-15.
10. Нарочинская Е.А. Этнонациональные конфликты и их разрешение. М., 2000. 232 с.
11. Kuznetsova E., Goryacheva O., Patenko G. Phenomenon of Mass Culture Problems and Controversies // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 3. P. 296–302. DOI 10.5901/mjss.2015.v6n4s2.
12. Тоффлер Э. Шок будущего. АСТ, 2001. 510 с.
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Наука, 2000. 305 с.
14. Price M.E. Television. The Public Sphere and the National Identity. Oxford, 1995. 320 p.
15. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000. 258 с.

Получено 07.10.2016

References

1. Kuznetsova E.V. *Problema razvitiya kulturno-kommunikativnyh protsessov na etape formirovaniya informatsionnoi tsivilizatsii* [The problem of cultural and communicative processes' development on the stage of informational civilization]. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. 2016, iss. 3(24), pp. 294–298. (In Russian).
2. Williams R. *Television*. Hannover. L., 1992, 285 p. (In English).
3. Bell D. *Gryadushee postindustrialnoe obschestvo* [The coming of postindustrial society]. Moscow, Science Publ., 1999, 310 p. (In Russian).
4. Shepinskaya N. E. *Televidenie kak forma kultury* [Television as a form of culture]. *Massovaja kul'tura na rubezhe vekov: sb. statej* [Mass culture at the turn of the centuries]. Moscow, St.Petersburg, DB Publ., 2005, pp. 12–125. (In Russian).
5. Wright Ch. *Mass Communication. A Sociological Perspective*. N.Y., 1968, 235 p. (In English).
6. Toffler A. *The Third Wave*. N. Y 1980. 526 p. (In English).
7. Pocheptsov G.G. *Psikhologicheskie voiny* [Psychological wars]. Moscow, Repl Book Publ., Kiev, Vakler Publ., 2000, 310 p. (In Russian).
8. Kuznetsova E.V. *Svyazi s obschestvennostiyu kak fenomen kultury: dis. ... kand. filos. nauk* [Public Relations as a phenomenon of culture. Cand. philos. sci. dis.]. Nizhnii Novgorod, 2004. 180 p. (In Russian).
9. Orlov S.V. *Issledovanie informatsionnogo obschestva kak kompleksnaya prolema* [Information society studying as a complex problem]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2015, iss. 4(24), pp. 5–15. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-4-5-15. (In Russian).
10. Narochinskaya E.A. *Etnonatsionalnye konflikty i ikh razreshenie* [Ethno-National Conflicts and Their Resolution]. Moscow, 2000, 232 p. (In Russian).
11. Kuznetsova E., Goryacheva O., Patenko G. Phenomenon of Mass Culture Problems and Controversies. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015, vol. 3, pp. 296–302. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n4s2. (In English).
12. Toffler A. *Shok budushego* [Future Shock]. Moscow, Publ., 2001, 558 p. (In Russian).
13. Kastels M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obschestvo i kultura* [Information Era: Society and Culture]. Moscow, Publ., 2000, 305 p. (In Russian).
14. Price M.E. *Television. The Public Sphere and the National Identity*. Oxford, 1995, 320 p. (In English).
15. Levin K. *Razreshenie konfliktov* [Resolution of Social Conflicts]. St. Petersburg, 2000, 258 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 07.10.2016

Об авторе

Кузнецова Евгения Владимировна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин

Университет управления «ТИСБИ»
(Набережночелнинский филиал),
423825, Республика Татарстан,
Набережные Челны, ул. Татарстан, 10;
e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2774-9858

About the author

Kuznetsova Evgeniya Vladimirovna

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Law and Humanities

University of Management «TISBI»
(Naberezhnye Chelny branch),
10, Tatarstan str., Naberezhnye Chelny,
Republic of Tatarstan, 423825, Russia;
e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2774-9858

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецова Е.В. Культура и коммуникативные практики современности: проблемы и противоречия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 368–373.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-368-373

Please cite this article in English as:

Kuznetsova E.V. Culture and communicative practices of the modernity: issues and controversies // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 368–373. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-368-373

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 81'373.6:371.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-374-380

**METAPHORS AND PRE-SERVICE TEACHERS:
WHAT DO WE WANT TO BE WHEN WE GROW UP***Franco Zengaro, Sally A. Zengaro**Delta State University (USA)*

The purpose of this study was to investigate how metaphors used by pre-service physical education teachers shaped their understanding of teaching. Two research questions guided this investigation: (1) How do pre-service teachers in physical education see themselves as prospective teachers? (2) What metaphors would pre-service teachers use to describe themselves as teachers? Lakoff and Johnson's seminal work on metaphor analysis, constructivist theories, and teacher practical knowledge provided theoretical lenses for understanding how pre-service teachers viewed the roles of teaching and learning. One hundred undergraduate pre-service teachers (81 males, 19 females) in a physical education teacher education program at a mid-size university in the United States participated in this study, recruited from methods of teaching courses. The data were analyzed using constant comparison analysis. The results indicated that the largest common theme was seeing teaching as an emotional practice, where teachers offer support, compassion, and care to students. However, almost 30 % viewed teaching as either the transmission of knowledge or as a clear-cut, defined process. This study has important theoretical and practical implications in teacher education. Our findings are twofold. First, it is important for educators, researcher, and teachers alike to understand what theories of teaching and knowledge construction shape the perspective of new teachers. Second, theories of teaching and learning must be applied for the purpose of supplementing the knowledge, and training of new teachers. Overall, the participants in this study endorsed a humanistic vision of teaching, the caring and compassionate teacher.

Keywords: metaphor analysis, reflection, tacit knowledge, teacher knowledge construction.

**МЕТАФОРЫ И БУДУЩИЕ УЧИТЕЛЯ:
КАКИМИ МЫ ХОТИМ СТАТЬ В БУДУЩЕМ***Зенгаро Франко, Зенгаро Салли Энн**Государственный университет Дельта (США)*

Цель настоящего исследования заключалась в изучении того, каким образом метафора, используемая будущими учителями физической культуры, формирует понимание процесса обучения. В работе было поставлено два исследовательских вопроса: (1) Какими видят себя в будущем учителя физической культуры? (2) Какие метафоры они используют для описания себя как учителя? Фундаментальная работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона по метафорическому анализу, конструктивистские теории и практический опыт педагогов являлись основой теоретического обоснования того, какие роли будущие учителя отводят преподаванию и обучению. В исследовании приняли участие 100 будущих учителей (81 мужчина, 19 женщин), обучающихся на программах бакалавриата по подготовке учителей физической культуры в среднем по количеству обучающихся университете США, набранных с курсов по методике преподавания. Полученные данные были проанализированы с помощью метода постоянных сравнений. Результаты исследования показали, что наиболее часто у респондентов встречалась тема, в которой процесс обучения описывался в категориях эмоциональной практики, где учитель предоставляет ученикам поддержку, сострадание и помощь. Тем не менее, 30 % участников исследования описывают обучение как передачу знаний, как четкий, определенный процесс.

Результаты данного исследования имеют важное теоретическое и практическое значение в подготовке будущих учителей. Полученные результаты носят двойственный характер. Во-первых, эта информация представляется важной для преподавателей, исследователей и учителей для понимания того, какие теории обучения и формы знаний являются перспективными для педагогов. Во-вторых, теории преподавания и обучения должны применяться с целью повышения качества знаний, а также подготовки новых педагогов. В целом, участники настоящего исследования разделяли гуманистический подход к обучению, описывали учителя как заботливого и отзывчивого.

Ключевые слова: анализ метафор, рефлексия, неявное знание, конструкция знания учителя.

In today's society, calls for educational reform abound. Pre-service teachers, those who are preparing to be teachers, must learn new methods of teaching in order to implement educational reforms. Professors working in teacher education take the preparation of novice teachers with great deal of passion, but in times of change and accountability in teaching, they need be able to clearly explicate the work they do in preparing the next generation of teachers. Therefore, it is important that teacher actions are guided through reflection; teachers at all levels of practice need to be able to analyze the work they do and to reassess their goals and approaches to teaching and teacher education.

Pre-service teachers come to teacher education programs with their own preconceived beliefs about teaching and learning contexts. One key to helping pre-service teachers benefit from research into teaching is to identify these beliefs early on in teacher education programs. Since pre-service teachers come to teachers' education program already with an idea in their minds about teaching, known as teacher beliefs, it becomes imperative to identify those beliefs early [1]. Byra and Coulon (1994) [2] argued that teachers change their methods very little after they enter the profession. Therefore, it is paramount that university educators help pre-service teachers assess their beliefs prior to leaving colleges and universities and enter the teaching profession. These practices of reflection in the form of metaphorical analysis, or other reflective practices, help pre-service teachers assess their understanding of teaching and learning. This, in turn, provides them with opportunities to reflect on their pedagogical practices as teachers and how these practices of reflection may impact their beliefs [3].

Metaphors offer powerful insights into individuals' beliefs about different situations. Lakoff and Johnson (1980) [4] proposed that metaphors were critical parts of thinking that could illuminate the deeper understanding and conceptualization of abstract ideas. Metaphors are seen as a way to express ideas that are often too difficult to put into words [5–10]. They also help individuals view familiar ideas through a new perspective, connecting images and words, and facilitating conceptual change [11–13].

Metaphors can be especially useful in the training of educators since much of teachers' knowledge and beliefs about teaching is implicit [10, 14].

Metaphors help educators identify beliefs about teaching [5, 14–19] and the decision-making process of teachers at all levels of training [12]. Brown, Parson & Worley (2005) [20] argued that metaphors created by pre-service teachers are meaningful because they represent what teachers think, understand and use to create meaning in teaching. Patchen and Crawford (2011) [19] and Stylianou, Kulinna, Cothran, and Kwon (2013) [21] discussed the role of metaphors in explaining the dissonance between teacher beliefs and practice. Carlson (2001) wrote: «The use of metaphors, however, can help physical education pre-service teachers assess their understanding of pedagogy and reflect on the effects that their beliefs will have on their teaching» [22, p. 49]. Stylianou et al. (2013) [21] found that physical education teachers want to have student-centered classrooms; however, their actual practice shows that they are teacher-centered.

Metaphors reveal what teachers think of their work as teachers. Metaphors have the power to engage pre-service teachers actively in their learning, because they push the learners to interpret their ideas and visions of teaching [18, 23]. This interpretation is significant because it is based on personal beliefs and knowledge about teaching. Moser (2000) [24] argued that metaphors give access to tacit knowledge. It is through this tacit knowledge that educators come to know what pre-service teachers think about the nature of teaching and learning. This tacit knowledge when expressed through metaphors can be used to assess what teachers have learned about teaching [10, 18, 19]. Brown et al. (2005) [20] argued that students creation of metaphors function in such a way as to illuminate and solidify their understanding of teaching. Brown, Parsons, and Worley (2005) [20] reported in their study that pre-service teachers used metaphors as a tool to consider the unfamiliar and the uncomfortable.

The purpose of this study was to investigate how metaphors used by pre-service physical education teachers shaped their understandings of teaching.

Two research questions guided this investigation: (1) How do pre-service teachers in physical education see themselves as prospective teachers? (2) What metaphors would pre-service teachers use to describe themselves as teachers?

Because pre-service teachers come to school with preconceived ideas about teaching and learning, it is important to understand this knowledge to facilitate change through learning experiences. Thomas and McRobbie (1999) wrote: «Changing students' views of themselves as learners and the learning strategies they use, requires methods to make their views regarding teaching, learning and their roles as learners explicit to themselves and to teachers» [25, p. 667]. In this study we used metaphors as one method for identifying pre-service teachers' tacit understanding of their future teaching. We saw metaphors as builders of images as creative acts of imagination [26].

Methodology

Participants

One hundred undergraduate pre-service teachers (81 males, 19 females) enrolled in a Physical Education Teacher Education (PETE) program at a large school in the United States participated in this study.

Data Collection

Data Collection consisted of having participants respond to two prompts during one of their methods classes: Being a student was like ____ . As a teacher, I want to be like ____ .

Data Analysis

As a qualitative study, the data collection yielded language that we compared and contrasted to identify categories which emerged throughout the process of data collection, using the constant comparative method [27, 28]. The process of data analysis for our study, therefore, began with the early detection of recurrent categories formulated through thematic analysis, in light of the qualitative research design we adopted for the data analysis. Qualitative research designs incorporating the constant comparative method search for the emergence of ongoing patterns across the data collection and analysis [27, 28]. We were able to employ the aforementioned technique for our research. Merriam (1998) indicated: «Basically, the constant comparative method involves comparing one segment of data with another to determine similarities and differences» [29, p. 18]. As we compared language, we noted that some participants answered in simple metaphors, others explained their metaphors in greater detail.

Category construction started with the initial analysis of the documents. We reflected on the data and started to create notes [29]. LeCompte, Preissle, and Tesch (1993) wrote: «The notes serve to isolate the initially most striking, if not ultimately most important, aspects of the data» [30, p. 236]. We reflected on our notes, and then we began to construct categories or themes that captured «recurrent patterns» [29] that emerged from across the data [31].

From it, we were able to identify recurrent categories, similar concepts, or ideas from the data, and from which the results or themes from this research cemented. Our data analysis revealed 9 principles themes, or nine major results. These themes emerged consistently throughout our data analysis. Therefore, rendering justice, through trustworthiness, or confidence that the themes, our results were germane because our data reached saturation. The cyclicity of our data, or the circular patterns around those nine themes, did provide confidence, that no new additional results, or themes appeared, therefore, reaffirming the solidification of nine main core concepts, or themes: *teaching as hard, fun, emotional, adaptive, creative, generating fear, certain, necessary, and the transmission of knowledge.*

Findings and Discussion

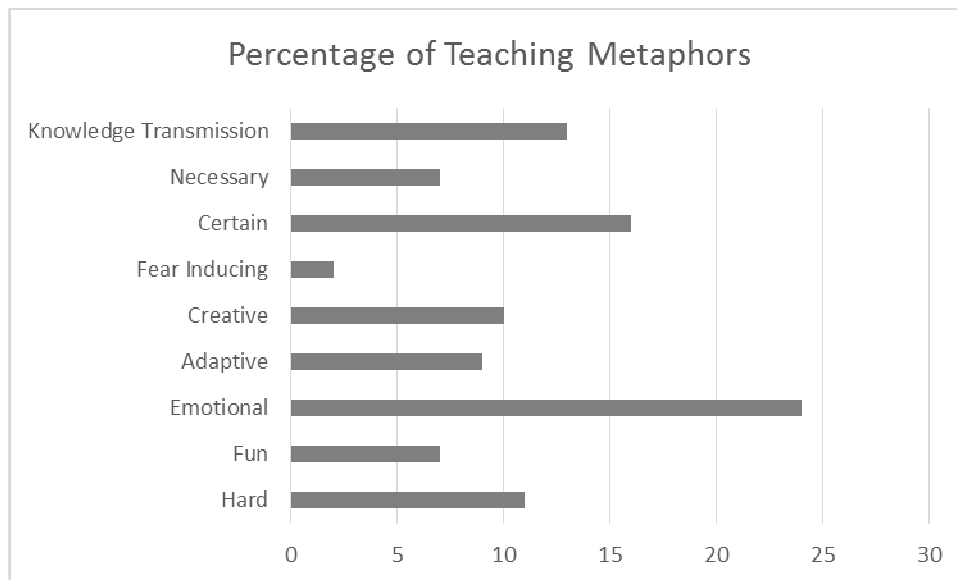
We identified nine categories through data collection and analysis. The categories were clustered into themes using constant comparative analysis [27, 32–38]. Nine themes were identified through data analysis of the words used by the participants which described the visions these pre-service teachers had regarding their views of teaching. The nine themes are teaching as hard, fun, emotional, adaptive, creative, generating fear, certain, necessary, and the transmission of knowledge. The largest common theme (24 %) was viewing teaching as an emotional practice, where pre-service teachers offer support, compassion, and care to their future students. Almost 30 % viewed teaching as either the transmission of knowledge (13 %) or a clear-cut, certain process (16 %). The results are listed in Figure.

The findings show conflicting images in the pre-service teacher where the two largest majorities are torn between a traditional model of knowledge transmission and a humanistic model of teaching. A sizeable number of the pre-service teachers felt that teaching was a simple transmission of knowledge, which supports findings by Richardson (1996) [39]. These results also support Carlson (2001) [22], where a large majority of teachers also saw themselves as knowledge imparters. Those who see teaching as an

impersonal exchange of knowledge may have a more difficult time adjusting to the demands of teaching students. In addition, only 9 % of pre-service teachers expressed that adapting was part of the teaching process, which may also make it more difficult for these pre-service teachers to adapt to the real-world

experience of teaching. However, like those in Weinstein's study (1990) [40], many of the pre-service teachers in the current study envisioned themselves in a humanistic classroom that was warm and caring.

Percentage of images of teaching metaphors expressed by pre-service teachers

Pre-service teachers must reconcile teaching as a concept to be studied in universities with teaching as the real-life interaction of teacher and student. Those who are prepared to meet the emotional needs of students understand more readily the practical side of teaching. Several participants explained their images of the emotional side of teaching. One pre-service teacher in this study wrote: «As a teacher I want to be like a professional that is compassionate and cares about my students as people. I hope to connect with my students and make a difference in their lives». Another pre-service teacher stated: «As a teacher I want to be understanding to students need. I hope to encourage students to always give their very best. Hopefully the students will trust me with their problems so I can help them to be the best they can be». In the voices of these pre-service teachers, we can capture their visions of teaching. Their voices represent a desire to be more than teachers to their students. Their voices echo a desire to care and nurture students.

If PETE programs are to be more successful in educating teachers committed to change, then they need to look at pre-service teachers' visions or metaphors for teaching, recognizing that not all pre-

service teachers possess the same understanding. Schon (1987) wrote: «It holds that learning a new competence requires unlearning deep-seated theories-in-use» [41, p. 290]. PETE programs need to make explicit the expectations pre-service teachers have of their role as classroom teachers. From there, changes can begin. Bruner (1965) wrote: «We have too easily assumed that learning is learning is learning. ... We denied there was a problem of association of development beyond the quantitative one of providing more experience» [42, p. 1010]. In other words, instead of focusing on more experiences, teacher education programs need to focus on the depth and quality of the learning experiences.

Conclusion & Implications

In this study, the researchers sought to provide an interpretative analysis of how a group of pre-service physical education teachers expressed their understanding of teaching through metaphors. The nine main themes which emerged in the study emphasize diverse theoretical constructs of teaching. The participants of the study viewed teaching as hard, fun, emotional, adaptive, creative, fear-inducing, certain, necessary, and knowledge transmission. Metaphors are a critical aspect of thinking, because they aid in

the concretization of abstract ideas or images teachers have inside their minds.

This study to a certain extent confirms similar findings reported in earlier studies. For example, similar to Weinstein's (1990) study, our study revealed that a large part of pre-service teachers endorsed a humanistic view of teaching. They envisioned themselves as caring teachers who were committed to creating warm classroom climates. This vision was encapsulated in the voice of one of pre-service teacher from our study who stated: «I want to be a compassionate teacher who cares about my students as people». Because the pre-service teachers in our study endorsed a caring and nurturing view of teaching, they were able not only to see the human qualities in their students but as well to humanize themselves in the process, a concept Freire calls «critical thinking and the quest for mutual humanization» [40, p. 75].

While one of the emergent findings in our study was that a large number of pre-service teachers committed to pedagogies of care, another sizable number opted for a more traditional view of teaching as the transmission of knowledge similar to the findings in Richardson's (1996) study [39]. It is encouraging that the current results replicate findings by Weber and Mitchell (1996) [43], where the predominant figure of teachers was that of a nurturing female in control of the class. The results of the current study indicated that although there were only 10 % females in the study, the caring teacher in control of the class transmitting knowledge to students was still predominant.

The pre-service teachers in the present study did not lack imagination when it came to expressing their visions of teaching. They were ready to commit themselves to the work of teaching by connecting with their students at a personal level. The power to change resides in the imagination of teachers in changing their methods to create different ways of teaching. The psychologist and the pedagogue must work together in providing a theory of teaching and learning which works best for novice teachers. The task at hand is to help a generation of teachers who will envision themselves as agents of change exceeding their expectations for teaching and caring for their students.

Hume (1993) wrote: «Nothing is freer than the imagination of man; and though it cannot exceed that original stock of ideas, furnished by the internal and external senses, it has unlimited power of mixing, compounding, separating, and dividing these ideas, in all the varieties of fiction and vision» [44, p. 31].

Another way to achieve new visions of teaching is having pre-service teachers develop intuitive flexibil-

ity about views of teaching and learning and use them when working with students. Kant (1959) argued: «But though all our knowledge begins with experience, it does not follow that it all arises out of experiences» [45, p. 25].

This qualitative investigation looked at how a group of pre-service teachers constructed their understanding of teachers through the use of metaphors. One limitation of this study was that only pre-service teachers in physical education participated. In addition, it is unclear if these metaphors of teaching represent actual teaching behavior, or if they are just images that will never materialize. Finally, additional research on pre-service teachers from other cultures or nations through metaphor analysis is needed to identify possible universal themes. Additional research on metaphors and pre-service teachers should also include pre-service teachers from other disciplines beside physical education. It is important to understand if similar or different findings emerge as a result of having different teaching disciplines represented.

References

1. Pajares M.F. Teachers' beliefs and educational research: Cleaning up a messy construct. *Review of Educational Research*. 1992, vol. 62(3), pp. 307–332. DOI: 10.3102/00346543062003307. (In English).
2. Byra M., Coulon S. The effect of planning on the instructional behaviors of pre-service teachers. *Journal of Teaching in Physical Education*. 1994, vol. 13, pp. 123–139. DOI: 10.1123/jtpe.13.2.123. (In English).
3. Wideen M., Mayer-Smith J., Moon B. A critical analysis of the research on learning to teach: Making the case for an ecological perspective on inquiry. *Review of Educational Research*. 1998, vol. 68, pp. 130–178. DOI: 10.3102/00346543068002130. (In English).
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 256 p. (In English).
5. Bibik J. *Metaphors for teaching: How health and physical education teachers describe their roles*. (ERIC Document Reproduction Service No. ED 412198). 1997, 27 p. (In English).
6. Lakoff G. What is metaphor? *Advances in connectionist and neural computation theory* / ed. by J.A. Barnden, K.J. Holyoak. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1994, pp. 203–258. (In English).
7. Lakoff G. *The political mind: A cognitive scientist's guide to your brain and its politics*. New York, NY: Penguin Books, 2009, 320 p. (In English).
8. Munby H., Russell T. Metaphor in the study of teachers' professional knowledge. *Theory into*

- Practice*. 2001, vol. 29, pp. 116–121. DOI: 10.1080/00405849009543441. (In English).
9. Paris S. Models and metaphors of learning strategies. *Learning and study strategies: Issues in assessment, instruction and evaluation* /ed. by C.E. Weinstein, E.T. Goetz, P.A. Alexander. San Diego, CA: Academic Press, 1988, pp. 299–321. DOI: 10.1016/b978-0-12-742460-6.50023-2. (In English).
  10. Saban A. Prospective teachers' metaphorical images of selves and comparing them to those they have of their elementary and cooperating teachers. *International Journal of Educational Development*. 2010, vol. 24, pp. 617–635. DOI: 10.1016/j.tate.2009.03.017. (In English).
  11. Duit R. On the role of analogies and metaphors in learning science. *Science Education*. 1991, vol. 75, pp. 649–672. DOI: 10.1002/sce.3730750606. (In English).
  12. Tobin K. Changing metaphors and beliefs: A master switch for teaching? *Theory into Practice*. 1990, vol. 29, pp. 122–127. DOI: 10.1080/00405849009543442. (In English).
  13. Tobin L., Tippins D. Metaphors as seeds for conceptual change and the improvement of science teaching. *Science Education*. 1996, vol. 80, pp. 711–730. DOI: 10.1002/(sici)1098-237x(199611)80:6%3C711::aid-sce5%3E3.3.co;2-1. (In English).
  14. Leavy A., McSorley F., Bote L. An examination of what metaphor construction reveals about the evolution of pre-service teachers' beliefs about teaching and learning. *Teaching and Teacher Education*. 2007, vol. 23, pp. 1217–1233. DOI: 10.1016/j.tate.2006.07.016. (In English).
  15. Alger C. Secondary teachers' conceptual metaphors of teaching and learning: Changes over the career span. *Teaching and Teacher Education*. 2009, vol. 25(5), pp. 743–751. DOI: 10.1016/j.tate.2008.10.004. (In English).
  16. Bullough R. Exploring personal teaching metaphors in pre-service education. *Journal of Teacher Education*. 1991, vol. 42, pp. 43–51. DOI: 10.1177/002248719104200107. (In English).
  17. Connelly F., Clandinin D., He M. Teachers' personal practical knowledge on the professional knowledge landscape. *Teaching and Teacher Education*. 1997, vol. 13, pp. 665–674. DOI: 10.1016/s0742-051x(97)00014-0. (In English).
  18. Martinez M., Saulecia N., Huber G. Metaphors as blueprints of thinking about teaching and learning. *Teaching and Teacher Education*. 2001, vol. 17, pp. 965–977. DOI: 10.1016/S07-051X(01)00043-9. (In English).
  19. Patchen T., Crawford T. From gardeners to tour guides: The epistemological struggle revealed in teacher-generated metaphors of teaching. *Journal of Teacher Education*. 2011, vol. 62, pp. 286–298. DOI: 10.1177/0022487110396716. (In English).
  20. Brown P.U., Parsons S.C., Worley V. Pre-service teachers write about diversity: A metaphor analysis. *Scholar-Practitioner Quarterly*. 2005, vol. 3, pp. 87–103. (In English).
  21. Stylianou M., Kulinna P., Cothren D., Kwon J. Physical education teachers' metaphors of teaching and learning. *Journal of Teaching in Physical Education*. 2013, vol. 32, pp. 22–45. (In English).
  22. Carlson T.B. Using metaphors to enhance reflectiveness among pre-service teachers. *Journal of Physical Education, Recreation & Dance*. 2001, vol. 72(1), pp. 49–53. DOI: 10.1080/07303084.2001.10605820. (In English).
  23. Gassner G.A. Using metaphors for high-performance teaching and coaching. *The Journal of Physical Education, Recreation & Dance*. 1999, vol. 70, pp. 33–35. DOI: 10.1080/07303084.1999.10605684. (In English).
  24. Moser K.S. Metaphor analysis in psychology--Method, theory, and fields of Application. *Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Research*. 2000, vol. 1(2), Art. 21. n. pag. (In English).
  25. Thomas G.P., McRobbie C.J. Using metaphor to probe students' conceptions of chemistry learning. *International Journal of Science Education*. 1999, vol. 21:6, pp. 667–685, DOI: 10.1080/095006999290507. (In English).
  26. Saban A., Kocbeker B., Saban A. An investigation of the concept of teacher among prospective teachers through metaphor analysis. *Educational Sciences: Theory & practices*. 2006, vol. 6(12), pp. 509–522. (In English).
  27. Glaser B., Strauss A. *The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research*. Chicago: Aldine Publishing, 1967, 228 p. (In English).
  28. Strauss A.L. *Qualitative Analysis for Social Scientists*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 336 p. (In English).
  29. Merriam S. *Qualitative research and case study applications in education*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1998, 275 p. (In English).
  30. LeCompte M. D., Preissle J., Tesch R. *Ethnography and qualitative design in educational research*. 2nd ed. Orlando, FL. Academic Press, 1993, 425 p. (In English).
  31. Taylor S.J., Bogdan R. *Introduction to qualitative research methods*. 2nd ed. New York: Wiley, 1984, 352 p. (In English).
  32. Glaser B. *Emergence vs. forcing: Basics of grounded theory analysis*. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1992, 128 p. (In English).
  33. Goetz J.P., LeCompte M.D. *Ethnography and qualitative design in educational research*. Orlando, FL: Academic Press, 1984, 425 p. (In English).

34. LeCompte M.D., Preissle J. *Ethnography and qualitative design in educational research*. Boston: Academic Press, 1993, 425 p. (In English).
35. Miles M.B., Huberman A.M. *Qualitative data analysis: A sourcebook of new methods*. Beverly Hills: Sage Publications, 1984, 263 p. (In English).
36. Patton M. Q. *Qualitative evaluation methods*. Beverly Hills: Sage Publications, 1980, 688 p. (In English).
37. Strauss A. *Qualitative analysis for social scientists*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1987, 336 p. (In English).
38. Strauss A., Corbin J. Grounded theory methodology. *Handbook of qualitative research* / ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994, pp. 273–285. (In English).
39. Richardson V. The role of attitude and beliefs in learning to teach. *Handbook of research on teacher education* / ed. by J. Sikula, T. Buttery, E. Guyton. 2nd ed. New York: Macmillan, 1996, pp. 102–119. (In English).
40. Weinstein C. Prospective elementary teachers' beliefs about teaching: Implications for teacher education. *Teaching and Teacher Education*. 1990, vol. 6, pp. 279–290. DOI: 10.1016/0742-051x(90)90019-2. (In English).
41. Schon D. *Educating the reflective practitioner: Towards a new design for teaching and learning in the profession*. San Francisco: Jossey-Bass, 1987, 376 p. (In English).
42. Bruner J. The growth of mind. *American Psychologist*. 1965, vol. 20, pp. 1007–1017. DOI: 10.1037/h0023276. (In English).
43. Weber S., Mitchell C. Drawing ourselves into teaching: Studying the images that shape and distort teacher education. *Teaching and Teacher Education*. 1996, vol. 12, pp. 303–313. DOI: 10.1016/0742-051x(95)00040-q. (In English).
44. Hume D. *An enquiry concerning human understanding*. Indianapolis, IN: Hackett, 1993, 142 p. (In English).
45. Kant I. *Critique of pure reason*. London: Dent/Everyman, 1959, 312 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 27.06.2017

About the authors

Zengaro Franco

Ph.D., Assistant Professor of College of Education and Human Sciences

Delta State University,
1003, W. Sunflower RD, Cleveland, MS, 38733, USA;
e-mail: fzegaro@deltastate.edu
ORCID: 0000-0002-9981-2927

Zengaro Sally Ann

Ph.D., Assistant Professor of College of Education and Human Sciences

Delta State University,
1003, W. Sunflower RD, Cleveland, MS, 38733, USA;
e-mail: szengaro@deltastate.edu
ORCID: 0000-0003-3988-6139

Об авторах

Зенгаро Франко

доктор наук, доцент колледжа образования и наук о человеке

Государственный университет Дельта,
США, шт. Миссисипи, Кливленд,
ул. Западная Санфлауэр, 1003;
e-mail: fzegaro@deltastate.edu
ORCID: 0000-0002-9981-2927

Зенгаро Салли Энн

доктор наук, доцент колледжа образования и наук о человеке

Государственный университет Дельта,
США, шт. Миссисипи, Кливленд,
ул. Западная Санфлауэр, 1003;
e-mail: szengaro@deltastate.edu
ORCID: 0000-0003-3988-6139

Please cite this article in English as:

Zengaro F., Zengaro S.A. Metaphors and pre-service teachers: what do we want to be when we grow up // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 374–380.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-374-380

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зенгаро Ф., Зенгаро С.Э. Метафоры и будущие учителя: какими мы хотим стать в будущем // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 374–380.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-374-380

УДК 159.923.2:37.062.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-381-395

НЕСФОРМИРОВАННАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ АБИТУРИЕНТА КАК ПРЕДИКТОР «КРИЗИСА ВТОРОКУРСНИКА»*

Кожевникова Оксана Вячеславовна, Шрейбер Татьяна Викторовна

Удмуртский государственный университет

В статье анализируются вопросы самоопределения личности на разных стадиях профессионального становления, описываются различные подходы к пониманию «кризиса второкурсника», который рассматривается как один из этапов нормативного возрастного кризиса идентичности, возникающего в особых условиях адаптации субъекта к обучению в высшем образовательном учреждении. Представлены данные эмпирического исследования, направленного на изучение статусов профессиональной идентичности абитуриентов и переживания ими кризиса идентичности на втором году обучения. Статусы профессиональной идентичности на момент поступления в университет определялись с помощью процедур контент-анализа сочинений, в которых респонденты в форме ретроспективного самоотчета описывали процесс выбора будущей профессии и направления обучения, а также собственные переживания по этому поводу. Выявлено, что на момент принятия решения о поступлении в высшее учебное заведение половина респондентов не обладала сформированной профессиональной идентичностью, находясь в ситуации моратория, проявлявшегося в двух формах: отсутствии четко определенных профессиональных планов и вынужденном изменении профессиональных планов в силу обстоятельств. Вторая половина участников исследования характеризовалась сформированностью устойчивых интересов, намерений и целей, определяющей готовность сделать самостоятельный и осознанный профессиональный выбор при поступлении в высшее учебное заведение. Специфика кризисных переживаний второкурсников изучалась с помощью надежных и валидных психодиагностических методик. В результате математико-статистической обработки эмпирических данных установлено, что несформированная профессиональная идентичность на момент поступления в университет является предиктором более интенсивного протекания «кризиса второкурсника». Выявленные тенденции обнаруживаются и при анализе текстов сочинения, отражающего представление студентов второго года обучения о переживаемом ими кризисе.

Ключевые слова: кризис идентичности, кризис второкурсника, статус профессиональной идентичности, сформированная профессиональная идентичность, статус моратория.

UNACHIEVED PROFESSIONAL IDENTITY OF THE SCHOOL LEAVER AS A PREDICTOR OF THE «SOPHOMORE SLUMP»

Oksana V. Kozhevnikova, Tatyana V. Shreiber

Udmurt State University

The article contains analysis of the issues associated with the process of personal self-determination on different stages of professional formation and the description of various approaches to understanding the phenomenon of «sophomore slump» which is considered as one of the phases of a regular age-related identity crisis emerging within specific conditions of the subject's academic adjustment. The results of the empirical research oriented towards exploring professional identity statuses of high-school graduates followed by sophomores' experiences in the second year of studying are presented. Professional identity statuses at the time of entering university were identified by using content-analysis procedures for analyzing essays representing re-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ) в рамках научного проекта № 16-16-18013a(p).

spondents' retrospective self-reports describing the process of the major and future profession choice and subjects' feelings related to that process. It is found out that at the time of taking a decision on entering higher education institution half of the respondents were in the moratorium status that took two forms: the lack of clearly defined professional visions and the modification of professional visions forced by external circumstances. The second half of the research sample was characterized by developing clear and steady interests, intentions and goals that defined their ability and commitment to implement their independent and deliberate choice of the university higher educational establishment and their future profession. The specificity of experiencing the crisis associated with the «sophomore slump» was researched with the involvement of reliable and valid psychometric techniques (The Sixteen Personality Factor Questionnaire (16PF) and The Self-Evaluation Questionnaire). Statistical processing of the empirical data using open and professional software packages (MS Excel and IBM SPSS Statistics) showed that unachieved professional identity at the time of university entrance could be considered as a predictor of more intense development of «sophomore slump» symptoms. The same tendencies were detected during the analysis of the essays representing sophomores' ideas and perceptions of the crisis they had to cope with in the second year of their studies.

Keywords: identity crisis, sophomore slump, professional identity status, achieved professional identity, moratorium status.

«Кризис второкурсника»

Понятие «кризиса» или «синдрома второкурсника» является русскоязычным аналогом словосочетания «sophomore slump» (*sophomore* — студент второго года обучения; *slump* — резкий спад, кризис), широко используемого в западных, прежде всего американских исследованиях по проблемам академической адаптации студентов высших учебных заведений. Термин был введен в научный обиход в 1956 г. М.Б. Фридман в статье «The passage through college», посвященной общему анализу каждой из шести стадий университетского обучения в США (поступление, 1–4 курсы, выпуск из университета), однако в академической среде он, скорее всего, был известен и ранее: автор упоминает о нем как о «так называемом» феномене [1, р. 22]. В последующие десятилетия был осуществлен ряд исследований, направленных на уточнение содержания и специфики протекания данного кризиса [2, 3, 4 и др.]. Тем не менее даже спустя пятьдесят лет с момента первой публикации специалисты продолжали сетовать на недостаточность внимания к указанной проблематике со стороны как ученых, так и вузовской администрации, называя второкурсников «забытым годом» «невидимых студентов» [5, 6, 7]. В последнее время в результате совместных усилий представителей научного сообщества и педагогов-практиков ситуация существенно изменилась в лучшую сторону: в 2014 г. Национальным ресурсным центром Университета Южной Каролины был реализован крупномасштабный проект по изучению социально-психологических и академических проблем второкурсников [8]. В подавляющем большинстве американских колледжей и университетов разработаны программы психологического сопровождения, ориентированные на

«удержание» студентов в образовательной среде: У.Ф. Уайт и Д. Мозели отмечают, что 75 % студентов, которые заканчивают второй год обучения без перерыва (т.е. лица, сумевшие преодолеть «кризис второкурсника», не покидая высшего учебного заведения), успешно и в установленные сроки завершают полный цикл университетского образования [9, р. 400].

Наше исследование наглядно продемонстрировало актуальность рассматриваемого вопроса и для российской системы высшего образования. 100 % опрошенных нами второкурсников (интервью/анкета/сочинение) в той или иной степени подвержены кризисным переживаниям, связанным с академической дезадаптацией. К внешним факторам академической дезадаптации мы отнесли взаимодействие с преподавателями (неадекватность требований; стиль преподавания; непонимание преподавателями студентов и др.), особенности учебного процесса (повышение требований; появление более сложных предметов; отсутствие реального выбора образовательной траектории; новые виды учебной деятельности), наличие конкурирующей деятельности (работа, для обеспечения базовых потребностей / для достижения финансовой независимости; внеучебная деятельность в университете), взаимоотношения с родителями, адаптация к условиям городской жизни. Внутренние факторы — это, прежде всего, различные неадаптивные особенности личности (склонность к прокрастинации, лень, апатия, страх и др.). Основными формами проявления «кризиса второкурсника» являются сомнения в выборе направления обучения, утрата мотивации, сомнения в собственных силах, снижение академической успеваемости, ощущение нехватки вре-

мени, пропуски занятий, скука, потеря новизны, усталость, снижение работоспособности [10].

В современной психологии выделяются два основных подхода к пониманию кризиса: кризис как экстремальная (критическая) ситуация, требующая немедленного вмешательства, и кризис как необходимый механизм личностного развития [11, с. 93]. «Кризис второкурсника» представляет собой пример подобной дихотомии: его возникновение закономерно в силу ряда внутренних и внешних причин, однако игнорирование необходимости применения адекватных мер профилактики и коррекции негативных тенденций, сопровождающих процесс его разрешения, будет приводить к усугублению существующих и появлению новых личностных проблем. Кроме того, с одной стороны, он может рассматриваться как (потенциально) нормативный *возрастной* кризис (идентичности) [12, 13, 14] (или, точнее, как один из этапов соответствующего данному возрасту кризиса: ср. «кризис идентичности» по Э. Эриксону [15], «кризис юности: становление авторства в собственной жизни» по В.И. Слободчикову и Е.И. Исаеву [16], «нормативный кризис перехода к взрослости» по Е.Л. Солдатовой [17], кризисы профессионального самоопределения по Э.Ф. Зееру, Н.С. Пряжникову, Э.Э. Сыманюк [18, 19, 20]). Согласно словарному определению *возрастной* кризис — «это особые, относительно непродолжительные — до года — периоды онтогенеза, характеризующиеся резкими изменениями ..., которые относятся к нормативным процессам, необходимым для нормального, поступательного личностного развития» [21, с. 248]. «Кризис второкурсника» действительно обычно соответствует возрастному периоду от 19 до 21 года (так как подавляющее число современных абитуриентов — это выпускники средней школы), длится не более одного-двух семестров и затрагивает не только академические и социальные, но и личностные аспекты развития студента [14]. С другой стороны, его можно трактовать как *ценностно-смысловой* [22], даже экзистенциальный кризис [23], развивающийся в ситуациях, «требующих от личности изменения способа бытия, отношения к себе, к миру, к основным экзистенциальным дилеммам» [24, с. 17], как «результат отсутствия интериоризации основных ценностей и смыслов, а также следствие проблемных ситуаций в жизни человека, которые могут как совпадать, так и действовать независимо друг от друга» [25, с. 7]. Выполнение академических требований в ситуации

снижения учебной мотивации и все возрастающих сомнений в правильности выбора будущей профессии является однозначно проблемной ситуацией для второкурсника, переживающего экзистенциальный конфликт, порождаемый противоречиями между потребностью в структурированности и организованности жизни и осознанием их отсутствия, своей свободы и ответственности в создании собственного мира (как возможное следствие — сложности со структурированием времени и сомнения в собственных силах); между осознанием фундаментальной изоляции — одиночества в равнодушном мире — и потребностью в контактах, защите и принадлежности (как возможное следствие — ухудшение отношений со сверстниками, преподавателями, родителями, чрезмерное увлечение внеучебными видами деятельности); между потребностью в осмысленности жизни и ощущением бессмысленности мира, в который «брошен» человек (как возможное следствие — сомнения в ценности университетского образования и в правильности выбора направления обучения) [26]. В итоге «кризис второкурсника» понимается нами как один из этапов нормативного возрастного кризиса идентичности, связанного с процессами личностного и профессионального самоопределения, развивающийся в особых условиях адаптации субъекта к обучению в высшем образовательном учреждении.

Статус профессиональной идентичности

Концепции идентичности / «кризисной идентичности» [27, с. 61] не имеет смысла рассматривать в отрыве от статусной теории идентичности, разработанной Дж. Марсиа, определявшим идентичность как «структуру эго — внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории» [цит. по: 28, с. 132]. Для операционализации понятия идентичности автор выдвигает предположение, что данная гипотетическая структура проявляется феноменологически через наблюдаемые паттерны «решения проблем» [28, с. 132], рассматривая две жизненные сферы — профессию и идеологию (под идеологией понимаются «образы, идеи и идеалы, которые... являются имплицитным мировоззрением», «система идей, дающих убедительную картину мира», «неосознанный набор ценностей и посылок, отражающий религиозное, научное и политическое мышление культуры»). Идеология предоставляет молодым людям упрощенные, но четкие ответы на главные вопросы, связанные с конфликтом са-

мотожественности [цит. по: 29, с. 3]. Поведенческими индикаторами, дифференцирующими наличие или отсутствие идентичности, стали (1) принятие или непринятие обязательств (commitment) и (2) прохождение или непрохождение кризиса, исследование альтернатив (crisis, exploration of alternatives). Комбинация данных критериев позволяет выделить четыре статуса идентичности: достигнутая (сформированная) идентичность (кризис пройден, в результате субъект сформировал определенную совокупность личностно-значимых целей, ценностей и убеждений, обеспечивающих ему чувство направленности и осмысленности жизни); мораторий (нахождение в кризисе идентичности, активные попытки его разрешения на основании поиска полезной информации); преждевременная (навязанная, предрешенная) идентичность (кризис никогда не переживался, но субъект, тем не менее, обладает определенным набором целей, ценностей и убеждений, формирующихся относительно рано, в основном вследствие идентификации с родителями или другими значимыми людьми); диффузная (неопределенная) идентичность (не имеется прочных целей, ценностей и убеждений, нет активных попыток сформировать их, кризис никогда не переживался либо субъект оказался неспособным решить возникшие проблемы) [29].

Е.Л. Солдатова в ходе исследования проблем формирования идентичности в юношеском возрасте и в кризисе перехода к взрослости обнаружила ряд закономерностей ее динамики. Так, было установлено, что для студентов первых курсов более характерна предрешенная идентичность, сформированная на основании внешних образцов, к последним же курсам больше представлен мораторий, основанный на собственных поисках идентичности. Автором была предложена определенная последовательность становления статуса эго-идентичности. На первом этапе кризиса возникает предрешенная идентичность, связанная с идеализацией «Я-будущего», отказом от «Я-прошлого», эгоцентризмом и некоторой эйфорией по поводу собственных изменений. В следующей фазе кризиса — собственно критической, когда встречаются «Я-идеальное» и реальность, происходит «размыывание идентичности», проявляются сомнения, неверие в собственные ресурсы, но вместе с тем человек ищет, «примеривает» различные образцы для идентичности. На этапе выхода из кризиса личность представляет собой новую, сложившуюся систему собственной идентичности. Достигнутая или состоявшаяся эго-идентичность — обяза-

тельное условие перехода в стабильный этап развития — фазу новых количественных изменений, когда личность утверждает себя в выбранной идентичности и какое-то время мотивация к изменениям отсутствует [12, с. 27–28].

Концепция Дж. Марсиа была также положена в основу исследований профессиональной идентичности выпускников школы, осуществленных А.А. Азбель, определившей, что статусы достигнутой профессиональной идентичности и моратория являются нормативными и адекватными, а диффузной и предрешенной профессиональной идентичности — неадекватными для старшеклассников нашей культуры [30, с. 8]. В ходе нашего исследования взаимосвязи статуса профессиональной идентичности с индивидуально-психологическими особенностями девятиклассников действительно было установлено, что у большинства обследованных школьников выражены статусы моратория и сформированной профессиональной идентичности. Но выраженность последнего статуса может достигаться за счет желания старшеклассников выглядеть в глазах окружающих более взрослыми, так как не было выявлено непосредственных взаимосвязей сформированной профессиональной идентичности ни с одним из изучаемых показателей. Мы предположили, что сформированная профессиональная идентичность не свойственна девятиклассникам и определяется, прежде всего, внешними — случайными, не поддающимися объективному измерению — причинами, а не внутренними индивидуально-психологическими свойствами. В то же самое время кризис профессионального выбора, являясь нормативным статусом профессиональной идентичности в подростковом возрасте, взаимосвязан с компонентами ценностно-мотивационной сферы [31]. В исследовании, проводившемся с привлечением в качестве испытуемых учащихся 10 и 11 классов, также было обнаружено, что в данном возрасте преобладающим является статус моратория (54 % учащихся); еще 32 % учащихся обладают сформированной, а 14 % — навязанной профессиональной идентичностью. При этом установлено, что статус моратория положительно коррелирует с уровнем тревожности старшеклассников.

Таким образом, на момент принятия решения о поступлении в высшее учебное заведение лишь незначительная часть абитуриентов обладает сформированной профессиональной идентичностью. В этой связи закономерным будет предположение о том, что процесс профессионального

самоопределения у абитуриентов со статусом мотатория продолжится и на начальных курсах университета, способствуя интенсификации кризисных переживаний, возникающих в ходе академической адаптации студентов. Цель данного исследования — изучить влияние несформированной профессиональной идентичности абитуриентов на переживание ими кризиса идентичности на втором году обучения.

Организация и методы эмпирического исследования

В эмпирическом исследовании на различных его этапах приняли участие более 200 студентов (интервью, сочинения, психодиагностические обследования). В рамках текущей публикации будут проанализированы данные, полученные от 32 респондентов, прошедших психодиагностическое обследование (многофакторный личностный опросник 16 PF (форма С), автор Р. Кеттелл (коэффициент ретестовой надежности через двухнедельный промежуток составляет 0,36–0,73, таким образом, некоторые шкалы данного опросника демонстрируют высокую чувствительность к состоянию испытуемого); тест-опросник самоотношения, авторы В.В. Столин, С.Р. Пантелеев, часто используемый в клинических исследованиях для отслеживания динамики самоотношения в периоды переживания субъектом кризиса) и написавших два сочинения («Тот день, когда я решил (а) стать (профессия): почему я учусь на (факультет/специальность)» и «Кризис второкурсника: что вы об этом думаете?»).

В ставших уже классическими работах Дж. Марсиа для исследования идентичности ис-

пользовался метод полуструктурированного интервью, когда на основе анализа магнитофонной записи группа экспертов приписывала индивиду один из статусов идентичности. В более поздних исследованиях по изучению статусов идентичности было установлено, что при работе со студентами вузов и колледжей наилучшие результаты достигаются в случае преимущественно письменного самостоятельного заполнения анкеты [32]. В нашем исследовании мы объединили эти два подхода: статус профессиональной идентичности на момент поступления определялся с помощью процедур контент-анализа сочинений по первой теме, в которых респонденты в форме ретроспективного самоотчета [15, с. 9–10] описывали процесс выбора будущей профессии и направления обучения, а также собственные переживания по этому поводу. На первом этапе анализа два эксперта (авторы публикации) независимо оценивали и индексировали каждое сочинение, затем в результате обсуждения выставлялись согласованные баллы, отражающие степень выраженности характеристик, свойственных четырем статусам профессиональной идентичности. Все сочинения были проиндексированы по шкале от 0 до 7 (где 0 — это полное отсутствие характеристик статуса профессиональной идентичности, а 7 — это высокая выраженность статуса).

Индикаторы (категории анализа) каждого из статусов профессиональной идентичности были разработаны на основании анализа отечественных и зарубежных публикаций по рассматриваемой проблематике [32–40], затем их список был расширен за счет примеров, обнаруженных в сочинениях респондентов (см. табл. 1).

Таблица 1. Индикаторы статусов профессиональной идентичности

Статус	Состояние	Индикаторы
Сформированная (достигнутая)	Устойчивая идентичность после кризиса	<p><i>Основные:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - состояние стабильности, определенности; - осознание трудностей и готовность их преодолевать; - переживание целей и ценностей как лично значимых; - самостоятельность в принятии решения; - чувство радости, воодушевления, удовлетворенности; - акцентирование внимания на позитивных последствиях своего решения, перспективах; - оптимизм в отношении будущего; - чувство доверия к себе и людям; - высокая мотивация деятельности. <p><i>Дополнительные:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - желание жить самостоятельно; - долгосрочность осуществленного выбора; - удовлетворенность осуществленным выбором; - наличие мечты, связанной с выбранной профессией; - связь выбранной профессии с хобби; - определенность в узком направлении своей будущей профессии

Статус	Состояние	Индикаторы
Навязанная (предрешенная)	Устойчивая идентичность до кризиса	<p><i>Основные:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - отсутствие кризисных переживаний (тревоги, сомнений); - осознание своих способностей, возможностей; - идентификация со значимыми людьми (родители, педагоги, родственники); - доверие прежде всего другим и недоверие себе; - значительная роль внешних обстоятельств; - конформизм в принятии решения; - состояние стабильности, определенности. <p><i>Дополнительные:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - рекомендации педагогов и их позитивная оценка способностей оптанта; - наличие образца для подражания; - поддержка семьи на разных этапах осуществления выбора; - похвала родителей в связи с успешностью в конкретной сфере деятельности / предмете
Мораторий	Неустойчивая идентичность — кризис	<p><i>Основные:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - сравнение, сопоставление, анализ альтернативных решений; - активный поиск информации (чтение, беседы, экспериментирование, пробы); - стремление обсуждать проблему; - высокая мотивация решения проблемы; - эмоции ожидания, любопытства, сомнений, тревожного волнения; - конфликты со значимыми другими при расхождении мнений; - внимание к собственным потребностям, желаниям, интересам, возможностям, способностям. <p><i>Дополнительные:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - отсроченность осознания необходимости выбора; - эмоциональные переживания в связи с необходимостью выбора; - смена планов под влиянием новой информации о себе или профессии; - разнообразие увлечений и частая их смена; - возможная смена планов в будущем; - глубокая саморефлексия (по поводу правильности выбора, своих мотивов); - вынужденность итогового профессионального выбора
Диффузная (неопределенная)	Неустойчивая идентичность до и после кризиса	<p><i>Основные:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - отсутствие прочных целей, ценностей, интересов, мечты; - негативные состояния: апатия, пессимизм, злоба, отчуждение, беспомощность, безнадежность, бессмысленность; - проявления социальной желательности, использование штампов; - отказ от принятия решения, отсутствие способности решать проблемы; - неприятие обязательств. <p><i>Дополнительные:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - осуществление выбора по инерции; - отсутствие прогнозов и перспектив в профессии; - рассмотрение выбранного профиля подготовки как просто полезного умения, знания; - отсутствие в тексте личностного содержания (общие слова о важности и трудности выбора)

Эмпирические данные были систематизированы в формате электронной таблицы и подвергнуты процедурам статистической обработки (описательная статистика, непараметрическая статистика (U-критерий Манна-Уитни), кластерный анализ) с применением пакета прикладных программ статистической обработки данных SPSS 17.0 for Windows.

Результаты исследования и их обсуждение

Выделение дополнительных индикаторов в процессе контент-анализа позволило нам дать содержательное описание трех наиболее частотных (в рассматриваемой выборке) статусов профессиональной идентичности (примеры для статуса диффузной идентичности не приводятся, поскольку таковая в анализируемых текстах была практически не отражена).

1. Сформированная профессиональная идентичность

– долгосрочность осуществленного выбора

(здесь и далее сохранен стиль и язык оригинальных текстов):

«Знакомство с иностранным языком произошло для меня в четвертом классе. Моим одноклассникам не очень нравился английский, а меня он увлек. Я с радостью приходила на каждый урок, задавала вопросы, отвечала учителю. И спустя несколько лет мое отношение к языку не поменялось. Я усердно работала, участвовала в олимпиадах и занимала призовые места, участвовала в школьных конференциях, в одиннадцатом классе в качестве дополнительного экзамена я выбрала конечно же английский. Я и сейчас хотела бы изучать больше языка, углубляясь в каждое слово, в каждый иностранный текст»;

– связь профессионального выбора с хобби:

«В средних классах я начала увлекаться зарубежными певцами. Во многом на меня оказала влияние группа “One Direction”. Начав слушать их музыку, мне стало интересно, о чем же они поют. С этого момента я начала самостоятельно изучать английский язык»;

– мечты, связанные с будущей профессией:

«Я мечтаю путешествовать и преподавать в других странах. Для меня это идеальная и лучшая работа на планете»;

– самостоятельность в принятии решения:

«В процесс моего выбора пытались влезть остальные родственники... Я поспешила им напомнить о том, что это вообще-то мой выбор, и мне придется работать тем, на кого я выучусь»;

– желание жить самостоятельно:

«Я хотела начинать жить самостоятельно, поэтому старательно отметала предложения родителей остаться в родном городе»;

– высокая мотивация деятельности и активность в преодолении трудностей:

«Я начала усиленно заниматься языком. Сложные упражнения по грамматике были для меня увлекательными загадками, которые мне не терпелось разгадать».

«В свободное время я читала книги в оригинале, слушала англоязычные хиты, часами общалась в интернете с носителями языка»;

– определенность в узком направлении своей профессии:

«Вопреки разговорам, которые велись с детства, я решила сделать иностранный язык не вспомогательным инструментом, а основной профессией».

«Я твердо для себя решила: я буду переводчиком! Мне, почему-то, никогда не хотелось быть учителем иностранного языка или специалистом по межкультурной коммуникации, хотя мое увлечение языками началось с интереса к другим культурам и жизни в других странах. Мне хотелось переводить, быть неким проводником, своеобразным “мостиком” между людьми. И сейчас, печатая это сочинение, я понимаю, что это действительно МОЕ, МОЕ ПРИЗВАНИЕ»;

– позитивный взгляд в будущее:

«Я бы очень хотела потом работать по специальности, потому что это безумно интересно, но одновременно и очень сложно. Но в этом и есть смысл жизни: добиваться большего, стремиться к своим целям, преодолевать препятствия».

«В будущем я хочу стать тем педагогом, на которого дети будут смотреть с уважением и восторгом».

«Я очень надеюсь, что моя страсть к этой профессии не потухнет, и мне удастся стать полезной».

2. Навязанная (предрешенная) профессиональная идентичность

– наличие образца для подражания:

«У нас в роду были учителя — моя прабабушка — учитель начальных классов и моя бабушка — учитель географии. Когда пришло время выбора профессии, я уже знала, что буду педагогом»;

– влияние родителей и семьи:

«Самым решающим фактором стало давление со стороны родителей, да и вообще всей семьи. Они решили, что у меня хорошо получается изучать иностранные языки. Возможно, что все остальные факторы меркнут и бледнеют по сравнению с этим. Не знаю, почему они так решили, я же не вижу в себе такой особенности».

«Мне помогла моя мама. Каждый день она говорила мне о том, что я смогу учиться на такую профессию. Мой дедушка хотел, чтобы я была учителем, он всегда говорил мне об этом, что это будет для него гордость, если его внучка будет учителем иностранных языков. Но только жаль, что он не дождался до этого, не увидел, как я пошла в университет. Думаю, что именно это событие подтолкнуло меня к тому, чтобы пойти учиться на филолога»;

– рекомендации педагогов и их позитивная оценка способностей опанта:

«Мои школьные учителя подсказали мне, что есть неплохой факультет удмуртской филологии и что было бы неплохо мне туда поступить. И вот я здесь».

«Я изменила свое решение благодаря моей преподавательнице. Она, увидев во мне способности к языкам, начала заниматься со мной индивидуально и заставляла участвовать в различных международных конкурсах и мероприятиях, но, к сожалению, выигрывать их мне не удавалось».

3. Мораторий (кризисная) профессиональная идентичность

– кризисные переживания:

«Я не понимала, что и как мне делать, что теперь будет. Думаю, это было состояние некоего страха от того, что ты не знаешь, что произойдет с тобой дальше».

«Я всегда боялась оканчивать школу и поступать, потому что там, как мне казалось, все по-другому, там не будут знать меня, мои знания, а здесь я уже “авторитет”».

«По благоприятному стечению обстоятельств я узнала о факультете удмуртской филологии, где были возможности изучения английского, а в придачу и финского языков. Но балластом служило то, что я не хотела быть педагогом. А здесь как раз и выпускали учителей удмуртского языка и литературы. Долго мучаясь и отнекиваясь от вопросов знакомых, куда же я поступлю, в 11 классе я думала про экзамены и даже не знала, какие понадобятся для поступления. Это было просто “галочкой”»;

– пробы себя в разных областях:

«Я успела попробовать себя в постижении разных сфер деятельности и знания. Мои поиски были обширны, и простирались — как в сфере изобразительного искусства, так и театрального мастерства, я писала стихи и сценарии, пробовала писать музыкальные произведения, научилась петь. Поиски себя приводили меня даже в область изучения мистики»;

– сравнение альтернатив, активный поиск:

«Решение я принимала постепенно, рассматривая много вариантов своей будущей профессии».

«Кем стать, я определяла долго».

«Далее были колебания, бесконечное взвешивание всех “за” и “против”»;

– внимание к своим потребностям и возможностям:

«Раннее осознание того, что у меня не особо хорошо получается заучивать теоремы с доказательствами, позволили мне заранее готовить ходы к отступлению».

«В конце моей почти что исповеди дополню, что я учусь здесь, потому что мои склонности к изучению языков не оставили мне другого выбора».

«Я с 7–8 класса планировала стать журналистом. А наличие неплохих способностей к работе

с текстами, словами, языком я обнаружила даже еще раньше»;

– вынужденность итогового профессионального выбора:

«Все должно было сложиться абсолютно другим образом, я готовилась к поступлению в другую страну на искусствоведа и два года учила язык, пока экономический кризис не повлиял на наш российский рубль. Когда пришло осознание, что все мои мечты рухнули и розовые очки разбились, пришла пора решать, что же делать дальше».

«Честно говоря, последний вариант был запасным, так как на него была хорошая возможность поступить, но минимум желания, с другими же — наоборот. С других факультетов мне не позволили. Деваться было некуда, пришлось отнести документы на филологию».

«На самом деле я хотела другое высшее образование, но так сложилась судьба. Я всегда хотела стать врачом, но поняла, что не смогу успешно сдать ЕГЭ по биологии и химии и поступить на бюджет. Именно это и стало причиной того, что я выбрала данный факультет».

«Учитывая свои интересы, я хотела поступить на факультет философии и социологии, либо экономический. Но, к великому сожалению, у меня не хватило баллов. А так как я участвовала в конференциях, которые проводил факультет удмуртской филологии, то мне они высылали письма о том, чтобы я поступила именно к ним. Я была уверена, что на этот факультет я поступлю, но я не хотела здесь учиться»;

– возможная смена планов в будущем:

«Я обдумываю возможность стать преподавателем иностранного языка (мое предпочтение в данный момент падает на немецкий, но кто знает, все может измениться)».

«На самом деле для себя я воспринимаю обучение просто как период, который надо пережить, потому что неинтересные дела тоже надо уметь делать».

На следующем этапе исследования показатели выраженности статусов профессиональной идентичности, полученные в результате индексации индивидуальных сочинений респондентов, были использованы для осуществления процедур кластеризации. Результаты иерархического кластерного анализа продемонстрировали целесообразность деления выборочной совокупности на два кластера. В ходе применения кластерного анализа методом k-средних были выделены кластерные центры (см. табл. 2), позволившие интерпретировать данные кластеры как группы респондентов (1) с несформированной (кризисной) и (2) сформированной

рованной профессиональной идентичностью. Таким образом, респонденты, вошедшие в первый кластер (n = 16 / 50 % от выборочной совокупности), на момент выбора направления и профиля обучения находились в состоянии кризиса профессионального выбора либо по причине вынужденного изменения профессиональных планов в силу обстоятельств (определенность целей и интересов, высокая мотивация достижения успеха, значительные усилия на реализацию профессионального плана в сочетании с непрогнозируемыми проблемами, барьерами, приводящими к невозможности осуществления своей мечты (провал на экзаменах, нехватка баллов по ЕГЭ для прохождения по конкурсу), разочарованию и вынужденному («пришлось») поступлению не по интересам, но по возможностям), либо из-за отсутствия осознанных профессиональных планов (отсутствие устойчивых интересов и ярко выраженных способностей к какой-либо деятельности, длительные сомнения,

ориентация в профессии исходя из успешности сдачи ЕГЭ в школе, осознание недостаточной мотивации к обучению по «выбранной» профессии, желание отсрочить выбор или вообще избежать его; рассмотрение обучения как отсрочки в принятии решения о своем профессиональном будущем, отсутствие профессиональных целей и ценностей, решение принимается не самим субъектом, а обстоятельствами, случаем, переживание обреченности и необходимости смириться с тем, что есть). При этом респонденты, вошедшие во второй кластер (n = 16 / 50 % от выборочной совокупности), к моменту поступления в вуз уже успешно преодолели кризис профессиональной идентичности (пробы себя в различных видах деятельности, осознание своих возможностей, способностей и ресурсов; поиск вариантов воплощения своих целей и планирование адекватных, соответствующих целям и ценностям субъекта «запасных» вариантов).

Таблица 2. Кластерные центры окончательного решения

Статусы профессиональной идентичности	Средние значения в кластерах	
	1	2
Сформированная идентичность	1,63	5,88
Предрешенная (навязанная) идентичность	1,25	0,94
Мораторий (кризис идентичности)	3,13	0,38
Диффузная (неопределенная) идентичность	0,56	0,00

Для определения влияния несформированной профессиональной идентичности абитуриентов на переживание ими кризиса идентичности на втором году обучения данные по двум выделенным

группам были обработаны с помощью непараметрического критерия различий Манна-Уитни (см. табл. 3).

Таблица 3. Значимые различия по изучаемым показателям в подгруппе респондентов с (1) несформированной и (2) сформированной профессиональной идентичностью

Показатель	Кластеры	Средние ранги	Средние значения	U-критерий	Уровень значимости
Фактор О (уверенность в себе – тревожность)	1	19,91	8,94	73,500	0,035
	2	13,09	7,56		
Шкала MD (адекватность самооценки)	1	19,69	5,50	77,000	0,050
	2	13,31	3,88		
Самообвинение	1	17,86	5,21	65,000	0,063
	2	12,33	4,40		
Фактор Q2 (конформизм – неконформизм)	1	13,65	4,69	81,000	0,072
	2	19,44	6,38		
Ожидаемое отношение других	1	12,18	8,50	65,500	0,080
	2	17,63	9,67		

Значимые различия были обнаружены по показателям тревожности и адекватности самооценки, т.е. студенты, находившиеся на момент принятия решения в статусе моратория, на втором курсе менее уверены в себе, боязливы, депрессивны. Вероятно, отсутствие определенности при поступлении, вынужденность профессионального выбора, который не согласовывался с их истинными интересами и устремлениями, подрывает их веру в себя. Данные характеристики обнаруживаются и при анализе текстов второго сочинения, отражающего представление второкурсников о переживаемом ими кризисе:

«Кризис второкурсника в моем случае — это непонимание, зачем же я все-таки пошла учиться по данной специальности. Если на первом курсе тебе все в новинку, все для тебя интересно, и ты на этом духовном подъеме “я-студент” готов свернуть горы и даже приходиться с утра к первой паре, то на втором курсе постоянно крутятся мысли “а что дальше?”. Впереди я не вижу перспектив в работе по профессии. Поэтому все чаще думаешь, зачем мне вообще это надо».

При этом второкурсники, у которых на момент выбора направления обучения была сформирована профессиональная идентичность, демонстрируют большую критичность по отношению к себе. Это может означать, что, идентифицировав себя с представителями определенной профессии, в процессе обучения студент продолжает повышать требования к себе не только как к профессионалу, но и как к личности. Сниженная критичность самооценки у студентов, находившихся в момент поступления в статусе моратория, часто проявляется как стремление перенести ответственность за происходящее на других людей и обстоятельства:

«Кризис второкурсника для меня — это: когда нужно рано утром просыпаться, чтобы идти на первую пару, когда ты можешь поспать в теплой постельке; задают слишком много заданий, и ты не успеваешь сделать и ложишься поздно спать, а утром надо рано вставать; в столовой кушать дорого; ездить в автобусах по утрам неудобно, ужасные пробки, куча народу, а ходить пешком это долго; перерывы между парами очень короткие и не успеваешь отдохнуть; длинная очередь в гардеробные; преподаватели, с которыми сложно найти общий язык и ходить на пары становится просто невыносимо и ты много пропускаешь, а потом у тебя бывают проблемы с экзаменами и зачетами».

На уровне тенденции обнаруживаются различия по показателям самообвинения, конформизма и ожидаемого отношения других. На втором курсе большую самостоятельность, независимость от взглядов других, уверенность в уважении, одобрении и понимании со стороны других людей и при этом меньшую конформность, ориентированность на социальное одобрение демонстрируют абитуриенты со сформированной идентичностью:

«Второкурсника можно сравнить с подростком в ярчайший период пубертата. Это уже не маленький ребенок (читай первокурсник), он уже знает, что к чему, его не водят за ручку старшие, у него уже появились взрослые проблемы. Учеба уже не такая интересная, активная внеучебная деятельность уже не привлекает, хочется поспать дольше, а задают все больше материала, с грустью думаешь, что учеба не должна быть в тягость. Лично я и мысли, и сам кризис считаю явлением временным и связанным с личностным ростом. Если человек развивается, то это подчас бывает очень болезненно. В данный период хорошо понимаешь, чего стоишь ты сам, чего стоит поддержка близких и друзей».

«Смог встать утром и сходить на лекцию? Поздравляю, ты победитель. Вот только многие забывают, что учатся для себя, а не для кого-то. Суть в том, что все зависит от человека, от того самого второкурсника, который жаждет поспать до 12, но при этом хорошо учиться. В любом случае, если он захочет, он сделает все ради свершения задуманного. Не захочет — до свидания».

Абитуриенты с несформированной профессиональной идентичностью на втором году обучения в вузе более конформны, зависимы в своих решениях от других, недовольны собой, открыты и уязвимы к восприятию отрицательных эмоций, демонстрируют повышенное внимание к внутренним переживаниям, в первую очередь отрицательного характера, готовность ставить себе в вину свои промахи, неудачи, недостатки:

«Если это лучшие годы, то остановите планету, я думаю, пора сойти. Порой от количества домашней работы и объемов информации, которую необходимо усвоить, становится страшно. Больше скажу, хочется плакать, горько плакать. Жизнь крутится, вертится, но проходит мимо тебя. И вновь возвращаемся к риторическому вопросу, в чем смысл жизни? Именно сейчас я порой просто не понимаю, что я делаю, а главное, для чего? Приведет ли это меня к моей мечте? Я задумываюсь о том, получу ли я необходимые знания».

во время обучения в университете? Если на первом курсе все счастливые, спят и видят, как отучатся и будут работать по профессии, то я сейчас задумываюсь, а туда ли я поступила?»

«Кризис второкурсника — это то состояние, в котором я нахожусь сейчас. Это когда кажется, что все в твоей жизни летит к чертям (извините). В прошлом году я задрала себе планку — сдала сессию на “отлично”, чему я, а особенно моя мама, были безумно рады. А в этом году пришло осознание того, что учусь я совсем не там, где хочу, не на той специальности, по которой в итоге хочу работать и связать свою жизнь, и в связи с этим, ухудшилась и моя успеваемость. Чтобы хорошо учиться нужна мощная мотивация, а мотивация “потому что так надо” таковой для меня не является. В итоге у меня проблемы даже с тем, как получить элементарные зачеты, не говоря уже об экзаменах. А если не касаться учебы, то тут я буду кратка: с личной жизнью проблемы, с друзьями недопонимание, в семье постоянные скандалы (из-за моего настроя на учебу). А то, что я жутко недовольна собой, не это ли можно назвать личным кризисом?»

Итак, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что студенты, которые при поступлении в университет не обладали сформированной профессиональной идентичностью, отличаются большей выраженностью и глубиной кризисных переживаний на втором году обучения.

Заключение

Таким образом, установлено, что несформированность профессиональной идентичности абитуриента является предиктором выраженных кризисных переживаний второкурсника. Результаты исследования демонстрируют, что данный статус может проявляться в двух формах: (1) отсутствии четко определенных профессиональных планов и (2) вынужденном изменении профессиональных планов в силу обстоятельств. Более адаптивный и позитивный с точки зрения личностного развития вариант — это сформированность устойчивых интересов, намерений и целей, определяющая готовность сделать самостоятельный и осознанный профессиональный выбор при поступлении в высшее учебное заведение. Однако сформированная профессиональная идентичность присуща далеко не всем выпускникам школы, что позволяет говорить об актуальности разработки и реализации адекватных мер психологического сопровождения абитуриентов и студентов младших курсов, переживающих кризис идентичности, и о необходимости специализированных программ профи-

лактики и коррекции негативных тенденций личностного развития, возникающих в процессе академической адаптации субъекта на ранних этапах профессионализации.

Список литературы

1. Freedman M.B. The passage through college // Journal of Social Issues. 1956. № 12. С. 13–27. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1956.tb00385.x
2. Bonello F.J. Freshman-sophomore learning differentials: a comment // Journal of Economic Education. 1984. № 3. P. 205–210.
3. Cooper C.A., McCord D.M., Socha A. Evaluating the college sophomore problem: the case of personality and politics // Journal of Psychology. 2011. № 1. P. 23–37.
4. Lemons L.J., Richmond D.R. A developmental perspective of sophomore slump // NASPA Journal. 1987. № 24(3). P. 15–19.
5. Bisese S.D., Fabian D.J. Sophomore men: the forgotten class, the forgotten gender // Recruitment & Retention in Higher Education. 2006. № 3. P. 1–4.
6. Tobolowsky B.F. Sophomores in transition: The forgotten year // New Directions for Higher Education. 2008. № 144. P. 59–67. DOI: 10.1002/he.326
7. *Visible solutions for invisible students: Helping sophomores succeed* / ed. by L.A. Schreiner, J. Pattengale. Columbia: University of South Carolina, 2000. 152 p.
8. Young D.G., Schreiner L.A., McIntosh E.J. Investigating sophomore student success: the National survey of sophomore-year initiatives and the sophomore experiences survey, 2014. Columbia: The National Resource Center for The First-Year Experience and Students in Transition, 2015. 124 p.
9. White W.F., Mosely D. Twelve-year pattern of retention and attrition in a commuter type university // Education. 1995. № 3. P. 400–403.
10. Вьюжанина С.А., Кожевникова О.В. «Кризис второкурсника»: особенности академической адаптации в поликультурной среде регионального вуза // Понять другого: межкультурное взаимопонимание в современном глобальном мире: сб. матер. пятой Всерос. науч.-практ. конференции «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития», 20–21 ноября 2015 г. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С. 25–26.
11. Овчинникова Ю.Г. К проблеме интервенций в ситуации кризиса личности: от теории к практике // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С. 93–98.
12. Солдатова Е.Л. Динамика эго-идентичности и представлений о будущем в нормативных кризисах взрослости // Психологическая наука и образование. 2006. № 2. С. 16–30.

13. *Coburn K.L., Treeger M.L.* Letting go: A parent's guide to understanding the college years (5th edition). New York: Harper Perennial, 2009. 464 p.
14. *Margolis G.* Unslumping our sophomores: Some clinical observations and strategies // *Journal of the American Health Association.* 1976. № 27. P. 153–156.
15. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.
16. *Слободчиков В.Л., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М.: Школьная Пресса, 2000. 416 с.
17. *Солдатова Е.Л.* Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 267 с.
18. *Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э.* Психология профессиональных деструкций. М.: Академ. проект, 2005. 240 с.
19. *Пряжников Н.С.* Профессиональное и личностное самоопределение. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 256 с.
20. *Сыманюк Э.Э.* Психология профессионально обусловленных кризисов. М.: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. 320 с.
21. *Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин.* Минск: Харвест, 1998. 800 с.
22. *Полтавский С.В.* Психологические условия преодоления ценностно-смыслового кризиса середины жизни в процессе самопознания личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2008. 27 с.
23. *Сенкевич Л.В.* Опросник «Переживание экзистенциального кризиса»: первый этап апробации // *Системная психология и социология.* 2015. № 4(16). С. 46–54.
24. *Жедунова Л.Г.* Психология личностного кризиса: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2010. 54 с.
25. *Дмитриева Н.В., Самойлик Н.А.* Кризис идентичности: феноменология переживания / НГПУ. Новосибирск, 2012. 279 с.
26. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: РИМИС, 2008. 608 с.
27. *Климов И.А.* Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: Моск. обществ.-науч. фонд, 2001. С. 54–81.
28. *Антонова Н.В.* Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // *Вопросы психологии.* 1996. № 1. С. 131–143.
29. *Татарко С.А.* Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии // *Психологическая диагностика.* 2009. № 1. С. 130–138.
30. *Азбель А.А.* Особенности формирования статусов профессиональной идентичности старшеклассников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 20 с.
31. *Тазетдинова Э.Р., Кожевникова О.В.* Профессиональное самоопределение юношей и девушек в кризисный период: социально-экономические и индивидуально-психологические аспекты проблемы // *Актуальные проблемы государственной молодежной политики современной России: сб. науч. ст.* Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2015. С. 256–264.
32. *Кранц И.И.* Определение статусов идентичности: возможности диагностики. URL: http://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Psihologia/18710.doc.htm (дата обращения: 18.03.2017).
33. *Кузьмин М.Ю., Конопак И.А.* Эмпирическое изучение критериев кризиса идентичности студентов старших и младших курсов // *Известия ИГУ. Серия: Психология.* 2014. Т. 8. С. 45–55.
34. *Овчинникова Ю.Г.* К проблеме кризиса идентичности // *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология.* 2000. № 2. С. 84–89.
35. *Орестова В.Р., Карбанова О.А.* Методы исследования идентичности в концепции статусов эгоидентичности Дж. Марсия // *Психология и школа.* 2005. № 1. С. 39–90.
36. *Самойлик Н.А.* Психолого-педагогические условия переживания кризиса идентичности студентов ВУЗа на начальном этапе обучения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2012. 23 с.
37. *Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А.* Связь эгоидентичности и личностной зрелости // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология.* 2015. № 1. С. 29–33.
38. *Шляпникова И.А.* Методика диагностики симптомов нормативного кризиса взрослости // *Вестник ЧГПУ.* 2009. № 4. С. 185–192.
39. *Шнейдер Л.Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 2007. 234 с.
40. *Mancini T., Caricati L., Panari C., Tonarelli A.* Personal and social aspects of professional identity. An extension of Marcia's identity status model applied to a sample of university students // *Journal of Vocational Behavior.* 2015. № 89. P. 140–150. DOI 10.1016/j.jvb.2015.06.002.

Получено 01.08.2017

References

1. Freedman M.B. The passage through college. *Journal of Social Issues*. 1956, no. 12, pp. 13–27. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1956.tb00385.x. (In English).
2. Bonello F.J. Freshman-sophomore learning differentials: a comment. *Journal of Economic Education*. 1984, no. 3, pp. 205–210. (In English).
3. Cooper C.A., McCord D.M., Socha A. Evaluating the college sophomore problem: the case of personality and politics. *Journal of Psychology*. 2011, no. 1, pp. 23–37. (In English).
4. Lemons L.J., Richmond D.R. A developmental perspective of sophomore slump. *NASPA Journal*. 1987, no. 24(3), pp. 15–19. (In English).
5. Bisese S.D., Fabian D.J. Sophomore men: the forgotten class, the forgotten gender. *Recruitment & Retention in Higher Education*. 2006, no. 3, pp. 1–4. (In English).
6. Tobolowsky B.F. Sophomores in transition: The forgotten year. *New Directions for Higher Education*. 2008, no. 144, pp. 59–67. DOI: 10.1002/he.326. (In English).
7. *Visible solutions for invisible students: Helping sophomores succeed* / ed. by L.A. Schreiner, J. Pattengale. Columbia: University of South Carolina, 2000, 152 p. (In English).
8. Young D.G., Schreiner L.A., McIntosh E.J. *Investigating sophomore student success: the National survey of sophomore-year initiatives and the sophomore experiences survey, 2014*. Columbia: The National Resource Center for The First-Year Experience and Students in Transition, 2015, 124 p. (In English).
9. White W.F., Mosely D. Twelve-year pattern of retention and attrition in a commuter type university. *Education*. 1995, no. 3, pp. 400–403. (In English).
10. Vyuzhanina S.A., Kozhevnikova O.V. «Krizis vtorokursnika»: osobennosti akademicheskoy adaptatsii v polikulturnoy srede regionalnogo vuza [«Sophomore Slump»: the Specifics of Academic Adjustment in the Multicultural Environment of the Regional University]. *Ponyat drugogo: mezhkulturnoe vzaimoponimanie v sovremennom globalnom mire: Collected Articles of the 5th Russian conference Prakticheskaya etnopsikhologiya: aktualnye problemy i perspektivy razvitiya* [Understanding the Other: Intercultural Understanding in the Modern Global World: Practical Ethnopsychology: Topical Issues and Prospects of Development]. Moscow, GBOU VPO MGPPU Publ., 2015, pp. 25–26. (In Russian).
11. Ovchinnikova Yu.G. *K probleme interventsiy v situatsii krizisa lichnosti: ot teorii k praktike* [To the Problem of Interventions in the Situations of the Identity Crisis: from Theory to Practice]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology Journal]. 2010, no. 3. pp. 93–98. (In Russian).
12. Soldatova E.L. *Dinamika ego-identichnosti i predstavleniy o buduschem v normativnykh krizisakh vzroslosti* [The Dynamics of Ego-Identity and Ideas of the Future in the Period of Normative Crises of Adulthood]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2006, no. 2, pp. 16–30. (In Russian).
13. Coburn K.L., Treeger M.L. *Letting go: A parent's guide to understanding the college years*. 5th ed. New York: Harper Perennial, 2009, 464 p. (In English).
14. Margolis G. Unslumping our sophomores: Some clinical observations and strategies. *Journal of the American Health Association*. 1976, no. 27, pp. 153–156. (In English).
15. Erikson E. *Identichnost: yunost i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow, Flinta Publ., 2006, 342 p. (In Russian).
16. Slobodchikov V.L., Isaev E.I. *Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya razvitiya cheloveka: Razvitie subektivnoy realnosti v ontogeneze* [The Basics of Psychological Anthropology. Psychology of Human Development: Development of the Subjective Reality in the Ontogenesis]. Moscow, Shkolnaya Pressa Publ., 2000, 416 p. (In Russian).
17. Soldatova E.L. *Struktura i dinamika normativnogo krizisa perekhoda k vzroslosti* [The Structure and the Dynamics of the Normative Crisis of the Transition to the Maturity]. Chelyabinsk, YuUrGU Publ., 2007, 267 p. (In Russian).
18. Zeer E.F., Symanyuk E.E. *Psikhologiya professionalnykh destruktivnykh* [Psychology of Professional Destructive]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2005, 240 p. (In Russian).
19. Pryazhnikov N.S. *Professionalnoe i lichnostnoe samoopredelenie* [Professional and Personal Self-Determination]. Moscow, The Institute of Practical Psychology Publ., Voronezh, MODEK Publ., 1996, 256 p. (In Russian).
20. Symanyuk E.E. *Psikhologiya professionalno obuslovlennykh krizisov* [Psychology of Profession-related Crisis]. Moscow, MSPI Publ.; Voronezh, MODEK Publ., 2004, 320 p. (In Russian).
21. *Slovar prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of the Practical Psychologist]. Minsk, Kharvest Publ., 1998, 800 p. (In Russian).
22. Poltavskiy S.V. *Psikhologicheskie usloviya preodoleniya tsennostno-smyslovogo krizisa serediny zhizni v protsesse samopoznaniya*

- lichnosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological Conditions of Overcoming Value and Meaning Crisis of the Midlife in the Process of Personal Self-Actualization. Abstract of Cand. psychol. sci. dis.]. Tambov, 2008, 27 p. (In Russian).
23. Senkevich L.V. *Oprosnik «Perezhivanie ekzistentsialnogo krizisa»: pervyy etap aprobatsii* [The Questionnaire of the Existential Crisis Experiencing: the First Stage of Approbation]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya* [Systematic Psychology and Sociology]. 2015, no. 4(16), pp. 46–54. (In Russian).
  24. Zhedunova L.G. *Psikhologiya lichnostnogo krizisa: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Psychology of the Identity Crisis. Abstract of Dr. psychol. sci. dis.]. Yaroslavl, 2010, 54 p. (In Russian).
  25. Dmitrieva N.V., Samoylik N.A. *Krizis identichnosti: fenomenologiya perezhivaniya* [Identity Crisis: Phenomenology of Experience]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2012, 279 p. (In Russian).
  26. Yalom I. *Ekzistentsialnaya psikhoterapiya* [Existential Psychotherapy]. Moscow, RIMIS Publ., 2008, 608 p. (In Russian).
  27. Klimov I.A. *Psikhosotsialnye mekhanizmy vozniknoveniya krizisa identichnosti* [Psychosocial Mechanisms of the Identity Crisis Development]. *Transformatsiya identifikatsionnykh struktur v sovremennoy Rossii* [The Transformation of the Identity Structures in Modern Russia]. Moscow, Moscow Public Scientific Fund Publ., 2001, pp. 54–81. (In Russian).
  28. Antonova N.V. *Problema lichnostnoy identichnosti v interpretatsii sovremennogo psikhoanaliza, interaktsionizma i kognitivnoy psikhologii* [The Problem of Personal Identity in the Interpretation of Modern Psychoanalysis, Interactionism and Cognitive Psychology]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology]. 1996, no. 1, pp. 131–143. (In Russian).
  29. Tatarko S.A. *Izmerenie identichnosti v ramkakh statusnoy modeli J. Marsii* [Measuring Identity in the Framework of Status Model by J. Marcia]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnosis]. 2009, no. 1, pp. 130–138. (In Russian).
  30. Azbel A.A. *Osobennosti formirovaniya statusov professionalnoy identichnosti starsheklassnikov: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [The Specifics of the Formation of Professional Identity Statuses of Senior School Students. Abstract of Cand. psychol. sci. dis.]. Moscow, 2004, 20 p. (In Russian).
  31. Tazetdinova E.R., Kozhevnikova O.V. *Professionalnoe samoopredelenie yunoshey i devushek v krizisnyy period: sotsialno-ekonomicheskie i individualno-psikhologicheskie aspekty problemy* [Professional Self-Determination of Young People in the Crisis Period]. *Aktualnye problemy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki sovremennoy Rossii* [The Topical Issues of the State Youth Policy in modern Russia]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2015, pp. 256–264. (In Russian).
  32. Krants I.I. *Opredelenie statusov identichnosti: vozmozhnosti diagnostiki* [Defining Identity Statuses: Possibilities of Diagnosis]. Available at: http://www.rusnauka.com/3._KAND_2007/Psihologia/18710.doc.htm (accessed 18.03.2017). (In Russian).
  33. Kuzmin M.Yu., Konopak I.A. *Empiricheskoe izuchenie kriteriev krizisa identichnosti studentov starshikh i mladshikh kursov* [Empirical Studying of the Criteria of the Identity Crisis of Senior and Junior Students]. *Izvestiya IGU. Seriya Psikhologiya* [Proceedings of the Irkutsk State University: Psychology]. 2014, vol. 8, pp. 45–55. (In Russian).
  34. Ovchinnikova Yu.G. *K probleme krizisa identichnosti* [To the Problem of the Identity Crisis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Bulletin. Psychology]. 2000, no. 2, pp. 84–89. (In Russian).
  35. Orestova V.R., Karabanova O.A. *Metody issledovaniya identichnosti v kontseptsii statusov ego-identichnosti J. Marsia* [The Methods of Identity Studying in the Concept of Ego-Identity Statuses of J. Marcia]. *Psikhologiya i shkola* [Psychology and School]. 2005, no. 1, pp. 39–90. (In Russian).
  36. Samoylik N.A. *Psikhologo-pedagogicheskie usloviya perezhivaniya krizisa identichnosti studentov VUZa na nachalnom etape obucheniya: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological and Pedagogical Conditions of Identity Crisis Experiencing by University Students in the Beginning of Studying. Abstract of Cand. psychol. sci. dis.]. Kemerovo, 2012, 23 p. (In Russian).
  37. Soldatova E.L., Shlyapnikova I.A. *Svyaz ego-identichnosti i lichnostnoy zrelosti* [The Connection of the Ego-Identity and Personal Maturity]. *Vestnik YuUrGU: Psikhologiya* [South Ural State University Bulletin: Psychology]. 2015, no. 1, pp. 29–33. (In Russian).
  38. Shlyapnikova I.A. *Metodika diagnostiki simptomov normativnogo krizisa vzroslosti* [The Method of Diagnosis the Symptoms of the Normative Maturity Crisis]. *Vestnik ChGPU* [Chelyabinsk State Pedagogical University Bulletin]. 2009, no. 4, pp. 185–192. (In Russian).
  39. Shneyder L.B. *Lichnostnaya, gendernaya i professionalnaya identichnost: teoriya i metody*

diagnostiki [Personal, Gender and Profesional Identity: Theory and Methods of Diagnosis]. Moscow, Moscow Psychology and Social Institute Publ., 2007. 234 p. (In Russian).

An extension of Marcia's identity status model applied to a sample of university students. *Journal of Vocational Behavior*. 2015, no. 89, pp. 140–150. DOI 10.1016/j.jvb.2015.06.002. (In English).

40. Mancini T., Caricati L., Panari C., Tonarelli A. Personal and social aspects of professional identity.

The date of the manuscript receipt 01.08.2017

Об авторах

Кожевникова Оксана Вячеславовна

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии

Удмуртский государственный университет, 426034, Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1995-3886

Шрейбер Татьяна Викторовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии

Удмуртский государственный университет, 426034, Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: tschreiber@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0120-1803

About the authors

Kozhevnikova Oksana Vyacheslavovna

Ph.D. in Psychology, Docent, Associate Professor of the Department of General Psychology

Udmurt State University, 1, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Russia; e-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1995-3886

Shreiber Tatyana Viktorovna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Department of General Psychology

Udmurt State University, 1, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Russia; e-mail: tschreiber@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0120-1803

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кожевникова О.В., Шрейбер Т.В. Несформированная профессиональная идентичность абитуриента как предиктор «кризиса второкурсника» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 381–395. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-381-395

Please cite this article in English as:

Kozhevnikova O.V., Shreiber T.V. Unachieved professional identity of the school leaver as a predictor of the «sophomore slump» // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 381–395. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-381-395

УДК 159.922.8:616

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-396-408

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ
ПОДРОСТКОВОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА
«ПРИЧИНЫ ДЛЯ ЖИЗНИ» А. ОСМАНА И М. ЛИНИХЭН**

Волочков Андрей Александрович, Левченко Дарья Викторовна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

В условиях обострения ситуации с детскими и подростковыми суицидами российским педагогам-психологам остро недостает современных инструментов диагностики суицидального риска. Например, таких, как хорошо известный за рубежом опросник А. Османа и М. Линихэн «Причины для жизни» для подростков (The Reasons for Living Inventory for Adolescents (RFL-A)).

В статье представлены различные версии опросника «Причины для жизни», рассмотрены его особенности, результаты адаптации в России, а также проведен сравнительный анализ полученных на основе опросника данных психометрических исследований подросткового варианта в России и США. Предлагается текст русскоязычного варианта опросника и примеры психометрических характеристик, полученных на выборке 143 подростков Пермского края.

Предварительный этап русскоязычной адаптации подросткового опросника А. Османа, М. Линихэн «Причины для жизни» показал высокую устойчивость его факторно-аналитической структуры к национальным особенностям отношения к суициду, особенностям социально-экономического развития, по отношению к фактору времени (1998 и 2017 гг.), а также по отношению к фактору процедуры обследования (карандаш-бумага и онлайн-тестирование). При этом уже на предварительном этапе выяснено, что российская адаптация по структуре полностью соответствует американскому оригиналу. Наибольшей согласованностью и значением в факторной структуре опросника отличается шкала «Семейный союз». В России этот фактор по значимости, в отличие от американской выборки, абсолютно лидирует. В русскоязычной выборке наиболее достоверной и соответствующей американским результатам оказалась процедура онлайн-тестирования респондентов, проведенного в социальных сетях.

Надежность по внутренней согласованности шкал российской адаптации подросткового опросника «Причины для жизни» значительно превышает пороговые значения и в основном также соответствует американским психометрическим исследованиям.

В целом уже на предварительном этапе русскоязычной адаптации опросника получены психометрические характеристики, достаточные для его использования не только в научных исследованиях, но и в скрининговых обследованиях суицидального риска.

Ключевые слова: суицид, диагностика, подросток.

**PRELIMINARY ADAPTATION OF THE OSMAN-LINEHAN
«REASONS FOR LIVING» INVENTORY (ADOLESCENT VERSION)**

Andrey A. Volochkov, Darya V. Levchenko

Perm State Humanitarian Pedagogical University

Given the deteriorating situation with suicides among children and teenagers Russian teachers and psychologists are in need of modern tools for assessing suicidal risk. One of such tools which is well-known abroad is the Reasons for Living Inventory for Adolescents (RFL-A) by A.Osman and M.Linehan.

The paper presents various versions of the Reasons for Living inventory, results of its adaptation and a comparative analysis of findings from psychometric research in Russia and the USA. The text and the psy-

chometric properties of the Russian adaptation of the inventory are included. The sample for the psychometric study was 143 teenagers from Perm Krai.

Preliminary adaptation of the adolescent version of the Reasons for Living Inventory by A. Osman and M. Linehan has demonstrated that the factor-analytic structure of the inventory is stable across national mentalities regarding suicide, peculiarities of social and economic development, time periods (1998 and 2017) and mode of administration (paper-and-pencil vs online). Even at the preliminary stage of adaptation the Russian version has the same factor structure as the American original. The highest internal consistency and the highest factor weight was shown by the scale «Family Union». Unlike with the U.S. sample, this factor is the leading one in terms of its significance. In the Russian sample online testing in social networks appeared to be the most credible and most closely resembled the findings from the American study.

Internal consistency of scales in the Russian adaptation of RFL-A exceeds the necessary thresholds and on the whole corresponds to data from the American study.

Thus, even the preliminary stage of Russian adaptation of RFL-A by A. Osman and M. Linehan yielded psychometric characteristics that are sufficient both for scientific use and screening of suicidal risk.

Keywords: suicide, assessment, teenager.

Введение

В современной психологии интерес многих авторов обращен к вопросам, касающимся психического и психологического здоровья, благополучия и здоровья личности. Одним из объективных критериев психического здоровья населения является показатель его суицидальной активности. Ави- тальная активность, число суицидальных попыток и завершенных суицидов в мире нарастают. По данным ВОЗ, ежегодно около 800 000 человек лишают себя жизни, а значительно большее число людей совершают попытки самоубийства. Самоубийства происходят не только в странах с высоким уровнем дохода, этот глобальный феномен характерен для всех регионов мира. Более 78 % самоубийств в мире произошли в 2015 г. в странах с низким и средним уровнем дохода. Стремительно растет количество детско-юношеских суицидов. В 2015 г. самоубийства вышли на второе место среди причин смерти молодых людей 15–29 лет [1]. Суицид стремительно молодеет, косвенным свидетельством этого являются статьи о суицидальном поведении детей до 12-летнего возраста [2–4].

Российская Федерация по числу суицидов на 100 000 населения находится среди мировых лидеров. Пермский край с 2016 г. занимает по этому параметру 4-е место, несмотря на некоторое снижение за период с 2000 г. (60,7 на 100 тысяч в 2001 г. и 33,6 в 2015–2016 гг.) [5]. К сожалению, Россия лидирует и по подростковым суицидам (6-е место в 2015 г.): средний показатель самоубийств подростков РФ в два-три раза превышает среднемировой. По официальным данным подростковые суициды составляли 19,8 случаев на 100 тысяч человек в 2005 г.; 19,3 — в 2006 г.; 20,1 — в 2007 г.; 19,4 — в 2008 г.; 19,8 — в 2009 г. В последние пять лет показатели смертно-

сти по причине подростковых суицидов несколько стабилизировались [6, с. 138]. Однако в 2016 г. в стране произошел скачок подросткового интереса к суицидальной активности, в том числе к участию в манипулятивных интернет-сообществах («Синий кит» и др.). Это вызвало резкую и тревожную реакцию общественности, родителей, педагогов и профессионалов психолого-педагогического сопровождения развития детей и юношества.

Суицидальная статистика Пермского края, в котором было проведено предлагаемое исследование, также тревожная. На фоне временного «затишья» к 2015–2016 г. осенне-зимний всплеск суицидальной активности подростков по г. Перми и Пермскому краю, спровоцированный группами смерти в социальных сетях, оказался неожиданным и вызвал панические настроения.

«Кризис 2016-го» обнажил многочисленные проблемы профилактики детского, подросткового и юношеского суицидального поведения. Среди них — острая проблема в связи с отсутствием компактного, валидного и надежного психодиагностического инструментария, позволяющего проводить массовые скрининговые обследования суицидальных рисков у школьников и студентов. Появившиеся за последние 5 лет обзоры соответствующего инструментария, с одной стороны, предлагают наиболее актуальные списки методик, а с другой — неизменно фиксируют наличие этой проблемы. Отсутствует концепция суицидального поведения подростков, не хватает качественных оригинальных отечественных методик выявления суицидального поведения [7–9]. Школьные психологи испытывают недостаток надежных, апробированных и валидизированных методов диагностики суицидальных намерений. Им приходится пользоваться явно устаревшими опросниками, не прошедшими необходимых процедур стандартиза-

ции, или методиками, не имеющими достаточного теоретического обоснования [7, 8, 10].

Помимо национальных особенностей диагностики суицидального риска существуют и общие ее проблемы. Среди них — проблема использования «прямых» и косвенных по отношению к суицидальной тематике формулировок пунктов (вопросов) соответствующего инструментария. Прямые формулировки открывают респонденту суицидальную тематику опросника. Например, «Возникли ли у Вас мысли о самоубийстве?»; «У многих людей в тяжелые периоды жизни возникают мысли о том, чтобы убить себя. У Вас когда-нибудь возникали такие мысли?». С одной стороны, такие формулировки могут актуализировать у респондента возможность целенаправленного либо неосознанного искажения информации о своем состоянии, социальную желательность и ряд защитных реакций. С другой стороны, прямые формулировки зачастую, особенно в ситуации скрининга, оказываются эффективнее косвенных [4, 11, 12]. Есть еще одна проблема «прямых» формулировок — этическая. Следует ли вообще обсуждать с детьми и подростками вопросы жизни и смерти? Насколько такие беседы (или такие пункты опросников) способны спровоцировать суицидальные переживания и соответствующее поведение? Эта проблема активно обсуждалась в зарубежной суицидологии [2, 4]. Однако лица с депрессивными расстройствами не живут в условиях информационного вакуума: в средствах массовой информации, литературе, интернет-ресурсах и в социальных сетях суицидальная тематика широко представлена. При наличии у человека состояния, предрасполагающего к появлению суицидальных мыслей, не следует избегать прямых обсуждений и вопросов, в том числе диагностических. И особенно важны такие беседы и обследования для подростков и юношей [13–16]. Вместе с тем не следует забывать о деликатности обсуждения суицидальной тематики и конструировании соответствующего диагностического инструментария. Прямые формулировки таких опросников должны актуализировать жизненный потенциал, резервы преодоления трудных жизненных ситуаций, позитивные копинг-стратегии и наличные витальные ресурсы респондента. То есть содержательный характер такого опросника должен иметь прямой витальный акцент, а совокупность его пунктов должна вызывать позитивный жизнеутверждающий резонанс в ситуации «быть или не быть». На наш взгляд, удачным примером такого личностного опросника является опросник «Причины для жизни» (Reasons for

Living Inventory, RFL) Августина Османа и Марши Линихэн [11, 12]. Как видим, уже само название опросника активизирует антисуицидальные защитные реакции и убеждения.

Косвенная диагностика суицидального риска по понятным причинам преобладает. В этом случае диагностируются коррелирующие с суицидальными переживаниями состояния, прежде всего депрессивные. Наиболее популярными опросниками такого рода в России являются «Шкала безнадежности» (Hopelessness Scale) Александра Бека и «Опросник суицидального риска» А.Г. Шмелева в модификации Т.Н. Разуваевой. Вместе с тем исследователи подчеркивают, что в используемом инструментарии преобладают незавершенные русскоязычные адаптации устаревших версий американских опросников, а редкие оригинальные российские разработки нуждаются в психометрической проверке [7, 8, 17].

Перспективным направлением косвенной диагностики суицидальных рисков является разработка приборных, психофизиологических методик. Примером такого объективного теста является методика «Сигнал», предназначенная для экспресс-оценки суицидального риска. Тест ориентирован на фиксацию объективных психофизиологических показателей, коррелирующих с суицидальными переживаниями, без опоры на экспертные суждения или личностные самооценки. Он сконструирован таким образом, что для испытуемого остается скрытым, какие стороны его поведения и переживаний подвергаются изучению. Все это повышает достоверность диагностического обследования суицидальных рисков [18, 19].

В целом же при обострении ситуации с детскими и подростковыми суицидами педагогам-психологам остро недостает современных, надежных и валидных инструментов диагностики суицидальных намерений.

Наиболее острой является проблема отсутствия «полевого» инструментария, позволяющего быстро и эффективно проводить скрининговые обследования на выявление группы риска [10]. Хорошо зарекомендовавшим себя в этом отношении инструментом стал опросник А. Османа и М. Линихэн «Причины для жизни» для подростков (The Reasons for Living Inventory for Adolescents (RFL–A)) [4, 12].

Личностный опросник «Причины для жизни»: история и версии

Исходная версия опросника «Причины для жизни» была разработана и опубликована Маршей Линихэн в 1983 г. [20]. Исходным положением

для разработки этого оригинального инструмента является предположение автора о том, что оценка суицидального риска может проводиться на основе анализа значимости для обследуемого антисуицидальных мотивов, таких как долг перед близкими, моральные, религиозные убеждения и т.д. Опросник является одним из немногих самооценочных инструментов, эффективно диагностирующих антисуицидальные ресурсы и потенциал защитных факторов у лиц с суицидальными намерениями. Полная исходная версия опросника состоит из 48 пунктов, входящих в шесть шкал, соответствующих (в авторской терминологии) адаптивным категориям жизни: жизнестойкость и копинг (24 пункта), ответственность перед семьей (7 пунктов), моральное осуждение (4 пункта), страх самоубийства (7 пунктов), страх социального неодобрения (3 пункта) и беспокойство о детях (3 пункта). Респонденты при обсуждении суицида в соответствии с инструкцией оценивали важность каждого пункта жизни по шестибалльной шкале (1 — совсем не важно, 6 — очень важно). Более высокие баллы свидетельствуют о позитивных причинах для жизни и негативном отношении к суициду. Серия исследований показала, что шкалы опросника обнаруживают отрицательные корреляционные связи с выраженностью суицидальных намерений и позволяют с достаточной степенью надежности прогнозировать вероятность осуществления суицидального акта [12, 20].

Российская адаптация опросника «Причины для жизни» проводилась в СПбГУ (кафедра медицинской психологии и психофизиологии) на выборке здоровых испытуемых без суицидальных тенденций и лиц, госпитализированных в психиатрические больницы в связи с попытками суицида. В российском варианте опросник известен как «Опросник антисуицидальных мотивов» Н.И. Косенковой [18, 19, 21]. Методика входит в программный комплекс экспресс-оценки риска суицидального поведения «Сигнал» и распространяется фирмой «Иматон». Вместе с тем выборка стандартизации «Опросника антисуицидальных мотивов» в 50 человек от 20 до 83 лет (средний возраст 30 лет) совершенно недостаточна для получения удовлетворительных психометрических характеристик [21].

Опросник «Причины для жизни» М. Линихэн исходно разрабатывался для взрослых и прошел психометрическую проверку на соответствующих возрастных группах. Вместе с тем нарастала потребность в разработке подростковой версии

опросника. В дальнейшем под руководством А. Османа опросник был существенно переработан. Из 48 пунктов исходного варианта опросника М. Линихэн были сохранены 15 пунктов, которые являлись стимулами для размышлений школьников и студентов (возраст от 14 до 19 лет) о ресурсах выбора варианта «жизнь» в возможной предсуицидальной ситуации. При этом половина из выборки имели опыт суицидальных попыток. Те же 15 пунктов являлись стимулом для перечисления экспертами (детскими клиническими психологами) причин, по которым подростки отказываются от суицида. Такой подход привел к обширной (311 пунктов!) базе новой версии опросника «Причины жить». Контент-анализ позволил сократить эту базу до 97 пунктов, из которых затем были исключены еще 17. Начальная версия нового опросника была предложена 1400 подросткам 14–18 лет из трех средних школ. Среди участников были «неклинические» и «клинические» (явные суицидальные намерения или попытки) подростки. Родители подростков предварительно дали разрешение на их участие в исследовании. Сами подростки и студенты дали информированное согласие на процедуру сбора данных. Участие было добровольным, и все анонимно заполняли пункты небольшими группами по 10–15 участников непосредственно в образовательных учреждениях. Психометрический анализ позволил выделить 32 наиболее работоспособных пункта, образующих надежную структуру пяти относительно автономных диагностических шкал, соответствующих исходной версии опросника [12]. Столь масштабная переработка опросника, безусловно, является основанием для его переименования в опросник «Причины для жизни» А. Османа и М. Линихэн.

В данной статье представлены предварительные итоги использования русскоязычной адаптации этого опросника.

Перевод текста опросника «Причины для жизни» на русский язык

Симметричный перевод оригинального текста опросника был сделан носителями двух языков, получающими либо уже имеющими высшее филологическое или психологическое образование. Проверка качества перевода текста была выполнена Н.В. Бабенко — специалистом-переводчиком научных текстов.

В ходе проверки выявились некоторые ошибки перевода отдельных пунктов опросника (которые впоследствии были устранены), а именно:

1. Низкая степень детализации описания: соотношение имплицитности (то, что подразумевается) и эксплицитности (то, что четко выражено словами).

2. Отсутствие структурно-грамматической близости оригинала и перевода по ряду пунктов.

3. Несовпадение лексического состава по отдельным пунктам.

Далее была проведена повторная проверка эквивалентности перевода оригиналу. Конкретной процедурой такой проверки является обратный перевод опросника с русского языка (после устранения ошибок) на язык оригинала.

Затем были разработаны тестовые тетради для заполнения респондентами непосредственно в образовательных учреждениях, а также онлайн-форма опросника для проведения онлайн-тестирования.

Итоговый текст опросника представлен в Приложении.

Участники исследования

Исследование проводилось весной 2017 г. на выборке 201 подростка Поволжского региона (преимущественно Пермский край). Участие подростков в обследовании было добровольным. Запрашивалось официальное разрешение родителей на проведение опроса. 14 родителей отказались от обследования. Среди причин отказа — неустойчивость психики ребенка, семейное «табу» на обсуждение суицидальной тематики, опасение «раскачать лодку» суицидальных переживаний. 49 подростков не заполнили пункты шкалы SRC: «Страх суицида» (Suicide-Related Concerns), поэтому их данные были исключены из дальнейшего анализа. После проверки данных оставшихся 152 респондентов на многомерные выбросы (дистанция по Махаланобису) в выборке осталось 143 участника, среди них 40 юношей и 103 девушки. В целом наблюдение показало, что в режиме заполнения бланков непосредственно в школе отношение к нему девочек значительно более серьезное. Именно по этой причине часть «мужских бланков» была отбракована, что сказалось на половой структуре общей выборки. В онлайн-обследовании резких половых различий в ходе процедуры обследования не наблюдалось.

Возрастные характеристики российских участников соответствует американской выборке 1998 г.

[12, с. 1066] от 14 до 18 лет ($M = 16,23$, $SD = 1,21$). Имеются и различия: 1) американская выборка значительно больше (350 участников, отобранных через процедуру рандомизации из общей выборки более 1000 подростков) и более уравновешена по полу; 2) в российской выборке на данном этапе адаптации опросника отсутствует «клиническая часть», т.е. уже имеющие опыт суицидального поведения подростки. Кроме того, в отличие от американского исследования, где все респонденты непосредственно в школах и колледжах заполняли бланки опросника, в российской выборке в режиме «карандаш-бумага» были опрошены 54 участника (35,5 % общей выборки), а остальные 98 участников прошли онлайн-тестирование с использованием автоматизированной системы Google Forms и ресурсов социальных сетей.

Анализ данных и алгоритм психометрической проверки

Алгоритм и результаты психометрической проверки русскоязычной адаптации 32-пунктовой версии RFL-A, подросткового опросника «Причины для жизни» А. Османа и М. Линихэн являются основой и ориентиром для нашей русскоязычной адаптации. В этом алгоритме использованы эксплораторный факторный анализ корреляционных матриц пунктов опросника, расчет индексов надежности шкал по внутренней согласованности, а также индексов описательной статистики. В статье приводится сравнительный анализ результатов российского и американского психометрических исследований опросника [12].

Анализ данных проведен с использованием статистических пакетов Statistica 10 корпорации StatSoft и SPSS 22 корпорации IBM Statistics.

Структурная валидность русскоязычной версии, как и в оригинальном американском варианте, определялась в ходе эксплораторного факторного анализа по методу максимального правдоподобия с последующим varimax-вращением факторов.

Надежность по внутренней согласованности определялась с помощью коэффициентов Альфа Л. Кронбаха, коэффициентов корреляции двух половин шкал опросника (Split half reliability), а также усредненного коэффициента корреляции пунктов шкал (Average Inter-Item Correlation).

Для выявления особенностей распределения диагностических шкал и медианных норм использовались процедуры дескриптивной статистики.

Результаты и обсуждение

1. Структурная валидность подросткового опросника «Причины для жизни» (США 1998 г. – Россия 2017 г.)

Итоги эксплораторного анализа факторных структур корреляционных связей 32 пунктов опросника приведены в табл. 1. Очевидно значительное совпадение факторных структур американского опросника RFL-A и его русскоязычной адаптации. В обоих случаях выявилось пять значимых однополярных факторов, образующих сопоставимые диагностические шкалы.

1. Фактор «**Оптимизм восприятия будущего**» (Future Optimism) — образован 7 пунктами. В американской публикации этот фактор наиболее значим, в российской адаптации — на 2-м месте (объясняет 16 % доли дисперсии всех 32 пунктов опросника).

2. Фактор «**Страх совершения суицида**» (Suicide-Related Concerns) — образован 6 пунктами. В американской публикации этот фактор по значимости на 2-м, в российской адаптации — на 3-м месте (объясняет 12 % доли дисперсии пунктов).

3. Фактор «**Семейный союз**» (Family Alliance) — образован 7 пунктами. В американской публикации этот фактор по значимости на 3-м, в российской адаптации — на 1-м месте (объясняет 17 % доли дисперсии пунктов). Возможно, это свидетельствует о большей значимости семейных

связей и большей результативности семейных копинг-стратегий россиян, по сравнению с американцами.

4. Фактор «**Принятие и поддержка со стороны друзей**» (Peer Acceptance and Support) — образован 6 пунктами. Как в США, так и в России этот фактор по значимости занял 4-е место (объясняет 14 % доли дисперсии пунктов русской версии).

5. Фактор «**Самопринятие**» (Self-Acceptance) — образован 6 пунктами. Американский и русский факторы практически идентичны по составу и значимости нагрузок и занимают 4-е место по величине собственных чисел (объясняет 12 % доли дисперсии пунктов русской версии). Исключение составляет пункт 29: «Я чувствую хорошее в себе» (оригинальный текст «I feel good»). Этот пункт в русской выборке одинаково нагружает два фактора, нарушая их ортогональность. Возможно, данный пункт следует переформулировать.

По суммарной доле дисперсии пунктов, объяснимой факторами, американский и российский варианты также сходны: 64,5 % в оригинале и 71,2 % в российской адаптации. В целом структура русскоязычной адаптации подросткового опросника «Причины для жизни» соответствует американским исследованиям, что свидетельствует о высокой структурной валидности адаптации. Это подтверждается и сходной картиной корреляций пяти факторов.

Таблица 1. Факторные структуры опросника RFL-A в американской и русской выборках (эксплораторный факторный анализ по методу максимального правдоподобия, после varimax-вращения)

Пункты по шкалам RFL-A	США, 1998 г. (n = 350)					РФ, 2017 г. (n = 143)				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Оптимизм относительно будущего (Future Optimism (FO))										
13. Я надеюсь, что в будущем со мной случится много хорошего	.77	-.01	.01	-.06	.07	0,09	0,72	0,09	0,17	0,25
19. Я надеюсь, что в будущем буду успешным	.76	.08	-.02	.08	-.05	0,14	0,77	0,09	0,12	0,14
15. У меня есть планы и цели на будущее	.73	-.02	.08	-.03	.06	0,16	0,85	0,12	0,19	0,13
28. У меня много планов, которые я хочу осуществить в будущем	.72	.05	.05	.09	-.06	0,18	0,82	0,12	0,16	0,14
25. Мое будущее выглядит обнадеживающим и перспективным	.68	-.01	.02	.09	.09	0,29	0,61	0,16	0,18	0,29
11. Я хотел бы реализовать свои планы и цели на будущее	.61	.00	.11	.03	-.03	0,07	0,80	0,05	0,14	0,01
4. У меня есть много того, на что я надеюсь, когда вырасту	.57	.06	.01	.09	.13	0,15	0,63	0,03	0,05	0,11
Страх суицида (Suicide-Related Concerns (SRC))										
20. Мысль о самоубийстве пугает меня	-.04	.92	0,00	.05	-.03	0,06	0,09	0,81	0,14	0,11
26. Я боюсь убить себя	.03	.86	-.05	-.02	-.04	0,01	0,14	0,78	0,10	0,03

Пункты по шкалам RFL-A	США, 1998 г. (n = 350)					РФ, 2017 г. (n = 143)				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
32. Я бы испугался или побоялся строить планы самоубийства	.02	.83	.06	.02	.00	0,04	-0,06	0,71	0,18	0,30
21. Любой способ самоубийства вызывает у меня неприятие.	.01	.80	.03	.04	-.01	0,02	0,21	0,72	0,01	-0,04
8. Я боюсь смерти, поэтому не думаю о самоубийстве	-.09	.73	.15	.06	.01	0,16	0,00	0,85	-0,01	0,03
2. Это было бы страшно и болезненно — совершить самоубийство	.10	.71	-.07	-.07	.11	0,17	0,11	0,64	0,01	0,14
Семейный союз (Family Alliance (FA))										
24. Моя семья беспокоится о моих чувствах	-.05	-.02	.84	.04	.06	0,85	0,15	0,07	0,18	0,15
30. Мою семью сильно заботит то, что со мной происходит	.04	.07	.78	-.05	-.05	0,82	0,13	0,16	0,22	0,21
17. Мне нравится быть с моей семьей	0,00	.03	.76	.04	.00	0,81	0,25	0,04	0,18	0,11
1. При возникших у меня проблемах я всегда могу обратиться к семье за поддержкой или советом	.03	.01	.70	.11	.07	0,80	0,06	0,14	0,19	0,23
12. Моя семья находит время, чтобы выслушать мои впечатления о школе, работе или доме	.13	.02	.70	-.14	.04	0,81	0,09	0,02	0,26	0,18
7. Я чувствую себя эмоционально близким к своей семье	.03	.06	.69	.06	.07	0,84	0,23	0,03	0,14	0,13
23. Чаще всего моя семья поощряет и поддерживает мои планы и цели	.08	-.04	.69	.15	-.00	0,79	0,23	0,10	0,19	0,00
Принятие и поддержка друзей (Peer Acceptance and Support (PAS))										
27. Мои друзья принимают меня таким, какой я есть	.01	.03	-.02	.78	.06	0,02	0,28	0,22	0,62	0,12
5. Мои друзья рядом, когда у меня проблемы	-.02	-.01	.06	.78	-.03	0,22	0,10	0,05	0,86	0,12
22. Если у меня возникнет проблема, я могу рассчитывать на помощь своих друзей	.13	.01	-.02	.71	-.02	0,21	0,12	0,13	0,88	0,01
10. Мои друзья много обо мне заботятся	-.00	.04	.09	.69	.07	0,25	0,12	0,04	0,82	0,15
6. Я чувствую себя любимым и понятым моими близкими друзьями	.05	.05	.10	.58	.04	0,39	0,14	-.03	0,73	0,19
16. Я верю в то, что мои друзья, когда я с ними, дорожат мной	.11	.13	-.04	.50	.15	0,31	0,23	0,08	0,80	0,09
Самопринятие (Self-Acceptance (SA))										
9. Я нравлюсь себе таким, какой я есть	.05	.01	-.02	-.03	.85	0,20	0,19	0,05	0,10	0,82
18. Я полагаю, что я — хороший человек	.06	.03	.03	-.10	.83	0,15	0,40	0,09	-0,07	0,53
31. Я доволен собой	-.05	.03	.05	.08	.79	0,15	0,30	0,18	0,20	0,77
29. Я чувствую хорошее в себе	-.12	.05	.13	.09	.76	0,18	0,51	0,10	0,05	0,52
14. Я доволен собой	.18	.01	-.04	.02	.72	0,23	0,13	0,13	0,25	0,81
3. Я принимаю себя таким, какой я есть	0,00	-.05	.06	.24	.60	0,10	0,08	0,08	0,10	0,88
Корреляции факторов										
Factor 1	1,00					1,00				
Factor 2	.47	1,00				0,44	1,00			
Factor 3	.63	.49	1,00			0,24	0,28	1,00		
Factor 4	.54	.44	.57	1,00		0,53	0,44	0,24	1,00	
Factor 5	.62	.42	.57	.54	1,00	0,43	0,51	0,3	0,37	1,00
Суммарные доли дисперсии факторных решений:										
				64,5%					71,2%	

Примечание. Выделены факторные нагрузки, превышающие 0,45.

2. Надежность шкал подросткового опросника «Причины для жизни» (США 1998 г. – Россия 2017 г.)

В табл. 2 представлены результаты американского и российского исследования надежности по внутренней согласованности шкал опросника RFL-A А. Османа и М. Линихэн.

Как оригинальная американская, так и русскоязычная выборка показывают высокую надежность и внутреннюю согласованность пунктов опросника в границах «своих» шкал. Наибольшей согласованностью отличаются шкалы «Семейный союз» и агрегированная шкала RFL-A, которая объединяет и резонирует приведенные в опроснике «Причины для жизни». Очевидно, ее можно охарактеризовать как шкалу «Жизнеутверждение».

Вновь обращаем внимание на то, что шкала «Семейный союз» у российских подростков отличается не только наибольшим факторным весом, но и внутренней согласованностью, что подчеркивает возможности семейных ресурсов в профилактике суицидального поведения.

В целом же российская адаптация опросника «Причины для жизни» (подростковый вариант) позволяет получить следующие диагностические шкалы, аналогичные американскому варианту:

1. «Семейный союз». Шкала образована 7 пунктами и характеризует значимость семейных

связей и ценностей, эффективность семейных копинг-стратегий как наиболее существенный для российской выборки подростков ресурс антисуицидальных мотивов.

2. «Оптимизм восприятия будущего». Шкала образована 7 пунктами. Характеризует общий интерес к жизни, меру позитивного отношения к себе и своим планам на будущее.

3. «Страх совершения суицида». Шкала образована 6 пунктами, которые способствуют осознанию отношения к суициду на фоне актуализации негативных эмоциональных состояний при возникновении суицидальных мыслей и образов.

4. «Принятие и поддержка со стороны друзей». Шкала образована 6 пунктами, характеризует существенный для подростковой выборки ресурс совладания с суицидальными мыслями и переживаниями.

5. «Самопринятие». Шкала образована 6 пунктами. Характеризует меру самопринятия и позитивного отношения к себе в настоящий момент.

6. «Жизнеутверждение» — суммарная, агрегированная шкала опросника «Причины для жизни». Нарастание значений по шкале характеризует общий уровень отсутствия суицидальных мотивов и настроения. Наиболее информативна (среди других шкал опросника) для скрининговых обследований суицидальных рисков подростков [12].

Таблица 2. Индексы надежности по внутренней согласованности подросткового опросника «Причины для жизни» (RFL-A)

№	Шкалы опросника	Cronbach's alpha	Split half reliability	Average Inter-Item Correlation
1	Оптимистичное будущее (FO)	0,91 (0,940)	0,91	0,59
2	Страх суицида (SRC)	0,86 (0,94)	0,87	0,51
3	Семейный союз (FA)	0,95 (0,95)	0,95	0,73
4	Поддержка друзьями (PAS)	0,92 (0,92)	0,93	0,68
5	Самопринятие (SA)	0,90 (0,95)	0,89	0,60
6	Общая шкала RFL-A	0,94 (0,95)	0,97	0,34

Примечание. В скобках указаны альфа-коэффициенты, полученные на американской выборке, в остальных случаях приводятся коэффициенты, полученные на русскоязычной выборке n = 143.

3. Описательная статистика по шкалам подросткового опросника «Причины для жизни»

Средние значения и дисперсии по шкалам опросника в американской и российской выборках также сопоставимы, что позволяет использовать

представленные статистики как медианные нормы. Естественно, российская выборка показывает определенные отличия, прежде всего в мужской ее части. «Женская статистика» в американском и мужском вариантах по шкалам опросника имеет наибольшее сходство.

Таблица 3. Средние значения и стандартные отклонения по шкалам опросника в американской и российской выборках

Шкалы опросника	США, RFL-A, Осман, 1998 г.						Российская адаптация, 2017 г.					
	Мальчики (n = 340)		Девочки (n = 354)		Всего наблюдений (n = 654)		Мальчики (n = 40)		Девочки (n = 103)		Всего наблюдений (n = 143)	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Оптимистичное будущее (FO)	5,07	1,04	4,93	0,98	4,99	1,01	4,46	0,95	4,81	0,63	4,71	0,75
Страх суицида (SRC)	4,23	1,63	4,38	1,49	4,32	1,56	4,89	1,05	5,11	0,77	5,05	0,86
Семейный союз (FA)	4,80	1,19	4,76	1,13	4,78	1,16	4,63	1,05	4,82	0,90	4,77	0,94
Поддержка друзьями (PAS)	4,84	1,05	4,82	0,96	4,83	1,00	4,27	1,25	4,93	1,15	4,75	1,21
Самопринятие (SA)	4,83	1,13	4,60	1,09	4,71	1,11	4,09	1,28	4,67	1,05	4,51	1,15
Суммарная шкала (RFL-A)	4,77	0,98	4,71	0,87	4,74	0,92	4,43	1,24	4,53	1,01	4,50	1,07

Распределение по шкалам опросника в российской адаптации также имеет сходство с американским оригиналом. Все шкалы в той или иной мере имеют левостороннюю асимметрию, т.е. респонденты отдают явное предпочтение значимости каждой из формулировок опросника, каждой причине жизни.

При этом по шкалам «Оптимизм по отношению к будущему» и «Семейный союз» распределение в российской выборке экспоненциальное; по шкале «Страх суицида» и агрегированной шкале «Жизнеутверждение» — близко к нормальному. На рисунке приведен график распределения оценок в общей выборке 143 российских подростков по суммарной шкале «Жизнеутверждение».

Выводы

1. На предварительном этапе русскоязычной адаптации подросткового опросника А. Османа, М. Линихэн «Причины для жизни» отмечена высокая устойчивость факторно-аналитической структуры взаимосвязей пунктов опросника к национальным особенностям отношения к суициду, особенностям социально-экономического развития, по отношению к фактору времени (1998 и 2017 гг.), а также по отношению к фактору процедуры обследования (карандаш-бумага и онлайн-тестирование): российский вариант по структуре полностью соответствует американскому оригиналу.

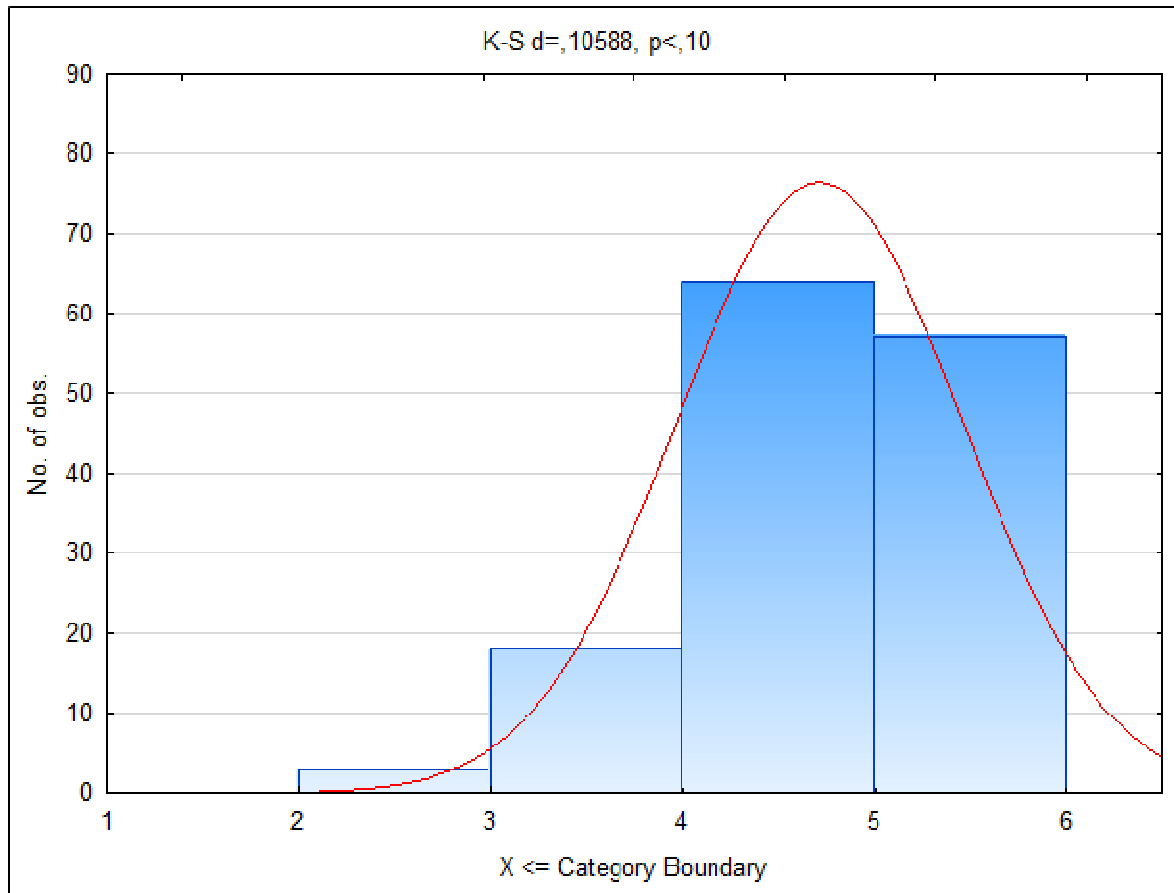
2. В русскоязычной выборке предпочтительной, более достоверной и наиболее соответствующей результатам, опубликованным А. Османом, М. Линехан в 1998 г. [12], на данном этапе адаптации опросника оказалась процедура онлайн-тестирования респондентов, проведенная в социальных сетях. Такая картина, на наш взгляд, соответствует современной ситуации развития суицидальных рисков и возможностей их профилактики. При заполнении бланков непосредственно в школе отношение к нему у девочек оказалось более серьезным, а значительная часть мужских бланков была отбракована, что сказалось на половой структуре общей выборки. В онлайн-обследовании резких половых различий в ходе процедуры обследования не наблюдалось. Впрочем, выявление влияния фактора организации диагностического обследования (онлайн-тестирование или тестирование в непосредственном контакте с респондентами) требует отдельного исследования.

3. Надежность по внутренней согласованности шкал российской адаптации подросткового опросника «Причины для жизни» значительно превышает пороговые значения и в целом соответствует американским психометрическим исследованиям.

4. Наибольшей согласованностью и наибольшим весом в факторной структуре опросника отличается шкала «Семейный союз». В России этот

фактор по значимости, в отличие от американской выборки, абсолютно лидирует. Возможно, это объясняется большей значимостью семейных связей и

большей результативностью семейных копинг-стратегий россиян по сравнению с американцами.

Распределение ответов респондентов по шкале «Жизнеутверждение»
(русская выборка, $n = 143$)

Примечание: KS d — коэффициент d, по Колмогорову-Смирнову; p — вероятность ошибки гипотезы о различиях эмпирического и теоретического (в данном случае нормального) распределения; X <= Category Boundary — интервалы значений 143 российских участников по агрегированной шкале «Жизнеутверждение»; No. of obs. — число наблюдаемых случаев для определенных значений шкалы «Жизнеутверждение».

В целом уже на данном, предварительном, этапе русскоязычной адаптации опросника «Причины для жизни» А. Османа, М. Линихэн получены психометрические характеристики, достаточные для его использования не только в научных исследованиях, но и в скрининговых обследованиях суицидального риска.

Вместе с тем необходима дальнейшая работа по адаптации опросника, предполагающая значительное расширение выборки участников, в том числе за счет подростков, имеющих суицидальные попытки или явные суицидальные намерения. Необходима балансировка выборки стандартизации по полу участников. Предполагается изучение конфирматорной структуры пунктов опросника, оценка устойчивости его факторной структуры, расчет индексов дискриминативности

и статистических норм в одной из удобных стандартизованных шкал.

Список литературы

1. *Самоубийство*: Информационный бюллетень ВОЗ. Март 2017. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru> (дата обращения: 16.06.2017).
2. Ellis J.B., Lamis D.A. Adaptive characteristics and suicidal behavior: a gender comparison of young adults // *Death Studies*. 2007. Vol. 31, iss. 9. P. 845–854.
3. Evans E., Hawton K., Rodham K. Factors associated with suicidal phenomena in adolescents: a systematic review of population-based studies // *Clinical psychology review*. 2004. Vol. 24, no. 8. P. 957–979.

4. Tishler C.L., Reiss N.S., Rhodes A.R. Suicidal behavior in children younger than twelve: a diagnostic challenge for emergency department personnel // *Academic Emergency Medicine*. 2007. Vol. 14, iss. 9. P. 810–818.
5. Социально-экономическое положение Пермского края за январь–декабрь 2016 года: Доклад. Официальное издание. Пермь, 2016. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/publications/official_publications/electronic_versions/6a8d99004ffed0398da7af1064aaefc4 (дата обращения: 16.06.2017).
6. Лукашук А.В., Байкова М.А. Современный взгляд на проблему подростковых суцидов // *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*. 2016. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyuyvzglyad-na-problemu-podrostkovyih-suitsidov> (дата обращения: 16.06.2017).
7. Банников Г.С., Павлова Т.С., Вихристюк О.В. Скрининговая диагностика антивитаальных переживаний и склонности к импульсивному, аутоагрессивному поведению у подростков (предварительные результаты) // *Психологическая наука и образование*. 2014. № 1. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Bannikov_Pavlova.phtml (дата обращения: 17.06.2017).
8. Павлова Т.С. Диагностика риска суцидального поведения детей и подростков в образовательных учреждениях // *Современная зарубежная психология*. 2013. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n4/65490.shtml> (дата обращения: 15.06.2017).
9. Шмачилина-Цибенко С.В. Проблемы и ресурсные возможности организации профилактической работы с детьми и подростками, склонными к суцидальному поведению, в школе // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 8. С. 187–191.
10. Епанчинцева Г.А., Козловская Т.Н. Методологические, теоретические, методические основания скрининговых исследований суцидальных намерений подростков // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 10, ч. 9. С. 2085–2089.
11. Osman A. et al. The Reasons for Living Inventory for Adolescents (RFL–A): Development and psychometric properties // *Journal of Clinical Psychology*. 1996. № 54. P. 1063–1078.
12. Osman A. et al. The RFL for adolescents (RFL–A): development and psychometric properties // *Journal of Clinical Psychology*. 1998. Vol. 54(8). P. 1063–1078.
13. Алимova М.А. Суцидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция. Барнаул, 2014. 100 с.
14. *Лабиринты* одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. 624 с.
15. Руженкова В.В., Руженков В.А. Суцидальное поведение в подростковом и юношеском возрасте // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Медицина. Фармация*. 2011. № 22(117). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/suitsidalnoepovedenie-v-podrostkovom-i-yunosheskomvozgaste> (дата обращения: 16.06.2017).
16. Синягин Ю.В., Синягина Н.Ю. Детский суцид: психологический взгляд. СПб.: КАРО, 2006. 176 с.
17. *Диагностика личности* / сост. Т.Н. Разуваева. Шадринск: Исеть, 1993. 26 с.
18. Зотов М.В., Щелкова О.Ю. Системно-ситуационный подход к прогнозированию риска поведенческих расстройств // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Психология. 2011. № 29(246). С. 24–34.
19. Зотов М.В., Петрукович В.М., Сысоев В.Н. Сигнал: Методика экспресс-диагностики суцидального риска: метод. руководство. СПб.: Имантон, 2003. 17 с.
20. Linehan M.M., Goodstein J.L., Nielsen S.L., Chiles J.A. Reasons for staying alive when you are thinking of killing yourself: The Reasons for Living Inventory // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1983. Apr. Vol. 51(2). P. 276–286.
21. Филатова О.В., Литвинова Н.Ю., Винарчик Е.А. Современные методы психологической диагностики: практикум / Владимир. гос. ун-т. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2011. 296 с.

Получено 29.06.2017

References

1. *Samoubiistvo: Informatsionnyi byulleten' VOZ. Mart 2017* [Suicide: Newsletter of WHO. March 2017]. Available at: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru/> (accessed 16.06.2017). (In Russian).
2. Ellis J.B., Lamis D.A. Adaptive characteristics and suicidal behavior: a gender comparison of young adults. *Death Studies*. 2007, vol. 31, iss. 9, pp. 845–854. (In English).
3. Evans E., Hawton K., Rodham K. Factors associated with suicidal phenomena in adolescents: asystematic review of population-based studies. *Clinical psychology review*. 2004, vol. 24, no. 8, pp. 957–979. (In English).
4. Tishler C.L., Reiss N.S., Rhodes A.R. Suicidal behavior in children younger than twelve: a diagnostic challenge for emergency department personnel. *Academic Emergency Medicine*. 2007, vol. 14, iss. 9, pp. 810–818. (In English).
5. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Permskogo kraja za yanvar'–dekabr' 2016 goda: Doklad. Perm', 2016* [Economic and social situation of

- Perm Krai for January–December, 2016]. Available at: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/publications/official_publications/electronic_versions/6a8d99004ffed0398da7af1064aaefc4 (accessed 16.06.2017). (In Russian).
6. Lukashuk A.V., Baikova M.A. *Sovremennyi vzglyad na problemu podrostkovykh suitsidov* [The modern view on a problem of adolescents suicides]. *Zdravookhranenie Yugry: opyt i innovatsii* [Health care of Yugra: experience and innovations]. 2016, no. 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyi-vzglyad-na-problemu-podrostkovykh-suitsidov> (accessed 16.06.2017). (In Russian).
  7. Bannikov G.S., Pavlova T.S., Vikhristyuk O.V. *Skriningovaya diagnostika antivital'nykh pe-rezhivanii i sklonnosti k impul'sivnomu, autoagres-sivnomu povedeniyu u podrostkov (predvaritel'nye rezul'taty)* [Screening diagnostics of antivital experiences and propensity to impulsive, autoaggressive behavior in adolescents (preliminary results)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2014, no. 1. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Bannikov_Pavlova.phtml (accessed 17.06.2017). (In Russian).
  8. Pavlova T.S. *Diagnostika riska suitsidal'nogo povedeniya detei i podrostkov v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh* [Diagnosis of the risk of suicidal behavior in children and adolescents in educational institutions]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology]. 2013, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n4/65490.shtml> (accessed 15.06.2017). (In Russian).
  9. Shmachilina-Tsibenko S.V. *Teoriya i praktika ob-shchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. *Problemy i resursnye vozmozhnosti organizatsii profilakticheskoi raboty s det'mi i podrostkami, sklonnymi k suitsidal'nomu povedeniyu, v shkole* [Problems and resource opportunities of the organization of scheduled maintenance with the children and teenagers inclined to suicide behavior at school]. 2015, no. 8, pp. 187–191. (In Russian).
  10. Epanchintseva G.A., Kozlovskaya T.N. *Metodologicheskie, teoreticheskie, metodicheskie osnovaniya skringovykh issledovaniy suitsidal'nykh namerenii podrostkov* [Methodological, theoretical, methodical bases of screening researches of suicide intentions of adolescents]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic research]. 2013, no. 10, part 9, pp. 2085–2089. (In Russian).
  11. Osman A. et al. The Reasons for Living Inventory for Adolescents (RFL–A): Development and psychometric properties. *Journal of Clinical Psychology*. 1996, no. 54, pp. 1063–1078. (In English).
  12. Osman A. et al. The RFL for adolescents (RFL–A): development and psychometric properties. *Journal of Clinical Psychology*. 1998, no. 54(8), pp. 1063–1078. (In English).
  13. Alimova M.A. *Suitsidal'noe povedenie podrostkov: diagnostika, profilaktika, korrektsiya* [Suicidal behavior of adolescents: diagnosis, prevention, correction]. Barnaul, 2014, 100 p. (In Russian).
  14. Pokrovskii N.E. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow, Progress Publ., 1989, 624 p. (In Russian).
  15. Ruzhenkova V.V., Ruzhenkov V.A. *Suitsidal'noe povedenie v podrostkovom i yunosheskom vozraste* [Suicide behavior at teenage and youthful age]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Meditsina. Farmatsiya* [Scientific sheets of BELGU. Series: Medicine. Pharmaceutics]. 2011, no. 22(117). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/suitsidalnoe-povedenie-v-podrostkovom-i-yunosheskom-vozhraze> (accessed 16.06.2017). (In Russian).
  16. Sinyagin Yu.V., Sinyagina N.Yu. *Detskii suitsid: psikhologicheskii vzglyad* [Children's suicide: psychological look]. St. Petersburg, KARO Publ., 2006, 176 p. (In Russian).
  17. Razuvaeva T.N. *Diagnostika lichnosti* [Diagnostics of the person]. Shadrinsk, Iset' Publ., 1993, 26 p. (In Russian).
  18. Zotov M.V., Shchelkova O.Yu. *Sistemno-situatsionnyi podkhod k prognozirovaniyu riska povedencheskikh rasstroistv* [Systemic and situational approach to prediction of risk of behavioural frustration]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Vestnik of South Ural State University. Series: Psychology]. 2011, no. 29(246), pp. 24–34. (In Russian).
  19. Zotov M.V., Petrukovich V.M., Sysoev V.N. *Signal: Metodika ekspress-diagnostiki suitsidal'nogo riska. Metodicheskoe rukovodstvo* [Signal: Technique of express diagnostics of suicide risk. Methodical guide]. St. Petersburg, Imaton Publ., 2003, 17 p. (In Russian).
  20. Linehan M.M., Goodstein J.L., Nielsen S.L., Chiles J.A. Reasons for staying alive when you are thinking of killing yourself: The Reasons for Living Inventory. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1983, vol. 51(2), pp. 276–286. (In English).
  21. Filatova O.V., Litvinova N.Yu., Vinarchik E.A. *Sovremennye metody psikhologicheskoi diagnostiki: praktikum* [The modern methods of psychological diagnostics: practical work]. Vladimir, Vladimir State University Publ., 2011, 296 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 29.06.2017

Об авторах

Волочков Андрей Александрович

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой практической психологии

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: volochkov57@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5165-961X

Левченко Дарья Викторовна

бакалавр факультета психологии

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: DariaSheina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0281-2841

About the authors

Volochkov Andrey Alexandrovich

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: volochkov57@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5165-961X

Levchenko Darya Viktorovna

Bachelor of the Faculty of Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: DariaSheina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0281-2841

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Волочков А.А., Левченко Д.В. Предварительная адаптация подростковой версии опросника «Причины для жизни» А. Османа и М. Линихэн // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 396–408. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-396-408

Please cite this article in English as:

Volochkov A.A., Levchenko D.V. Preliminary adaptation of the Osman–Linehan «Reasons for living» inventory (adolescent version) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 396–408. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-396-408

УДК 159.946.3 – 053.5

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-409-415

РАЗВИТИЕ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЕСТЕСТВЕННЫМ БИЛИНГВИЗМОМ

Медведева Дарья Сергеевна

Удмуртский государственный университет

В статье обсуждаются результаты эмпирического исследования речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов (освоение двух языков с раннего детства естественным путем в результате языкового общения в двуязычной среде: удмуртско-русской (30 чел.), татарско-русской (20 чел.)) и монолингвов, владеющих родным русским языком (всего 25 чел.). Предполагалось, что речемыслительная деятельность детей с естественным билингвизмом при их переходе из детских дошкольных учреждений в общеобразовательную школу развивается путем интенсивного формирования понятийного речевого мышления в сравнении с детьми-монолингвами, у которых этот процесс характеризуется экстенсивным развитием через интеграцию различных видов мышления. С помощью методического инструментария измерялись показатели речевого развития, понятийного интуитивного мышления, понятийного логического мышления, понятийного речевого мышления, понятийного образного мышления, абстрактного мышления. Данные обрабатывались посредством процедур математической статистики: описательной статистики, одномерного и многомерного однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). В результате исследования установлено, что речемыслительная деятельность в младшем школьном возрасте детей-билингвов с родным нерусским языком развивается путем интенсивного формирования понятийно-речевого мышления, когда спонтанные и житейские понятия родного и русского языков в процессе обучения переходят в разряд научных, а значит, осознаются ребенком, изменяются в структуре, т.е. происходит обобщение более высокого функционального уровня. У младших школьников-монолингвов, социализирующихся в своей лингвистической среде, этот процесс характеризуется экстенсивным развитием через интеграцию различных видов мышления и/или переходом от понятийно-образного к понятийно-логическому мышлению в связи с освоением ведущей учебно-познавательной деятельности.

Ключевые слова: билингвизм, монолингвизм, речемыслительная деятельность, речевое развитие, интеграция видов мышления, интенсивное/экстенсивное развитие, младший школьный возраст.

DEVELOPMENT OF VERBAL AND COGITATIVE ACTIVITY OF GRADE SCHOOLCHILDREN WITH NATURAL BILINGUALISM

Darya S. Medvedeva

Udmurt State University

The article shows the results of the empirical study of verbal and mental activity of grade schoolchildren-bilinguals (acquisition of two languages since early childhood as a result of language communication in the bilingual environment: the Udmurt-Russian (30 people), the Tatar-Russian (20 people)) and monolinguals with Russian as a native language (only 25 people). The authors had an assumption that verbal and mental activity of children with natural bilingualism when coming from preschool institution to comprehensive school is developed through efficient conception thinking in comparison with monolingual children with extensive development of verbal and cogitative activity through integration of different types of thinking. Speech development, conceptual intuitive thinking, conceptual logical thinking, conceptual speech thinking, conceptual figurative thinking, abstract thinking were measured by means of methodological tools. Data were processed with the help of mathematical statistics: descriptive statistics, one-dimensional and multidimensional one-factorial dispersive analysis (ANOVA). The author concludes that verbal and cogitative activity of grade schoolchildren-bilinguals with native non-russian language develops by intensive formation of conception thinking when

spontaneous and everyday concepts of native and Russian languages in the course of studying transit into the scientific category, so, they are realized by the child, as well as they change in structure, all of these means that higher functional level generalization takes place. This process of grade schoolchildren with Russian as a native language who are socialized in the linguistic environment, is characterized by extensive development through integration of different types of thinking and/or transition from conceptual and figurative to conceptual logical thinking because of acquisition of the leading studying-cognitive work.

Keywords: bilingualism, monolingualism, verbal and cogitative activity, speech development, integration of different types of cogitation, intensive/extensive development, grade schoolchildren.

Вопрос о билингвизме в детском возрасте является одним из самых сложных и запутанных в современной психологии [1]. Проблемы интерференции (отрицательное влияние первого языка на второй) и трансфера (положительный перенос навыков одного языка на другой) очень актуальны как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Многие зарубежные и отечественные исследователи отмечают благоприятное влияние на развитие ребенка его умение говорить на нескольких языках: В. Ламберт, Э. Пол (1976), Г.Л. Зайцева (2002), А.А. Комарова (2005), Т.П. Давиденко (2007). Л.С. Выготский в качестве положительных аспектов многоязычия отмечал способность выразить одну мысль на нескольких языках, что дает ребенку возможность увидеть свой язык как одну определенную систему среди многих других и приводит к особой сознательности в его лингвистических операциях [1]. В. Ламберт и Э. Пол утверждают, что у двуязычных детей в отличие от монолингвов наиболее выражены пластичность и гибкость мышления. Они отличаются большим количеством сепаратных или независимых друг от друга мыслительных способностей, а также креативным подходом в работе с информацией разного уровня [2].

Согласно «теории порогового уровня» (threshold theory), направленной на определение причин и закономерностей позитивного влияния билингвизма на интеллектуальное развитие личности [3, 4], двуязычный ребенок должен достигнуть определенных порогов в своем развитии, чтобы двуязычие оказывало позитивное воздействие на его развитие.

Существует и другое мнение о влиянии многоязычия на развитие детей. Ряд авторов заявляют о негативном воздействии билингвизма на становление мыслительных и речевых операций: М.А. Космина (2007), М.Г. Хаскельберг (2006), Л.В. Щерба (2001). В поликультурных регионах, как правило, в школе преподавание ведется на одном языке, а в домашних условиях ребенок общается на другом языке. Авторы подчеркивают, что несформированная лексико-грамматическая база одной языковой системы влечет за собой проблемы в другой, что приводит к серьезным отклоне-

ниям в речемыслительной деятельности ребенка. Неизбежным препятствием для мыслительной деятельности ребенка является полигlossия. Благодаря конкуренции ассоциативных тенденций возникает чрезвычайно сложное взаимодействие между ними и происходит взаимное отрицательное влияние одной речевой системы на другую [1]. Родной язык устанавливает своеобразные процессы сцеплений идей и их конструкций, которые выражаются в синтаксических формах. Эти формы приобретают исключительную ассоциативную прочность, но они неодинаковы в разных языках. Так возникает интерференция различных принципов сцеплений идей и наряду с взаимным торможением слов и значений возникает взаимное торможение различных способов сцепления или связей мыслей [1].

В одном из первых исследований М.Н. Эпштейн [5] приходит к заключению о наличии ассоциативной связи «между звуковым комплексом и соответствующим значением». Чем больше формируется различных ассоциативных связей с одним значением, тем сильнее это отрицательно сказывается на развитии мышления, так как возникает «ассоциативное торможение» в процессе выбора нужного слова [6]. В родной язык включаются элементы чужой речи, ассимилируются несогласуемые и внутренне чуждые друг другу различные языковые формы. В связи с этим ребенок синкретически объединяет несовпадающие значения слов в разных языках. С самого раннего возраста в его речевое развитие вмешивается новый фактор перевода мыслей с одного языка на другой. В результате возникает «испорченный диалект» родного и второго языка. Стало быть, наряду с ассоциативным торможением происходит интерференция — смешение и взаимодействие разных языковых систем. Отрицательное влияние одного языка на другой выражается в смешении слов различных языков, стилистических ошибках, затруднениях в оформлении мысли и т.д. [1].

Дефектологи отмечают [7], что речевое развитие тесно связано с психическим, в связи с этим неполноценная речевая деятельность влечет за собой недостаточную сформированность высших психических функций, сенсорно-перцептивной, интеллектуальной и аффективно-волевой сфер у

детей. Подчеркивается, что речевые недостатки оставляют отпечаток на развитии мышления. Имея полноценные предпосылки для овладения мыслительными операциями, доступными возрасту, дети могут отставать в развитии словесно-логического мышления и без специального коррекционно-педагогического обучения с трудом овладевают умением анализа и синтеза, сравнения и обобщения.

Когда приоритетен один из языков, чаще всего родной, то при усвоении второго языка возникает задержка речевого развития, отмечаются нарушения как с фонетической стороны речи, звукопроизношения, так и с фонематической: замена, перестановка, смешение звуков. Это сказывается отрицательно и на грамматическом строе речи, состояние словарного запаса имеет низкие показатели. Дети-билингвы с неполным двуязычием отстают в овладении родной и русской речью, что не может не сказаться на коммуникативной и учебной деятельности. Такое «неполноценное» состояние речи сказывается на общем психическом развитии ребенка [8].

Гипотеза исследования заключается в предположении, что речемыслительная деятельность детей с естественным билингвизмом при переходе из детских дошкольных учреждений в общеобразовательную школу развивается путем интенсивного формирования понятийного речевого мышления в сравнении с детьми-монолингвами, у которых этот процесс характеризуется экстенсивным развитием через интеграцию различных видов мышления.

Цель исследования: выявление особенностей развития речемыслительной деятельности детей-билингвов младшего школьного возраста для определения возможностей ее оптимизации.

Методика и процедура исследования

Выборка: дети младшего школьного возраста (всего 75 чел., 32 мальчика, 43 девочки от 7 до 8 лет), обучающиеся в общеобразовательных учреждениях г. Ижевска, среди них: 1) билингвы (освоение двух языков с раннего детства естественным путем в результате языкового общения в двуязычной среде: удмуртско-русской (30 чел.), татарско-русской (20 чел.)); 2) монолингвы, владеющие родным русским языком (всего 25 чел.).

Сроки проведения исследования: сентябрь–октябрь 2016 г.

Методики. Для исследования речемыслительной деятельности использовалась методика Л.А. Ясюковой «*Определение готовности к школе. Прогноз и профилактика проблем обучения в начальной школе*» [9]. Методика апробирована в

нескольких вариантах: работа с дошкольниками, с младшими школьниками. Диагностический комплекс состоял из двух методических блоков. Первый блок методик предназначен для группового тестирования. Второй блок методик предназначен для индивидуальной работы с ребенком. Каждый блок содержал задания с целью исследования мыслительных и речевых операций. С помощью методики измерялись показатели речевого развития, понятийного интуитивного мышления, понятийного логического мышления, понятийного речевого мышления, понятийного образного мышления, абстрактного мышления.

Процедуры исследования. Результаты исследования обрабатывались посредством процедур математической статистики: описательной статистики, одномерного и многомерного однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS 11.5 for Windows.

Результаты и их обсуждение

В начале исследования была проведена проверка гомогенности дисперсии с использованием критерия Левена (см. табл. 1, 2) в обеих выборочных совокупностях.

Как видно из табл. 1, 2, тест Левена на равенство дисперсий демонстрирует однородность дисперсии для каждой зависимой переменной в обеих выборках. Следовательно, допустимо применение ANOVA.

С опорой на теоретическое положение о том, что в младшем дошкольном возрасте «речь уже становится не только средством общения с людьми, но и средством внутреннего мышления самого ребенка» [10, с. 91], была применена процедура многомерного однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). В качестве независимой переменной был показатель речевого развития ребенка, зависимых переменных — показатели пяти видов мышления: понятийно-интуитивное, понятийно-логическое, понятийно-речевое, понятийно-образное, абстрактное.

Основываясь на критерии «след Пиллая», отклоняем нулевую гипотезу о том, что между сравниваемыми группами в выборке младших школьников-билингвов не наблюдается различий для независимой переменной — речевое развитие ($p = 0,018$). В свою очередь в группе младших школьников-монолингвов суммарный эффект независимой переменной на показатели мышления получил недостоверное значение ($p = 0,268$). Результаты одномерных тестов (для каждого вида мышления) в обеих группах школьников представлены в табл. 3, 4.

Таблица 1. Результаты теста Левена на равенство дисперсии ошибок в группе младших школьников-билингвов

Показатели мышления	F	df1	df2	Значимость
Понятийно-интуитивное мышление	0,144	1	48	0,706
Понятийно-логическое мышление	0,132	1	48	0,718
Понятийно-речевое мышление	0,381	1	48	0,540
Понятийно-образное мышление	0,000	1	48	0,987
Абстрактное мышление	1,775	1	48	0,189

Таблица 2. Результаты теста Левена на равенство дисперсии ошибок в группе младших школьников-монолингвов

Показатели мышления	F	df1	df2	Значимость
Понятийно-интуитивное мышление	0,049	1	23	0,827
Понятийно-логическое мышление	0,223	1	23	0,641
Понятийно-речевое мышление	0,044	1	23	0,951
Понятийно-образное мышление	0,072	1	23	0,791
Абстрактное мышление	0,937	1	23	0,343

Таблица 3. Оценка эффекта речевого развития на показатели мышления в группе младших школьников-билингвов

Зависимая переменная	Сумма квадратов III типа	df	Среднее значение	F	Значимость
Понятийно-интуитивное мышление	0,171	1	0,171	0,109	0,742
Понятийно-логическое мышление	8,153	1	8,153	2,586	0,114
Понятийно-речевое мышление	46,721	1	46,721	12,494	0,001
Понятийно-образное мышление	4,219	1	4,219	1,013	0,319
Абстрактное мышление	2,700	1	2,700	2,722	0,106

Примечание: независимая переменная — речевое развитие; зависимые переменные: понятийно-интуитивное мышление — $RSquared = 0,002$ ($AdjustedRSquared = -0,019$), понятийно-логическое мышление — $RSquared = 0,051$ ($AdjustedRSquared = 0,031$), понятийно-речевое мышление — $RSquared = 0,207$ ($AdjustedRSquared = 0,190$), понятийно-образное мышление — $RSquared = 0,021$ ($AdjustedRSquared = 0,000$), абстрактное мышление — $RSquared = 0,054$ ($AdjustedRSquared = 0,034$).

Таблица 4. Оценка эффекта речевого развития на показатели мышления в группе младших школьников-монолингвов

Зависимая переменная	Сумма квадратов III типа	df	Среднее значение	F	Значимость
Понятийно-интуитивное мышление	7,586	1	7,586	3,714	0,066
Понятийно-логическое мышление	28,263	1	28,263	6,778	0,016
Понятийно-речевое мышление	13,564	1	13,564	3,304	0,082
Понятийно-образное мышление	19,816	1	19,816	6,829	0,016
Абстрактное мышление	0,667	1	0,667	0,662	0,424

Примечание: независимая переменная — речевое развитие; зависимые переменные: понятийно-интуитивное мышление — $RSquared = 0,139$ ($AdjustedRSquared = 0,102$), понятийно-логическое мышление — $RSquared = 0,228$ ($AdjustedRSquared = 0,194$), понятийно-речевое мышление — $RSquared = 0,126$ ($AdjustedRSquared = 0,088$), понятийно-образное мышление — $RSquared = 0,229$ ($AdjustedRSquared = 0,195$), абстрактное мышление — $RSquared = 0,028$ ($AdjustedRSquared = -0,014$).

По результатам табл. 3 в группе младших школьников-билингвов обнаруживаем влияние речевого развития на показатели понятийно-речевого мышления ($p = 0,001$).

Как видно из табл. 4, в группе младших школьников-монолингвов влияние речевого развития проявляется статистически достоверно в отношении понятийно-логического ($p = 0,016$) и понятийно-образного ($p = 0,016$) мышления.

Итак, в результате применения дисперсионного анализа установлено, что у младших школьников-билингвов речемыслительная деятельность интенсивно развивается через формирование понятийно-речевого мышления ($F = 12,494$; $p = 0,001$). Обратим внимание на то, что образование школьников-билингвов на начальной ступени ведется как на родном, так и на русском языках. Первоклассники адекватно воспринимают и понимают материал на слух на обоих языках, самостоятельно рассуждают и обсуждают его с другими. Они активно включаются в разговор на родном языке, последовательно излагая взаимосвязанные события, оперируя житейскими понятиями. С началом обучения спонтанные и житейские понятия переходят в разряд научных, а значит, осознаются ребенком, изменяются в структуре, т.е. происходит обобщение более высокого функционального уровня. Заметим, что отклонения различных языков друг от друга, в частности, в значении слов, синтаксисе, фразеологии, грамматике может привести к явлениям ассоциативной интерференции. Но при этом оно может служить «могущественным фактором, толкающим ребенка к собственным мыслительным актам, к деятельности сравнения и различения, к отдаче себе отчета относительно объема и границ понятий, пониманию тонких нюансов в значении слов» [1].

В свою очередь у школьников, первичная социализация которых осуществляется в русскоязычной лингвистической среде [6, 10, 11], речемыслительная деятельность развивается уже через интеграцию различных видов мышления: в частности, понятийно-образного и понятийно-логического мышления. По мнению Н.Н. Подьякова, выявленные интеграционные процессы явно намечают, прорисовывают горизонты детского развития, а значит, выполняют поисковую и прогностическую функции в общем процессе психического развития ребенка [12, с. 110]. Более того, полученные результаты подтверждают классическую закономерность развития мышления в онтогенезе, а именно: с началом учебно-познавательной деятельности младших школьников появляется возможность перехода от оперирования образами предметов к

мысленному оперированию их наиболее существенными или актуальными свойствами и характеристиками.

Заключение

В результате исследования установлено, что речемыслительная деятельность в младшем школьном возрасте детей-билингвов с родным нерусским языком развивается путем интенсивного формирования понятийно-речевого мышления, когда спонтанные и житейские понятия родного и русского языков в процессе обучения переходят в разряд научных, а значит, осознаются ребенком, изменяются в структуре, т.е. происходит обобщение более высокого функционального уровня.

С позиций Л.С. Выготского [1, с. 72], если развитие у ребенка родного языка начинается со свободного спонтанного пользования им речью и осознаются речевые формы, он овладевает ими, то развитие второго (русского) языка в процессе обучения начинается с осознания языка, произвольного овладения им и завершается свободной спонтанной речью. Оба пути оказываются противоположно направленными, но между ними существует взаимозависимость. При овладении другим языком совершенствуется родная речь ребенка, она поднимается на более высокую ступень — осознаются языковые формы, обобщаются языковые явления, ребенок более сознательно, произвольно пользуется словом как орудием мысли, как выражением понятия [5, с. 191].

У младших школьников-монолингвов, социализирующихся в своей лингвистической среде, этот процесс характеризуется экстенсивным развитием посредством интеграции различных видов мышления и/или перехода от понятийно-образного к понятийно-логическому мышлению в связи с освоением ведущей учебно-познавательной деятельности.

Согласно Л.С. Выготскому [1, с. 72], правильно организованное обучение — это источник умственного развития ребенка. Это такое обучение, которое создает зону ближайшего развития, вызывает к жизни целый ряд процессов, которые вне обучения были бы вообще невозможными [5, с. 17]. Если развитие у ребенка родного языка начинается со свободного спонтанного пользования им речью и происходит посредством осознания речевых форм и овладения ими, то развитие второго (русского) языка в процессе обучения начинается с осознания языка и произвольного овладения им, завершается свободной спонтанной речью. Оба пути оказываются противоположно

направленными, но между ними существует взаимозависимость. Овладение другим языком совершенствует и поднимает родную речь ребенка на высшую ступень в смысле осознания языковых форм, обобщения языковых явлений, более сознательного и произвольного пользования словом как орудием мысли, как выражением понятия [5, с. 191].

В заключение следует отметить, что для решения актуальной проблемы детского двуязычия необходимы ответы на основополагающие вопросы о возможностях оптимизации умственной и речевой деятельности детей-билингвов, об особенностях овладения ими мыслительными операциями, действиями, о резервах и условиях развития, целенаправленного формирования познавательных процессов [13].

Список литературы

1. *Выготский Л.С.* К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Умственное развитие детей в процессе обучения: сб. ст. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1935. С. 53–72.
2. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: МГУ, 1969. 160 с.
3. *Hamers J.F., Blanc M.H.* Bilingualism and Bilingualism. 2nd ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000. 147 p. DOI: 10.1017/CBO9780511605796.
4. *Jong de Ester J.* Effective Bilingual Education: from Theory to Academic Achievement in a Two-Way Bilingual Program // *Bilingual Research Journal*: Spring. 2002. Vol. 26, № 1. P. 24–42.
5. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное. Собрание трудов. М.: Лабиринт, 2001. 368 с.
6. *Хотинец В.Ю.* Развитие поликультурной компетентности старшеклассников в ходе проектно-исследовательской деятельности // *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2011. № 5. С. 43–47.
7. *Волкова Е.Л., Протасова Е.Ю.* Дети с родным нерусским языком в дошкольном учреждении // *Дошкольное воспитание*. 2002. № 12. С. 28–32.
8. *Аммосова Л.И.* О диагностике речевых нарушений детей в многоязычном школьном обучении // Сб. матер. 5-й регион. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов. Нерюнгри: Изд-во Якут. гос. ун-та, 2004. С. 142–144.
9. *Ясюкова Л.А.* Методика определения готовности к школе. Прогноз и профилактика проблем обучения в начальной школе: метод. рук-во. СПб.: ИМАТОН, 1999. 184 с.
10. *Хотинец В.Ю.* Становление поликультурной компетентности старшеклассников в ходе проектно-исследовательской деятельности // *Образование и наука. Изв. УрО РАО*. 2009. № 10(67). С. 59–69.
11. *Хотинец В.Ю.* Методологические основы этнической и кросскультурной психологии: учеб. пособие. М.: Форум, 2012. 87 с.
12. *Поддьяков Н.Н.* Доминирование процессов интеграции в развитии детей дошкольного возраста // *Психологический журнал*. 1997. Т. 18, № 5. С. 103–111.
13. *Фельдштейн Д.И.* Функциональная нагрузка академии образования в определении принципов и условий развития растущего человека на исторически новом уровне движения общества (доклад на общем собрании РАО 29 октября 2013 г.) // *Проблемы современного образования*. 2013. № 5. URL: http://pmedu.ru/res/2013_5_2.pdf (дата обращения: 07.01.2017).

Получено 13.04.2017

References

1. *Vygotskiy L.S.* *K voprosu o mnogoyazychii v detskom vozraste* [On the problem of multilingualism in childhood]. *Umstvennoe razvitie detey v protsesse obucheniya: sbornik statey* [Mental development of children during studying: collection of articles]. Moscow, State Educational Pedagogical Publ., 1935, pp. 53–72. (In Russian).
2. *Vereshchagin E.M.* *Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya (bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of bilingualism]. Moscow, Moscow State University Publ., 1969, 160 p. (In Russian).
3. *Hamers J.F., Blanc M.H.* Bilingualism and Bilingualism. 2nd ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000, 147 p. DOI: 10.1017/CBO9780511605796. (In English).
4. *Jong de Ester J.* Effective Bilingual Education: from Theory to Academic Achievement in a Two-Way Bilingual Program. *Bilingual Research Journal*. 2002, Spring, vol. 26, no. 1, pp. 24–42. (In English).
5. *Vygotskiy L.S.* *Myshlenie i rech'. Psikhika, soznanie, bessoznatel'noe. Sbornie trudov*. [Thought and Language. Mind, Consciousness, the Unconscious. Collected Works]. Moscow, Labirint Publ., 2001, 368 p. (In Russian).
6. *Khotinets V.Yu.* *Razvitie polikul'turnoy kompetentnosti starsheklassnikov v khode proektno-issledovatel'skoy deyatel'nosti* [Formation of Political Correctness among High-Schoolchildren during Project Research Work]. *Innovatsionnye proekty i*

- programmy v obrazovanii* [Innovative Projects and Programs in Education]. 2011, no. 5, pp. 43–47. (In Russian).
7. Volkova E.L. Protasova E.Yu. *Deti s rodnym nerusskim yazykom v doshkol'nom uchrezhdenii* [Children with native non-Russian language in pre-school establishments]. *Doshkol'noevospitanie* [Nursery Education]. 2002, no. 12, pp. 28–32. (In Russian).
  8. Ammosova L.I. *O diagnostiki rechevykh narusheniy u detey v mnogoyazychnom shkol'nom obuchenii* [Diagnostics of speaking disorders of children in multilingual school education]. *Sbornik materialov 5 regional'noy nauchno prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov i studentov* [Collection of the 5th regional research and practice conference of young researchers, postgraduates and students]. Neryungri, Yakutsk State University Publ., 2004, pp. 142–144. (In Russian).
  9. Yasyukova L.A. *Metodika opredeleniya gotovnosti k shkole. Prognoz i profilaktika problem obucheniya v nachal'noy shkole: Metodicheskoe rukovodstvo* [Methodology of Checking out of Preparation to School. Forecasts and Maintenance Checkup of Studying Problems during Primary School: Methodological Guidance]. St. Petersburg, Imaton Publ., 1999, 184 p. (In Russian).
  10. Khotinets V.Yu. *Stanovlenie polikul'turnoy kompetentnosti starsheklassnikov v khode proektno-issledovatel'skoy deyatel'nosti* [Formation of Political Correctness among high-schoolchildren during project research work]. *Obrazovanie i nauka* [Science and Education]. 2009, no. 10(67), pp. 59–69. (In Russian).
  11. Khotinets V.Yu. *Metodologicheskie osnovy etnicheskoy i krosskul'turnoy psikhologii: uchebnoe posobie* [Methodological Basis of Ethnic and Cross-cultural Psychology: Manual]. Moscow, Forum Publ., 2012, 87 p. (In Russian).
  12. Poddyakov N.N. *Dominirovanie processov integratsii v razvitiy detei doshkol'nogo vozrasta* [Dominancy of Integration Processes of preschool children development]. *Psichologicheskii jurnal* [Magazine of Psychology]. 1997, vol. 18, no. 5, pp. 103–111. (In Russian).
  13. Fel'dshteyn D.I. *Funktsional'naya nagruzka akademii obrazovaniya v opredelenii printsipov i usloviy razvitiya rastushchego cheloveka na istoricheski novom urovne dvizheniya obshchestva* [Functional Burden of the Academy of Education in Defining Principles and Conditions of the Development of a Child in Historically New Level of Society Movement]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Contemporary Education]. 2013, no. 5. Available at: http://pmedu.ru/res/2013_5_2.pdf (accessed 07.01.2017). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 13.04.2017

Об авторе

Медведева Дарья Сергеевна

аспирант Института педагогики,
психологии и социальных технологий

Удмуртский государственный университет,
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1;
e-mail: medvedevadarya23@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9020-9673

About the author

Medvedeva Darya Sergeevna

Ph.D. Student of the Institute of Pedagogy,
Psychology and Social Technologies

Udmurt State University,
1, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Russia;
e-mail: medvedevadarya23@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9020-9673

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Медведева Д.С. Развитие речемыслительной деятельности младших школьников с естественным билингвизмом // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 409–415.

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-409-415

Please cite this article in English as:

Medvedeva D.S. Development of verbal and cogitative activity of grade schoolchildren with natural bilingualism // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 409–415.

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-409-415

УДК 159.923.2:791.221.5

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-416-427

ВЛИЯНИЕ ФИЛЬМА-БОЕВИКА НА МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ Я-КОНЦЕПЦИИ ЗРИТЕЛЯ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Яновский Михаил Иванович, Приймак Анастасия Юрьевна

Донецкий национальный университет

Объект исследования — моральное самосознание личности, предмет — те психологические трансформации, которые производит в моральном самосознании зрителя типовой голливудский боевик. В статье обобщенно рассматриваются особенности построения типового голливудского фильма-боевика, его моральная основа, особенности типовых персонажей. Анализируется использование голливудскими фильмами в качестве типовой коллизии сюжет о том, как «маленький человек» побеждает врага (как правило, «плохую систему») и добивается успеха. Рассматривается специфика критериев добра и зла, характерных для голливудских боевиков, которая может обуславливать морально деформирующее воздействие на зрителя. Обсуждаются связь этих критериев со стандартизацией, характерной для рыночных отношений в обществе, и их опора на такие эмоциональные реакции персонажей, как жалость и страх: переживание зрителем жалости — признак «хорошего» персонажа, переживание страха — признак «злого» персонажа. Высказывается предположение, что упрощенное деление персонажей в фильме на «хороших» и «плохих», в соединении с противопоставлением «маленький человек» – «Система», может приводить к инверсии морального самосознания зрителя. Приводятся результаты эмпирического исследования воздействия на зрителя просмотра фильма-боевика с однозначным делением героев на отрицательных и положительных. Фильм-боевик оказывает влияние на структурные характеристики Я-концепции зрителя, в частности, обуславливает появление корреляции Я-реального, Я-идеального и Я-антиидеала. Обсуждается возможность интерпретировать это как формирование «комплекса Сверхчеловека». Анализируется связь между «комплексом Сверхчеловека» и образом «маленького человека». Результаты исследования помогают более адекватно воспринимать влияние определенных жанров кино на моральное самосознание зрителя.

Ключевые слова: психология кино, воздействие кино, боевик, Голливуд, «Сверхчеловек», Я-концепция, моральные стандарты.

INFLUENCE OF ACTION MOVIE ON MORAL ASPECTS OF SELF-CONCEPT OF VIEWER (SETTING OF THE PROBLEM)

Mikhail I. Yanovsky, Anastasia Yu. Priymak

Donetsk National University

The subject of the study was the moral self-awareness of the individual. The scope of the research is connected with those psychological transformations that produce in the moral self-consciousness of the viewer a typical Hollywood action-film. The article generalizes the features of the construction of a typical Hollywood film-action movie, its moral foundation, characteristics of typical characters. The use of Hollywood films as a typological collision the subject where a «little man» defeats the enemy (usually a «bad system») and achieves success. The article considers specific choice of criteria of good and evil, characteristic of Hollywood films, which can cause a morally deforming effect on the viewer. The authors analyze connection of these criteria with the standardization characteristic of market relations in society and their reliance on such emotional reactions to the characters as pity and fear: the experience of the spectator of pity is a sign of a «good» character, the experience of fear is a sign of an «evil» character. It is suggested that a simplified division of characters in the film into «good» and «bad» can lead to an inversion of the moral consciousness of the viewer. The results

of an empirical study of the impact of watching the action-movie with unambiguous division of the characters into negative and positive on the viewer are given. The action-film had an impact on the structural characteristics of the spectator's self-concept, in particular, caused the appearance of the correlation of the self-real, the self-ideal and the self-anti-ideal. The authors discuss the possibility of interpreting this results as the formation of the «Superman complex». Moreover, the connection between the «Superman complex» and the image of the «little man» is analyzed. The results of the research help to understand more adequately how certain genres of films can affect the moral self-awareness of the viewer.

Keywords: psychology of cinema; impact of cinema; thriller; Hollywood; «superman»; self-concept; moral standards.

Одна из самых жестких оценок феномена «американской мечты» была дана М. Хайдеггером: «американцы берут состояние ничтожности (Nichtigkeit) как обещание для своего будущего, так как они все приводят к ничто (zernichten) в видимости “счастья” Всех. В американизме нигилизм достигает апогея» [цит. по: 1].

Опора на «ничтожность как обещание для своего будущего» как «видимости счастья всех». По сути, это — своеобразная характеристика сюжета типового голливудского фильма: слабый одиночка («ничтожность») преодолевает «сильных, но плохих» людей, переживает успех и всеобщее признание («приведение в ничто в видимости счастья Всех»). Какое психологическое воздействие оказывают фильмы с подобными персонажами и сюжетом на зрителя и есть ли в них «достигающий апогея нигилизм»? Этой очевидно актуальной проблеме [2] посвящено наше исследование.

Объектом нашего исследования стало моральное самосознание личности, а предметом — те психологические трансформации, которые производит в моральном самосознании зрителя типовой голливудский боевик.

Моральный стандарт как основа типичного голливудского фильма

Анализ современного голливудского кино, принятый петербургским исследователем С.А. Полотовским, показывает, что в качестве ведущей сюжетной коллизии в нем, как правило, используется ситуация *борьбы одиночки с системой* [3, с. 53]. Сопереживание «борцу с системой» — в этом «секрет» популярности американского кино и специфики его морального воздействия. Следует учесть, что одиночка (который отчасти совпадает с таким популярным в XIX–XX вв. типом персонажа, как «маленький человек») — характеристика относительная. Функционально в роли одиночек-борцов с системой могут выступать субъекты разного типа: романтик, ребенок, преступник, автомобиль, робот и даже ... государство (естественно, США). Поэтому в американском кинематографе американское государство *в итоге* практически всегда оказывается

не «плохой», а «хорошей» системой: функционально это тот же одиночка, «маленький человек», только расширенный до коллективного и борющийся с какой-нибудь глобальной «плохой» «системой». Отсюда один из главных лейтмотивов пафосных голливудских фильмов: американское государство (американская нация), переживая периоды катастроф, нашествий врагов и т.д., побеждает и приходит к успеху и процветанию [4, с. 214–215].

Но что такое «маленький человек»? Это человек, испытывающий, говоря словами Хайдеггера, «состояние ничтожности». Феномен «маленького человека» — характерный продукт рыночного мира, поскольку именно в этом мире главным принципом становится конкуренция, и переживания аутсайдерства («ничтожности») или успеха становятся двумя полюсами существования личности в мире.

Однако конкуренция как таковая возникает лишь при условии сравнения субъектов по каким-либо меркам. Вот почему стандарты, в т.ч. социальные, — основа рыночного мира. Америка, будучи показательным рыночным государством, стремится к стандартизации различных аспектов жизни. Стандартизация пронизывает и американское кино. Ей подвержены и приемы построения сюжета, и типажи героев, и видеоэффекты, и жанровые особенности [3]. Сам образ «маленького человека» — также продукт рыночной стандартизации: «маленький» или «большой» человек определяется операцией оценки социальной силы, цены, ценности индивида в рамках определенного стандарта.

Если ставить вопрос о социальных и психологических эффектах воздействия голливудского кино, то имеет смысл обратить внимание в первую очередь на моральную сторону вопроса. Для американцев, по-видимому, восприятие своей страны как страны «правильных» моральных стандартов дает основание сознавать свое моральное превосходство над другими («мы — нормальные; не такие, как мы, — не нормальны»). Характернейшей реализацией моральной стандартизации в американском кино является про-

стое и четкое деление персонажей на «хороших» и «плохих», воплощающих добро и зло. По сути, образы «хороших» и «плохих» и их модели поведения — это и есть формы демонстрации эталонов морали. Следует, однако, иметь в виду, что в голливудском кино стандарты морали не создаются; в их качестве используются общепринятые стереотипы добра или зла, т.е. стимулы, вызывающие реакции «добра» (в частности, жалости) или «зла» (негативные эмоции, например, страх). «Подаче» морали не в виде абстрактных идей или принципов, а в виде наглядных стимул-образов «хороших» и «плохих» способствует и англосаксонская этнокультурная особенность — склонность к наглядно-образному мышлению [5].

Деление на «хороших» и «плохих» свойственно не только голливудскому кино; это характерная черта практически всей мировой кинопродукции массового потребления. Специфика Голливуда — в эксплуатации коллизии «маленького человека» — «системы» в качестве эквивалента коллизии добра-зла. Почему? По той причине, что «маленький человек» — это тот, кого жалеют, а «система» — это то, чего боятся (уместно вспомнить позиции «жертвы» и «преследователя» из «драматического треугольника» С. Карпмана). При этом жалость и страх играют роль эмоциональных, а по сути — «бихевиоральных», индикаторов добра-зла: добро — стимулы, на которые мы реагируем жалостью, зло — то, на что реагируем страхом (или агрессией). Стандартный голливудский сюжет для такой раскладки персонажей — победа и самоутверждение «маленьких» над «системой», что и представляется как победа добра над злом. Подобные представления о добре и зле хорошо вписываются и в «рынок»: они оказываются ресурсом, который можно эффективно эксплуатировать в идеологии, в литературе, кино и т.д.

Существует почти общепринятое представление, что фильм, в котором очевидно положительные герои борются с очевидно отрицательными, формирует правильное моральное сознание. Поэтому голливудская стандартизованность форм морали при всей своей упрощенности в целом поддерживается обществом. На самом деле такое «расслабление» морального сознания неизбежно обуславливает какие-либо формы его деградации. Действительно, всякий стандарт морали, как некая эмпирически выработанная и ставшая привычной совокупность признаков, временен. Значит, объективно он является констелляцией элементов добра и зла, т.е. синкретичен. Можно вспомнить известные эксперименты Д.Н. Узнадзе, которые показали, что многократное повторение простого сравнения характери-

стик объектов приводит к своего рода стандартизации процедуры сравнения — фиксированной установке, что обуславливает не адекватность, а искажение последующей оценки объектов. Не может ли аналогичный процесс происходить в сфере моральных оценок? В одном из экспериментов мы показали возможность появления иллюзии установки на материале многократно повторяющихся моральных оценок однотипных персонажей на рисунках [7]. Контрастная установочная иллюзия в этом случае означала возникновение своего рода моральной инверсии: положительную моральную оценку получает морально отрицательный персонаж. Это свидетельствует, что фиксированность, т.е. стандартизация, моральной установки, вероятно, может производить смешение (синкретизм) добра и зла. Это смешение усиливается смешением дилеммы добра-зла с дилеммой «маленький человек» — «большая система», при почти обязательном самоутверждении «маленького».

Итак, наша гипотеза такова. Фильм с упрощенным делением персонажей на эталонно «хороших» и эталонно «плохих», с победой «хороших», но «маленьких», над «плохими», но «большими», порождает искажение морального сознания человека в виде смешения (синкретизма) добра и зла.

Организация и методы исследования

Нашей целью было выяснить, как система образов персонажей фильма влияет на моральное сознание зрителя, в частности на моральный аспект его Я-концепции (под моральным аспектом подразумеваются соотношения Я-реального с Я-идеалом и антиидеалом). Мы использовали эксперимент, в котором зрителям демонстрировался фильм с однозначным разделением на «хороших» и «плохих» персонажей. В качестве контрольной группы выступали испытуемые, которым демонстрировался специально подобранный фильм с персонажами, каждый из которых имеет и положительные, и отрицательные моральные качества. Эксперимент проводился по схеме «квазиэксперимента» [8], т.е. воздействию двух разных фильмов подвергалась не одна, а две разные группы. В то же время они были примерно равны по составу. Показатели Я-концепции фиксировались до и после эксперимента.

Одним из слабых мест исследования можно считать невысокий уровень операциональной валидности: в двух фильмах в роли варьирующей независимой переменной выступала не только система морального деления персонажей, но, возможно, и другие параметры: особенности жанра,

монтажа, сюжета и др. Однако следует учесть, что вторая группа, где был фильм с неоднозначными персонажами, выполняла чисто служебную роль. Нас не интересовало, как воздействует такой фильм, и мы из анализа делали лишь вывод, что фильмы могут воздействовать по-разному. Предметом нашего интереса была специфика воздействия фильма с однозначным делением персонажей. Полученные результаты представляют самостоятельный интерес и могут быть соотнесены с результатами последующих подобных исследований.

Испытуемыми были студенты 1–5 курсов разных специальностей (в основном психологи, а также несколько филологов и культурологов). В состав выборки вошло 26 человек (по 13 для каждого фильма): 5 юношей и 21 девушка. Возраст испытуемых варьировал от 17 до 22 лет. Все испытуемые имели опыт просмотра кинофильмов разных жанров, включая боевики, комедии, мелодрама, ужасы и т.д. Группы, смотревшие разные фильмы, были примерно уравнены по количеству представителей разных специальностей, курсов и по половому составу.

В целом небольшой объем выборки позволяет считать наше исследование скорее пилотажным, хотя и с важными и интересными результатами.

Процедура исследования

Исследование проходило в два этапа:

– испытуемым предлагались психодиагностические методики, которые фиксировали характеристики Я-концепции;

– через 2–3 дня испытуемым демонстрировался (на мониторе компьютера или на большом экране, с использованием мультимедийного проектора) один из двух кинофильмов, после чего испытуемым снова предлагались те же методики. Кроме психодиагностических методик, которые фиксировали изменения характеристик Я-концепции у участников эксперимента, для выявления и фиксации особенностей образов персонажей использовалась методика свободной классификации и описания персонажей.

Независимой переменной в исследовании было наличие (или отсутствие) простого разделения системы персонажей на «хороших» и «плохих» (в соединении с противопоставлением «маленький человек» – «Система»: «хорошие» — это так или иначе одиночки, «маленькие люди», «плохие» — большая безличная «Система»). Противоположным значением переменной была моральная сложность персонажей (с наличием рефлексии своих позитивных и негативных сторон). Фильмы подбирались так, чтобы они существенно разли-

чались по этой переменной: в одном фильме почти все персонажи были однозначно или позитивными, или негативными, в другом все персонажи по ходу фильма проявлялись и с позитивных, и с негативных сторон и рефлексировали это. Фильм первого типа мы рассматривали как типичный для голливудских боевиков. Использование метода свободной классификации и описания персонажей, что осуществлялось самими испытуемыми, позволило нам достоверно фиксировать варьирование независимой переменной в двух фильмах. Зависимой переменной были характеристики Я-концепции, включая морально значимые: Я-идеальное и Я-антиидеал.

При выборе фильмов мы также руководствовались соображением, что фильмы должны быть малознакомы зрителю, чтобы предыдущий опыт их просмотра не влиял на результат. В то же время сами жанры были знакомы испытуемым, и фильмы соответствующего типа они неоднократно смотрели.

В исследовании были использованы два кинофильма.

1. *«Звездный десант: Вторжение»* — компьютерный фильм режиссера Синдзи Арамаки (2012, США, Япония). Жанр: компьютерная анимация/боевик/фантастика. По стилю — зрелищный голливудский блокбастер, с элементами графики аниме.

Является продолжением (4-й частью) знаменитого фильма Пола Верховена *«Звездный десант»*. Действие фильма происходит на космических кораблях и станциях. Отважные воины-астронавты сражаются с напавшими гигантскими жуками. Они всеми силами, часто даже жертвуя собой, пытаются не дать жукам вторгнуться на Землю.

В целом фильм снят с типичными для голливудского кино приемами. Персонажи фильма отчетливо делятся на «хороших» (бойцы-герои, члены экипажа) и «плохих» (коварные и сильные враги — гигантские жуки). Герои фильма:

– «хорошие»: Генри Варро (герой), Айс, Чоу и т.д.;

– «плохие»: жуки, матка жуков.

«Хорошие» — сильные, почти сверхлюди, готовые к самопожертвованию отважные герои; в то же время они показаны как уязвимые, с вызывающими жалость слабостями, личности (в этом смысле функционально они могут быть квалифицированы как «малые люди»). «Плохие» — вызывающие страх, ненависть и отвращение чудовища-жуки. Жуков очень много, они сильны, скоординированы, хитры, при этом обезличены (функционально — «Система»). Сюжет динамичен, множество батальных сцен. При этом «хорошие»,

будучи биологически и отчасти морально слабее и уязвимее, чем ужасные космические жуки, в итоге переживают торжество победы.

2. «Столкновение» — драма режиссера Пола Хаггиса (2004, США).

Фильм является нетипичным для Голливуда. Состоит из нескольких коротких историй, объединенных одной общей темой — я, я в мире, я в обществе. Персонажи вовлекаются в конфликты, в ходе которых пересматривают свои убеждения. Зрителю также приходится менять оценку персонажей. Режиссер помимо основной проблемы ставит также проблемы расизма, столкновения разных культур, людей. Сюжетные линии переплетаются между собой, и так создается сложная целостность фильма. Таким образом, почти все герои данного фильма предстают перед зрителем с хорошей и с плохой стороны.

В фильме нет главного героя. Основные герои фильма:

– Грэм Уотерс, Рик Кэбот, Джин Кэбот и т.д.

Описание методик

Для фиксации зависимой переменной (различных сторон Я-концепции) были использованы следующие методики:

1. *Личностный семантический дифференциал* (для оценки по трем шкалам себя реального, Я-идеального и Я-антиидеала; шкалы: Оценка, Сила, Активность; данный метод эффективно применялся для диагностики эффекта воздействия кинофильма на Я-концепцию зрителя [9]).

Две данные методики применялись до и после экспериментального воздействия (просмотра фильма).

После просмотра фильма проводился также:

2. *Кластерный анализ* на материале произвольной классификации героев фильма. Испытуемым предлагался набор карточек с портретами персонажей и их именами. Необходимо было расклассифицировать их в произвольной форме. Критерии выделялись самими испытуемыми. Испытуемые должны были также назвать или кратко охарактеризовать каждую группу. Данная методика позволяла определить специфику, разнообразие, свойства, связи и зависимости в системе персонажей. Испытуемым также предлагалось отнести себя к одной из групп, что давало возможность выяснить, с какими персонажами склонен отождествлять себя зритель, т.е. если у зрителя изменяется Я-концепция, то образ кого из персонажей может иметь к этому отношение.

Для обработки данных был использован критерий Пирсона.

Результаты экспериментального исследования

Кластерный анализ

Обработка результатов классификаций испытуемыми персонажей состояла в выяснении, кто с каким персонажем и с какой частотой попадает в одну классификационную группу. По результатам подсчетов строились классификационные «деревья» — дендрограммы (рис. 1, 2).

В дендрограммах количество попаданий в одну группу отражено в уровнях: каждый уровень соответствует определенному количеству попаданий. В целом это дает возможность определить, на какие группы делятся персонажи для зрителей. Характеристики групп, даваемые испытуемыми, позволяли понять, в чем особенности групп.

Фильм «Звездный десант» (рис. 1).

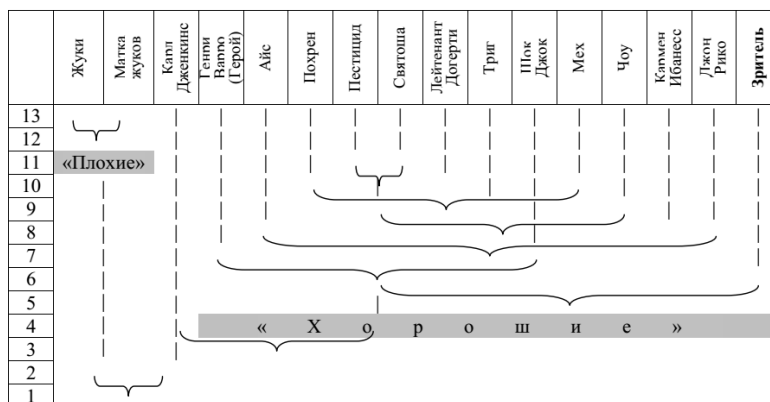

Рис. 1. Дендрограмма, построенная на основе свободной классификации зрителями персонажей фильма «Звездный десант» (числовая шкала слева — количество попаданий персонажей в одну классификационную группу)

В целом образы героев данного фильма для зрителя отчетливо делятся на две большие группы: положительные (космические десантники и капитан космического корабля), отрицательные (жуки-захватчики). Зрители отождествляют себя с положительными в той или иной степени героями.

Таким образом, можно говорить, что переменной, воздействующей на зрителей в данном фильме, является отождествление с образами «положительных» персонажей.

Фильм «Столкновение» (рис. 2).

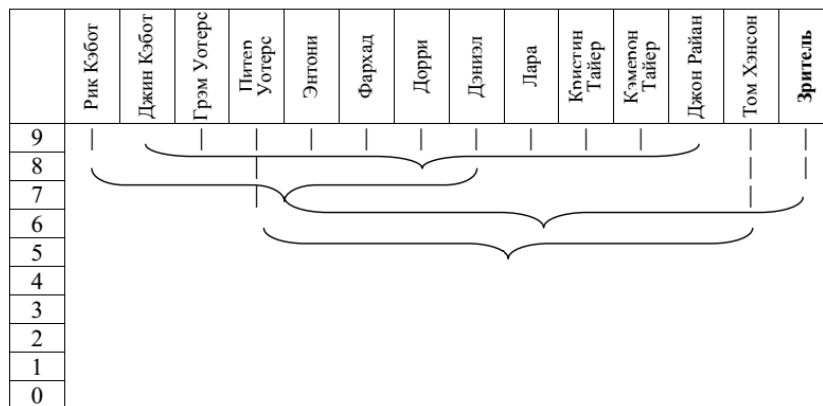

Рис. 2. Дендрограмма, построенная на основе свободной классификации зрителями персонажей фильма «Столкновение»

Здесь не было четкого разделения героев на хороших или плохих. Поскольку действительно большинство героев были показаны и с хорошей, и с плохой стороны, в целом их образы зрителями охарактеризованы как нейтральные, точнее — как неоднозначные. При этом зрители отождествляли себя приблизительно равномерно со всеми героями. Это позволяет говорить, что переменной, воздействующей на зрителей в данном фильме, является отождествление себя с разными образами морально сложных, рефлектирующих героев.

В целом обобщенная картина по результатам классификаций испытуемыми персонажей двух фильмов представлена в табл. 1.

Результаты по семантическому дифференциалу

Соотношение абсолютных показателей по данной методике до и после просмотра фильмов оказалось малоинформативным, поэтому мы его не приводим. Интерес представляют корреляции и их трансформации под влиянием фильмов (табл. 2, 3).

Таблица 1. Распределение персонажей по группам (по результатам классификаций испытуемыми)

Фильмы	Типы персонажей		
	Положительные	Отрицательные	Неоднозначные
«Столкновение»			Джин Кэбот, Грэм Уотерс, Энтони, Фархад, Дорри, Лара, Кристин Тайер, Кэмерон Тайер, Джон Райан, Рик Кэбот, Дэннэл «Я» (зритель)
«Звездный десант»	Генри Варро (Герой), Айс, Похрен, Пестицид, Святоша, лейтенант Догерти, Триг, Шок Джок (Медик), Мех, Чоу, Капитан Кармен Ибанесс, Джон Рико, Карл Дженкинс «Я» (зритель)	Матка жуков, Жуки	

Таблица 2. Корреляции показателей Я-концепции (по методике «Семантический дифференциал») до и после просмотра фильма «Звездный десант»

Я-реальное	оценка	до	0,321	до	оценка	Я-идеальное
		после	0,618**	после		
	сила	до	0,661**	до	сила	
		после	0,69**	после		
	активность	до	0,47**	до	активность	
		после	0,287	после		
Я-идеальное	оценка	до	0,007	до	оценка	Я-антиидеал
		после	0,426**	после		
	сила	до	- 0,004	до	сила	
		после	- 0,689**	после		
	активность	до	- 0,351*	до	активность	
		после	- 0,556**	после		
Я-реальное	оценка	до	- 0,122	до	оценка	Я-антиидеал
		после	0,577**	после		
	сила	до	- 0,021	до	сила	
		после	- 0,421**	после		
	активность	до	- 0,085	до	активность	
		после	0,161	после		

Примечание: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$. Жирным шрифтом отмечено существенное изменение уровня корреляции.

После фильма «Звездный десант» возникла целая совокупность прямых и обратных корреляций между различными параметрами Я-концепции:

- прямая корреляция между Я-реальным, Я-идеальным и Я-антиидеалом по «Оценке»;
- обратная корреляция между Я-идеальным и Я-реальным, с одной стороны, и Я-антиидеалом, с другой стороны, по «Силе».

То, что данные корреляции неслучайны и обусловлены просмотром именно данного фильма, подтверждается тем, что при просмотре другого фильма почти никаких существенных изменений в коррелятивных связях в Я-концепции не происходило (табл. 3).

После фильма «Столкновение» произошел лишь один значительный сдвиг — исчезла прямая корреляция между Я-реальным и Я-идеальным по параметру «Оценка». Очевидно, это отражает определенное усложнение самосознания, обретение Я-идеальным автономной от Я-реального жизни, превращение в отдельный предмет работы сознания. С другой стороны, возможно, это появление более критического отношения к себе. Несколько увеличилась также обратная корреляция между Я-идеальным и Я-антиидеалом по «Силе», что означает определенное усиление их противопоставления. В таком противопоставлении можно усмотреть борьбу образов «жертвы» и «преследо-

вателя» (по «драматическому треугольнику» позиций С. Карпмана). Если так, то фильм несколько усиливает эту оппозицию как возможную мерку морального сознания. Однако поскольку при этом нет аналогичного изменения по Я-реальному, то такой сдвиг скорее только намечает вектор возможного процесса в самосознании.

Обсуждение результатов

Далее основное внимание в анализе уделим эффектам, возникшим после просмотра фильма «Звездный десант». Обратная корреляция после просмотра этого фильма — Я-идеального и Я-реального с антиидеалом по «Силе», — по-видимому, означает ту же схему «преследователь» – «жертва», но уже в реализованной форме. Это — появление склонности к самоутверждению за счет умаления (унижения) противника; самоутверждение, которое, с другой стороны, означает страдание унижения при восстановлении силы и независимости противника. Такая связка Я-реального с антиидеалом соответствует описанному А. Адлером механизму гиперкомпенсации через унижение другого, при постоянном потенциальном чувстве собственной неполноценности (= ограниченности).

Таблица 3. Корреляции показателей Я-концепции (по методике «Семантический дифференциал») до и после просмотра фильма «Столкновение»

Я-реальное	оценка	до	0,7**	до	оценка	Я-идеальное
		после	- 0,223	после		
	сила	до	0,559**	до	сила	
		после	0,652**	после		
	активность	до	0,637**	до	активность	
		после	0,466**	после		
Я-идеальное	оценка	до	- 0,112	до	оценка	Я-антиидеал
		после	- 0,182	после		
	сила	до	- 0,223	до	сила	
		после	- 0,543**	после		
	активность	до	- 0,06	до	активность	
		после	- 0,234	после		
Я-реальное	оценка	до	0,27	до	оценка	Я-антиидеал
		после	0,189	после		
	сила	до	- 0,484**	до	сила	
		после	- 0,378*	после		
	активность	до	0,393**	до	активность	
		после	0,49**	после		

Примечание: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$. Жирным шрифтом отмечено существенное изменение уровня корреляции.

Но наиболее интересный и парадоксальный результат — появление прямых корреляций по «Оценке» между Я-реальным, Я-идеальным и Я-антиидеалом. Я-реальное, идеал и антиидеал как бы синхронизируются: чем отрицательнее для человека антиидеал, тем отрицательнее также и идеал. Или: чем позитивнее идеал, тем позитивнее антиидеал. Значит, простая и однозначная поляризация персонажей в фильме на «хороших» и «плохих» не «конвертируется» в поляризацию идеала и антиидеала, т.е. образов добра и зла у зрителя. Напротив, формируется такое моральное самосознание, в котором добро или зло — в тенденции — сливаются. Чем это объяснить? Здесь уместно вспомнить нашу теоретическую оценку морального стандарта как синкрета — соединения разнородных свойств, которые объективно относимы как к добру, так и к злу (см. выше). Повидимому, именно с этим неявным синкретизмом морально стандартизированного голливудского фильма мы имеем дело.

Более подробный анализ отдельно взятых корреляций как взаимовлияния валентностей идеала, антиидеала и Я-реального:

1) Я-идеальное → Я-реальное: идеализация Я-реального, возвышение самооценки, гордость;

2) Я-идеальное ← Я-реальное: наделение идеала статусом реального Я;

3) Я-идеальное → Я-антиидеал: парадоксальная идеализация антиидеала, своего рода возвышение нигилистической моральной позиции;

4) Я-идеальное ← Я-антиидеал: обесценивание, уничтожение идеала;

5) Я-антиидеал → Я-реальное: обесценивание, «опускание» Я-реального, самоуничтожение;

6) Я-антиидеал ← Я-реальное: наделение антиидеала статусом реальности.

Очевидно, это — деформации морального сознания. В целом эту совокупность деформаций мы назвали бы комплексом «Сверхчеловека» [в ницшеанском смысле; см.: 10, 11], поскольку именно в образе Сверхчеловека сливаются воедино Я-реальное с Я-идеалом и одновременно с Я-антиидеалом¹.

В нормальном случае разведение Я-идеала и Я-антиидеала выражает наличие внутренней моральной двухполюсной оси самосознания (добро – зло), по которой возможна моральная оценка себя. Следовательно, снятие противоположения полюсов означает потерю способности к мораль-

¹ Ф. Ницше, создавая идеал Сверхчеловека, поставил его над добром и злом, наделил способностью самому устанавливать себе, что есть добро, а что — зло. В действительности постановка себя над добром автоматически ведет человека на позицию зла, но только уже сознательно. Что и было реализовано практически в XX в.

ной самооценке. На ее месте устанавливается *одновременно* идеализация и «антиидеализация» самого себя. Гордость за себя как негативного героя и преподнесение этого как особого позитива.

Какова причина этого эффекта воздействия фильма? Мы видим ее в «заражении» сознания зрителя упрощенным форматом морального сознания, в котором добро и зло заменены эмоциями жалости, страха, отвращения и т.д. Соответственно, добро — это «хорошие» люди, которых жалко или которые являются источником положительных эмоций, зло — это «плохие» (не обязательно люди), которые пугают и в целом являются источником отрицательных эмоций. И далее: добро — это нормы, установленные «хорошими» людьми и которые их объединяют, зло — непринятие этих норм. Такие представления о добре и зле характерны, по Л. Кольбергу, для преконвенционального и конвенционального уровней морального сознания [6], которые соответствуют эгоцентрическому мышлению, синкретически структурированному, с нечувствительностью к противоречиям, непроницаемостью для опыта, артифициализмом и т.д. [12; обсуждение соответствия стадий морального сознания и особенностей мышления см.: 13]. Представления о добре и зле здесь при всей кажущейся простоте и прямолинейности — синкретичны и поэтому объективно являются смешением разнородных (вплоть до противоположности) моральных качеств. По этой причине здесь неизбежно (хотя и временно) возникают инверсии добра и зла и зло может приобретать статус добра (при этом к противоречиям такое сознание нечувствительно).

Если рассматривать киновосприятие как виртуальное присутствие зрителя в психологическом поле фильма [14], то для зрителя здесь фильмовое зло, жуки (которые выступают в функции некой безликой непредсказуемой «Системы»), — это своего рода угроза его психологическому пространству, вызывающая виртуальное «сжатие» этого пространства и тем самым сдвигающая зрителя к сознанию себя «маленьким человеком». Напротив, встреча с добром — героями, с которыми у зрителя к тому же есть отождествление, вызывает переживание виртуального «расширения» пространства зрителя, его самоутверждения. Восприятие подобных фильмов, таким образом, создает амбивалентное чувство пульсации *границы* себя, своей личности. Какой психологический механизм это актуализирует?

«Сверхчеловек» как видоизменение «маленького человека»

Попробуем перевести анализ в более обобщенную плоскость. Если говорить о феномене психологических границ как таковых, о том, как они переживаются, то можно представить две полярно противоположные фазы переживания динамического состояния границы пространства личности: экспансивное расширение границы личного пространства (в моральной плоскости это — гордость) и сжатость границы (в моральной плоскости — уничижение, жалость к себе). Одно обратное другому: гордость — это «экспансия» границы вовне, уничижение — вовнутрь. С другой стороны, гордость и уничижение — это субъективные действия с границей, а значит, с формой (формой своего эго) как с чем-то самодовлеющим, противопоставленным всем окружающим. Взаимопротивоположность гордости и уничижения «накаляет» чувство своей личности и тем делает это чувство поглощающим. В своей крайней форме это чувство могло бы выглядеть как фанатичная одержимость своим эго.

Однако что такое гордость и уничижение, проецируемые вовне? Проекция гордости вовне — агрессия, проекция уничижения вовне — жалость. Агрессия к кому-либо в соединении с жалостью к нему продуцирует отношение власти над себе подобным, отношение к другому как к собственности, как к рабу. В таком отношении к себе подобному мы распознаем нищезанского «Сверхчеловека». «Сверхчеловек» априори дает себе право на то, на что не дает права другому как рабу. Поэтому комплекс «Сверхчеловека» — деформация самой основы морали, которая предполагает равенство людей в исходных онтологических основаниях: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12).

Каково соотношение «Сверхчеловека» с излюбленным персонажем голливудского кино — «маленьким человеком»? «Маленький человек» и «Сверхчеловек» совпадают поглощенностью переживанием границы, точнее ограниченности как свойства своего самосознания. Разница количественная: «маленький человек» — как бы сплюснутая ограниченность, «Сверхчеловек» — ограниченность раздутая. Значит, по большому счету «Сверхчеловек» — превращенная форма «маленького человека». Поэтому именно голливудский «маленький человек» — это материал, из которого рождается «Сверхчеловек» (типа дона

Корлеоне из «Крестного отца» или Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского). С другой стороны, учитывая, что форма, переставшая выражать внутреннее содержание (т.е. поглощенность переживанием ограниченности), регулируется лишь внешними отношениями, можно утверждать, что основой морали «маленького человека» и «Сверхчеловека» является не индивидуальная моральная система ценностей или моральная интуиция (совесть), а индивидуальный эгоизм (который может переходить, не меняя своей сути, в коллективный, в сознание причастности к установленным «правильным» моральным стандартам, принятие которых делит людей на «своих» и «несвоих» (то же, что является основой сектанства, расизма, нацизма и т.д.).

Таким образом, мы имеем здесь дело с отрицанием основ человеческой морали. Вероятно, это и есть «**достигающий апогея нигилизм**», продуцируемый современными голливудскими кинобоевиками.

В завершение обсуждения добавим, что, безусловно, однократный просмотр подобных фильмов может давать лишь кратковременный, неустойчивый эффект. Однако при многократном и массовом просмотре и при наличии каких-либо дополнительных способствующих факторов этот эффект усиливается и может приобретать социальную значимость. Возвращаясь к началу нашей статьи, можем сделать вывод, что популярное американское кино, поверхностно имитируя «правильную» общечеловеческую мораль, на деле существенно деформирует моральное сознание.

Приложимы ли данные выводы только к голливудским кинобоевикам или они относимы к боевикам вообще, а также к другим жанрам? Этот вопрос остается открытым, но в данном исследовании нас интересовало, какие эффекты характерны именно для голливудских кинобоевиков.

Выводы

Типичное для американских боевиков противопоставление эталонно, стандартно «хороших» и «плохих» персонажей приводит к деформации морального самосознания зрителя, суть которой состоит в сближении Я-идеального с Я-антиидеалом и с Я-реальным. Такое сближение можно интерпретировать как появление комплекса «Сверхчеловека», который в действительности, по-видимому, является превращенной формой комплекса «маленького человека».

Список литературы

1. *Мотрошилова Н.В.* «Черные тетради» М. Хайдеггера: по следам публикации // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 131–162.
2. *Кубрак Т.А.* Проблема информационно-психологической безопасности в кинодискурсе // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.08.2016).
3. *Полотовский С.А.* Влияние современного голливудского кино на духовную ситуацию в России: межкультурные связи в контексте международных отношений: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2006. 120 с.
4. *Делез Ж.* Кино / науч. ред. и вступ. стат. О. Аронсон; пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ад Маргинем, 2004. 624 с.
5. *Флоренский П.А., священник.* Мысль и язык // Сочинения: в 4 т. Т. 3(1) / сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). М.: Мысль, 2000. С. 104–118.
6. *Анциферова Л.И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 3. С. 5–17.
7. *Яновский М.И.* Психологическая природа восприятия «связки» между кадрами в киномонтаже // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 1. С. 46–53.
8. *Дружинин В.Н.* Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000. 320 с.
9. *Собкин В.С., Маркина О.С.* Структурные компоненты Я-концепции подростка (на материале восприятия фильма Р. Быкова «Чучело») // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 44–53.
10. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Сочинения: в 2 т. Т. 2. / сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1996. С. 5–237.
11. *Харченко Д.О.* Сверхчеловек: социальная сущность и типология // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2008. № 3. С. 125–131.
12. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.: Рингис, 2008. 448 с.
13. *Яновский М.И.* Воспроизведение кинофильмом типа морального сознания как аспект психологического воздействия на зрителя // Актуальные проблемы исследования массового сознания: матер. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Константинов; Пензенский государственный университет. Пенза, 2015. С. 743–752.

14. Яновский М.И. Анализ воздействия мультфильма на моральные установки зрителя (на примере мультфильма «Симпсоны») // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 87–97.

Получено 20.07.2017

References

- Motroshilova N.V. «Chernye tetradi» M. Hajdeggera: po sledam publikacii [«Black notebooks» by M. Heidegger: in the footsteps of publication]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2015, no. 4, pp. 131–162. (In Russian).
- Kubrak T.A. Problema informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti v kinodiskurse [The problem of information-psychological security in the film discourse]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research]. 2016, vol. 9, no. 47, pp. 8. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 17.08.2016). (In Russian).
- Polotovskij S.A. Vliyanie sovremennogo gollivudskogo kino na duhovnyuyu situaciyu v Rossii: mezhkul'turnye svyazi v kontekste mezhdunarodnyh otnošenij: dis. ... kand. ist. nauk [The influence of modern Hollywood cinema on the spiritual situation in Russia: intercultural relations in the context of international relations. Cand. hist. sci. dis.]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006, 120 p. (In Russian).
- Deleuze G. *Kino* [Cinema]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2004, 624 p. (In Russian).
- Florensky P.A. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 2000, vol. 3(1), pp. 104–118. (In Russian).
- Ancyferova L.I. Svyaz' moral'nogo soznaniya s npravstvennym povedeniem cheloveka (po materialam issledovaniy Lourensa Kolberga i ego shkoly) [The connection between moral consciousness and moral behavior of man (based on the research of Lawrence Kohlberg and his school)]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 1999, vol. 20, no. 3, pp. 5–17. (In Russian).
- Yanovsky M.I. *Psihologicheskaya priroda vospriyatiya «svyazki» mezhdru kadrami v kinomontazhe* [Psychological nature of the perception of a «bundle» between frames in film editing]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2008, vol. 29, no. 1, pp. 46–53. (In Russian).
- Druzhinin V.N. *Ehksperimental'naya psihologiya* [Experimental Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000, 320 p. (In Russian).
- Sobkin V.S., Markina O.S. *Strukturnye komponenty Ya-koncepcii podrostanta (na materiale vospriyatiya fil'ma R. Bykova «CHuchelo»)* [Structural components of the «I» concept of a teenager (on the basis of the perception of R. Bykov's film «Scarecrow»)]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology]. 2008, no. 5, pp. 44–53. (In Russian).
- Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra* [Thus Spoke Zarathustra]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, vol. 2, pp. 5–237. (In Russian).
- Kharchenko D.O. *Sverhchelovek: social'naya sushchnost' i tipologiya* [Superman: the social essence and typology]. *Vestnik MGOU. Seriya Filosofskie nauki*. [Herald MSOU. Series Philosophical Sciences]. 2008, no. 3, pp. 125–131. (In Russian).
- Piaget J. *Rech' i myshlenie rebenka* [Speech and thinking of the child]. Moscow, Rimis Publ., 2008, 448 p. (In Russian).
- Yanovsky M.I. *Vosproizvedenie kinofil'mom tipa moral'nogo soznaniya kak aspekt psihologicheskogo vozdejstviya na zritelya* [Reproduction by a movie of type of moral consciousness as an aspect of psychological impact on the viewer]. *Aktual'nye problemy issledovaniya massovogo soznaniya: Materialy 2-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of the study of mass consciousness: Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference]. Penza, Penza State University Publ., 2015, pp. 743–752. (In Russian).
- Yanovsky M.I. *Analiz vozdejstviya mul'fil'ma na moral'nye ustanovki zritelya (na primere mul'tfil'ma «Simpsony»)* [Analysis of the impact of the cartoon on the moral attitudes of the viewer (on the example of the animated cartoon «The Simpsons»)]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology]. 2014, no. 1, pp. 87–97. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 20.07.2017

Об авторах

Яновский Михаил Иванович

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии

Донецкий национальный университет,
Украина, 283001, Донецк, ул. Университетская, 24;
e-mail: m.i.yanovsky@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9265-6917

Приймак Анастасия Юрьевна

психолог

Донецкий национальный университет,
Украина, 283001, Донецк, ул. Университетская, 24;
e-mail: sasha.vampi@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5962-2697

About the authors

Yanovsky Mikhail Ivanovich

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Psychology

Donetsk National University,
24, Universitetskaya str., Donetsk, 283001, Ukraine;
e-mail: m.i.yanovsky@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9265-6917

Priymak Anastasia Yur'evna

Psychologist

Donetsk National University,
24, Universitetskaya str., Donetsk, 283001, Ukraine;
e-mail: sasha.vampi@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5962-2697

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Яновский М.И., Приймак А.Ю. Влияние фильма-боевика на моральные аспекты Я-концепции зрителя (постановка проблемы) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 416–427. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-416-427

Please cite this article in English as:

Yanovsky M.I., Priymak A.Yu. Influence of action movie on moral aspects of self-concept of viewer (setting of the problem) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 416–427. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-416-427

УДК 159.942

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-428-436

О ПЕРСПЕКТИВАХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ЭМОЦИЙ

Азанова Ирина Николаевна, Левченко Елена Васильевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается проблема экспериментального исследования динамики эмоций. Представлены ее краткая история и методологические трудности разработки. Отмечается снижение интереса к исследованию эмоций в последние десятилетия XX в. Показаны ограничения традиционного взгляда на изучение динамики эмоций, требующего применения универсального для всех участников исследования стимульного материала и последующего обсуждения различий в его отображении и отношении к нему. Обсуждается вопрос о применении единообразного по форме, но индивидуально-своеобразного по содержанию для всех испытуемых стимульного материала, который оказался бы способным обеспечить универсальный характер динамики эмоций. Разработана экспериментальная процедура «запуска» эмоции в ситуации исследования. Описано создание таких условий для возникновения у субъекта динамики эмоций, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что она имела место. Описаны результаты применения нового экспериментального приема, позволяющего менять интенсивность эмоций радости и печали, продемонстрирована его эффективность в обеспечении динамики эмоций. Изложены перспективы дальнейшего изучения «запуска» эмоций радости и печали посредством применения в эксперименте техник, способных обеспечить динамику этих эмоций без предъявления какого-либо внешнего (физического) стимула.

Ключевые слова: динамика эмоций, радость, печаль, методология изучения эмоций, эксперимент, стимульный материал, субъективное переживание, интенсивность эмоции, техники управления динамикой эмоций.

PROSPECTS OF THE EMPIRICAL RESEARCH OF EMOTIONS' DYNAMICS

Irina N. Azanova, Elena V. Levchenko

Perm State University

The article deals with the problem of experimental study of the dynamics of emotions. Its brief history and methodological difficulties of its development are presented. There is a decrease of the interest in the study of emotions in the last decades of the 20th century. The research shows limitations of the traditional view on the study of the dynamics of emotions, which requires the use of a universal stimulus material for all participants of the study and the subsequent discussion of the differences in its representation and attitude to it. The authors of the article raise up the question of the application of a stimulus material that would be consistent in form, and individually specific in content, and that would be able to provide a universal character of the dynamics of emotions. An experimental procedure for «triggering» emotion in the research situation was developed. Moreover the authors describe setting up of the specific conditions for the emergence of emotions in the subject, so that it can be confidently asserted that it took place. The results of the application of a new experimental technique that allows to change the intensity of emotions of joy and sadness are described, its effectiveness in ensuring the dynamics of emotions is demonstrated. In conclusion the authors show prospects of further study of the «triggering» of emotions of joy and sadness through the use of techniques in the experiment capable of ensuring the dynamics of these emotions without presenting any external (physical) stimulus.

Keywords: dynamics of emotions, joy, sadness, methodology of studying emotions, experiment, stimulus material, subjective experience, intensity of emotion, techniques for controlling the dynamics of emotions.

На протяжении всей истории развития психологии как науки эмоциональные явления человека привлекали внимание многих ведущих исследователей. Особый подъем в изучении этого класса психических процессов начался с приходом в психологию эксперимента [1]. Начиная с середины прошлого века наблюдался расцвет в экспериментальных исследованиях эмоций [2–4]. Однако в последние десятилетия XX в., как отмечает К. Вилюнас, отношение к изучению эмоций претерпело значительные изменения: «...в современной позитивистски настроенной психологии отношение к проблеме эмоций совершенно иное. Интерес к ним стал гаснуть по мере того, как стали накапливаться неудачи в попытках отыскать достаточно тонкие и надежные средства для объективного (в позитивистском смысле слова) их изучения. Внимание исследователей постепенно стало ограничиваться сравнительно узким кругом проблем, таких как выражение эмоций, влияние отдельных эмоциональных состояний на деятельность, допускающих разработку при помощи эксперимента. Соответственно сузились и концепции эмоций, уступив в психологической теории былое место и значение нововведенным проблемам мотивации, стресса, фрустрации» [5, с. 3]. Эмоциональная сфера изучается в различных аспектах, «...и от теории мы вправе ожидать равномерного освещения всевозможных ее сторон, последовательного раскрытия ее структуры, генезиса, функций и т.п. К сожалению, многое из того, что в учении об эмоциях по традиции называется многообещающим словом “теория”, по существу представляет собой скорее отдельные фрагменты, лишь в совокупности приближающиеся к такой идеально исчерпывающей теории» [5, с. 5]. Таким образом, надежды на существенное продвижение теории эмоций на основе экспериментальных исследований второй половины прошлого века не оправдались, что заставляет задуматься над плодотворностью традиционной методологии, в частности позитивистских установок, при изучении эмоциональных явлений, над соответствием сущности этого класса психологических феноменов применяемым по умолчанию аксиомам.

Одной из позитивистски ориентированных аксиом является положение об универсальном, единообразном для всех испытуемых, участвующих в исследовании, характере стимулов: «правильно» предъявлять всем участникам экспериментального исследования один и тот же стимульный материал и сосредоточиться на анализе сходного и

различающегося в их ответах. Однако сущность эмоции состоит в отражении не объекта (стимула), а отношения к нему, субъективного переживания, которое может быть универсальным, несмотря на предъявление самых разнообразных стимулов. Так, Д.В. Люсин и М.С. Пермогорский исследовали вопрос о том, существует ли универсальная способность распознавания эмоциональной окраски стимулов разного типа. Они выдвинули предположение о возможности различать два аспекта в распознавании эмоциональной окраски информации: точность оценки ее модальности и сензитивность к ее выраженности. Исследователи доказали гипотезу о том, что сензитивность имеет более универсальный характер, а точность более специфична по отношению к типу стимулов [6].

Пробным камнем для проверки незыблемости позитивистских постулатов может явиться одна из фундаментальных проблем исследования эмоций — проблема их динамики [7]. Изучение динамики предполагает анализ явления как процесса с выраженной активностью, приводящей к его изменению. Так, например, у С.И. Ожегова читаем: «Динамика — ход развития, изменения какого-нибудь явления; движение, действие, развитие» [8, с. 147]. В других словарях к такому толкованию добавляют указание на выраженность активных проявлений и некоторую их устойчивость во времени, например: «Динамика [гр. *dynamikos* — относящийся к силе, сильный] — состояние движения, ход развития, изменение какого-либо явления под влиянием действующих на него факторов; обилие движения, действия» [9, с. 165].

В психологии понимание термина *динамика* неоднозначно. Как психика в целом, так и ее составляющие в их актуальном проявлении существуют в динамике, как процесс. Однако есть трудности «схватывания» динамики в таком объеме. Не случайно Р. Вудвортс [2], предлагая термин *динамическая психология*, дал ему узкую трактовку, связав предмет обозначенного таким образом направления с мотивацией. А Р. Корсини и А. Ауэрбах подобным образом сужают и значение термина *динамика* в психологии, понимая под ним взаимодействие мотивирующих или движущих сил, детерминирующее поведение организма. Они указывают на связь этого термина с психоаналитическими, или психодинамическими, теориями личности, в которых делается упор на взаимодействие между сознательными и бессознательными силами (драйвами, мотивами, потреб-

ностями, инстинктами и желаниями), влияющими на поведение [10].

«Ускользание» динамики от изучения в эмпирических психологических исследованиях проявляется в том, что исследование психического в динамике часто лишь подразумевается, но в действительности имплицитно выносится за скобки. В соответствии с позитивистскими установками основной прием изучения явлений психики состоит в фиксации их статических срезов, соотношении этих срезов между собой и последующей реконструкции по ним изменений, т.е. динамики. В настоящее время в академических общепсихологических исследованиях крайне редко создаются специальные условия для запуска динамики и прослеживания ее актуального генеза, ведь она и без того слишком ускользающая. Исследователи заняты тем, чтобы остановить психику, сделать статичной, чтобы стало возможным ее изучение как выявления в ней устойчивого, повторяющегося, воспроизводимого, а не динамичного, изменчивого. Так, при изучении познавательных процессов, например, используют специальные приемы, позволяющие затормозить динамику, растянуть, замедлить, затруднить процесс актуального генеза изучаемого явления.

В психологии эмоций можно отметить целый ряд попыток постановки проблемы исследования динамики и подчеркивания важности ее дальнейшей разработки [1, 4, 11–14].

Так, Вундт [1] один из первых усмотрел в динамике эмоций не только количественное, но, прежде всего, качественное изменение эмоционального переживания. Пытаясь объяснить возникновение сложных эмоций из более простых, ученый указывал на трехкомпонентность эмоции, сумму отдельных эмоций в более сложные эмоциональные образования.

Изучение динамики эмоций оказалось сопряженным с множеством методологических трудностей, главной из которых является многозначность термина *динамика эмоций*. Если динамика — это активное изменение, то его можно понимать и как количественное (например по интенсивности), и как качественное (смена эмоции одной модальности другой, отличной от первоначальной). Изменение может определяться также объемом и направлением (при смене знака эмоции), длительностью и скоростью, т.е. необходимо учитывать и временной масштаб эмоционального явления, его размерность [5, 14–17].

Кроме того, одной из существенных методологических проблем при изучении динамики эмо-

ций является проблема их осознания. Она рассматривалась исследователями прошлого века, как правило, в общем контексте теоретических описаний эмоций, с опорой не на данные экспериментальных исследований, а имплицитно на внутренний опыт человека. Так, А.Н. Леонтьев считал осознание эмоции необходимым условием ее передачи: «Эмоции осознаются, обобщаются и, вследствие этого, поразительным образом коммуницируются, т.е. передаются» [18, с. 471]. С.Л. Рубинштейн утверждал, что в каждом реальном, конкретном психическом явлении, в том числе и в эмоциональном явлении, выражен особый специфический аспект сознания — переживание. Этот аспект «может быть в нем более или менее выражен, но он всегда наличен в каждом реальном, конкретном психическом явлении; он всегда дан во взаимопроникновении существенного для сознания» [11, с. 7]. Сегодня исследователи открыто подчеркивают главенствующую роль интроспективного элемента эмоции: «...необходимо учитывать элемент субъективное переживание, т.к. интроспективно он является главным, а иногда и единственным признаком, по которому человек судит о своем эмоциональном состоянии» [19, с. 40].

Однако неизвестно, что интроспективно более доступно носителю эмоции, что ему легче описать исследователю, — процесс (динамику) или же результат (актуальное состояние как итог предшествующей динамики). Результаты исследований [4, 5, 20 и др.] показывают, что и субъекту, как и в случае с познавательными процессами, легче отчитаться о результате эмоции, а не о процессе ее развертывания, а для смещения внимания испытуемого на процесс необходимо создавать специальные условия.

В плане эмпирического изучения динамики эмоций в их данности носителю, субъекту немалую трудность составляет «запуск» эмоции в ситуации исследования, создание таких условий для возникновения у субъекта динамики эмоций, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что она имела место. К тому же необходимо учитывать и проблему индивидуальных различий в эмоциональном реагировании. То, что выступает как повод для возникновения эмоций у одного человека, вполне может оставить совершенно равнодушным другого. Таким образом, важной предпосылкой последующего изучения *динамики* эмоций является разработка экспериментальной процедуры ее актуального «запуска». Это послужило для нас причиной поиска исследовательско-

го приема, обеспечивающего динамику эмоций (понимаемую в данном случае как изменение интенсивности эмоций), и доказательств его надежности (изменение при его использовании интенсивности эмоций у всех испытуемых). Наше исследование проводилось в два этапа на студенческой выборке.

В качестве «запускаемых» были выбраны эмоции радости и печали как репрезентативные для эмоциональной жизни человека. Они присутствуют во всех перечнях базовых (фундаментальных) эмоций [5, 20], являются ядерными, «отражающими личную значимость и оценку внешних и внутренних ситуаций для жизнедеятельности человека» [21, с. 393]. Радость является единственной положительной эмоцией, «объективно представляющей собой состояние субъекта, которое он стремится максимизировать или, во всяком случае, удержать стабильным...» [22, с. 434], рассматривается как «чувство большого удовольствия, удовлетворения» [23, с. 78]. Она имеет яркие поведенческие проявления в виде смеха [3], что является довольно распространенным ее признаком, выражается улыбкой, позитивно влияет на развитие социальных отношений личности, т.к. может замедлять деятельность человека, при этом пробуждать его интуицию и творческие способности [4]. Противоположной для радости эмоцией является печаль, «...которую субъект старается минимизировать» [22, с. 434]. Она характеризуется как «чувство грусти, скорби, тоски» [24, с. 96], проявляется в виде слез, что является почти универсальным ее признаком [3]. Печаль обычно относят к негативным переживаниям, но нужно отметить, что это очень специфическая эмоция, переживаемая как грусть, уныние, хандра [4]. Эмоции радости и печали могут взаимно переходить друг в друга. Они выступают как противоположные полюса эмоциональной жизни человека, их модальности противоположны, следовательно, они сопряжены друг с другом, взаимосвязаны.

Эти эмоции обладают и большей устойчивостью во времени по сравнению с другими эмоциями. Так, согласно последним исследованиям психологов из Университета Лёвена в Бельгии [25], эмоции имеют различную продолжительность (рассматриваемую как длительность существования того переживания, которое связано с данной эмоцией). Такие эмоции, как отвращение, стыд, страх, удивление, скука и другие, в виде эмоционального переживания сохраняются в среднем 30 минут, тогда как эмоции *радость* и *печаль* не покидают респондента в течение пяти

дней. Исследователи предположили, что одним из главных факторов продолжительности эмоции является событие-триггер или, точнее, осмысленное субъектом этого события.

В нашем исследовании для изучения динамики эмоций радости и печали были выбраны методики «Дифференциальные шкалы эмоций» [4], «Рельеф психического состояния» [14] и методика диагностики оперативной оценки самочувствия, активности, настроения (САН). Полученные данные обработаны в программе STATISTICA 8.0.

На первом этапе проверялась гипотеза о том, что ситуация экзамена, эмоциогенная с точки зрения здравого смысла, действительно обеспечивает динамику эмоций радости и печали (которая понималась как изменение интенсивности этих эмоций) у ее участников. Измерялись и сравнивались показатели эмоций до и после экзамена. Испытуемыми были 17 студентов первого курса Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь) в ситуации первой для них экзаменационной сессии, до и после экзамена. Полученные с применением названных выше методик данные проверялись на нормальность их распределения.

Для изучения различий между первым и вторым замерами (до и после экзамена) с помощью методик «Рельеф психического состояния» и САН при использовании t-критерия Стьюдента для зависимых выборок не было выявлено значимых различий по результатам замеров.

Так как данные, полученные по методике «Дифференциальные шкалы эмоций», не имели нормального распределения, то для их обработки был использован непараметрический T-критерий Вилкоксона для зависимых выборок. Его применение позволило установить, что после воздействия (экзамен) по показателям методики «Дифференциальные шкалы эмоций» различия (высокозначимые) имелись для показателей интереса, страха и стыда, в то время как различия между другими показателями оказались незначимыми.

Таким образом, ситуация экзамена не являлась приемом, позволяющим добиться надежного «запуска» эмоций радости и печали, их перехода в динамику (понимаемую как изменение интенсивности эмоции).

На втором этапе эмпирическое исследование динамики эмоций радости и печали проводилось на студентах Пермского государственного национального исследовательского университета (50 и 47 человек соответственно). Им было предложено (по добровольному согласию) предоставить ис-

следователю две фотографии, первая из которых вызывает радость, а вторая — печаль. Специально оговаривалось, что на фотографии должен присутствовать участник исследования, один или с другими лицами. Спустя две недели исследование начиналось с диагностики актуальных эмоций участников по методикам «Дифференциальные шкалы эмоций» и «Рельеф психического состояния». После этого каждому из участников исследования предъявлялась представленная им ранее фотография, вызывающая радость. Затем процедура диагностики повторялась. Спустя неделю подобная процедура использовалась с предъявлением каждому участнику представленной им ранее фотографии, вызывающей печаль. Таким образом, в качестве исследовательского приема была выбрана техника предъявления статичного изображения (фотографии).

Для проверки нормальности распределения полученных данных был использован критерий

Шапиро-Уилка W. Показатели, полученные по методикам «Рельеф психического состояния» и «Дифференциальные шкалы эмоций», не имели нормального распределения, поэтому для их обработки был использован непараметрический T-критерий Вилкоксона. Математические расчеты проводились в программе STATISTICA 8.0.

В результате сравнения показателей методики «Рельеф психического состояния» до и после психологического воздействия — показа фотографии, вызывающей *радость*, с использованием T-критерия Вилкоксона для зависимых выборок выявлены статистически значимые различия по таким показателям, как *психические процессы, шкала радости, шкала активность–пассивность переживаний, шкала напряжения переживаний, физиологические реакции, шкала направленности переживаний и поведение* (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение показателей методики «Рельеф психического состояния» до и после психологического воздействия — показа фотографии, вызывающей *радость*, с использованием T-критерия Вилкоксона для зависимых выборок (N = 50)

Название переменных	T	p
Психические процессы	232,5	0,001
Физиологические реакции	314	0,005
Шкала радости	68	0,001
Шкала активность–пассивность переживаний	125	0,001
Шкала направленности переживаний	166	0,005
Шкала напряжения переживаний	154,5	0,001
Поведение	336,5	0,03

При сравнении показателей методики «Дифференциальные шкалы эмоций» до и после психологического воздействия — показа фотографии, вызывающей *радость*, с использованием T-критерия Вилкоксона для зависимых выборок обнаружены статистически значимые различия по

показателю *радость* (он повысился), в то время как показатель по шкале *горе* имеет тенденцию к снижению. Все остальные показатели методики не имели статистически значимых различий (табл. 2).

Таблица 2. Сравнение показателей методики «Дифференциальные шкалы эмоций» до и после психологического воздействия — показа фотографии, вызывающей *радость*, с использованием T-критерия Вилкоксона для зависимых выборок (N = 50)

Название переменных	T	p
Интерес	366	0,7376
Радость	69	0,001
Удивление	151,5	0,7672
Горе	13,5	0,0143
Гнев	25	0,2720
Отвращение	0	0,0678
Презрение	10	0,1386
Страх	2	0,5929
Стыд	71,5	0,3443
Вина	53	0,2659

При сравнении всех показателей согласно методике «Рельеф психического состояния» до и после психологического воздействия (предъявление испытуемым фотографии, вызывающей печаль), выявлены статистически значимые разли-

чия для шкал: психические процессы, шкала радости, шкала активность–пассивность переживаний, шкала напряжение переживаний и шкала поведение (табл. 3).

Таблица 3. Сравнение показателей методики «Рельеф психического состояния» до и после психологического воздействия — показа фотографии, вызывающей печаль, с использованием Т-критерия Вилкоксона для зависимых выборок (N = 47)

Название переменных	T	p
Психические процессы	139,5	0,001
Физиологические реакции	310,5	0,0497
Шкала радости	32	0,001
Шкала активность–пассивность переживаний	85	0,001
Шкала направленности переживаний	224	0,0124
Шкала напряжения переживаний	126	0,0001
Поведение	232	0,0012

При сравнении показателей методики «Дифференциальные шкалы эмоций» до и после психологического воздействия — показа фотографии, вызывающей печаль, выявлены статистически

значимые различия по показателям радость (снижение) и горе (повышение), а также вина (повышение) (табл. 4).

Таблица 4. Сравнение показателей методики «Дифференциальные шкалы эмоций» до и после психологического воздействия — показа фотографии, вызывающей печаль, с использованием Т-критерия Вилкоксона для зависимых выборок (N = 47)

Название переменных	T	p
Интерес	128	0,0876
Радость	44,5	0,0001
Удивление	73,5	0,3869
Горе	61,5	0,0037
Гнев	37	0,3305
Отвращение	37,5	0,5761
Презрение	28,5	0,4101
Страх	5	0,5001
Стыд	22,5	0,3505
Вина	93	0,0361

Таким образом, прием предъявления испытуемому личной фотографии, отобранной им самим как вызывающей радость или печаль, надежно обеспечивает «запуск» соответствующей эмоции, ее динамику, позволяет управлять этой эмоцией, вызывать ее в соответствии с целью исследования, по желанию исследователя.

Выбор нами экспериментального приема «запуска» динамики эмоций радости и печали, состоящего в предъявлении индивидуально своеобразного по содержанию, но универсального по вызываемым эмоциональным переживаниям стимула, можно соотнести с результатами исследования [26], в котором изучалось влияние волевого усилия на успешность выполнения заданий (т.е.

изучалась воля в динамике). Исследователи выбрали три механизма мотивации (мотивирующие техники) — создание образа (представление в уме будущего результата), разговор с самим собой и планирование последствий (действий) — и связали их с ключевыми аспектами выполнения задачи (обучением, процессом выполнения (процессуальная цель), результатом (результативная цель) и возбуждением–контролем (контроль возбуждения). В результате получилось 12 экспериментальных групп и одна контрольная. Задача участников (N = 44742) состояла в том, чтобы как можно быстрее нажимать по порядку на случайно распределенные по квадратной сетке числа от 1 до 36. «Первый раунд» не предполагал использо-

вания каких-либо психологических приемов, а во время «второго раунда» добровольцы должны были в зависимости от группы, в которую они были включены, использовать одну из описанных мотивирующих техник. Все данные собирались через Интернет.

Результаты исследования показали, что во всех группах, включая контрольную, после повторного выполнения задания производительность значительно улучшилась при применении трех психологических мотивирующих техник (создания образа, планирования последствий, разговора с самим собой). Однако для каждой группы улучшение оказалось различным. Так, по общим показателям (скорость выполнения, аккуратность, эмоциональные усилия и другие) лучше всех справлялись респонденты, которые представляли себе картинку того, что они играют лучше или бьют свой рекорд ($p \leq 0,001$), т.е. использовали технику создания образа. Не менее высокий результат показали те участники, которые говорили себе такие фразы, как «я могу побить свой лучший результат», «я могу делать это быстрее» ($p \leq 0,001$), т.е. применяли технику разговора с самим собой. В то же время использование техники планирования последствий (работа установки, связанной с представлением выгод от успешного выполнения) не обнаружило значительных изменений в результативности работы.

Таким образом, авторы доказали, что на динамику результата (производительности, успешности) оказал устойчивое влияние единый по форме, но индивидуально-своеобразный по содержанию прием создания испытуемыми субъективного образа, т.е. самопредъявление уникальных стимулов, которые оказались способными обеспечить универсальный характер динамики изучаемого явления.

По аналогии с вышеописанным исследованием перспективы дальнейшего изучения «запуска» эмоций радости и печали предполагают поиск и применение в эксперименте техник, способных обеспечить динамику этих эмоций без предъявления какого-либо внешнего (физического) стимула. Например, возможно использование техники создания образа (в случае инструкции представлять ситуации, вызывающие радость/печаль, т.е. применения ментального стимула, а не физического (фото)). Необходимо проверить и эффективность вербальной техники, например, разговора с самим собой (при устном или письменном (мини-сочинение), обращенного к самому себе; вербального описания участником исследования

ситуации из прошлого, в которой были пережиты эмоции радости/печали). Не исключается и применение поведенческой техники (представление действия после переживания радости/печали).

Если эти приемы продемонстрируют надежность «запуска» с их помощью динамики эмоций радости и печали (понимаемой как изменение их интенсивности), откроются новые возможности экспериментального изучения управления эмоциональными процессами в их актуальном разрывании.

Список литературы

1. Вундт В. Очерк психологии. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1896. 224 с.
2. Вудвортс Р. Экспериментальная психология. М.: Иностран. лит., 1950. 798 с.
3. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 392 с.
4. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
5. Виллюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М.: МГУ, 1976. 143 с.
6. Иванова Е.С., Люсин Д.В. Психология эмоций: перспективы экспериментальных исследований // Научный диалог. 2012. № 11. С. 137–143.
7. Психология эмоций / под ред. В.К. Виллюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 288 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.
9. Словарь иностранных слов. 12-е изд. М.: Рус. яз., 1985. 608 с.
10. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха; пер. с англ. А.А. Алексеева. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 1875 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999. 720 с.
12. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Ин-т практ. психологии, 1996. 392 с.
13. Горбатков А.А. Динамика связи между положительными и отрицательными эмоциями // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 132–140.
14. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. 182 с.
15. Лазурский А.Ф. Избранные труды по общей психологии. Психология общая и экспериментальная. СПб.: Алтейя, 2001. 288 с.
16. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.-Воронеж: Ин-т практ. психологии, 1998. 480 с.

17. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск: Изд-во Смоленск. гуманит. ун-та, 1997. 396 с.
18. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 896 с.
19. Былкина Н.Д., Люсин Д.В. Развитие представлений детей об эмоциях в онтогенезе // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 38–47.
20. Ekman P. Are There Basic Emotions? // *Psychological Review*. 1992. Vol. 99, № 3. P. 550–553.
21. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2008. 583 с.
22. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
23. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 12(Р). 1676 с.
24. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. 2-е изд. М.: Русский язык, 2001. Т. 2: П-Я. 1054 с.
25. Verduyn P., Lavrijsen S. Which Emotions Last Longest and Why: The Role of Event Importance and Rumination // *Motivation and Emotion*. 2015. February. Vol. 39, iss. 1. P. 119–127. DOI: 10.1007/s11031-014-9445-y.
26. Lane A.M., Totterdell P., MacDonald I., Devonport T.J., Friesen A.P., Beedie C.J., Stanley D., Nevill A. Brief Online Training Enhances Competitive Performance: Findings of the BBC Lab UK Psychological Skills Intervention Study // *Frontiers in Psychology*. 2016. № 7. P. 413–425. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00413.
- studies]. *Nauchnyy Dialog* [Scientific dialogue]. 2012, no. 11, pp. 137–143. (In Russian).
7. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. Moscow, MSU Publ., 1984. 288 p. (In Russian).
8. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow, Russian language Publ., 14 ed., 1983. 816 p. (In Russian).
9. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign language words]. Moscow, Russian language Publ., 12 ed., 1985, 608 p. (In Russian).
10. *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [Concise Encyclopedia of Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2 ed., 2006, 1875 p. (In Russian).
11. Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Basis of general psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 1999, 720 p. (In Russian).
12. Brushlinsky A.V. *Sub'ekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie* [Subject: thinking, teaching, imagination]. Moscow, Institute of practical psychology Publ., 1996, 392 p. (In Russian).
13. Gorbakov A.A. *Dinamika svyazy mezhdu polozhitel'nymi i otritsatel'nymi emotsiyami* [The dynamics of the relationship between positive and negative emotions]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 2002, no. 4, pp. 132–140. (In Russian).
14. Prohorov A.O. *Psikhologiya neravnovesnykh sostoyaniy* [Psychology of nonequilibrium states]. Moscow: Institute of Psychology RAN Publ., 1998, 182 p. (In Russian).
15. Lazurskii A.F. *Izbrannye trudy po obshchey psikhologii. Psikhologiya obshchaya i eksperimental'naya* [Selected works on general psychology. General and experimental psychology]. St. Petersburg, Altheya Publ., 2001, 288 p. (In Russian).
16. Halperin P.I. *Psikhologiya kak ob'ektivnaya nauka* [Psychology as an objective science]. Moscow, Voronezh, Institute of practical psychology Publ., 1998, 480 p. (In Russian).
17. Petrenko V.F. *Osnovy psikhosemantiki* [Basics of psychosemantics]. Smolensk, Smolensk Humanitarian University Publ., 1997, 396 p. (In Russian).
18. Leontiev A.N. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2000, 896 p. (In Russian).
19. Bylkina N.D., Lyusin D.V. *Razvitie predstavleniy detey ob emotsiyah v ontogeneze* [Development of children representation of emotions in ontogenesis]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 2000, no. 5, pp. 38–47. (In Russian).
20. Ekman P. Are There Basic Emotions? *Psychological Review*. 1992, vol. 99, no. 3, pp. 550–553. (In English).
21. Maklakov A.G. *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008, 583 p. (In Russian).

Получено 30.04.2017

References

1. Wundt V. *Ocherk psikhologii* [Outline on Psychology]. St. Petersburg, F. Pavlenkova Publ., 1896, 224 p. (In Russian).
2. Woodworths R. *Eksperemental'naya psikhologiya* [Experimental psychology]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1950, 798 p. (In Russian).
3. Reikovskiy I. *Eksperemental'naya psikhologiya emotsiy* [Experimental psychology of emotions]. Moscow, Progress Publ., 1979, 392 p. (In Russian).
4. Izard C. *Psikhologiya emotsiy* [The Psychology of emotions]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000, 464 p. (In Russian).
5. Vilyunas V.K. *Psikhologiya emotsional'nykh yavleniy* [Psychology of emotional phenomena]. Moscow, MSU Publ., 1976, 143 p. (In Russian).
6. Ivanova E.S., Lyusin D.V. *Psikhologiya emotsiy: perspektivy eksperimental'nykh issledovaniy* [Psychology of emotions: the prospects of experimental

22. Vekker L.M. *Psikhika i real'nost'*. *Edinaya teoriya psikhicheskikh processov* [Mind and reality: a unified theory of mental processes]. Moscow, Smysl Publ., 1998, 685 p. (In Russian).
23. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1961, vol. 12(R), 1676 p. (In Russian).
24. Efremova T.F. *Noviy slovar' russkogo yazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Dictionary of Russian language: explanation and formation]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2 ed., 2001, vol. 2, 1054 p. (In Russian).
25. Verduyn P., Lavrijsen S. Which Emotions Last Longest and Why: The Role of Event Importance and Rumination. *Motivation and Emotion*. 2015, February, vol. 39, iss. 1, pp. 119–127. DOI:10.1007/s11031-014-9445-y. (In English).
26. Lane A.M., Totterdell P., MacDonald I., Devonport T.J., Friesen A.P., Beedie C.J., Stanley D., Nevill A. Brief Online Training Enhances Competitive Performance: Findings of the BBC Lab UK Psychological Skills Intervention Study. *Frontiers in Psychology*. 2016, no. 7, pp. 413–425. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00413. (In English).

The date of the manuscript receipt 30.04.2017

Об авторах

Азанова Ирина Николаевна

старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: ain18@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9538-5588

Левченко Елена Васильевна

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: levchenkoev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3507-2795

About the authors

Azanova Irina Nikolaevna

Senior Lecturer of the Department of General and Clinical Psychology

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia; e-mail: ain18@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9538-5588

Levchenko Elena Vasil'evna

Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General and Clinical Psychology

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia; e-mail: levchenkoev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3507-2795

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Азанова И.Н., Левченко Е.В. О перспективах эмпирического исследования динамики эмоций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 428–436.

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-428-436

Please cite this article in English as:

Azanova I.N., Levchenko E.V. Prospects of the empirical research of emotions' dynamics // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 428–436. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-428-436

УДК 159.9:316.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-437-443

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ И ПСИХОКОРРЕКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ

Сорокоумова Галина Вениаминовна, Шурыгина Ольга Васильевна

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

В статье рассматривается понятие эмоционального выгорания, анализируются причины и симптомы эмоционального выгорания, такие как депрессия, эмоциональный дефицит и неудовлетворенность собой. Особое внимание уделяется проблеме эмоционального выгорания у педагогов. Цель статьи — обосновать актуальность современных диагностических и психокоррекционных методов, которые могут быть использованы в работе с эмоциональным выгоранием педагогов.

Рассматриваются современные психологические методы диагностики эмоционального выгорания. Особый акцент делается на использовании компьютерной программы «Voice Self-analysis» как наиболее быстром и эффективном инструменте анализа синдрома эмоционального выгорания. Программа позволяет оценить уровень эмоционального выгорания испытуемого по его речи во время чтения текста. В статье представлены эффективные методы психокоррекции эмоционального выгорания: «Ключ» Х. Алиева, метод wing-wave, метод десенсибилизации.

Приведены результаты исследования уровня эмоционального выгорания у педагогов до и после психокоррекционной работы, показана эффективность методов профилактики, диагностики и психокоррекции эмоционального выгорания у педагогов.

Авторы приходят к выводу, что психологическая коррекция и снижение эмоционального выгорания могут быть быстро реализованы при использовании современных диагностических и психокоррекционных методов и технологий.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, синдром эмоционального выгорания педагогов, методы диагностики, Voice self-analysis (Голосовой самоанализ), методы психокоррекции, wingwave, десенсибилизация и переработка психологических травм движениями глаз (ДПДГ).

MODERN METHODS OF PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS AND CORRECTION OF EMOTIONAL TEACHERS' BURNOUT

Galina V. Sorokoumova, Olga V. Shurygina

Linguistics University of Nizhny Novgorod

The article considers the notion of the emotional burnout, analyses the reasons of burnout and its symptoms as depression, emotional exhaustion, reduced personal accomplishment. Special attention is paid to the problem of the teachers' emotional burnout. The main purpose of this article is to highlight the importance of new modern psychological diagnostics and correcting methods, which can be used in the work with the teacher burnout.

Modern diagnostic methods are described in the article to assess various aspects of the burnout syndrome. The authors emphasize the importance of the computer program «Voice Self-analysis» as the quickest and most effective instrument for measurement of burnout. This computer program allows to analyse the level of burnout of the person by speech during reading a text. The paper presents modern psychological correcting methods as «The Key» of H. Aliev, «wing-wave» of K. Besser-Sigmund & G. Sigmund, eye movement desensitization and reprocessing.

The paper presents the results of the study of the teachers' burnout level before and after psychological correcting work with school-teachers. The efficiency of the new psychological diagnostics and correcting methods is proven.

The authors of the article make a general conclusion, that psychological correction and reduction of the teachers' burnout can be effective and fast realized by the new methods and technologies of psychological diagnostics and correction.

Keywords: emotional burnout, syndrome of teachers' emotional burnout, diagnostic methods, Voice self-analysis, methods of psychological correction, wing-wave, eye movement desensitization and reprocessing.

Введение

Педагогическую деятельность, как известно, отличает стрессогенный характер, возможность возникновения эмоционального напряжения, истощения и выгорания.

Термин «эмоциональное выгорание» предложен американским психологом Фреденбергом для характеристики психологического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами, пациентами в эмоционально насыщенной атмосфере при оказании профессиональной помощи [1]. К. Маслач определила это понятие как синдром физического и эмоционального истощения (включая развитие отрицательной самооценки, отрицательного отношения к работе, утрату понимания и сочувствия по отношению к клиентам или пациентам). «Выгорание» — это не потеря творческого потенциала, не реакция на скуку, а скорее «эмоциональное истощение, возникающее на фоне стресса, вызванного межличностным общением» [2]. Б. Перлман и Е.А. Хартман предложили следующее определение: выгорание — это ответ на хронический эмоциональный стресс, включающий в себя три компонента: эмоциональное и/или физическое истощение; снижение рабочей продуктивности; (сверх) деперсонализация [3].

В настоящее время синдром эмоционального выгорания (СЭВ) внесен в Международный классификатор болезней МКБ-10. Ему присвоен диагностический статус (МКБ-10: 273 – Проблемы, связанные с трудностями управления своей жизнью). Эмоциональное выгорание (burnout) — это выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетики) в ответ на избранные психотравмирующие воздействия [4].

По данным ВОЗ, неодушевленный предмет профессиональной деятельности, например в сфере «человек–техника», воздействуя на сознание субъекта, не приводит к значительным и социально опасным явлениям профессиональной дефор-

мации. В ряде профессий, где предмет деятельности выступает животное, также не обнаружено деструктивного влияния на психику специалиста. Внимание заостряется только на позитивном, облагораживающем воздействии на формирование характера, мировоззрения личности и нравственного отношения к природе. Совсем по-иному складывается ситуация в педагогической профессии, как и во многих профессиях социномического типа: где, *во-первых*, в процессе деятельности нужно учитывать индивидуальность, неповторимость, уникальность каждого из субъектов деятельности; *во-вторых*, педагоги должны обладать определенными профессионально важными качествами, к которым предъявляются очень высокие требования [5]. Подверженность работников образовательной сферы синдрому эмоционального выгорания оказывает негативное воздействие на процесс и результат педагогического труда [6]. Поэтому проблема методов профилактики, диагностики и психокоррекции эмоционального выгорания педагогов стоит остро.

В психологической науке выделяют наиболее часто встречающиеся симптомы эмоционального выгорания: симптом переживания психотравмирующих обстоятельств, симптом неудовлетворенности собой, симптом загнанности в клетку, симптом тревоги и депрессии, симптом неадекватного избирательного эмоционального реагирования, симптом расширения сферы экономии эмоций, симптом эмоционального дефицита, симптом эмоциональной отстраненности, когда личность почти полностью исключает эмоции из сферы профессиональной деятельности: ничто не волнует, ничто не вызывает эмоционального отклика — ни позитивные обстоятельства, ни отрицательные. Человек постепенно научается работать как робот. Реагирование без чувств и эмоций — самый яркий симптом «выгорания» [1–3, 6–9].

Доказано, что индикатором эмоционального состояния человека является речь [7, 10–12]. По речи говорящего можно определить и уровень эмоционального выгорания. А.Н. Голубинский выявлял эмоциональное состояние человека по

речевому сигналу на основе вейвлет-анализа и выделил целый ряд показателей, поддающихся количественной оценке, которые могут быть использованы при диагностике: среднюю длину отрезка речи, произносимого без пауз, темп артикулирования, латентный период речевой реакции, коэффициент словарного разнообразия речи, среднее количество ошибок в речи и др. [10].

Материалы и методы

В психологии накоплен достаточно большой арсенал методов диагностики эмоционального выгорания, например, «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко [7], «Опросник на выгорание (ММТ)» К. Маслач и С. Джексона, адаптированный Н.Е. Водопьяновой [1], и др. Существуют и компьютерные программы анализа эмоциональных состояний человека, в том числе и эмоционального выгорания, например: детектор эмоций по голосу Voice-Stress Analysis на основе анализа стресса [12], детектор эмоций на основе вейвлет-преобразования [10] и др., которые очень быстро могут определить уровень эмоционального выгорания личности.

Опишем исследование диагностики эмоционального выгорания педагогов с применением современных междисциплинарных методов и психокоррекции эмоционального выгорания педагогов современными психологическими методами, проведенное в научно-исследовательской лаборатории НГЛУ. Исследование включало 3 этапа.

1-й этап — констатирующий, проводится с целью диагностики уровня эмоционального выгорания педагога с помощью автоматической оценки фонетического (голосового) качества речи. В основу положена программа Voice self-analysis (Голосовой самоанализ). В ее основе лежит авторский патент В.В. Савченко на полезную модель № 90251 (Роспатент) «Устройство для фонетического анализа и обучения речи». Голосовой анализ эмоционального выгорания проводится во время чтения контрольного текста. Программа автоматически рассчитывает текущую оценку фонетического качества речи (ФКР), исходя из взаимосвязи между качеством устной речи на фонетическом (голосовом) уровне и эмоциональным состоянием человека: программа оценивает текущее эмоциональное состояние, в том числе и уровень эмоционального выгорания [12].

Для подтверждения результатов анализа уровня эмоционального выгорания с помощью программы Voice Self-Analysis мы использовали «Опросник на

выгорание (МВИ)» К. Маслач и С. Джексона, адаптированный Н.Е. Водопьяновой [1]. Кроме значений по трем шкалам: «Эмоциональное истощение», «Деперсонализация», «Редукция профессиональных достижений» — данная методика позволяет определить интегральный индекс выгорания.

2-й этап — психокоррекционный, проводится с целью снижения уровня эмоционального выгорания педагогов. Современная наука располагает большим арсеналом психокоррекционных методов. На наш взгляд, наиболее эффективными для снижения уровня эмоционального выгорания являются методы: Х. Алиева «Ключ» [13], К. Бессер-Зигмунд и Г. Зигмунда wingwave [14], десенсибилизации и переработки психологических травм движениями глаз Ф. Шапиро (ДПДГ) [15].

Метод Х. Алиева «Ключ» создан в 1981 г. в Центре подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина для защиты от стрессов и перегрузок, он рекомендован Минздравом России для снижения стресса и утомляемости и лечения неврозов. Метод построен на обучении трансгенным автоматическим однообразным движениям, выполняемым с минимальным психическим усилием (автоматические покачивания головой, телом, идеомоторные левитирующие движения рук и др). Будучи психиатром, Х. Алиев исследовал и доказал, что сознательное искусственное моделирование автоматических движений снимает стресс, оздоравливает и гармонизирует психику. Суть метода — найти автоматизм в любом удобном и привычном занятии или найти такое движение, которое подходит для человека, и сделать его с минимальным усилием, а в идеале без усилия, на чистом автоматизме [13].

Относительно новым, эффективным и экологичным методом психокоррекции уровня эмоционального выгорания является метод wingwave. По мнению К. Бессер-Зигмунд и Г. Зигмунда, в работе wingwave прорабатываются наиболее глубокие и укорененные эмоциональные пласты, связанные со стрессовыми и травматическими переживаниями. В wingwave объединены методы билатеральной стимуляции функциональной активности полушарий головного мозга (симулирование фазы «быстрого» сна — REM (Rapid Eye Movement), слуховые или тактильные импульсы, воздействующие на полушария головного мозга и др., методы нейрорлингвистического программирования и методы кинесиологии (О-кольцевой тест, синхронизация работы правого и левого полушария головного мозга и др.), метод позволяет быстро выявить и решить проблему [14].

Апробация различных методов снижения уровня эмоционального выгорания позволила нам выделить метод десенсибилизации. Наиболее эффективной разновидностью метода является десенсибилизация и переработка психологических травм движениями глаз Ф. Шапиро (ДПДГ). ДПДГ — это психотерапевтическая техника, которая применяется при лечении эмоциональных травм. Она разработана главным образом для терапии посттравматического синдрома, синдрома зависимости или депрессии, вызванных утратой близкого человека. Любое травматическое событие блокирует процессы саморегуляции психики: образы, звуки или телесные ощущения, связанные с болезненным переживанием, словно «застревают» в ней, так что человек снова и снова испытывает ужас, боль, страх и беспомощность. Движение глаз помогает синхронизировать ритмы полушарий мозга: вызывают поочередную активизацию полушарий и синхронную переработку информации. «Процессы естественной саморегуляции восстанавливаются, и мозг самостоятельно завершает работу» [16].

Психокоррекционная работа с педагогами экспериментальной группы включала обучение методу Х. Алиева «Ключ», индивидуальные занятия с сертифицированными психологами с использова-

нием метода Ф. Шапиро ДПДГ и wingwave К. Бессер-Зигмунд, Г. Зигмунда и групповые психологические тренинги «Профилактика эмоционального выгорания».

3-й этап — контрольный, проводился с целью оценки влияния психокоррекционных методов на снижение уровня эмоционального выгорания педагогов. Диагностика уровня эмоционального выгорания осуществлялась также с помощью автоматической оценки фонетического (голосового) качества речи, в основу которой положена программа Voice self-analysis (Голосовой самоанализ).

При анализе результатов мы не учитывали ни возраст, ни пол, ни педагогический стаж. Целью нашего исследования было доказательство возможности диагностики с помощью автоматической оценки фонетического (голосового) качества речи и снижение уровня эмоционального выгорания педагогов современными психологическими методами.

Результаты исследования

Проанализировав результаты контрольного этапа исследования, мы распределили педагогов экспериментальной и контрольной групп по уровням эмоционального выгорания.

Таблица 1. Распределение педагогов изучаемой выборки по уровням эмоционального выгорания ($N_{\Sigma} = 50, N_{\text{кг}} = 50, \% \text{ педагогов, } F, p, \%$)

Уровень эмоционального выгорания	Педагоги	
	Экспериментальная группа (ЭГ)	Контрольная группа (КГ)
Высокий (3)	10	12
Средний (2)	58	60
Низкий (1)	32	28
Значимость различий (F, p)	Различия между ЭГ и КГ не значимы	

Примечание: значимость различий между уровнями $p \leq 0,001$.

Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют о преобладании у педагогов данной выборки среднего и высокого уровня эмоционального выгорания и необходимости специальной психокоррекционной работы по снижению этого важнейшего компонента психологического здоровья педагогов.

После проведения психокоррекционной работы мы также замерили уровень эмоционального выгорания у педагогов ЭГ. В табл. 2 приведены данные о распределении педагогов ЭГ по уровням эмоционального выгорания до и после психокоррекционной программы в сравнении с соответствующими данными педагогов КГ.

Представленные в табл. 2 данные позволяют рассчитать изменения СУП, который хорошо иллюстрирует психокоррекцию эмоционального выгорания.

В соответствии с процедурой расчета

$$СУП = \frac{a + 2b + 3c}{100},$$

где a, b, c — процентные показатели эмоционального выгорания, получаем $СУП_{\text{ЭГ}} = 2,28$ против 1,78 до психокоррекционной программы. Степень наблюдаемых различий очень высокая ($p \leq 0,01$). Соответствующие расчеты для КГ дают $СУП_{\text{КГ}} = 1,94$ против 1,84 по данным первичной диагностики. Это означает, что проведенная с педагогами ЭГ психокоррекционная программа позитивно сказывается на снижении эмоционального выгорания педагогов.

Таблица 2. Распределение педагогов ЭГ по уровням эмоционального выгорания до и после психокоррекционной программы в сравнении с данными по КГ ($N_{эз} = 50$, $N_{кз} = 50$, % педагогов, F , p), %

Уровень эмоционального выгорания	Педагоги			
	Экспериментальная группа (ЭГ)		Контрольная группа (КГ)	
	до	после	до	после
Высокий (3)	10	40**	12	18
Средний (2)	58	48*	60	58
Низкий (1)	32	12**	28	24
Значимость различий (F , p)	* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$			

Примечание: значимость различий между уровнями $p \leq 0,001$.

Обсуждение и заключение

Синдром эмоционального выгорания становится важной проблемой, т.к. является сопутствующим фактором деятельности представителей разных профессий, включая педагогов. Постоянное взаимодействие с детьми, родителями, отношения с коллегами и администрацией, постоянный контроль своих поступков, неоправданные ожидания от своей деятельности, повышенные требования со стороны общества, а также другие социальные факторы — лишь немногие причины, провоцирующие эмоциональное выгорание и снижение интереса к своей деятельности. Для профилактики и снижения уровня эмоционального выгорания необходимо проводить диагностические процедуры с использованием современных технологий, позволяющих быстро оценить эмоциональное состояние педагога и в случае необходимости применить эффективные методы психокоррекции.

Результаты нашего исследования доказали эффективность новых диагностических и психокоррекционных методов уровня эмоционального выгорания педагогов.

Главной же профилактической мерой эмоционального выгорания педагогов должен быть постоянный творческий момент в деятельности, расширение вариантов профессиональных задач, разнообразие круга общения. Поэтому в школах на постоянной основе должны проводиться психологические тренинги (эффективного общения, развития уверенности в себе, стрессоустойчивости и фрустрационной толерантности, развития творческого потенциала и креативности), мастер-классы (гимнастика мозга, правополушарное рисование), элементы арт-терапии, танцевальной терапии и др. [13].

Список литературы

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
2. Maslach C. Burnout: a social psychological analysis // The burnout syndrome: current research, theory, interventions / ed. by J.W. Jones. London, 1982. Vol. 11, № 78. P. 78–85.
3. Perlman B., Hartman E.A. «Burnout»: summary and future and research // Human relations. 1982. Vol. 35, № 4. P. 283–305.
4. Международный классификатор болезней (МКБ-10). URL: <http://www.mkb10.ru/> (дата обращения: 12.02.2017).
5. Моница Г.Б., Раннала Н.В. Синдром эмоционального выгорания. URL: <http://5psy.ru/karera-i-uspeh/sindrom-emocionalnogo-vigoraniya.html> (дата обращения: 12.02.2017).
6. Гунузунова Б.А. Психокоррекция эмоционального выгорания и развитие навыков саморегуляции у педагогов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 76–80. DOI: 10.1234/XXXX-XXXX-2016-2-76-80.
7. Бойко В.В. Энергия эмоций. СПб., 2004. 474 с.
8. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 562 с. URL: <http://logashenko-ja.narod2.ru/olderfiles/1/PainsMaslachPraktikum.pdf> (дата обращения: 12.02.2017).
9. Barutçu E., Serinkan C. Burnout Syndrome of teachers: An Empirical Study in Denizli in Turkey // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 89. P. 318–322. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.08.853. URI: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042813029844> (accessed: 12.02.2017).
10. Голубинский А.Н. Выявление эмоционального состояния человека по речевому сигналу на основе вейвлет-анализа // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 3. С. 144–153.

- URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-emotsionalnogo-sostoyaniya-cheloveka-po-rechevomu-signalu-na-osnove-veyvlet-analiza> (дата обращения: 12.02.2017).
11. Киселев В.В. Автоматическое определение эмоций по речи // Образовательные технологии. 2012. № 3 С. 85–89. URL: <http://www.iedtech.ru/files/journal/2012/3/determination-of-emotions.pdf> (дата обращения: 12.02.2017).
  12. Voice self-analysis. URL: <https://allsoft.ru/software/vendors/gruppa-razrabotchikov-professora-v-v-savchenko/voice-self-analysis> (accessed: 12.02.2017).
  13. Сорокоумова Г.В. Психология творчества и креативности: учеб. пособие по курсу «Психология творчества». Н. Новгород: УРАО НФ. 2013. 292 с.
  14. Стремиться к успеху — wingwave-коучинг / Wingwave. URL: <https://wingwave.com/ru/coaching/chto-takoe-wingwave.html> (дата обращения: 12.02.2017).
  15. Козлов Н.И. Десенсибилизация — королева психотерапии. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/desensibilizaciya_-_koroleva_psihoterapii_vos_zn_ (дата обращения: 12.02.2017).
  16. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: Питер, 2000. 672 с. URL: <http://bookap.info/genpsy/psythenc/gl3.shtm> (дата обращения: 12.02.2017).
  6. Gunzunova B.A. *Psikhokorreksiya emotsionalnogo vygoraniya i razvitiye navykov samoregulyatsii u pedagogov* [Psychological correction of the emotional burnout and developing the skills of self-regulation in teachers]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2016, no. 2, pp. 76–80. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26320675> (accessed 12.02.2017). DOI: 10.1234/XXXX-XXXX-2016-2-76-80. (In Russian).
  7. Boiko V.V. *Energiya emotsiy* [Energy of emotions]. St. Petesburg, Piter Publ., 2004, 474 p. (In Russian).
  8. Pines A., Maslach C. *Praktikum po so sotsialnoi psikhologii* [Experiencing social psychology]. St. Petesburg, Piter Publ., 2000, 562 p. Available at: <http://logashenko-ja.narod2.ru/olderfiles/1/PainsMaslachPraktikum.pdf> (accessed 12.02.2017). (In Russian).
  9. Barutçu E., Serinkan C. Burnout Syndrome of teachers: An Empirical Study in Denizli in Turkey. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013, vol. 89, pp. 318–322. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042813029844> (accessed 12.02.2017). DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.08.853. (In English).
  10. Golubinskiy A.N. Vyyavleniye emotsionalnogo sostoyaniya cheloveka po rechevomu signalu na osnove veyvlet analiza [Exposure of the emotional state of the person by speech signal based on wavelet analysis]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2011, no. 3, pp. 144–153. Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-emotsionalnogo-sostoyaniya-cheloveka-po-rechevomu-signalu-na-osnove-veyvlet-analiza> (accessed 12.02.2017). (In Russian).
  11. Kisilev V.V. *Avtomoticheskoye opredeleniye emotsiy po rechi* [Automatical determination of emotions by speech]. *Obrazovatelnyye tekhnologiyi* [Educational technologies]. 2012, no. 3, pp. 85–89. Available at: <http://www.iedtech.ru/files/journal/2012/3/determination-of-emotions.pdf> (accessed 12.02.2017). (In Russian).
  12. Voice self-analysis. Available at: <https://allsoft.ru/software/vendors/gruppa-razrabotchikov-professora-v-v-savchenko/voice-self-analysis> (accessed 12.02.2017). (In English).
  13. Sorokoumova G.V. *Psikhologiya tvorchestva i kreativnosti* [Psychology of creative work]. *Uchebnoye posobiye po kursu «Psikhologiya tvorchestva»* [Manual on the Course of «Psychologies of Creativity»]. Nizhny Novgorod, University of Russian

Получено 06.03.2017

References

1. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Syndrome of burnout: diagnostics and prevention]. St.Petesburg, Piter Publ., 2005, 336 p. (In Russian).
2. Maslach C. Burnout: a social psychological analysis. *The burnout syndrome: current research, theory, interventions*. London, 1982, vol. 11, no. 78, pp. 78–85. (In English).
3. Perlman B., Hartman E.A. «Burnout»: summary and future and research. *Human relations*. 1982, vol. 35, no. 4, pp. 283–305. (In English).
4. *Mezhdunarodniy klassifikator bolezney (МКБ-10)* [International classifier of diseases (IFD-10)] Available at: <http://www.mkb10.ru/> (accessed 12.02.2017). (In Russian).
5. Monina G.B., Rannala N.V. *Sindrom emotsional'nogo vygoraniya* [Syndrome of emotional burnout]. Available at: <http://5psy.ru/karera-i-uspeh/sindrom-emotsionalnogo-vigoraniya.html> (accessed 12.02.2017). (In Russian).

- Academy of Education Nizhny Novgorod Branch Publ., 2013, 292 p. (In Russian).
14. *Stremlenie k uspekhu — wingwave-koaching* [Strive for success — wingwave-coaching]. Wingwave. Available at: <https://wingwave.com/ru/coaching/chto-takoe-wingwave.html> (accessed 12.02.2017). (In Russian).
15. Kozlov N.I. *Dessensibilizatsiya - koroleva psikhoterapiyi* [Desensitization is the Queen of Psychotherapy]. Available at: http://www.psychologos.ru/articles/view/dessensibilizatsiya_-_koroleva_psihoterapii_vos_zn_ (accessed 12.02.2017). (In Russian).
16. Karvasarskiy B.D. *Psikhoterapevticheskaya entsiklopedia* [The psychotherapeutic encyclopedia]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000, 672 p. Available at: URL: <http://bookap.info/genpsy/psythenc/gl3.shtm> (accessed 12.02.2017). (In Russian).
- The date of the manuscript receipt 06.03.2017*

Об авторах

Сорокоумова Галина Вениаминовна

доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики и психологии

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
603155, Нижний Новгород, ул. Минина 31а;
e-mail: galosors@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5246-5200

Шурыгина Ольга Васильевна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
603155, Нижний Новгород, ул. Минина 31а;
e-mail: olga_schurigina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6692-6613

About the authors

Sorokoumova Galina Veniaminovna

Doctor of Psychology, Docent,
Professor of the Department
of Pedagogy and Psychology

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
31a, Minin str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia;
e-mail: galosors@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5246-5200

Shurygina Olga Vasil'evna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Interpreting and Translation
(German Language)

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
31a, Minin str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia;
e-mail: olga_schurigina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6692-6613

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сорокоумова Г.В., Шурыгина О.В. Современные методы диагностики и психокоррекции эмоционального выгорания педагогов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 437–443. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-437-443

Please cite this article in English as:

Sorokoumova G.V., Shurygina O.V. Modern methods of psychological diagnostics and correction of emotional teachers' burnout // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 437–443. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-437-443

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-444-459

**ПРИВАТИЗАЦИЯ СОБСТВЕННОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ РАДИКАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ЭФФЕКТИВНОСТЬ***Беляева Людмила Александровна**Институт философии РАН*

Обсуждаются проблемы и социальные последствия приватизации государственной собственности в России. Раскрывается социальное содержание отношений собственности, их связь с юридическими и экономическими отношениями и их влияние на радикальные социальные изменения в жизни России. Десоциализация собственности считалась ключевой стратегией экономической реформы, но ее осуществление не привело к росту эффективности экономики и не породило собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции. Показано, что снизился технический потенциал гражданских отраслей, сократилась численность занятых в индустриальном секторе, развитие высокотехнологичных и информационных услуг отстает от потребностей инновационной экономики. Причины заключаются в недостаточной подготовленности правовых и институциональных основ трансформации отношений собственности, прежде всего по отношению к крупным государственным предприятиям. Сложившаяся смешанная экономика развивается в рамках системы «власть – собственность», что существенно снижает самостоятельность предпринимателей, ограничивает их инвестиционную активность, стимулирует «бегство» капиталов за рубеж и паразитарное потребление. Структура экономики — отраслевая и по формам собственности, как можно судить по достигнутым за два с половиной десятилетия результатам, не отличается эффективностью. В современных условиях для экономического подъема и развития нет стимулов, направляющих созидательную энергию наиболее активных субъектов развития — предпринимателей и представителей среднего класса. Можно предположить, что на новом этапе экономического развития будет возрастать роль государства и государственных предприятий, но одновременно необходимо улучшать институциональные условия предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: социальные отношения собственности, десоциализация собственности, смешанная экономика, «власть – собственность», структура экономики, коррупция, предприниматели, средний класс.

**PRIVATIZATION OF PROPERTY IN POST-SOVIET RUSSIA:
SOCIAL RADICALISM AND ECONOMIC EFFECTIVENESS***Ludmila A. Belyaeva**Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

The article discusses the problems and social consequences of privatization of state property in Russia. The author analyses social content of property relations, their relationship with legal and economic relations and their influence on radical social changes in the life of Russia. Desocialization of property up to now was considered as a key strategy for economic reform, but its implementation did not lead to an increase in the efficiency of the economy and did not generate the owner who could operate under conditions of market competition. The article shows that technical potential of peace-time industries has decreased, the number of people employed in the industrial sector has decreased, the growth of high-tech and information services has lagged behind the needs of the innovative economy. The reasons for this downfall are rooted in insufficient prepara-

tion of the legal and institutional framework for the transformation of property relations, primarily with respect to large state-owned enterprises. The developed mixed economy evolves within the framework of the «power – property» system, which significantly reduces the independence of entrepreneurs, limits their investment activity, stimulates the «escape» of capital abroad and parasitic consumption. The structure of the economy – sectoral and by forms of ownership, as can be judged from the results achieved over two and a half decades, is not effective. In modern conditions for economic recovery and development there are no incentives that direct the creative energy of the most active subjects of development — entrepreneurs and the middle class. It can be assumed, that at the new stage of economic development, the role of the state and state enterprises will increase, but at the same time, it is necessary to improve the institutional conditions of entrepreneurial activity.

Keywords: social property relations, desocialization of property, mixed economy, «power – ownership», economic structure, corruption, entrepreneurs, middle class.

Произошедшие в России в последние 25 лет изменения отношений собственности не обрели пока законченных форм, они продолжают и затрагивают жизненные интересы групп и слоев, коллективов и отдельных граждан. Можно без преувеличения сказать, что эти изменения самым существенным образом сказались на всей системе жизнедеятельности общества. Их изучение позволяет отличить главное от второстепенного в развитии страны, их надо понять и объяснить и, не предаваясь скоропалительному осуждению, найти им место в современном бытии России, увидеть будущее, которому они являются прологом.

Большая часть аналитических и проектных работ по проблемам собственности подготовлена юристами и экономистами [1, 2, 3, 4]. Продолжает создаваться современная история преобразования государственной собственности, существовавшей десятилетиями в Советском Союзе, в частную. Этот процесс часто рассматривается как магистральный путь ухода от тотальности, от несвободы индивида к творческой активности и свободе. Но по мнению С. Никольского, не может быть успешным процесс разгосударствления собственности без свободы и развития творческой активности человека, ею обладающего. От того, насколько успешно и гармонично эти качества укоренены, зависят конкретные проявления экономической, политической, социальной и культурной жизни общества, в конечном счете его прогресс или его деградация [5]. Существует литература, в которой рассмотрены социальное влияние и последствия изменений в отношениях собственности в России, охарактеризованные через субъективные оценки этого процесса [6, 7]. Но довольно редко встречаются публикации, в которых анализируются объективные процессы изменения социальных отношений и социальных взаимодействий сторон, вовлеченных в экономические и юридические отношения собственности [8, 9]. Между тем это поле столкновения интересов больших групп людей и отдельных индивидов, на

котором в течение четверти века разыгрываются настоящие драмы. Это такой переходный период, который, по аналогии с утверждением Зигмунта Баумана, можно определить как *interregnum*, состояние неуверенности, когда будущее предвидеть невозможно, мы даже не знаем, как предвидеть развитие событий [10]. Но, несмотря на латентный характер многих процессов перетекания собственности из государственных в частные руки, некоторые социальные последствия уже достаточно четко обозначились. Причем не все они негативные, существует определенный баланс положительных и отрицательных последствий изменения отношений собственности.

Можно выделить следующие ключевые социальные проблемы, связанные с процессами изменений отношений собственности в России: изменения социальной структуризации общества и углубление социального неравенства, в том числе связанного с материальным расслоением; воздействие на объективную сторону социальной справедливости как наличие равных стартовых возможностей и социальных лифтов для людей, имеющих разное отношение к собственности, а также субъективные оценки этих возможностей; состояние социально-политической консолидации в обществе, связанное с субъективными мнениями о справедливости в перераспределении государственной и общественной собственности в стране; относительное сокращение материальной и социальной поддержки «слабых» слоев, которые не могут самостоятельно решать свои жизненные проблемы. В поле этих и других кардинальных перемен есть большой круг исследовательских задач для социальных философов, социологов и психологов.

В этой статье будут затронуты только три аспекта социальных отношений собственности. Во-первых, будет прослежена эволюция понятия «собственность» в междисциплинарном дискурсе; во-вторых, институциональные изменения в отношениях собственности в постсоветской России; в-

третьих, социальные эффекты становления смешанной экономики. И хотя собственность это, прежде всего, экономические и юридические отношения, складывающиеся по поводу принадлежности вещей, материальных и духовных ценностей определенным физическим и юридическим лицам, которые обладают правом на владение, использование и распоряжение объектами собственности, в данной статье внимание будет концентрироваться на современном социальном содержании отношений собственности. Но, конечно, нельзя избежать в рамках такой темы экономического и юридического толкования данных отношений. И все же главным образом мы будем рассматривать социальные отношения, которые складываются в обществе по поводу собственности между людьми, организациями, государством.

Собственность как междисциплинарное понятие

Собственность как понятие довольно рано получила свое определение в истории общественной мысли, меняясь по мере развития общества и появления новых общественных теорий. Собственность как понятие обозначает вещь, имущество, но одновременно и исторически определенные отношения между людьми, которые касаются владения, пользования, распоряжения конкретной вещью. Если для Аристотеля это имущество, «все, стоимость чего измеряется деньгами» [11], то для ученых-меркантилистов эпохи зарождения капитализма — это понятие означало, прежде всего, богатство, выраженное в накоплении золотых и серебряных монет. В монографии Ю.К. Плетникова «Собственность и богатство. Интеллектуальная хроника раннего капитализма в Западной Европе» довольно подробно рассмотрена идея собственности в трудах философов от эпохи зарождения капитализма в XV–XVI вв. до философии собственности в системе абсолютного идеализма Гегеля (XIX в.). Очень жаль, что автор не смог продлить свое исследование до современного периода. Но ему удалось рассмотреть, как материалистическая идея была реализована в концепциях собственности у английских философов-экономистов, показать, какое место занимали собственность и богатство в классической буржуазной политической экономии XVIII в., как интерпретировали собственность и богатство французские энциклопедисты XVIII в., как рассматривали идею собственности великие социалисты-утописты XIX в. — Сен-Симон, Фурье, Оуэн [12]. С развитием капитализма менялось и само содержание понятия «собственность».

У теоретиков марксизма собственность — это исторически определенная общественная форма присвоения материальных благ, выражающая отношение людей друг к другу в процессе общественного производства.

Сегодня собственность как понятие и отношение стало предметом исследования в междисциплинарном дискурсе. В. Лапаева подчеркивает, что это, прежде всего, серьезная социально-философская проблема, то или иное понимание которой лежит в основе государственной политики в области экономических и политико-правовых отношений, а значит, в конечном итоге определяет и все остальные сферы общественной жизни страны [13]. Философский анализ собственности, проведенный В.В. Библихиным, проясняет эпистемологический смысл самого понятия. При рассмотрении, казалось бы, острой политической проблемы — проведения приватизации государственной собственности в России в конце XX в. В.В. Библихин раскрывает философско-лингвистическое содержание понятий: «собственность», «собственник», «частная собственность», «приватный», «приватизация» и др. Он пишет: «Даже не зная истории нашей страны, которая стала в XX веке уникальным экспериментатором с собственностью и продолжает таким быть сейчас, можно было знать, что все тут окажется неожиданно и непросто, вслушиваясь в это слово: собственность. В нем звучит собственное, как настоящее, подлинное, само. Это не прихоть языка. В собственности собственного свое слышится не зря. Собственность всякая с самого начала обречена на прояснение дознавания до своей собственной сути. То, что кому-то кажется досадной многозначностью, проблемой лексикографа, — на самом деле скромная верхушка айсберга. Не лексические заботы заставляют нас обращать внимание на загадочное удвоение в речи собственного якобы тавтологичным своим и наоборот. ...Почему слово, на котором держится право владения, “частная собственность”, говорит о части? Не слышится ли здесь частичная, несобственная собственность в сравнении, например, с государственной и общественной, более прочной и важной? “Приватный”, “приватизация” происходит от того же доисторического слова, что наше “прочь”, “опричник”. Что выставлено, отделено, выпало опричь, то в исконном понимании “приватно”. Значит раньше приватного, частного то, из чего надо было отсечь, отрубить часть? Отруб, отрубное именье — независимое от латинской модели и параллельное ей русское образова-

ние, которое повторяет связанную с частным идею отделения» [14]. Созвучна этим рассуждениям и мысль С. Никольского, для которого собственность обозначает свободу или несвободу человека распоряжаться самим собой, быть собственником самого себя или не быть таковым, пребывать в зависимом состоянии [5].

В практической плоскости понятия собственности и отношения собственности разрабатываются, прежде всего, в юридических и экономических науках и используются в соответствующих практиках. Обобщенно можно сказать, что это определенное экономическое отношение оформленное в виде правовых отношений, в соответствии с действующими принципами и нормами права. В ст. 212 Гражданского кодекса РФ собственность как экономическая категория — это принадлежность вещей, материальных и духовных ценностей определенным лицам — физическим или юридическим, государству или муниципальным образованиям. Отношения собственности — это отношения между людьми, организациями, вытекающие из прав на объекты собственности, связанные с переходом собственности из одних рук в другие, дежежом собственности, возникновением новых прав собственности [15]. Совокупность вещей, принадлежащих данному собственнику, составляет имущество соответствующего лица, поэтому отношения собственности называются также иногда имущественными отношениями.

Объекты собственности в современном обществе делятся на материальные (вещи, финансовые продукты, земля, недра) и нематериальные. Последние включают в себя интеллектуальную собственность как результат интеллектуальной деятельности, охраняемый патентным правом, и приравненные к нему средства индивидуализации юридического лица — фирменное название, товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара; а также результаты творческой деятельности, охраняемые авторским правом, — произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ, базы данных и т.д. Переход к позднеиндустриальной и информационной экономике сопровождается сужением имущественных отношений и расширением интеллектуальных отношений собственности.

Отношения собственности с юридической стороны представляют собой совокупность отношений владения, пользования и распоряжения (так называемая триада трех полномочий), формирующих и закрепляющих экономические отношения в

принципах и нормах права. В соответствии со ст. 209 Гражданского кодекса РФ (принят Государственной думой 21 октября 1994 г.) «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и не нарушающие права и интересы других лиц, также отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом» [www.zakonrf.info]. В Конституции РФ и Гражданском кодексе РФ установлены три формы собственности: государственная (федеральная и субъектов РФ), муниципальная и частная.

В Гражданском кодексе РФ, в самой первой его главе, утверждается, что «гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты» [http://www.zakonrf.info/gk/ch1/].

Знаменательно, что право неприкосновенности собственности поставлено Гражданским кодексом на первое место как важнейшее гражданское право, обеспечивающее стабильность общественных отношений. Это право соответствует положению Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В первой из них было провозглашено: «Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен ее иначе как в случае установленной законом несомненной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения». Во втором документе в ст. 17 говорится: 1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими. 2. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества.

Следование этим международным принципам в современной России означало принципиальный отказ от действовавших положений Гражданского кодекса РСФСР от 11 июня 1964 г. В статьях 94 и 95 этого кодекса были определены только два вида собственности — социалистическая и личная. Социалистической собственностью являлись: государственная (общенародная) собственность; колхозно-кооперативная собственность; соб-

ственность профсоюзных и иных общественных организаций. Наличие таких правовых норм отнюдь не означало невозможности их нарушения и использования государственной социалистической собственности для личного обогащения, но это пресекалось по закону.

Основу личной собственности граждан составляли трудовые доходы. Утверждалось, что личная собственность является способом удовлетворения потребностей граждан. Имущество, находящееся в личной собственности граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества. Объем личной собственности строго ограничивался.

Юридические отношения собственности не исчерпывают реально существующих экономических и социальных отношений. Эти отношения направляются разнообразными интересами, действиями, оценками, солидарностями субъектов по поводу распределения объектов материального и духовного производства. Строгость российских законов, по М.Е. Салтыкову-Щедрину, смягчалась необязательностью их исполнения. В условиях определенной либерализации периода «развитого социализма» предпринимались попытки расширения прав трудовых коллективов, введение ограниченных рыночных отношений, стимулирующих трудовую и управленческую активность работников, применялось менее жесткое регулирование личной собственности. Но доминирующим правом владения и распоряжения государственной собственностью обладала бюрократия всех уровней. Она фактически вышла из-под общественного контроля, образовав замкнутую социальную группу. Вместе с тем наличие огромного объема государственной собственности и плановой системы хозяйства позволяло поддерживать социально приемлемый уровень жизни для большинства населения, формировать общественные фонды потребления, которые смягчали материальное и социальное неравенство, обеспечивая примерно одинаковый уровень потребления образовательных, медицинских, рекреационных услуг, развивать науку, культуру, обеспечивать высокий уровень специального образования. С проведением приватизации государственной и муниципальной собственности эти принципы социального выравнивания, защиты и попечения были утрачены, на смену им должны были прийти самостоятельность и предпринимательская активность населения, самостоятельно обеспечивающего себя всеми необходимыми благами. Толь-

ко слабые социальные группы могли претендовать на государственную поддержку. Но реальность оказалась не такой схематически правильной. Приватизация государственной собственности не смогла обеспечить повышение производительности общественного труда и рост на его базе доходов населения в ожидаемых масштабах. Сама приватизация собственности проводилась во многом неправомерными методами, что до сих пор ставит под сомнение ее легальность и легитимность.

Институциональные изменения в отношениях собственности в постсоветской России

Кардинальное изменение отношений собственности, начавшееся в России в начале 1990-х гг., означало изменение социально-экономического строя в стране, ликвидацию монополии Коммунистической партии, начало капиталистических преобразований, переход от плановой к рыночной экономике. Побудительные причины таких изменений лежали в глубоком экономическом кризисе российской экономики, который был вызван резким падением цен на нефть, исчерпанием ресурсов развития в рамках плановой организации экономики, отсутствием действенных механизмов и стимулов, мотивирующих высокоэффективную работу. Не последнюю роль сыграло наличие активных лоббистов ускоренной приватизации государственной собственности, оказавших влияние на руководство страны. Разгосударствление собственности было определено как ключевая стратегия экономической реформы, позволяющая создать эффективного собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции. Экономическая реформа с самого своего начала напоминала напряженное противостояние в борьбе за собственность, поглотившее внимание всей страны. В.В. Бибихин ярко запечатлел этот процесс: «В той войне за собственность, которая сейчас идет уже по всему пространству в важном смысле еще не бывшего Советского Союза, — она уже захватила всех так глубоко, до оснований человеческого существа, что гражданская война в виде открытого военного противостояния у нас невозможна, ей некуда вместиться, злости на нее уже не хватает, потому что ее не хватает людям на войну за собственность, — люди падают задолго до того, как бросятся друг на друга и незаметно для себя, в раннем начале погони упустив спросить, кто такие они сами, которые ее ведут» [14, с. 39–46].

В истории разгосударствления собственности выделяются несколько условных этапов. В рамках первого этапа были проведены так называемые малая и чековая приватизации (1992–1994). Малая приватизация — продажа предприятий через аукционы — позволила приватизировать до 70 % предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Чековая приватизация (ваучеризация) крупных и средних предприятий дала преимущества при приватизации предприятий директорам и управленцам, а также теневым структурам, действующим через чековые инвестиционные фонды и использующим близость к организаторам приватизационного процесса. Отсутствие четкого правового регулирования, открытие рынков капитала привели к перетеканию собственности по криминальным каналам и не к созданию богатства внутри страны, а к выводу активов за рубеж. Одновременно была практически ликвидирована массовая частная собственность населения, существовавшая в виде личных накоплений, находящихся в основном в государственных банках.

Второй этап — 1995 г. — залоговые аукционы, проведенные с целью пополнения государственной казны за счет кредитов под залог государственных пакетов акций нескольких крупнейших государственных монопольных компаний. Ведущие предприятия нефтегазового сектора, крупнейшие порты, металлургические предприятия, находящиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене, что положило начало формирования олигархической прослойки в составе предпринимателей. Реализации этого этапа содействовало несколько условий: фактический провал денежной приватизации 1995–1996 гг. (прежде всего, отсутствие спроса на большинство продаваемых крупных пакетов акций); совпадение интересов правительства (пополнение доходной части бюджета любыми методами) и ряда банков (захват контроля в некоторых промышленных и добывающих корпорациях с минимальными издержками); наличие огромной задолженности предприятий бюджету и друг другу; развертывание новой войны за собственность между крупнейшими финансовыми и промышленными группировками России. К началу 1998 г. этот вариант был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов «ЮКОС», «Сиданко», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», «Лукойл», а также РАО «Норильский никель» [16, с. 3–32].

Третий этап, длящийся с 1996 г. по настоящее время, характеризуется продажей государственных и муниципальных предприятий через инвестиционные конкурсы, зачастую далеко не прозрачные, допускающие сговор претендентов. Крупная собственность иногда продается на внутрироссийских и зарубежных биржах. Кроме того, продолжается интенсивная смена собственников в результате рыночных операций продажи, слияния, разделения, выделения объектов собственности. До сих пор нередко практикуется и отъем собственности путем рейдерского захвата, процедуры банкротства в пользу «своих» людей, другие противоправные действия.

На всех трех этапах отмечается участие в приватизации криминальных группировок, использующих как «мягкие», так «жесткие» методы вступления в права владения собственностью.

Следует отметить важное обстоятельство проведения приватизации и последующего перераспределения собственности. Они не сопровождались в России рациональной промышленной политикой, способной обеспечить рост экономики. Многие новые собственники, став владельцами предприятий, в основном занимались продажей имеющихся в их распоряжении активов, выводом полученных средств за рубеж и престижным потреблением. Воздействие государства на развитие экономики ограничивалось единичными точечными мерами без разработанной четкой стратегии, без выработки методики государственно-частного партнерства, предполагающей обеспечение наиболее значимых проектов финансовыми ресурсами. Государственно-частное партнерство способно развивать объекты государственной собственности без их приватизации, если они имеют жизненно важное значение для страны. Но эта технология используется в России не часто.

Одним из весомых изъянов при реформировании собственности было то, что на конституционном уровне не была урегулирована частная собственность юридических лиц, что обусловило отчуждение коллективов от владения и управления собственностью в России. По мнению видного юриста В.К. Андреева, произошло полное отчуждение трудящихся от средств производства, которые стали частными! При приватизации трудовой коллектив государственного (муниципального) предприятия целиком исключается из управления имуществом, а право полного хозяйственного ведения, которое юридически приравнивалось к праву собственности, трансформировалось в частную собственность коммерческой

организации. Зачатки частной трудовой собственности были загублены [17].

Существенному изменению были подвергнуты положения Конституции и Гражданского кодекса, относящиеся к собственности на землю. В Конституции (гл. 9) отмечается, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. При этом земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Законодатель установил, что владение, пользование и распоряжение землей и природными ресурсами осуществляются их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц. В соответствии с Законом РФ от 21 февраля 1992 г. N 2395-1 «О недрах» (в ред. от 18 июля 2008 г.) недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Права пользования недрами могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в той мере, в какой их оборот допускается федеральными законами.

Существенные изменения произошли в распределении горной ренты — дохода от хозяйственного, коммерческого или иного использования недр, извлечения запасов полезных ископаемых. В советский период происходило социально ориентированное использование горной ренты — для финансирования образования, здравоохранения и других социальных программ: во время расцвета нефтедобычи (1975–1985 гг.) 50 % госбюджета формировалось за счет полного безналогового изъятия горной ренты. Положение резко изменилось после приватизации предприятий нефтегазового сектора. Использование природных ресурсов в начале постсоветского периода, особенно в нефтяном секторе, осуществлялось в благоприятном налоговом режиме (2–3 % от стоимости товарной нефти в 1992–2001 гг.), что позволило в переходный к рынку период за короткое время создать финансовую олигархию. С января 2002 г. была введена новая схема налогообложения, давшая возможность изымать большую часть горной ренты, что наполняло бюджет страны до 45,5 % (2005 г.) по

сравнению с 21,6 % в 2003 г. [18]. Но значительная часть ренты остается у частных владельцев предприятий. Между тем недра — это общенародная собственность и, как писал академик Д.С. Львов, необходимо обращение ренты от использования природных ресурсов в общественные доходы, которые будут аккумулироваться в системе общественных финансов. Эта сумма рентных доходов и составила бы чистый доход общества, в котором все его члены имели бы равную долю. Доходы от использования природных ренты могли бы идти на развитие систем здравоохранения и образования, социальную помощь малоимущим слоям населения, а также на обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы и сохранение окружающей природной среды [19].

Неоптимальное, стремительное, законодательно не отработанное разгосударствление собственности предопределило перекосы в отраслевой структуре экономики и падение, относительно советского периода, производительности труда. Даже по данным Росстата, который часто упрекают в необъективности, экономика демонстрирует недопустимо низкие показатели производительности труда. В 2015 г. только в сельском хозяйстве по сравнению с прошлым годом отмечен рост этого показателя (на 0,5 %), в строительстве производительность была на уровне прошлого года, во всех остальных отраслях отмечено его снижение [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm]. За более длительный период, который охватывают сроки выполнения президентских указов, намечалось повысить производительность труда с 2011 по 2018 г. на 50 %, но реальное повышение в 2012–2015 гг. составило только 4 %. Для выполнения намеченного в указе ежегодный рост должен составлять 20 %, что совершенно нереально.

В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости Российской Федерации в 2015 г. максимальную долю занимала оптовая и розничная торговля, доля обрабатывающей промышленности составляла в 2015 г. 17,0 %, снизившись по сравнению с 2005 г. (см. табл. 1). Стабильна в этот период доля сельского хозяйства по сравнению с 2005 г., более-менее заметно (около 3 п.п.) выросли такие отрасли, как операции с недвижимостью, а также управление и обеспечение безопасности. В остальных отраслях изменения валовой добавленной стоимости не столь заметны — до 1 п.п.

Таблица 1. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости Российской Федерации 2005–2010–2015 гг. (в текущих ценах; в процентах к итогу)

Отрасли	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Сельское хозяйство	5,2	4,3	5,2
Добыча полезных ископаемых	12,8	10,4	11,2
Обрабатывающая промышленность	18,5	17,7	17,0
Оптовая и розничная торговля	21,8	19,4	17,9
Все прочие отрасли	41,7	48,2	48,7
Итого	100	100	100

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm

Стагнация роста производительности труда и несовременная структура отраслей — это одни из заметных характеристик состояния экономики, ее медленной структурной перестройки и диверсификации. В пореформенный период снизился технический потенциал гражданских отраслей экономики, разрушались старые производства, на которых была занята основная часть работающего населения, а новые обрабатывающие производства почти не создавались.

Прирост числа вновь созданных предприятий, особенно обрабатывающих отраслей, в последнее десятилетие весьма невелик. В табл. 2 представлено число вновь созданных предприятий по основным видам экономической деятельности в 2005, 2010 и 2015 гг. В 2005 и 2015 гг. наибольшая активность по созданию предприятий была сосредоточена в сфере операций с недвижимо-

стью, в 2005 г. также активно создавались сельскохозяйственные предприятия, в 2015 г. — предприятия торговли, но в обрабатывающих отраслях число вновь вводимых предприятий не только не выросло, но и сократилось. Среди них предприятия, производящие машины и оборудование, требующие значительных капитальных вложений и организационных усилий, составляют незначительное число: 2005 г. — 67, 2010 г. — 25, 2015 г. — 56 предприятий на всю Россию. При этом основной прирост новых обрабатывающих производств приходится на пищевую промышленность (110) и металлургию (70). Как существенное достижение можно отметить, что было создано 70 новых предприятий по производству электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

Таблица 2. Создание впервые (новых) предприятий в России*

Новые предприятия	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Всего по организациям — юридическим лицам	4885	1931	4089
Из них:			
Сельское хозяйство	993	124	150
Обрабатывающие производства	595	230	580
в т.ч. производство машин и оборудования	67	25	56
Оптовая, розничная торговля	508	473	766
Операции с недвижимым имуществом, аренда, предоставление услуг	1069	358	1091

* По организациям без субъектов малого предпринимательства, бюджетных организаций, банков, страховых и прочих финансово-кредитных организаций.

Новые показатели, разработанные Росстатом, — коэффициент рождаемости и коэффициент ликвидации предприятий — показывают, что второй показатель в 1,5 раза превышает первый [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/demo-org.htm]. Восстановление индустриального потенциала столь низкими темпами непосредственно сказывается на занятости населения и его профессиональной структуре. Доля занятого в

обрабатывающих производствах населения сократилась с 2005 по 2016 г. с 18,7 до 14,5% [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#].

Перетекание рабочей силы из промышленного сектора в сферу обслуживания и торговлю означает, помимо всего прочего, и утрату навыков квалифицированного индустриального труда и производственной дисциплины.

В секторе среднего, малого и индивидуального бизнеса сложились недостаточно благоприятные условия для развития, что также сказывается на занятости в этой сфере экономики. С 2008 по 2014 г. численность индивидуальных предпринимателей сократилась в стране на 2,7 млн человек, сейчас насчитывается 3,5 млн действующих предпринимателей — 2,2 % населения страны [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform/#]. Темпы роста количества зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в нашей стране остаются низкими — ежегодно их число увеличивается на 4 %, в то время как количество ИП, прекративших свою деятельность, увеличивается на 11 %.

В отраслевой структуре малых и средних предприятий доминируют торговля и оказание услуг населению (в 2010–2015 гг. 38 и 36 % соответственно от числа средних и малых предприятий — юридических лиц), операции с недвижимостью (21 и 23 % соответственно) и строительство (по 11 %), занятость в обрабатывающих отраслях составляла в 2015 г. только около 9 %, сократившись по сравнению с 2010 г. на 0,7 % [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog2015/itog-spn2015.html]. Соответственно и отраслевая структура работающего населения не оптимальна. При сокращении общей численности занятых на средних и малых предприятиях в 2010–2015 гг. произошло уменьшение числа работающих на обрабатывающих производствах, в строительстве и торговле, одновременно более чем на 100 тыс. человек выросло количество занятых в операциях с недвижимостью [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog2015/itog-spn2015.html]. Заметим, что рост сферы услуг свидетельствует отнюдь не о вступлении в постиндустриальную фазу экономического развития, а скорее о разрушении индустриального базиса экономики при недостаточной развитости услуг информационного, научного, образовательного характера. Среди товаров и услуг малых предприятий в 2015 г. являлись инновационными только 1,6 %. Вообще для российской экономики характерен низкий удельный вес инновационных товаров, работ, услуг — 8,2 (2014 г.) и 7,9 % (2015 г.) в добыче полезных ископаемых, в обрабатывающих производствах, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды; 12,8 (2014 г.) и 13,2 % (2015 г.) в сфере связи, деятельности, основанной на использовании вычислительной техники и информационных технологий, в научных исследованиях и разработках, предоставлении прочих видов услуг в общем объеме отгруженных товаров, вы-

полненных работ, услуг в этих отраслях [20, с. 522, 528–529].

В постиндустриальной экономике сферу услуг отличает высокий технологический уровень, она находится на пике информационных достижений, встраивается в экономику, во все ее отрасли как двигатель развития. В России эти виды услуг также развиваются, но со значительным отставанием и неравномерно по отраслям. Востребованность высокотехнологических и информационных услуг во многом диктуется уровнем индустриального развития экономики, а он сейчас довольно невысок.

Появление новых средних и малых предприятий в промышленности тормозится административными и экономическими барьерами. При этом на малых и средних предприятиях в сложной ситуации на рынке труда число рабочих мест не растет, даже сокращается.

За столь длительный период от начала приватизации экономическая и структурная эффективность экономики так и не достигли дореформенного уровня. Причины, по которым приватизация государственной собственности не дала ожидаемых результатов, анализируются экспертами разных специальностей. Основной вывод заключается в том, что были недостаточно подготовлены правовые и институциональные основы приватизации и трансформации отношений собственности, прежде всего по отношению к крупным государственным предприятиям. обстоятельный анализ правовых и институциональных основ приватизации, их противоречивости и запаздывания по сравнению с практикой содержится в аналитическом докладе Счетной палаты РФ 2004 г. [21]. Темпы приватизации были столь стремительными, что за ними не поспевала законодательная база. Характерна оценка стратегии ускоренной приватизации, осуществленной в России, данная безусловным сторонником рыночной экономики и частной собственности видным венгерским экономистом Яношом Корнаи: «Здесь все характеристики данной стратегии проявились в крайней форме: навязанная стране ваучерная приватизация вкуче с массовыми манипуляциями при передаче собственности в руки менеджеров и приближенных чиновников. В этих условиях произошла не имеющая прецедентов в истории “реформа собственности”, в ходе которой природные ресурсы страны, особенно нефть и газ, были фактически экспроприированы “олигархами”» [<http://www.r-reforms.ru/kornai.htm>]. Корнаи определенно выразил поддержку стратегии органического, постепенного роста частного сектора, ко-

торая реализовывалась, например, в Польше и в Венгрии.

Вопросы о легитимности крупной частной собственности в России вызывают дискуссии уже давно — с начала процессов приватизации крупных предприятий. Сама эта приватизация рассматривается некоторыми юристами как негласный сговор между властью и сформированным ею крупным бизнесом, а не на базе общественно-правового договора, заключаемого в публично-правовом пространстве. Произошедшее слияние власти и собственности предопределило все основные дефекты политико-правового развития страны в последующие годы. По мнению В.В. Лапаевой, современная Конституция РФ «проигнорировала наиболее существенный и трудный вопрос постсоциалистической трансформации — вопрос о принципах десоциализации общенародной социалистической собственности. В этом ключевом вопросе Конституция РФ была и остается основным законом развитого государства с рыночной экономикой, а вовсе не государства, осуществляющего сложный переход от одной формы собственности и основанного на ней устройства государственной и общественной жизни к другой форме собственности и к другому социально-политическому строю» [22]. В результате сложилась такая неофеодалская система «власть – собственность», в которой предприниматели всех уровней зависят от властных структур и макроэкономических рисков. Превращение предпринимательства в деятельность, подконтрольную власти, а не закону, существенно снижает самостоятельность предпринимателей, ограничивает их инвестиционную активность, стимулирует «бегство» капиталов за рубеж и паразитарное потребление вместо вложения капиталов в производство. У предпринимателей нет внутреннего ощущения правовой защищенности бизнеса, его безопасности как в прямом смысле слова, так и в смысле его легитимности и невозможности «отнятия по закону», или в результате «криминального банкротства», или рейдерского захвата. В свою очередь, крупные предприниматели оказывают влияние на власть, добиваясь преференций и выгодных для развития собственного бизнеса условий и бюджетного финансирования. Достигнуто выгодное обеим сторонам слияние собственности и власти, при том что говорить о равенстве условий для всех предпринимателей можно только с большой натяжкой. Это порождает чувство несправедливости, которое транслируется и в далекие от предпринимательства круги,

деформирует трудовые ценности и деловую активность среднего класса — основного поставщика предпринимателей в России.

К настоящему времени доля государственных предприятий составляет по разным оценкам от 50 до 70 % экономики России, остальная часть предприятий относится к частной и смешанной формам собственности. В России сформировалось многоукладное хозяйство, или смешанная экономика, как и в большинстве развитых стран мира.

Что же отличает именно современный российский вариант смешанной экономики? По данным Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, государственный сектор занимает существенное место в экономике страны. Из 100 крупнейших компаний страны в 28 участвует государство, в них работают 6,1 % занятых в экономике, их выручка составляет 2,8 % ВВП страны. Анализ отраслевой структуры показал, что крупнейшие компании с государственным участием присутствуют в 9 отраслях, большая часть из них функционирует в машиностроении (7 компаний), нефтяной и нефтегазовой промышленности (6), банковской сфере. При этом по данным за 1998, 2005, 2009 и 2014 гг. увеличилась доля государства в секторе машиностроения, нефтяной и нефтегазовой промышленности, банковской сфере. Уровень присутствия государства заметно снизился в отрасли химической и нефтехимической промышленности. Государство практически не представлено лишь в сферах торговли, цветной и черной металлургии [23].

Но в целом в экономике присутствие государства в последние годы наращивается. По данным Федеральной антимонопольной службы (ФАС), количество государственных и муниципальных унитарных предприятий за три года утроилось, они создают серьезную угрозу рынкам с развитой конкуренцией, поскольку используют административный ресурс и бюджетное финансирование. Расширение доли государства в экономике усиливает монополистические тенденции и в пока еще «не контролируемом государством экономическом пространстве». Вклад госкомпаний в ВВП вырос с 35 % в 2005 г. до 70 % в 2015 г. Предлагаемый ФАС план развития конкуренции должен создать стимулы для перехода от естественно-монопольного к конкурентному типу развития экономики [24].

Структура экономики — отраслевая и по формам собственности, как можно судить по достигнутым за два с половиной десятилетия результатам, не отличается эффективностью. Причина, по

мнению многих обществоведов — и экономистов, и социологов, и юристов, состоит в том, что центральные позиции в обществе занимает система «власть – собственность». Этот термин предложен Л. Васильевым, который считает, что этот феномен есть «имманентная специфическая сущность, квинтэссенция всех неевропейских (незападных по происхождению) обществ в истории» [25]. Сегодня эта система предстала как мутированное перерождение советской системы «власть – государственная собственность» в систему «власть – частная собственность». Не произошло отделения властно-государственных функций от технико-экономических функций, которые должны перейти к частному бизнесу или к управляющим государственной собственностью, действующим в условиях рыночных отношений. Сращивание власти и собственности происходит не только на общероссийском уровне, но и на уровне регионов, муниципальных образований, в отдельных населенных пунктах. Власть предстала в частнособственнической оболочке. Сложившуюся в постсоветской России общественную систему О.И. Шкаратан анализирует как этакратизм в новой фазе его развития, т.е. неэтакратизм. Роль государства по-прежнему определяющая, но не единственная, как это было в Советском Союзе, поскольку присутствует и частнособственническая рыночная компонента [26, с. 80–119]. Н.М. Плискевич еще 10 лет назад отметила, что в постсоветской России «сложилась четкая система взаимоотношений государственных чиновников, в том числе “силовиков”, и бизнесменов, в которой последние все более попадают в прямую зависимость от первых. Причем структура отношений на разных этапах “властной вертикали” идентична. Если высшее руководство строит свои отношения с “олигархами” в рамках институциональных форм, которые можно признать современной модификацией отношений “власти – собственности”, то региональная власть воспроизводит такие же формы на своем уровне, а местная власть, соответственно, выстраивает по тем же принципам отношения с малым и средним бизнесом на своей территории». Существует тесная взаимосвязь и устойчивость системы «власть – собственность» в России советского и постсоветского периодов [27, с. 119–131]. Есть основания считать, что в современной России ситуация не изменилась. Реальные отношения собственности включены в механизмы инвестирования средств в политические процессы. Участвующие в этих механизмах предприниматели, в свою очередь, по-

лучают дивиденды в виде монополизации рынков, контроля над финансовыми потоками, бюджетных вливаний, получения выгодных заказов через «липовые» тендеры и подобные преференции, возникающие в силу близости бизнесменов к властным структурам, тем более когда в одном лице слились предприниматель и управленец, руководитель. В этих условиях для экономического подъема и развития нет стимулов, направляющих созидательную энергию наиболее активных субъектов развития — предпринимателей и представителей среднего класса.

Кроме того, повсеместно нарушаются формальные правила взаимодействия, диктуемые законами, приоритет отдается неформальным сигналам, идущим из системы управления. В результате уровень доверия ко всем государственным органам у предпринимателей очень низкий. Данные Европейского социального исследования (ESS) свидетельствуют о меньшей степени доверия со стороны предпринимателей государственным и некоторым общественным организациям в России по сравнению с наемными работниками. При этом большая доля российских предпринимателей (не наемных работников) хотела бы жить в демократической стране. Но оценка уровня демократии в стране в настоящий период и у предпринимателей, и у наемных работников практически совпадает, причем оценка эта довольно низкая. Она значительно ниже, чем почти во всех странах, участвовавших в опросе. По результатам опроса предпринимателей, проведенного нами в 2016 г.¹, меньше всего доверяют представители

¹ В 2016 г. было опрошено около 100 предпринимателей. Три четверти из них в бизнесе более пяти лет, в равной степени представлены пять основных должностных позиций: (1) владелец фирмы, который не занимается непосредственным управлением; (2) владелец фирмы и одновременно ее директор; (3) наемный директор фирмы; (4) руководитель структурного подразделения фирмы; (5) индивидуальный предприниматель. 80 % опрошенных сказали, что получаемый ими доход позволяет жить так, чтобы не испытывать материальных затруднений, или этого дохода им хватает для жизни. Заметим, что в 2015 г. такую характеристику своего дохода дали только 50 % всего массива опрошенных в рамках мониторинга в России, а в развитых странах Запада подобный доход имеют 80–90 % населения (по данным ESS), в составе которого не только предприниматели. Основная часть опрошенных предпринимателей — это люди с высшим образованием — 68 %, со средним профессиональным и средним образованием — по 16 %. Это достаточно опытные люди с точки зрения возраста: только 20 % в возрасте до 35 лет, остальные 80 % старше — от 36 до 60 лет. Среди опрошенных — представители большинства сфер хозяйства: промышленное и сельскохозяйственное производство,

бизнеса проверяющим органам и организациям (им доверяют только 16 %). Реальную помощь предприниматели могут получить в основном от финансовых организаций и частных фирм. Местные региональные администрации не оказывают предпринимателям эффективной помощи, хотя, как показывает исследование, при наличии такой помощи бизнес идет более успешно. Но она доступна не всем, только некоторые предприниматели располагают этим социальным капиталом. При этом власть часто относится к бизнесу «как к кошельку», так считает половина компаний, опрошенных Российским союзом промышленников и предпринимателей. Все меньше предпринимателей отмечают, что власть воспринимает их как младшего или равного партнера, 15 % компаний убеждены, что власть рассматривает бизнес как «питательную среду» для коррупции.

Нельзя недооценивать значимость формального, соответствующего закону правила взаимодействия бизнеса и власти для становления гражданского общества и гражданской солидарности. Сегодня предприниматели не выведены в общественном сознании за пределы общества, занятие бизнесом не исключает для себя и для своих детей значительная часть населения, доверие к предпринимателям растет в последние годы. Наш опрос показал, что со своей стороны предприниматели отмечают улучшение отношений с населением. Предприниматели стали системным элементом социальной структуры общества, что еще более актуализирует необходимость изменения правового регулирования отношений бизнеса и государства, бизнеса и общества в лице наемных работников. Для функционирования частных предприятий важно преодоление административных барьеров, неправомерного регулирования их деятельности.

Неформальные личные взаимодействия, цепочки «личных связей» являются неотъемлемыми составляющими социального капитала предпринимателя, которые помогают решить проблемы наиболее оптимальным, эффективным и простым путем. В их числе и коррупционные связи, выстраиваемые в обмен на денежное вознаграждение, ма-

териальные ценности и услуги. Изучать реальные размеры и формы коррупции социологическими методами довольно сложно. Тем не менее наш опрос (100 респондентов-предпринимателей) показал, что для 56 % опрошенных коррупция является значительным и очень значительным препятствием для бизнеса. Детализация этого вопроса выявила, что необходимость делать подарки или доплачивать возникает при общении со многими организациями, с которыми предприятие взаимодействует. На первом месте по упоминанию были полиция, проверяющие органы и муниципальные чиновники. При этом 40 % опрошенных признались, что попадали в ситуацию, когда от них ожидали или требовали взятку при решении проблем их бизнеса. Выведение предпринимателей из ситуации вынужденного нарушения закона будет способствовать их социальной интеграции в ткань общества, росту их правосознания. По мнению А.Б. Гофмана, главная и наиболее эффективная форма социальной интеграции — это «жизнь по правилам», абстрактным, универсальным, находящимся над отдельными конкретными солидарностями, правилам, формируемым, одобряемым и разделяемым всеми социальными субъектами. Именно этой интегративной формы российскому обществу не хватает сегодня [28]. Основным субъектом, который предъявляет спрос на правовое государство, является средний класс, который начал формироваться в России с началом рыночных преобразований в виде аналога среднему классу западных стран. Сейчас он составляет, по нашим оценкам, не более 20 % взрослого населения страны и в значительной степени представлен мелкими и средними предпринимателями и самозанятыми [29]. Характерно, что численность среднего класса практически не росла за последние годы, когда укреплялась власть бюрократической прослойки в России и оказывал свое влияние экономический кризис.

Выводы

Таким образом, изменения в отношениях собственности в России за последнюю четверть века можно охарактеризовать как социально радикальные и недостаточно экономически эффективные. Остаются нерешенными вопросы о легитимности крупной собственности, особенно той, которая получена в результате проведения залоговых аукционов. В стране не удалось создать смешанную экономику с высоким уровнем конкуренции в большинстве отраслей. Экономика остается высоко монополизированной, предприятия находятся в тесной связке с властью на всех уровнях, что пре-

---

оптовая и розничная торговля, услуги населению — бытовые, туристические, бизнес-услуги, транспорт, строительство, здравоохранение. При этом размер организаций колеблется от менее 5 человек до свыше 250. В выборке представлены все размеры населенных пунктов — от столицы до сельской местности и 6 географических регионов: Центральный, Северо-Западный, Поволжский, Южный, Сибирский и Дальневосточный.

пятствует развитию рыночных институтов и конкуренции. На новом этапе экономического развития с очевидностью будет возрастать роль государства и государственных предприятий. В частности, ВПК может превратиться в движущую силу развития промышленности, но только при условии, что технологии, разработанные в военных отраслях, будут внедряться в гражданские сектора. Необходимость более тесного технологического взаимодействия оборонных и гражданских отраслей подчеркнута в указе Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»: «Практически отсутствует передача знаний и технологий между оборонным и гражданским секторами экономики, что сдерживает развитие и использование технологий двойного назначения» [30].

Параллельно необходимо действовать в направлении создания институциональных условий для становления полноценной рыночной экономики и конкуренции, чтобы сформировать потенциал будущего развития.

Список литературы

1. *Приватизация* в современном мире: теория, эмпирика, «новое измерение» для России: в 2 т. / науч. ред. А.Д. Радыгин. М.: ДЕЛО, 2014; М.: Издательский дом «Дело. РАНХиГС», 2014. Т. 1. 462 с.
2. *Права собственности, приватизация и национализация в России* / В. Тамбовцев, А. Рунов, Л. Григорьев и др.; общ. ред. В.Л. Тамбовцев; Фонд «Либер. Миссия». М.: Новое литературное обозрение: Фонд «Либеральная миссия», 2009. 495 с.
3. *Сухарев О.* Приватизация, национализация и экономическая реформа (принципы, критерии, теория дисфункции) М.: Финансы и статистика, 2013. 352 с.
4. *Лапаева В.В.* Приватизация социалистической собственности: конституционно-правовой и философско-правовой анализ // Электронные журналы издательства NOTABENE. URL: http://enotabene.ru/lr/article_10985.html (дата обращения: 18.04.2017).
5. *Никольский С.* Собственность и собственное. Российское общество в поисках двигателя перемен // Независимая газета. 2015. 21 янв.
6. *Попова И.П.* Отношение к частной собственности в различных социально-профессиональных группах // Социология власти. 2009. № 1. С. 6–8.
7. *Собственность* и бизнес в жизни и восприятии россиян / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Ю. Чепуренко. М.: Наука, 2006. 392 с.
8. *Яжборовская И.С.* Трансформация отношений собственности в постсоциалистических странах: успехи и проблемы // Россия в глобальном мире: социально-политические проблемы / отв. ред. Ю.С. Оганьян. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 321–361.
9. *Бурганов А.Х.* Извечные русские вопросы в зеркале современности // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 97–102.
10. *Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 18.04.2017).
11. *Аристотель.* Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984. 830 с.
12. *Плетников Ю.К.* Собственность и богатство. Интеллектуальная хроника раннего капитализма в Западной Европе / науч. ред. В.Н. Шевченко. М.: Прогресс–Традиция, 2014. 257 с.
13. *Лапаева В.* Приватизация социалистической собственности: конституционно-правовой и философско-правовой анализ // Электронные журналы издательства NOTABENE. URL: http://enotabene.ru/lr/article_10985.html (дата обращения: 18.04.2017).
14. *Бибихин В.В.* Проблема собственности // Гуманитарные науки в России. Психология. Философия. М., 1996. С. 39–46.
15. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. 512 с.
16. *Радыгин А.* Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России. 1998. № 3, т. VII. С. 3–32.
17. *Андреев В.К.* О праве частной собственности в России (критический очерк). М.: Волтерс Клувер, 2007. 176 с.
18. *Кимельман С.* Куда в России деваются нефтяная рента // Промышленные ведомости. URL: <http://www.promved.ru/next/article/?id=768> (дата обращения: 18.04.2017).
19. *Львов Д.* Стратегия развития России // Перспективы: электронный журнал. URL: http://www.perspektivy.info/table/strategija_razvitiya_rossii_2007-03-16.htm (дата обращения: 18.04.2017).
20. *Российский* статистический ежегодник: стат. сб. 2016. М., 2016. 725 с.
21. *Анализ* процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие). М.: Олита, 2004. 186 с.
22. *Право* и национальные традиции. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 5–41. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1541&Itemid=52 (дата обращения: 18.04.2017).

23. Государственное участие в российской экономике: госкомпании, закупки, приватизация: бюллетень о развитии конкуренции. 2016. Март. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8449.pdf> (дата обращения: 18.04.2017).
24. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации. М., 2016. URL: http://fas.gov.ru/upload/aboutfas/Doklad_3.pdf (дата обращения: 18.04.2017).
25. Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации: кол. монография. М., 2000. С. 96–114.
26. Шкаратан О.И. Социальная система, обращенная в прошлое. Часть 2 // Социологический журнал. 2015. Т. 22, № 4. С. 80–119.
27. Плискевич Н.М. Власть-собственность в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. 2006. № 3 (т. 15). С. 119–131.
28. Гофман А.Б. Солидарности и «абстрактные правила» в обществах XXI века // XIV Апрельская конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 4 / отв. ред. Е.Г. Ясин. М., Изд. дом ВШЭ. 2016. С. 249–256.
29. Беляева Л.А. Социокультурные вызовы российской модернизации: пространство, человеческий капитал и структуризация общества // Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: ВЕСЬ МИР, 2016. С. 45–86.
30. «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»: указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г.. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.04.2017).
- disfunction)]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2013, 352 p. (In Russian).
4. Lapaeva V.V. *Privatizatsiya sotsialisticheskoy sobstvennosti: konstitutsionno-pravovoy i filosofsko-pravovoy analiz* [Privatization of Socialistic Property: Constitutional and Legal, Philosophical and Legal Analysis]. *Elektronnyye Zhurnaly izdatelstva NOTABENE* [E-magazines of the Publishing House NOTABENE]. Available at: http://e-notabene.ru/lr/article_10985.html (accessed 18.04.2017). (In Russian).
5. Nikolskiy S. *Sobstvennost i sobstvennoe. Rossiyskoe obschestvo v poiskakh dvigatelya peremen* [Property and Proprietary: Russian Society in Search of The Engine for Change]. *Nezavisimaya gazeta* [The Independent Newspaper]. 2015. 21 Jan. (In Russian).
6. Popova I.P. *Otnoshenie k chastnoy sobstvennosti v razlichnykh sotsialno-professionalnykh gruppakh* [Attitude to Private Property in Different Social and Professional Groups of People]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2009, no. 1, pp. 6–8. (In Russian).
7. *Sobstvennost i biznes v zhizni i vospriyatii rossiyan* [Property and Business in Life and Vision of the Russians]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 392 p. (In Russian).
8. Yazhborovskaya I.S. *Transformatsiya otnosheniy sobstvennosti v postsotsialisticheskikh stranakh: uspekhi i problemy* [Transformation of Property Relations in Postsocialistic Countries: advances and problems]. *Rossiya v globalnom mire: sotsialno-politicheskie problemy* [Russia in Global World: Social and Political Issues]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Science Publ., 2008, pp. 321–361. (In Russian).
9. Burganov A.Kh. *Izvechnye russkie voprosy v zerkale sovremennosti* [Interminable Russian Problems Reflected in the Mirror of Modernity] *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2002, no. 4, pp. 97–102. (In Russian).
10. Bauman Z. *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>. (accessed 18.04.2017). (In Russian).
11. Aristotel. *Sochineniya v 4 tomah*. [Works in 4 Volumes]. Moscow, 1984, vol. 4, 830 p. (In Russian).
12. Pletnikov Yu.K. *Sobstvennost i bogatstvo. Intelktualnaya khronika rannego kapitalizma v Zapadnoy Evrope* [Property and Wealth. Intellectual Chronicle of Early Capitalism in Western Europe]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2014, 257 p. (In Russian).
13. Lapaeva V. *Privatizatsiya sotsialisticheskoy sobstvennosti: konstitutsionno-pravovoy i filosofsko-pravovoy analiz* [Privatization of Socialistic Property: Constitutional and Legal and Philosophi-

Получено 03.06.2017

References

1. *Privatizatsiya v sovremenном mire: teoriya, empirika, «novoe izmerenie» dlya Rossii: v 2 t.* [Privatization in Contemporary World: Theory, Empirics, «new dimension» for Russia: in 2 vol.]. Moscow, DELO Publ., RANKhiGS Publ., 2014, vol. 1, 462 p. (In Russian).
2. *Prava sobstvennosti, privatizatsiya i natsionalizatsiya v Rossii* [Proprietorship, Privatization and Nationalization in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., Fond «Liberalnaya missiya» Publ., 2009, 495 p. (In Russian).
3. Sukharev O. *Privatizatsiya, natsionalizatsiya i ekonomicheskaya reforma (printsipy, kriterii, teoriya disfunktsii)* [Privatization, Nationalization and Economic Reform (principles, criteria, theory of

- cal and Legal Analysis] *Elektronnyye Zhurnaly izdatelstva NOTABENE* [E-magazines of the Publishing House NOTABENE]. Available at: http://e-notabene.ru/lr/article_10985.html (accessed 18.04.2017). (In Russian).
14. Bibikhin V.V. *Problema sobstvennosti* [Problem of Ownership] *Gumanitarnye nauki v Rossii. Psikhologiya. Filosofiya* [Humanities in Russia: Psychology. Philosophy]. Moscow, 1996, pp. 39–46. (In Russian).
  15. Rayzberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar* [Contemporary Dictionary of Economic Terms]. Moscow, INFRA-M Publ., 2011, 512 p. (In Russian).
  16. Radygin A. *Rossiyskaya privatizatsiya: natsionalnaya tragediya ili institutsionalnaya baza postsovetских reform?* [Privatization in Russia: National Tragedy or Institutional Basis of Post-Soviet Reforms] *Mir Rossii* [World of Russia]. 1998, no. 3, vol. VII, pp. 3–32. (In Russian).
  17. Andreev V.K. *O prave chastnoy sobstvennosti v Rossii (kriticheskiy ocherk)* [On the Right of Private Property in Russia (critical essay)]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007, 176 p. (In Russian).
  18. Kimelman S. *Kuda v Rossii devaetsya neftyanaya renta* [Where goes oil rent in Russia?] *Promyshlennye vedomosti* [Industrial Journal]. Available at: <http://www.promved.ru/next/article/?id=768> (accessed 18.04.2017). (In Russian).
  19. Lvov D. *Strategiya razvitiya Rossii* [Strategies of the Development of Russia]. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal* [Prospects. E-magazine]. Available at: http://www.perspektivy.info/table/strategiya_razvitiya_rossii_2007-03-16.htm. (accessed 18.04.2017). (In Russian).
  20. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik*, 2016 [Russian Statistic Annual, 2016]. Moscow, 2016. 725 p. (In Russian).
  21. *Analiz protsessov privatizatsii gosudarstvennoy sobstvennosti v Rossiyskoy federatsii za period 1993–2003 gody (ekspertno-analiticheskoe mero-priyatie)* [Analysis of the Process of Privatization Of the Public Ownership in Russian Federation from 1993 till 2003 (Expert Analytics)]. Moscow, Olita Publ., 2004, 186 p. (In Russian).
  22. *Pravo i natsionalnye traditsii. Materialy kruglogo stola* [Rights and National Tradition. Proceedings of the Round Table]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2016, no. 12, pp. 5–41. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1541&Itemid=52 (accessed 18.04.2017). (In Russian).
  23. *Gosudarstvennoe uchastie v rossiyskoy ekonomike: goskompanii, zakupki, privatizatsiya. Byulleten o razvitii konkurentsii* [State Participation in Russian Economy: State Companies, Public Procurement, Privatization. Bulletin on the Development of Competition]. 2016, Mart. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8449.pdf> (accessed 18.04.2017). (In Russian).
  24. *Doklad o sostoyanii konkurentsii v Rossiyskoy Federatsii* [Report on the Competition Level in Russian Federation]. Moscow, 2016. Available at: http://fas.gov.ru/upload/aboutfas/Doklad_3.pdf. (accessed 18.04.2017). (In Russian).
  25. Vasilev L.S. *Vostok i Zapad v istorii (osnovnye parametry problematiki)* [East and West in History (Basic Criteria of the Problem). *Alternativnye puti k tsivilizatsii: Kol. Monografiya* [Alternative Routes to Civilization: Multi-authored Monograph]. Moscow, 2000, p. 96–114. (In Russian).
  26. Shkaratan O.I. *Sotsialnaya sistema, obraschennaya v proshloe. Chast 2* [Social System Facing The Past. Part 2] *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. 2015, vol. 22, no. 4, pp. 80–119. (In Russian).
  27. Pliskevich N.M. *Vlast-sobstvennost v sovremennoy Rossii: proiskhozhdenie i perspektivy mutatsii* [Power-Property in Contemporary Russia: Origins and Prospects of Mutation]. *Mir Rossii* [World of Russia]. 2006, no. 3 (vol. 15), pp. 119–131. (In Russian).
  28. Gofman A.B. *Solidarnosti i «abstraktnye pravila» v obschestvakh XXI veka* [Solidarity and «Abstract Rules» in Society of the 21 century]. *XIV Aprelskaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obschestva: v 4 kn.* [XIV April Conference on the Problems of Development of Economy and Society: in 4 books]. Moscow, High School of Economy Publ., 2016, book 4, pp. 249–256. (In Russian).
  29. Belyaeva L.A. *Sotsiokulturnye vyzovy rossiyskoy modernizatsii: prostranstvo, chelovecheskiy kapital i strukturatsiya obschestva* [Social and Cultural Challenges of the Russian Modernization; Space, Human Capital Asset and Structuralization of Society]. *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokulturnye tendentsii i problem* [Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: socioeconomic and sociocultural tendencies and problems]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2016, p. 45–86. (In Russian).
  30. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.12.2016 «O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii»* [Edict of the President of Russian Federation from 1 December 2016 «On the Strategy of Scientific and Technological Development in Russian Federation»]. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed 18.04.2017). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 03.06.2017

Об авторе

Беляева Людмила Александровна
доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник Центра изучения
социокультурных изменений

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: bela46@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0538-7331

About the author

Belyaeva Ludmila Alexandrovna
Doctor of Sociology, Leading Research of the Centre
for the Study of Social and Cultural Change

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: bela46@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0538-7331

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Беляева Л.А. Приватизация собственности в постсоветской России: социальный радикализм и экономическая эффективность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 444–459. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-444-459

Please cite this article in English as:

Belyaeva L.A. Privatization of property in Post-Soviet Russia: social radicalism and economic effectiveness // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 444–459.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-444-459

УДК 316.334.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-460-476

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК КОНЦЕПТ И ФЕНОМЕН*

*Плотникова Елена Борисовна, Кузнецов Александр Евгеньевич,
Маркова Юлия Сергеевна*

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В научных дискуссиях по проблеме исследования социального капитала значительное внимание уделяется поиску единого определения концепта «социальный капитал», а также критике и апологии его использования. В статье утверждается, что основным препятствием при исследовании социального капитала является не отсутствие общепринятого его определения, а отсутствие четко определенного феномена исследования. Представлен обзор развития концепции социального капитала с целью определить альтернативные направления развития и обстоятельства, обусловившие выбор концепции Патнэма. Последняя является основной для развития современных концепций в различных авторских версиях. Версия, популяризированная Патнэмом, восходит к концепции Коулмена, где социальный капитал — абстрактный конструкт. Теоретически и методологически более обоснованной представляется менее известная концепция Бурдьё. Бурдьё заимствует базовый концепт капитала у Маркса, где капитал — социальное отношение. Отсюда различия между концепциями Бурдьё и Коулмена–Патнэма по поводу доступности феномена — объекта, выступающего носителем социального капитала. Объект теорий Маркса и Бурдьё реален: капитал-отношение воплощен в вещественных формах. У Коулмена, напротив, капитал-вещь воплощен в отношениях. В результате концепт социального капитала, будучи производным от концепта «капитал», у Патнэма и в последующей традиции вынужденно определяется через другие социальные отношения. Чаще всего они выражены концептами «доверие» и «нормы». Эти концепты в литературе имеют тавтологические определения. Третья составляющая определений — «социальные сети» — эмпирически состоятельна, но включение ее в определения социального капитала не представляется обоснованным.

Дана краткая характеристика последствий для исследования социального капитала, связанных с традицией, восходящей к версии Патнэма: отсутствие надежных индикаторов, тривиальность наблюдений и предположений. Описаны первоначальные выводы по собственному эмпирическому исследованию социального капитала в сфере производства.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, социальная норма.

SOCIAL CAPITAL AS A CONCEPT AND PHENOMENON

Elena B. Plotnikova, Alexander E. Kuznetsov, Yulia S. Markova

Perm State University

The absence of a concerted approach to defining social capital has received a considerable attention in literature. The employment of the term is subject to critique and defense. The search for unitary definition is notoriously pursued. The paper claims that it is not the absence of the established definition that hinders the development of social capital research but the absence of a clear understanding of what is the object of the study. The paper reviews the development of the conception of social capital to identify abandoned alternative directions of conceptualization and the consequences resulting from the choice of Putnamite conception as its basis. The approach of Putnam goes back to Coleman's understanding of social capital as an abstract construct. The less known approach of Bourdieu appears to be a more consistent one. For Bourdieu, as is for Marx, capital is a social relation which is embodied in thingly forms. While for Coleman, on the contrary, it is a thing embed-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальный капитал организации как фактор модернизации российской промышленности (на примере предприятий Пермского края)», № 16-03-00374.

ded in relations. As a result, the derivative concept of social capital in the 'Putnamite' tradition is subject to circular definitions through other social relations, usually through the concepts of *trust* and *norms*. In literature these concepts' definitions often tend to tautologies. The 3rd concept associated with social capital is that of *social networks*. These are empirically sound, a researchable object on its own, but the inclusion of social norms in definitions of social capital needs a justification other than giving the latter a phenomenon to study. The hindrances to the development of social capital research resulting from the choice of Putnam's definition as basic are: the lack of trustworthy indicators, triviality of observations and of suggestions. The paper gives an overview of the primary results of the authors' empirical research of social capital manifestations at the workplace, the qualitative stage.

Keywords: social capital, trust, social norm.

Понятие социального капитала было введено в научный обиход в десятилетие между 1977 и 1987 гг., авторами, работавшими в разных областях исследования, независимо друг от друга. Точкой соприкосновения для Гленна Лоури, Джеймса Коулмена и Пьера Бурдьё стал вопрос о связи социального неравенства и образования.

Лоури изучал расовое неравенство, он предложил «привлечь концепт социального капитала для отображения последствий социального положения, содействующих приобретению стандартных характеристик человеческого капитала» [1, р. 176].

Бурдьё изучал три *состояния*, или *стадии* культурного капитала, определяющие неравенство академических успехов и опосредованно неравенство социальное [2]. Это (1) воплощенное состояние в форме долговременной расположенности организма («разума и тела» в версии [3]), (2) объективированное состояние (или объективное, *l'état objectif*, в форме культурных благ, *biens culturels*, т.е. книг, картин, инструментов, машин) и (3) институционализированное состояние (в форме ученых званий). Социальный капитал Бурдьё будет описывать по образу культурного. В двухстраничной заметке *Le capital social* Бурдьё определяет «социальный капитал» как «агрегат актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства или признания» [3, р. 21; 4, р. 2; 5, р. 190]. Эти малоизвестные работы, «Три состояния культурного капитала» и «Социальный капитал», легли в основу классической «Формы капитала» 1983 и 1985 гг.

Взгляды Лоури и Бурдьё объединяет внимание к роли преемственности, наследования и сохранения социальных преимуществ. Например, у Лоури социальный капитал предложен, видимо, в связи с идеей «моделей жизненного цикла личного достижения», сфокусированных на (1) влиянии переменных семейных предпосылок (обычно отцовской профессии и образования) на образова-

тельные достижения, (2) влиянии 1-го и образования на занятость, (3) сочетанном влиянии 1-го, 2-го и занятости на доход [1, р. 154–155]. Тема социального неравенства второстепенна в традиции исследования социального капитала, идущей от Коулмена.

Коулмен использует понятие социального капитала с целью построить теорию, связующую микро- и макроуровни социальной системы (уровень действия и уровень социальной организации). Социальный капитал есть «концептуальный инструмент для применения в этом теоретическом предприятии» [6, р. 14]. Задачи Коулмена — «ввести принцип рационального действия для применения в анализе социальных систем» [6, р. 15] и опровергнуть «фикцию общества, состоящего из набора независимых индивидов, каждый из которых действует для достижения целей, которые независимо осознаются, и [фикции,] что функционирование социальной системы составляет комбинацией этих действий независимых индивидов» [7, р. 300].

Коулмен не ставит никаких эмпирических задач. «Социальный капитал» у Коулмена — аналитический конструкт, а его теория социального капитала — *терминологическая* теория. Она организует в единую систему понятий концепты, выработанные предшествующими традициями, и не претендует на описание каких-либо внекабинетных реалий. Это задача концептов, вошедших в конструкт «социальный капитал». В свое время аналогичную работу по созданию теории, всеобъемлющей и совершенно отстраненной от какой-либо работы с социальной реальностью, начинал Парсонс. Коулменом заявлена цель — довести до завершения нереализованный проект Парсонса [8].

Социальный капитал с 1990-х гг. исследуют в традиции, идущей от Коулмена. Его работы упоминаются, однако они не являются непосредственным источником идей для современного этапа развития традиции. Заслуга популяризации темы социального капитала, по-видимому, при-

надлежит Патнэму. Тезисы о позитивной роли социального капитала в экономическом росте в [9] и его упадке в США [10] и иные «заявления экстравагантные» и недостоверные [11, р. 1693] привлекли стойкое внимание к концепту, выразившееся в растущем числе публикаций и исследований.

Основная идея «Боулинга наедине» взята Патнэмом в статье школьного инспектора Лайды Хэнифана: «Когда люди данной общины познакомились друг с другом и сформировали обычай собираться для досуга, общения и развлечения, т.е. когда аккумулирован достаточный социальный капитал, тогда под ловким руководством социальный капитал может быть направлен на общее улучшение благосостояния общины. Не нужно повторять, что сегодня по всей стране в сельских округах — практически полное отсутствие такого социального капитала» [12, р. 131]. После Хэнифана термин случайно упоминался в работах урбанистов: «Крествудские высоты» (Seeley, Sim and Loosely, 1956) и «Смерть и жизнь великих американских городов» (Jacobs, 1971). К несостоявшимся направлениям исследования социального капитала сегодня можно отнести также версии Лоури и Бурдые.

I

Что изучают авторы, исследующие социальный капитал?

Основное различие между подходом Бурдые и традицией Коулмена–Патнэма заключается в выборе (1) версии концепта «капитал» и (2) объекта исследования. (Иначе думает Филд [см.: 13].) Общеизвестно, что «капитал» заимствовано из экономики и в теории социального капитала используется в сугубо экономическом смысле [14].

Бурдые берет концепт капитала у Маркса. Признаки капитала: (1) социальное отношение и (2) самовозрастающая стоимость [15, р. 250]. Марксова версия «капитала» привлекательна тем, что, опираясь на *экономический* концепт, объясняет также *социальную* структуру общества. Задача Бурдые: «вернуть [...] понятие капитала и, вместе с ним, накопление и его эффекты» [3, р. 15]. Портес считает «анализ Бурдые доказуемо самым теоретически изощренным [...] в современном социологическом дискурсе» [16, р. 3].

В традиции Коулмена и Патнэма капитал — не социальное отношение, а *вещь*. «Физический капитал — запас рукотворных материальных ресурсов, которые могут быть использованы, чтобы произведе-

сти приток будущих доходов» [17, р. 174]. Еще у Хэнифана это «недвижимость, личное имущество или наличные» [12, р. 130]. На основе этого «старинного значения» дается современная типология капиталов: «Если физический капитал всецело осязаем, будучи воплощен в наблюдаемой материальной форме, а человеческий капитал — менее осязаемый, будучи воплощен в навыках и знаниях, приобретенных индивидом, — социальный еще менее осязаем, ибо он существует в отношениях между людьми» [6, р. 19]. Сам Коулмен не дает определения социального капитала: это «разнообразие разных сущностей» [7, р. 302].

Итак, концепции капитала-как-социального-отношения и капитала-как-вещи — отправные точки для выбора объекта исследования. Марксов концепт капитала опирается непосредственно на реальные сущности. Возьмем формулу обращения капитала: $M \Rightarrow C \Rightarrow M'$ или $C \Rightarrow M \Rightarrow C'$. Здесь M и C не только *формы* капитала, которые он принимает, циркулируя между сферами обращения и производства. Это также *вещи*. Товары, услуги, производство, потребление, обмен — материальные, вещные объекты и процессы. Форма вещественна. Капитал же — аналитическая категория, описывающая то, что прирастает, сохраняется либо утрачивается в сферах производства и обращения, *несмотря на сменяющиеся формы*. Объект теорий Маркса и Бурдые реален: капитал-отношение воплощен в вещественных формах. У Коулмена же, напротив, капитал-вещь воплощен в отношениях: «социальные отношения, составляющие форму капитала» [6, р. 22] — обязательства, ожидания и достоверность структур, каналы информации, нормы и эффективные санкции. Эти формы социального капитала соотнесены с его функцией: «Социальный капитал определяется его функцией... Функция, определенная концептом “социальный капитал”, есть ценность этих аспектов социальной структуры для акторов в качестве ресурсов, которые они могут использовать для достижения своих интересов (sic!)» [6, р. 16, 19]. Здесь предопределено все последующее разнообразие современных определений социального капитала или, по выражению Дефилиписа, его «мифология».

Все разнообразие определений визуализировано в «Концептуальной модели социального капитала» Адлера и Квона, где в единую схему объединены не феномены, а *другие концепты* — «возможность», «мотивация» и т.п. [18, р. 23]. Поскольку эти концепты не имеют окончатель-

ных дефиниций, поиск итогового определения для «социального капитала» невозможен. Об этом свидетельствует спор вокруг определения. Однако более важный барьер развития концепции социального капитала — отсутствие осязаемого, наблюдаемого феномена.

Определения социального капитала Адлером и Квоном [18] сгруппированы по критериям: «Внешние связи» (I), «Внутренние связи» (II), «Те и другие» (III). Однако определение групп неудачно. Например, «способности» (1–2), «сети» (3–4), «нормы и доверие» (5–6) отнесены в разные группы:

1) (группа I) «способность акторов обеспечивать выгоды благодаря членству в социальных сетях и других социальных структурах» [16, р. 6];

2) (II) «способность людей работать вместе ради общих целей в группах и организациях» (Fukuyama, 1995);

3) (I) «сеть отношений сотрудничества граждан, способствующих разрешению проблем коллективного действия» (Brehm & Rahn, 1997);

4) (III) «сеть социальных отношений, влияющая на поведение индивидов и, таким путем, на экономический рост» (Pennar 1997);

5) (II) «сети, нормы и социальное доверие, способствующие координации и сотрудничеству ради взаимных выгод» [19, р. 67];

6) (III) «информация, доверие и нормы взаимности, присущие социальным сетям» [20, р. 153].

Некоторые авторы определяют социальный капитал через категории «процесс», «ресурсы», «ожидания» [18, р. 20]. Особняком стоит определение Инглхарта: «культура доверия и терпимости, в которой возникают обширные сети добровольных ассоциаций. Эти сети предоставляют контакты и потоки информации, которые, в свою очередь, поддерживают культуру доверия и терпимости» [21, р. 188]. Как видим, Инглхарт привлекает концепт «культура», чтобы связать социальный капитал с практиками. Подобная попытка избежать порочного круга определения одних категорий через другие предпринята Робинсоном и др., где базовыми взяты *психологические* понятия: «социальный капитал — симпатия или чувство обязанности между индивидами или группами» [22, р. 538].

Бесплодность сравнительного анализа определений социального капитала, которую мы наблюдаем у Адлера и Квона [18], подчеркивается *изменчивостью* подходов. Например, в 1998 г. Вулкок присоединяется к «всеобщему определению»:

социальный капитал — «информация, доверие и нормы взаимности, присущие социальным сетям» [20, р. 153]. Но в 2000 г. у него это уже «нормы и сети, способствующие коллективному действию» [23, р. 13]. «Сети», бывшие годом ранее *носителями* социального капитала, теперь стали *частью* его. Появляется тема коллективного действия — столь обширная и давняя, что традиция исследования социального капитала может теперь претендовать на данные и идеи исторической социологии (скажем, Ч. Тилли) и — вновь! — на марксистское наследие. Эволюция Вулкока — не единственный пример. Взгляды могут меняться гораздо быстрее, чем обозреватели осознают принадлежность авторов к подходам и динамике развития последних.

Более детальное сравнение определений дано Адлером и Квоном [18, 24], история развития и обзор концептов социального капитала в критической перспективе — де Филипписом и Собедем [25, 26]. Рассмотрим триаду базовых концептов — доверие, нормы, социальные сети (далее — сети). Она восходит к классическому определению: «Социальный капитал здесь означает черты социальной организации, такие как доверие, нормы и сети, которые могут улучшить эффективность общества, способствуя координированным действиям» [9, р. 167].

Доверие

«Само значение термина “доверие” проблематично» [27, р. 6]. Однако это частая и даже важнейшая [28; 29, р. 1] составляющая определений: например, «социальный капитал, в целом, относится к доверию, заботе о товарищах, готовности жить по нормам сообщества и карать тех, кто не готов» [30, р. 2]. «Доверие можно понимать как форму социального капитала: оно накапливается посредством “хороших” действий и развеивается посредством “дурных”» [31, р. 36]. «Доверие» может фигурировать косвенно, например, как «ожидания»: «Общее знание, понимание, нормы, правила и ожидания насчет паттернов взаимодействий, которые группы индивидов приносят в повторяющуюся деятельность» [17, р. 176].

Как определяется само доверие? Это «оптимистическое ожидание или убеждение касательно поведения других агентов» [32]. Иной подход к определению у Гамбетты: «Доверие (или, симметрически, недоверие) есть определенный уровень субъективной вероятности, с которой агент оценивает, что другой агент или группа агентов

предпримет определенное действие, прежде чем он сможет проконтролировать такое действие (или независимо от его способности контролировать его) и в контексте, в котором оно влияет на его собственное действие» [33, p. 217].

Концепт доверия еще не имеет четкого определения и не может служить уточнением для концепта «социальный капитал». С одной стороны, не все авторы считают доверие *релевантным*: социальный капитал — «средство навязывания норм поведения среди индивидуальных и корпоративных акторов» [34, p. 111]. С другой стороны, известны классические примеры формирования объединений в обществе с *низким уровнем доверия* — в южной Италии: это «безнравственный фамилизм» жителей Монтеграно [35] и сицилийская мафия [36].

Социальные нормы

Считают, что впервые обратился к концепту социального капитала Коулмен в статье 1988 г. [6]. Но это произошло раньше — в статье 1987 г., где Коулмен неосторожно вынес безусловно спорное понимание норм в заголовок — «Нормы как социальный капитал» [37]. (Близким является определение «набор неформальных ценностей или норм» [38, с. 30].)

Позже Коулмен уклоняется от прямого определения норм: нормы «указывают, какие действия расцениваются группой людей как должные или правильные, как неподобающие или неправильные» и «существу[ют], когда социально определенное право контролировать действие принадлежит не актору, но другим» [7, p. 242–243]. Ни в «Основаниях», ни в их экзегезе он не обращает внимания на разрушительное присутствие «права» [39, p. 125], явное — во втором определении и неявное присутствие «ценностей» — в первом. Чтобы определить «право» и «ценности», необходимо знать, *что* есть «норма». Чтобы иметь права, необходимо иметь готовую социальную систему [40, p. 6].

«Социальная норма» — это тоже спорное понятие. Социальная норма обычно определяется так: «социальные нормы суть привычные правила поведения, которые координируют наши интеракции с другими» [41, p. 647] или «управляют поведением» [42]. Согласно Льюису, это «регулярности, которым, по нашему убеждению, некто должен соответствовать» [43, p. 97]; соответствие норме *навязывается*, другие члены популяции P в ситуации S *ожидают*, что агент будет соответ-

ствовать, имеют причины *верить*, что это соответствие будет отвечать предпочтениям агента [43, p. 97]. «Нормы часто путают с кодифицированными правилами, нормативными ожиданиями или рекуррентным наблюдаемым поведением» [44, p. 8]. Гиббс в классическом обзоре определенных норм в социологии обнаруживает 19 типов норм. Обобщая анализ, он пишет: «Норма [...] включает: (1) коллективную оценку поведения с т.з. того, каким оно *должно быть*; (2) коллективное ожидание того, каким оно *будет*, или (3) конкретные *реакции* на поведение, включая попытки применить санкции или иначе внушить определенного рода поведение» [45, p. 589].

Итак, «долженствование», «убеждение» и «ожидание» непременно входят в состав определенных нормы. Определение норм допускает ошибку цикличности — составляющие определенных, в т.ч. сами *definiens* и *definiendum* образуют круг определения: одно понятие определяется посредством другого.

«[В] социологии и традиционной социальной философии понятие социальных норм не ощущается как особенно фундаментальное. Скорее, предлагается определять социальные нормы в терминах довольно богатого нормативного словаря без объяснения этого словаря» [46, p. 470]. (Впрочем, предложенное Детелем определение нормы как «навязанной практики» [46, p. 476] тоже уязвимо — со стороны предикации «навязанные». Нормы *навязаны*, *enforced*, санкциями, апеллирующими к аффектам, чувствам и стремлениям. Эти психологические компоненты определения делают «норму» Детеля *фундаментальным* понятием, но не делают его *социологическим*. Отдельное затруднение для Детелева определения составляют «санкции»: если воздействие не является грубым принуждением, то почему люди *должны* подчиняться воздействию санкций или *должны* применять их. Долженствование, конечно, нельзя определять без апелляции к «норме». Итак, Детель не избавился от цикличности в определении: нормы через санкции, санкций — через норму. Все же отделение «нормы» от «правила» составляет большое достоинство его аргумента.)

Категория «социальная норма» не имеет должного определения и не может использоваться для определения концепта «социальный капитал».

Социальные сети

«Социальная сеть — паттерн социальных связей в хорошо определенной группе сторон» [47, р. 3].

Коулмен вводит в концепцию социального капитала наблюдения Марка Грановеттера, сделанные на материалах исследования социальных сетей [48, 49], *как если бы эти наблюдения могли служить эмпирическим аргументом в пользу социального капитала*. Нам представляется, что это союз искусственный и односторонний.

Социальные сети у Грановеттера — вполне реальные, эмпирические вещи, феномены. Исследователь может спросить у респондента, сколько у него знакомых, где, как часто и на какие темы они общаются. Все это наблюдаемые, вещественные события и факты, «Дюркгеймовские вещи». На базе наблюдения их могут быть развиты аналитические категории и конструкты. Привлечение сетей Грановеттера в концепцию социального капитала Коулмана, где вещественный субстрат этого вида капитала *не появляется даже в определении*, можно назвать имплантацией инородного тела в бесчувственную среду. Тем не менее эта операция дала возможность всей традиции исследования социального капитала, идущей от Коулмена и Патнэма, привлекать наблюдения и выводы исследователей сетей *как собственные аргументы*. Анализ сетей обусловил появление идеи видов социального капитала. Это капиталы: (1) связующий (bonding) — связывает членов сетей, имеющих общую идентичность, видящих друг друга похожими (например, сильные семейные связи, основанные на доверии и взаимности); (2) соединяющий (bridging) — соединяет людей, знающих о своем несходстве с точки зрения статуса или идентичности; (3) сцепляющий (linking) — сцепляет людей, имеющих эксплицитные различия с точки зрения формальной или институционализированной власти [10, р. 19; 20, р. 156; 23, р. 13; 50, р. 654–655; 51].

Ответный вклад теории социально капитала в исследования сетей оценить затруднительно. (Мы читаем иронию во фразе: «Будущие работодатели и работники предпочитают узнавать друг о друге из личных источников, чьей информации они доверяют; [э]то пример того, что называется “социальный капитал”» [52]. Люди, действительно, пользуются личными источниками информации и предпочитают доверять надежным источникам. Это наблюдение можно счесть столь же истинным, сколь тривиальным.)

Этот вывод не исключает возможность *популяризации* анализа сетей *под именем* социального капитала, а неопределенность этого концепта может способствовать таким проектам. Примером может быть *Brokerage and Closure* Рона Барта, где социальный капитал определяется предельно широко и поверхностно — как «преимущество, созданное локализацией человека в структуре отношений» [53, р. 4; см. также: 54; 55, р. 31–32]. Барт дает должную оценку исключительной популярности темы социального капитала и предлагает простое *терминологическое* решение *методологической* проблемы.

Последняя состоит в отсутствии сколь-нибудь очерченного феномена — объектов, событий, фактов, — которые являются *носителями* социального капитала. Подбор *имени*, ярлыка для обозначения этого феномена или круга феноменов (далее — феномен) отнюдь не создает сам феномен. «Преимущества» Барта, действительно, могут быть искомым определением социального капитала, консолидирующим все прочие варианты, однако не могут служить дефиницией (как и русское «определение», дефиниция требует установить «пределы», «границы» понятия и области научного поиска). Пользуясь тем же методом, можно упразднить (объединить) направления исследования бедности, неравенства, дискриминации, классовой борьбы, политических репрессий и Холокоста под ярлыком «недостатки, созданные локализацией в структуре отношений». Задача науки состоит в обратном — в уточнении и объяснении «преимуществ».

II

Привлекательность материала и выводов исследователей сетей обусловлена двумя обстоятельствами:

1) совпадением целей — «анализ социальных сетей предлагается в качестве инструмента для связывания микро- и макроуровней социологической теории» [48, р. 1360];

2) бедностью эмпирической базы, тривиальностью наблюдений и выводов.

Последний тезис может подтвердить обзор исследований социального капитала, представленный авторами, *сочувствующими* традиции. Адлер и Квон приводят следующие выводы и наблюдения: «литература указывает на нормы, ценности, доверие и членство в общностях как ключевые источники мотивации к социальному капиталу» [24, р. 415]; «его эффекты — в преимуществе со-

лидарности и обладания информацией и влиянием, причитающихся членам коллектива»; «его источники — в социальных отношениях..., и эти социальные отношения могут быть (понятийно) отличены от отношений рыночного обмена и иерархической власти» [24, р. 412]; «специфические черты социальных отношений, дающие начало социальному капиталу, — (1) возможности, даваемые сетевой структурой этих отношений, (2) нормы и ценности, образующие содержание этих сетевых связей и придающие им их мотивирующую силу» [24, р. 413]; «когнитивные связи могут также создавать более широкое ощущение общности, выходящее за рамки непосредственных сетевых контактов и узкого круга друзей»; «акторы, занимающие объективно схожее положение в сети, могут по-разному воспринимать свои социальные связи и, таким образом, могут не видеть те же структуры ограничений и возможностей»; «малоинформированные акторы могут учиться и со временем улучшать свою способность мобилизовать свой потенциальный социальный капитал» [24, р. 414]; «взаимодействие лицом-к-лицу интенсифицирует солидарность и сотрудничество, а акторы, локализованные ближе в физическом пространстве, более склонны взаимодействовать и формировать связи»; авторы настаивают на важности мотивации [24, р. 415]; «существование культурных влияний и общего морального порядка, а не сетевые связи как таковые, — наиболее вероятный источник идентичности сообщества»; «мотивационное содержание связей может влиять не только на генерирование социального капитала, но и на его долговечность»; «устойчивость социального капитала как ресурса менее вероятна, если инструментальная мотивация не подкреплена другими мотивами»; наличие социального капитала не является предиктором мобилизации; «доверие способствует активации сетевых связей» [24, р. 416]; «люди склонны приобретать более ценный социальный капитал от других — тех, кто обладает качествами, навыками и *know-how*, дополняющими их собственные и релевантными решению проблемы»; желание помочь не всегда совпадает с возможностью помочь; «социальная компетентность предпринимателей влияет на деловой успех» [24, р. 417]; «следует всерьез учитывать различия в социальных связях акторов и вытекающее отсюда неравенство социального капитала»; «люди с высоким статусом получают больше выгод от сетевых эффектов, чем люди с низким статусом»; «со-

циальные сети могут усиливать различия в личных способностях и социальное неравенство»; это «результат и причина... уровней бедности и экономического неравенства» [24, р. 418]; «основной тезис — что социальные связи могут быть эффективны в приобретении информации, влияния и солидарности — теперь бесспорен» [24, р. 419].

Приведенные в обзоре наблюдения тривиальны или являются лишь предположениями. Это, вероятно, закономерный результат выбора концепции капитала-как-вещи и построения его теории на базе абстрактной системы Коулмена. Отчасти эта зависимость обусловлена плохим знанием альтернативной, классической (Марксовой) теории. Например, Лин, один из ведущих экспертов по проблеме, отвечает на вопрос «Что есть капитал?» так (пропускаем ссылки на литературу и общеизвестные положения): «Понятие капитала можно проследить до Маркса... В его концептуализации капитал есть часть прибавочной стоимости, захватываемая капиталистами или буржуазией... С одной стороны, это часть прибавочной стоимости, генерируемой и прикармливаемой капиталистами... С другой стороны, он представляет собой инвестицию (в производство и обращение товаров)... Я назвал Марксову теорию капитала *классической теорией капитала*...» (курсив наш. — *Авт.*) [56, р. 4; см. также: 43, р. 6–7]. Неверны все высказанные положения.

Сомнению подвергались также компетентность и качество аргументов *классических* авторов. Например, Патнэм игнорирует опровергающие данные, «часто путает причину и следствие» [26, р. 140]. Многие из тезисов Патнэма оспорены [11, р. 1685]. Убеждение Патнэма в положительной связи социального капитала и экономического развития Марсель Фафшам назвал «мантрой» [32]. Фафшам (вероятно, самый плодовитый автор-исследователь кооперации и социального капитала в странах третьего мира) указывает на существенно логическую несостоятельность главного тезиса Патнэма: спад социального капитала в США приходится на период длительного и устойчивого экономического роста. Боулз и Гамбетта указывают на роль расистских организаций и мафии в противодействии общественному прогрессу [36, 57]. Патнэм не смог аргументировать главный тезис — объяснить различия в уровне доверия в Италии [58, р. 688]. Элстер упрекает Коулмена в несостоятельном обращении с «социальной нормой» и аргументации на уровне «научной фанта-

стики» [59], а Тилли — в отсутствии представлений о причинении [60].

Весомость критики в адрес конкретных авторов, работ или аргументов (а Чарльз Тилли и Йон Элстер — из числа крупнейших социальных ученых современности) еще не упраздняет проблематику социального капитала. Насколько критично отсутствие единого, согласованного определения этого концепта?

Ряд авторов говорят о необходимости отказаться от термина [61]. Например, Эрроу советует «отказаться от метафоры капитала и самого термина “социальный капитал”. Термин “капитал” подразумевает три аспекта: (а) протяженность во времени; (б) сознательные жертвы в настоящем ради будущей выгоды и (с) отчуждаемость. [...] Особенно (б) неверно» [62, р. 4]. Боулз предлагает заменить «социальный капитал» на «община» (community), т.к. оно «фокусирует внимание на том, что группы делают, нежели что они имеют» [57, р. 6]. Дерлауф предлагает считать «социальный концепт» ярлыком, именующим конгломерат исследований: «Социальный капитал — не концепт, а *praxis*, кодовое слово, используемое, чтобы соединить разрозненные, но взаимосвязанные исследовательские интересы и способствовать взаимообогащению идеями из разных дисциплин» [11, р. 1642].

Следует согласиться с общепризнанным выводом о неопределенности концепта: социальный капитал «не механизм, вещь либо результат, а что угодно из них или одновременно все вместе» [25, р. 784]. Сюда следует отнести даже двусмысленность понятия «социальный». В англоязычной литературе «социальное» часто означает «коллективное». Например, Касл говорит: «Прилагательное “социальное” означает, конечно, что участвует более одного индивида» [14, р. 333]. (Парсонс, напавшийся в Европе идеями континентальной социологии, привез в США *sozial* (соответствующее русскому «социальное») еще в 1930-х гг., но оно до сих пор еще не вытеснило традиционное толкование.) Тем не менее тонкости и противоречия употребления лексикона и категорийного аппарата в большей степени характеризуют качество работы исследователей, нежели реальность феномена или важность социального капитала. Употребление того или иного слова при именовании феномена имеет второстепенное значение. Решающим является само наличие феномена.

III

Необходимость интеграции теории и измерения осознана давно [63, р. 57]. Сабатини указывает на трудности поиска феномена, соответствующего нашим представлениям о социальном капитале: «Если социальный капитал есть все то, что может заставить агентов сотрудничать или рынки работать лучше, тогда любой эмпирический анализ докажет, что социальный капитал причиняет сотрудничество агентов и повышает эффективность рынков» [64]. Ранее мы предположили, что концепция социального капитала является терминологической теорией — она организует научные концепты в более или менее целостную систему, не имея сколько-нибудь эксплицитных референций к реально существующим объектам и отношениям. Отсюда логично заключение Сабатини: «Большинство эмпирических исследований измеряют социальный капитал через “косвенные” индикаторы, не представляющие ключевые компоненты [...], определенные в литературе. [...] Исследования, основанные на [измерении] результатов социального капитала как его индикаторов, всегда будут отождествлять их с социальным капиталом. Социальный капитал становится тавтологически данным» [64, 65].

Обладает ли предполагаемый феномен социального капитала какой-либо эмпирической конкретикой?

«Социальный капитал» есть, несомненно, аналитический концепт или даже абстрактный конструкт. Однако в литературе встречаются описания характеристик социального капитала как феномена, как реально существующей, обнаруживаемой вещи. Например, Робинсон и др. перечисляют признаки социального капитала — долговечность, гибкость, восполняемость, надежность, способность к деградации, способность к созданию других форм капитала и инвестированию [66]. Несомненно, что все эти характеристики относятся к научным *представлениям* о социальном капитале, а не предмету этих представлений. Остром указала отличия физического капитала от капитала социального — отличия вещи от концепта! Последний (1) «изнашивается не в употреблении, а от неупотребления; (2) его нелегко увидеть и измерить, (3) трудно создать вмешательством извне и (4) правительства сильно влияют на уровень и тип социального капитала, доступного индивидам для приложения усилий по достижению долгосрочного развития» [17, р. 179]. Предположение о том, что — при некото-

рых усилиях и обстоятельствах — ученый может увидеть и измерить идею, или что она может быть изношена от неупотребления, или создана правительственной интервенцией, заслуживает большего внимания рецензентов и редакторов научных изданий.

Индикаторами социального капитала могут выступать самые разные проявления коллективности: участие в выборах, членство в родительских комитетах, спортивных, профессиональных и бизнес-ассоциациях, соседском надзоре, профсоюзах и религиозных конгрегациях, статистика подростковой беременности, пения хором и сдачи крови [см., напр.: 19, 21]. Локусом участия могут быть любые ассоциации — «все, кроме правительства» [57, р. 6]. Вулкок признает оппортунизм этого подхода — неопределенность «социального капитала» оправдывается доступностью данных: «такой всеобъемлющий подход привлекателен из-за существования больших кросс-национальных баз данных» [23, р. 12].

Критика теории социального капитала — со стороны оппонентов и апологетов — иногда звучит в резких выражениях. Дасгупта: социальный капитал «трудно измерять [...] не из-за общепризнанной скудности данных, а потому что мы не вполне знаем, что следует измерять», и потому «есть соблазн использовать “социальный капитал” как крючок, чтобы вешать на него все те неформальные обязательства (engagements), которые нам нравятся, заботят нас и одобряются нами» [67].

Нобелевский критик «социального капитала» Роберт Солоу допускает, что «[т]акое вещи, как доверие, готовность и способность сотрудничать и координироваться, привычка вносить вклад в общее дело, даже когда никто не контролирует, — все эти паттерны поведения, и другие, имеют отдачу с точки зрения общей производительности» [68, р. 7]. Но возражает против объединения по методу Барта: «Итак, все эти важные и ранее не проанализированные влияния на производство можно свалить в кучу как социальный капитал и получить весь аппарат анализа» [68, р. 7].

Дерлауф и Фафшам в обзоре количественных и статистических исследований социального капитала делают вывод, что они «были очень часто неубедительны» и рекомендуют (1) сосредоточиться на более конкретных компонентах поведения, (2) на развитии типологии факторов, влияющих на предпочтения, ограничения действия и убеждения акторов, и (3) обратить внимание на

«нестатистические» и неколичественные данные, например, на «описательные истории» [11, р. 1688–1691]. Однако качественные исследования социального капитала редки; не имеют либо не раскрывают методологию анализа данных [см., напр.: 69].

Какова общая ситуация в области исследования социального капитала? Фулкерсон и Томпсон полагают, что традиция исследования социального капитала вступает в стадию *парадигмы* [70, р. 537]. У Куна парадигмы — «получившие всеобщее признание научные достижения, которые на какое-то время дают сообществу участников образцовые проблемы и решения» [71, р. 8]. Неспособность теории социального капитала прийти к общепонятному определению ключевого концепта и, самое главное, объекта исследования делает тезис о парадигмации преждевременным.

IV

В июне 2017 г. в рамках подготовки к опросу работников крупного промышленного предприятия ($n = 300$, методом анкетирования) группой исследователей ПГНИУ были проведены 17 качественных, структурированных интервью с работниками, занимающими должности от рабочего до начальника цеха. Цель качественного этапа исследования — обнаружение индикаторов социального капитала в отчетах респондентов о планировании, организации работ, управлении и взаимодействии на уровне непосредственного производства.

Сложность применения методологии качественного исследования заключается в том, что спонтанные описания рабочих ситуаций представляют собой «трудные» данные — от исследователя требуется разработка методологии анализа, позволяющей обнаружить феномен *в уже собранных данных*, притом что существует риск *фабрикации* феномена путем подстраивания способа анализа под цели анализа.

Феномен может оказаться артефактом инструмента [см.: 64, 72]. Респонденты зачастую сотрудничают с исследователем, стремясь подтвердить его гипотезы или свою осведомленность. Таким образом, в социально-научном исследовании феномен может быть сфабрикован. Вероятность такой ошибки может быть высока (1) вследствие популяризации концепта и (2) опоры на исключительно аналитические концепты [см.: 73] (например, «доверие», «сети» и т.д.) при интерпретации концепта и данных. Поэтому подозрение в субъ-

ективизме, традиционно адресуемое качественным методологиям, распространяется на любое исследование, не проводящее контекстуального анализа или (квази)экспериментального контроля [см., напр.: 74]; а также эволюцию взглядов этого автора от критики качественной методологии к апологии кейс-стади [75]. Одно описание может реферировать к разным практикам и ситуациям, у одного или у разных респондентов. Возможности контролировать понимание вопросов в массовых опросах ограниченные.

Использование простой лексики при составлении анкетных вопросов не гарантирует *единого понимания* вопроса. Респонденты интерпретируют одни вопросы в контексте других вопросов и склонны давать *скоординированные* ответы на серии вопросов, которые считают *взаимными интерпретантами*. (Этот феномен — как «контекстуальные эффекты» работы респондентов с вопросами — описан Садменом и др. на материале расщепленных выборок, с экспериментальным подтверждением [76].) Анализируя данные, исследователь может принять статистические связи ответов за проявления паттернов *деятельности*, в то время как эти связи отображают лишь паттерны *интерпретации вопросов*.

В статье могут быть представлены только предварительные наблюдения исходя из результатов данного этапа исследования.

Заключение

Организационный контекст социального капитала может быть описан следующими наблюдениями.

1. Значительную роль в управлении трудом и производством играют неформальные согласования и сотрудничество, как горизонтально, так и вертикально организованные.

2. Участие высшего руководства (администрации предприятия) категоризируется как вмешательство, обуславливающее осуществление работниками низовой автономии.

3. Высокий уровень конфликтности, проявления которой — подавленные, косвенные и сфокусированные на роли и функциях (вмешательстве) администрации предприятия.

4. Вмешательство администрации представлено как технические и организационные инновации (централизация непрофильных служб, внедрение нестабильно работающих программ, рост и дублирование отчетности); характеризуется как затрудняющее выполнение задач.

5. Роль и функции цехового руководства и многочисленных низовых совещаний и согласований оцениваются как решение задач, отчасти созданных вмешательством вышестоящего руководства.

На этом этапе исследования мы можем утверждать, что качественные интервью дали некоторые подтверждения релевантности (реальности) феномена социального капитала. Ни одна из методологий сбора и анализа данных не дает бесспорных преимуществ в изучении столь спорных феноменов. Опора на *разные* методологии может снизить риски фабрикации феномена. Обнаружение несуществующего феномена является более тяжелой методологической ошибкой, чем необнаружение феномена существующего.

Список литературы

1. *Loury G.C.* A Dynamic Theory of Racial Income Differences // *Women, Minorities, and Employment Discrimination* / ed. by P.A. Wallace, A.M. Lamond. Lexington, MA: Lexington Books, 1977. P. 153–188.
2. *Bourdieu P.* Les trois états du capital culturel // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1979. Nov. Vol. 30. L'institution scolaire. P. 3–6. DOI: 10.3406/arss.1979.2654.
3. *Bourdieu P.* 1985. The forms of capital // *The RoutledgeFalmer reader in sociology of education* / ed. by S.J. Ball. L.; N.Y.: RoutledgeFalmer, 2004. P. 15–29.
4. *Bourdieu P.* Le capital social // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1980. Jan. Vol. 31. Le capital social. P. 23–25. URL: http://www.persee.fr/doc/arss_0335-5322_1980_num_31_1_2069 (accessed: 01.06.2017).
5. *Bourdieu P.* Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt Sonderband 2)* / hg. R. Kreckel. Göttingen, 1983. S. 183–198. URL: <http://unirot.blogspot.de/images/bourdieuKapital.pdf> (accessed: 07.04.2017).
6. *Coleman J.S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94: Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. P. S95–S120. URL: <http://www.jstor.org/stable/2780243> (accessed: 14.07.2017).
7. *Coleman J.S.* Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. 993 p.
8. *Coleman J.S.* Social Theory, Social Research, and a Theory of Action // *The American Journal of Sociology*. 1986. May. Vol. 91, № 6. P. 1309–1335.

- URL: <http://www.jstor.org/stable/2779798> (accessed: 20.07.2017).
9. *Putnam R.D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. 247 p.
  10. *Putnam R.D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon & Schuster, 2000. 544 p.
  11. *Durlauf S.N., Fafchamps M.* Social Capital // Handbook of Economic Growth / ed. by P. Aghion, S. Durlauf. Elsevier, 2005. Vol. 1B. P. 1639–1699.
  12. *Hanifan L.J.* The Rural School Community Center // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1916. Sep. Vol. 67: New Possibilities in Education. P. 130–138. URL: <http://www.jstor.org/stable/1013498> (accessed: 30.07.2017).
  13. *Field J.* Social capital. N.Y.: Taylor & Francis e-Library, 2008. 193 p.
  14. *Castle E.N.* Social Capital: An Interdisciplinary Concept // Rural Sociology. 2002. May. Vol. 67(3). P. 331–349. DOI: 10.1111/j.1549-0831.2002.tb00107.x
  15. *Marx K.* Capital // Critique of Political Economy. Vol. 1 / tr. Ben Fowkes. London: Penguin, 1976.
  16. *Portes A.* Social capital: Its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24. URL: <http://www.jstor.org/stable/223472> (accessed: 19.07.2017).
  17. *Ostrom E.* Social capital: A fad or fundamental concept? // Social Capital: A Multifaceted Perspective / ed. by P. Dasgupta, I. Seragilden. Washington, D.C.: The World Bank, 2000. P. 172–214.
  18. *Adler P.S., Kwon S.* Social Capital: Prospects for a new concept // Academy of Management Review. 2002. Vol. 27. P. 17–40. DOI: 10.5465/AMR.2002.5922314.
  19. *Putnam R.D.* Bowling alone: America's declining social capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6(1). P. 65–78.
  20. *Woolcock M.* Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework // Theory and Society. 1998. Vol. 27(2). P. 151–208. URL: <http://www.jstor.org/stable/657866> (accessed: 10.07.2017).
  21. *Inglehart R.* Modernization and post-modernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 464 p.
  22. *Robison L.J., Siles M.E., Songqing J.* Social capital and the distribution of household income in the United States // The Journal of Socio-Economics. 2011. Vol. 40. P. 538–547. DOI:10.1016/j.socec.2011.04.004.
  23. *Woolcock M.* The place of social capital in understanding social and economic outcomes // Isuma: Canadian Journal of Policy Research. 2001. Vol. 2(1). P. 11–17. URL: <http://www.social-capital.net/docs/The%20Place%20of%20Social%20Capital.pdf> (accessed: 10.07.2017).
  24. *Kwon S.-W., Adler P.S.* Social Capital: Maturation of a Field of Research // Academy of Management Review. 2014. Vol. 39, № 4. P. 412–422. DOI: 10.5465/amr.2014.0210.
  25. *DeFilippis J.* The Myth of Social Capital in Community Development // Housing Policy Debate. 2001. Vol. 12, iss. 4. P. 781–806. URL: http://www.urbancenter.utoronto.ca/pdfs/elibrary/DeFilippis_Myth-of-Social-C.pdf (accessed: 28.07.2017).
  26. *Sobel J.* Can We Trust Social Capital? // Journal of Economic Literature. 2002. Mar. Vol. 40, № 1. P. 139–154. URL: <http://www.jstor.org/stable/2698596> (accessed: 20.07.2017).
  27. *Seligman A.* The problem of trust. Princeton; NJ: Princeton University Press, 1997. 224 p.
  28. *Германов И.А., Плотникова Е.Б.* Концептуализация и операционализация понятия «социальный капитал» в исследованиях организаций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 106–114. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-106-114.
  29. *Sunderland D.* Social Capital, Trust and the Industrial Revolution. 1780–1880. N.Y.: Routledge, 2007. 251 p.
  30. *Bowles S., Gintis H.* Social Capital and Community Governance // The Economic Journal. 2002. Vol. 112, iss. 483. P. 419–436. URL: www.umass.edu/preferen/gintis/soccapej.pdf (accessed: 20 July 2017).
  31. *Fafchamps M.* Market institutions in sub-Saharan Africa: theory and evidence. L.; Cambridge, MA: The MIT Press, 2004. 500 p.
  32. *Fafchamps M., Gubert F.* The Formation of Risk Sharing Networks. Global Poverty Research Group GPRG-WPS-037. 2005. URL: <https://web.stanford.edu/~fafchamp/netphil.pdf> (accessed: 22.07.2017).
  33. *Gambetta D.* Can We Trust Trust? // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / ed. by D. Gambetta. N.Y.: Basil Blackwell, 1988. P. 213–237.
  34. *Walker G., Kogut B., Shan W.* Social Capital, Structural Holes and the Formation of an Industry Network // Organization Science. 1997. Mar.-Apr. Vol. 8, № 2. P. 109–125. URL: <http://www.jstor.org/stable/2635305> (accessed: 20.07.2017).

35. *Banfield E.* The Moral Basis of a Backward Society. N.Y.: Free Press, 1958. 199 p.
36. *Gambetta D.* Mafia: the Price of Distrust // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / ed. by D. Gambetta. N.Y.: Basil Blackwell, 1988. P. 158–175.
37. *Coleman J.S.* Norms as Social Capital // Economic Imperialism: The Economic Approach Applied Outside the Field of Economics / ed. by G. Radnitzky, P. Bernholz. N.Y.: Paragon House Publishers, 1987. P. 133–155.
38. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М.: АСТ, 2008. 476 с.
39. *Coleman J.S.* The Vision of Foundations of Social Theory // Analyse & Kritik. 1992. Vol. 14. S. 117–128. URL: http://analyse-und-kritik.net/1992-2/AK_Coleman_1992.pdf (accessed: 20.07.2017).
40. *Stichweh R.* Systems Theory as an Alternative to Action Theory? The Rise of ‘Communication’ as a Theoretical Option // Acta Sociologica. 2000. Vol. 43. P. 5–13. URL: https://www.fiw.uni-bonn.de/demokratieforschung/personen/stichweh/pdfs/11_stw_systems-theory-as-an-alternative-to-action-theory-2000.pdf (accessed: 30.07.2017).
41. *Young H.P.* Social norms // The New Palgrave Dictionary of Economics / ed. by S.N. Durlauf, L.E. Blume. L.: Palgrave Macmillan, 2008.
42. *Bicchieri C., Muldoon R.* Social Norms // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta. 2014. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/social-norms/> (accessed: 22.07.2017).
43. *Lewis D.* Convention: A Philosophical Study. Cambridge MA: Harvard University Press, 1969.
44. *Bicchieri C.* The Grammar of Society: The Nature and Dynamics of Social Norms. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 234 p.
45. *Gibbs J.* Norms: the Problem of Definition and Classification // American Journal of Sociology. 1965. Vol. 70. P. 586–594. URL: <http://www.jstor.org/stable/2774978> (accessed: 27.07.2017).
46. *Detel W.* On the Concept of Basic Social Norms // Analyse & Kritik. 2008. Vol. 30. P. 469–482. URL: http://www.analyse-und-kritik.net/2008-2/AK_Detel_2008.pdf (accessed: 17.07.2017).
47. *Koput K.W.* Social capital: An Introduction to Managing Networks. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2010. 172 p.
48. *Granovetter M.S.* The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. May. Vol. 78, № 6. P. 1360–1380. DOI: 10.1086/225469.
49. *Granovetter M.S.* The strength of weak ties: A network theory revisited // Sociological Theory. 1983. Vol. 1. P. 201–233. URL: <http://www.jstor.org/stable/202051> (accessed: 27.07.2017).
50. *Szreter S., Woolcock M.* Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // International Journal of Epidemiology. 2004 Vol. 33(4). P. 650–667. DOI: 10.1093/ije/dyh013.
51. *Andriani L.* Social Capital: a Road Map of Theoretical Frameworks and Empirical Limitations. BWPMA 1301. 2013. URL: <http://www.bbk.ac.uk/management/docs/workingpapers/WP1.pdf> (accessed: 21.07.2017).
52. *Granovetter M.S.* The Impact of Social Structure on Economic Outcomes // The Journal of Economic Perspectives. 2005. Winter. Vol. 19, № 1. P. 33–50. URL: <http://www.jstor.org/stable/4134991> (accessed: 27.07.2017).
53. *Burt R.S.* Brokerage and Closure: An Introduction to Social Capital. Oxford, NY: Oxford University Press, 2005. 279 p.
54. *Burt R.S.* Structural holes: the social structure of competition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 313 p.
55. *Burt R.S.* Structural Holes versus Network Closure as Social Capital // Social capital: theory and research / ed. by N. Lin, K. Cook, R.S. Burt. N.Y.: Walter de Gruyter, 2001. P. 31–56.
56. *Lin N.* Social Capital: a Theory of Social Structure and Action. N.Y.: Cambridge University Press, 2001. 278 p.
57. *Bowles S.* «Social capital» and community governance // Focus. 1999. Fall. Vol. 20, № 3. P. 6–10. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/af36/460383d7487398125dff3b28eb1421cc188a.pdf> (accessed: 13.07.2017).
58. *Boix C., Posner D.N.* Social Capital: Explaining Its Origins and Effects on Government Performance // British Journal of Political Science. 1998. Vol. 28, iss. 04. P. 686–693. DOI: 10.1017/S0007123498000313.
59. *Elster J.* Coleman on social norms // Revue française de sociologie. 2003. Vol. 44(2). P. 297–304. URL: https://cdn.uclouvain.be/public/Exports%20reddot/cr-cridis/documents/elster_sur_coleman.pdf (accessed: 28.07.2017).
60. *Tilly C.* James S. Coleman as a guide to social research // The American Sociologist. 1997. June. Vol. 28, iss. 2. P. 82–87. DOI: 10.1007/s12108-997-1009-0.
61. *Fine B.* Social Capital versus Social Theory. Political Economy and Social Science at the Turn of the Millennium. L.; N.Y.: Routledge, 2002. 293 p.

62. Arrow K. Observations on Social Capital // Social Capital. A Multifaceted Perspective / ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington, D.C.: The World Bank, 1999. P. 3–5.
63. Lin N., Fu Y., Hsung R.-M. The Position Generator: Measurement Techniques for Investigations of Social Capital in Social capital: theory and research // Social capital: theory and research / ed. by N. Lin, K. Cook, R.S. Burt. N.Y.: Walter de Gruyter, 2001. P. 57–83.
64. Sabatini F. The Empirics of Social Capital and Economic Development: A Critical Perspective // NOTA DI LAVORO. 2006. Jan. Vol. 15. URL: <http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/12097/1/wp060015.pdf> (accessed: 22.07.2017).
65. Durlauf S.N. The case «against» social capital // Focus. 1999. Fall. Vol. 20, № 3. P. 1–5. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/af36/460383d7487398125dff3b28eb1421cc188a.pdf> (accessed: 10.07.2017).
66. Robison L.J., Schmid A.A., Siles M.E. Is social capital really capital? // Review of Social Economy. 2002. March. Vol. LX. P. 1–21. DOI: 10.1080/00346760110127074.
67. Dasgupta P. Social Capital and Economic Performance: Analytics. 2002. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.200.474&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 20.07.2017).
68. Solow R.M. Notes on Social Capital and Economic Performance // Social Capital. A Multifaceted Perspective / ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington, D.C.: The World Bank, 2000. P. 6–12.
69. Hawkins R.L., Maurer K. Bonding, Bridging and Linking: How Social Capital Operated in New Orleans following Hurricane Katrina // British Journal of Social Work. 2010. Vol. 40. P. 1777–1793. DOI:10.1093/bjsw/bcp087.
70. Fulkerson G.M., Thompson G.H. The Evolution of a Contested Concept: A Meta-Analysis of Social Capital Definitions and Trends (1988–2006) // Sociological Inquiry. 2008. Nov. Vol. 78, № 4. P. 536–557. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2008.00260.x
71. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1962. 210 p.
72. Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. The Work of a Discovering Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar // Philosophy of the Social Sciences. 1981. June. P. 131–158.
73. McCracken G. The Long Interview. Qualitative Research Methods. Series 13. Newbury Park, CA: Sage, 1988. 88 p.
74. Campbell D.T., Stanley J.C. Experimental and Quasi-Experimental Designs for Research. Chicago: Rand McNally, 1966. 85 p.
75. Flyvbjerg B. Five Misunderstandings about Case-Study Research // Qualitative Inquiry. 2006. Apr. Vol. 12, № 2. P. 219–245. URL: <https://ssrn.com/abstract=2230464> (accessed: 19.11.2015).
76. Sudman S., Bradburn N., Schwartz N. Thinking about Answers. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1996. 305 p.

Получено 01.08.2017

References

1. Loury G.C. A Dynamic Theory of Racial Income Differences. *Women, Minorities, and Employment Discrimination* / ed. by P.A. Wallace, A.M. Lamond. Lexington, MA, Lexington Books, 1977, pp. 153–188. (In English).
2. Bourdieu P. *Les trois états du capital culturel* [The three conditions of the cultural capital]. *Actes de la recherche en sciences sociales* [Proceedings of the Social Science Research]. 1979, Nov., vol. 30, L'institution scolaire, pp. 3–6. DOI: 10.3406/arss.1979.2654 (In French).
3. Bourdieu P. (1985) The forms of capital. *The RoutledgeFalmer reader in sociology of education* /ed. by S.J. Ball. L.; N.Y., RoutledgeFalmer, 2004, pp. 15–29. (In English).
4. Bourdieu P. *Le capital social* [The social capital]. *Actes de la recherche en sciences sociales* [Proceedings of the Social Science Research]. 1980, Jan, vol. 31, Le capital social, pp. 23–25. Available at: http://www.persee.fr/doc/arss_0335-5322_1980_num_31_1_2069 (accessed 01.06.2017). (In French).
5. Bourdieu P. *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital* [Economic capital, cultural capital, social capital]. *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt Sonderband 2) [Social Inequalities (Social World Special Volume 2)]*. Göttingen, 1983, pp. 183–198. Available at: <http://unirot.blogspot.de/images/bourdieuKapital.pdf> (accessed 07.04.2017). (In German).
6. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*. 1988, vol. 94: Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure, pp. S95–S120. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2780243> (accessed 14.07.2017). (In English).

7. Coleman J.S. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1990. 993 p. (In English).
8. Coleman J.S. Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *The American Journal of Sociology*. 1986, May, vol. 91, no. 6, pp. 1309–1335. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2779798> (accessed 20.07.2017). (In English).
9. Putnam R.D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1993, 247 p. (In English).
10. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, Simon & Schuster, 2000, 544 p. (In English).
11. Durlauf S.N., Fafchamps M. Social Capital. *Handbook of Economic Growth* / ed. by P. Aghion, S. Durlauf. Elsevier, 2005, vol. 1B, pp. 1639–1699. (In English).
12. Hanifan L.J. The Rural School Community Center. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1916, Sep., vol. 67: New Possibilities in Education, pp. 130–138. Available at: <http://www.jstor.org/stable/1013498> (accessed 30.07.2017). (In English).
13. Field J. *Social capital*. New York, Taylor & Francis e-Library, 2008, 193 p. (In English).
14. Castle E.N. Social Capital: An Interdisciplinary Concept. *Rural Sociology*. 2002, May, vol. 67(3), pp. 331–349. DOI: 10.1111/j.1549-0831.2002.tb00107.x. (In English).
15. Marx K. Capital. *Critique of Political Economy*. Vol. 1 / tr. B. Fowkes. London, Penguin, 1976. (In English).
16. Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology. *Annual Review of Sociology*. 1998, vol. 24, pp. 1–24. Available at: <http://www.jstor.org/stable/223472> (accessed 19.07.2017). (In English).
17. Ostrom E. Social capital: A fad or fundamental concept? *Social Capital: A Multifaceted Perspective* / ed. by P. Dasgupta, I. Seragilden. Washington, D.C., The World Bank, 2000, pp. 172–214. (In English).
18. Adler P.S., Kwon S. Social Capital: Prospects for a new concept. *Academy of Management Review*. 2002, vol. 27, pp. 17–40. DOI: 10.5465/AMR.2002.5922314. (In English).
19. Putnam R.D. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*. 1995, vol. 6(1), pp. 65–78. (In English).
20. Woolcock M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework. *Theory and Society*. 1998, vol. 27(2), pp. 151–208. Available at: <http://www.jstor.org/stable/657866> (accessed 10.07.2017). (In English).
21. Inglehart R. *Modernization and post-modernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1997, 464 p. (In English).
22. Robison L.J., Siles M.E., Songqing J. Social capital and the distribution of household income in the United States. *The Journal of Socio-Economics*. 2011, vol. 40, pp. 538–547. DOI:10.1016/j.socec.2011.04.004. (In English).
23. Woolcock M. The place of social capital in understanding social and economic outcomes. *Isuma: Canadian Journal of Policy Research*. 2001, vol. 2(1), pp. 11–17. Available at: <http://www.social-capital.net/docs/The%20Place%20of%20Social%20Capital.pdf> (accessed 10.07.2017). (In English).
24. Kwon S.-W., Adler P.S. Social Capital: Maturation of a Field of Research. *Academy of Management Review*. 2014, vol. 39, no. 4, pp. 412–422. DOI: 10.5465/amr.2014.0210. (In English).
25. DeFilippis J. The Myth of Social Capital in Community Development. *Housing Policy Debate*. 2001, vol. 12, iss. 4, pp. 781–806. Available at: http://www.urbancenter.utoronto.ca/pdfs/elibrary/DeFilippis_Myth-of-Social-C.pdf (accessed 28.07.2017). (In English).
26. Sobel J. Can We Trust Social Capital? *Journal of Economic Literature*. 2002, Mar., vol. 40, no. 1, pp. 139–154. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2698596> (accessed 20.07.2017). (In English).
27. Seligman A. *The problem of trust*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1997. 224 p. (In English).
28. Germanov I.A., Plotnikova E.B. *Konceptualizacija i operacionalizacija ponjatija «social'nyj kapital» v issledovanijah organizacij* [Conceptualization and Operationalization of the Concept of Social Capital in Organizational Research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija*. [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2017, iss. 1, pp. 106–114. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-106-114 (accessed 14.07.2017). (In Russian).
29. Sunderland D. *Social Capital, Trust and the Industrial Revolution. 1780–1880*. N.Y., Routledge, 2007, 251 p. (In English).
30. Bowles S., Gintis H. Social Capital and Community Governance. *The Economic Journal*. 2002, vol. 112, iss. 483, pp. 419–436. Available at: www.umass.edu/preferen/gintis/soccapej.pdf (accessed 20.07.2017). (In English).
31. Fafchamps M. *Market institutions in sub-Saharan Africa: theory and evidence*. L. & Cambridge, MA, The MIT Press, 2004, 500 p. (In English).

32. Fafchamps M., Gubert F. *The Formation of Risk Sharing Networks. Global Poverty Research Group GPRG-WPS-037*. 2005. Available at: <https://web.stanford.edu/~fafchamp/netphil.pdf> (accessed 22.07.2017). (In English).
33. Gambetta D. Can We Trust Trust? *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* / ed. by D. Gambetta. N.Y., Basil Blackwell, 1988, pp. 213–237. (In English).
34. Walker G., Kogut B., Shan W. Social Capital, Structural Holes and the Formation of an Industry Network. *Organization Science*. 1997, Mar.-Apr., vol. 8, no. 2, pp. 109–125. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2635305> (accessed 10.07.2017). (In English).
35. Banfield E. *The Moral Basis of a Backward Society*. N.Y., Free Press, 1958, 199 p. (In English).
36. Gambetta D. Mafia: the Price of Distrust. *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* / ed. by D. Gambetta. N.Y., Basil Blackwell, 1988, pp. 158–175. (In English).
37. Coleman J.S. Norms as Social Capital. *Economic Imperialism: The Economic Approach Applied Outside the Field of Economics* / ed. by G. Radnitzky, P. Bernholz. N.Y., Paragon House Publishers, 1987, pp. 133–155. (In English).
38. Fukuyama F. *Velikij razryv* [The Great Disruption]. Moscow, AST Publ., 2008, 476 p. (In Russian).
39. Coleman J.S. The Vision of Foundations of Social Theory. *Analyse & Kritik* [Analysis & Criticism]. 1992, vol. 14, pp. 117–128. Available at: http://analyse-und-kritik.net/1992-2/AK_Coleman_1992.pdf (accessed 20.07.2017). (In English).
40. Stichweh R. Systems Theory as an Alternative to Action Theory? The Rise of ‘Communication’ as a Theoretical Option. *Acta Sociologica*. 2000, vol. 43, pp. 5–13. Available at: https://www.fiw.uni-bonn.de/demokratieforschung/personen/stichweh/pdfs/11_stw_systems-theory-as-an-alternative-to-action-theory-2000.pdf (accessed 20.07.2017). (In English).
41. Young H.P. Social norms. *The New Palgrave Dictionary of Economics* / ed. by S.N. Durlauf, L.E. Blume. L., Palgrave Macmillan, 2008. (In English).
42. Bicchieri C., Muldoon R. Social Norms. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E.N. Zalta. 2014. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/social-norms/> (accessed 22.07.2017). (In English).
43. Lewis D. *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge MA, Harvard University Press, 1969. (In English).
44. Bicchieri C. *The Grammar of Society: The Nature and Dynamics of Social Norms*. New York, Cambridge University Press, 2006, 234 p. (In English).
45. Gibbs J. Norms: the Problem of Definition and Classification. *American Journal of Sociology*. 1965, vol. 70, pp. 586–594. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2774978> (accessed 27.07.2017). (In English).
46. Detel W. On the Concept of Basic Social Norms. *Analyse & Kritik* [Analysis & Criticism]. 2008, vol. 30, pp. 469–482. Available at: http://www.analyse-und-kritik.net/2008-2/AK_Detel_2008.pdf (accessed 27.07.2017). (In English).
47. Koput K.W. *Social capital: An Introduction to Managing Networks*. Cheltenham, UK, & Northampton, MA, Edward Elgar, 2010, 172 p. (In English).
48. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. 1973, May, vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380. DOI: 10.1086/225469. (In English).
49. Granovetter M.S. The strength of weak ties: A network theory revisited. *Sociological Theory*. 1983, vol. 1, pp. 201–233. Available at: <http://www.jstor.org/stable/202051> (accessed 27.07.2017). (In English).
50. Szreter S., Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health. *International Journal of Epidemiology*. 2004, vol. 33(4), pp. 650–667. DOI: 10.1093/ije/dyh013. (In English).
51. Andriani L. *Social Capital: a Road Map of Theoretical Frameworks and Empirical Limitations. BWPMA 1301*. 2013. Available at: <http://www.bbk.ac.uk/management/docs/workingpapers/WP1.pdf> (accessed 21.07.2017). (In English).
52. Granovetter M.S. The Impact of Social Structure on Economic Outcomes. *The Journal of Economic Perspectives*. 2005, Winter, vol. 19, no. 1, pp. 33–50. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4134991> (accessed 27.07.2017). (In English).
53. Burt R.S. *Brokerage and Closure: An Introduction to Social Capital*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2005, 279 p. (In English).
54. Burt R.S. *Structural holes: the social structure of competition*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1995, 313 p. (In English).
55. Burt R.S. Structural Holes versus Network Closure as Social Capital. *Social capital: theory and research* / ed. by N. Lin, K. Cook, R.S. Burt. New York, Walter de Gruyter, 2001, pp. 31–56. (In English).
56. Lin N. *Social Capital: a Theory of Social Structure and Action*. New York, Cambridge University Press, 2001, 278 p. (In English).

57. Bowles S. «Social capital» and community governance. *Focus*. 1999, Fall, vol. 20, no. 3, pp. 6–10. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/af36/460383d7487398125dff3b28eb1421cc188a.pdf> (accessed 13.07.2017). (In English).
58. Boix C., Posner D.N. Social Capital: Explaining Its Origins and Effects on Government Performance. *British Journal of Political Science*. 1998, vol. 28, iss. 04, pp. 686–693. DOI: 10.1017/S0007123498000313. (In English).
59. Elster J. Coleman on social norms. *Revue française de sociologie* [French Sociology Journal]. 2003, vol. 44(2), pp. 297–304. Available at: https://cdn.uclouvain.be/public/Exports%20reddot/cr-cridis/documents/elster_sur_coleman.pdf (accessed 28.07.2017). (In English).
60. Tilly C. James S. Coleman as a guide to social research. *The American Sociologist*. 1997, June, vol. 28, iss. 2, pp. 82–87. DOI: 10.1007/s12108-997-1009-0. (In English).
61. Fine B. *Social Capital versus Social Theory. Political Economy and Social Science at the Turn of the Millennium*, London, New York, Routledge, 2002, 293 p. (In English).
62. Arrow K. Observations on Social Capital. *Social Capital. A Multifaceted Perspective* / ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington, D.C., The World Bank, 1999, pp. 3–5. (In English).
63. Lin N., Fu Y., Hsung R.-M. The Position Generator: Measurement Techniques for Investigations of Social Capital in Social capital: theory and research. *Social capital: theory and research* / ed. by N. Lin, K. Cook, R.S. Burt. New York, Walter de Gruyter, 2001, pp. 57–83. (In English).
64. Sabatini F. The Empirics of Social Capital and Economic Development: A Critical Perspective. *NOTA DI LAVORO* [Working Note]. 2006, Jan., vol. 15. Available at: <http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/12097/1/wp060015.pdf> (accessed 22.07.2017). (In English).
65. Durlauf S.N. The case «against» social capital. *Focus*. 1999, Fall, Vol. 20, no. 3, pp. 1–5. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/af36/460383d7487398125dff3b28eb1421cc188a.pdf> (accessed 10.07.2017). (In English).
66. Robison L.J., Schmid A.A., Siles M.E. Is social capital really capital? *Review of Social Economy*. 2002, March, vol. LX, P. 1–21. DOI: 10.1080/00346760110127074. (In English).
67. Dasgupta P. *Social Capital and Economic Performance: Analytics*. 2002. URL: Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.200.474&rep=rep1&type=pdf> (accessed 20.07.2017). (In English).
68. Solow R.M. Notes on Social Capital and Economic Performance. *Social Capital. A Multifaceted Perspective* / ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington, D.C., The World Bank, 2000, pp. 6–12. (In English).
69. Hawkins R.L., Maurer K. Bonding, Bridging and Linking: How Social Capital Operated in New Orleans following Hurricane Katrina. *British Journal of Social Work*. 2010, vol. 40, pp. 1777–1793. DOI:10.1093/bjsw/bcp087. (In English).
70. Fulkerson G.M., Thompson G.H. The Evolution of a Contested Concept: A Meta-Analysis of Social Capital Definitions and Trends (1988–2006). *Sociological Inquiry*. 2008, Nov., vol. 78, no. 4, pp. 536–557. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2008.00260.x. (In English).
71. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, IL, University of Chicago Press, 1962, 210 p. (In English).
72. Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. The Work of a Discovering Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar. *Philosophy of the Social Sciences*. 1981, June, pp. 131–158. (In English).
73. McCracken G. *The Long Interview. Qualitative Research Methods*. Series 13. Newbury Park, CA, Sage, 1988, 88 p. (In English).
74. Campbell D.T., Stanley J.C. *Experimental and Quasi-Experimental Designs for Research*. Chicago, Rand McNally, 1966, 85 p. (In English).
75. Flyvbjerg B. Five Misunderstandings about Case-Study Research. *Qualitative Inquiry*. 2006, Apr., vol. 12, no. 2, pp. 219–245. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2230464> (accessed 19.11.2015). (In English).
76. Sudman S., Bradburn N., Schwartz N. *Thinking about Answers*. San Francisco, Jossey-Bass Publishers, 1996, 305 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 01.08.2017

Об авторах

Плотникова Елена Борисовна

кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: plotnikova1958@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3599-5215

Кузнецов Александр Евгеньевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kzntsv@list.ru
ORCID: 0000-0003-1699-6466

Маркова Юлия Сергеевна

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: julyamarkova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6271-9403

About the authors

Plotnikova Elena Borisovna

Ph.D. in History, Docent,
Head of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: plotnikova1958@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3599-5215

Kuznetsov Alexander Evgen'evich

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kzntsv@list.ru
ORCID: 0000-0003-1699-6466

Markova Yulia Sergeevna

Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: julyamarkova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6271-9403

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Плотникова Е.Б., Кузнецов А.Е., Маркова Ю.С. Социальный капитал как концепт и феномен // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 460–476.

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-460-476

Please cite this article in English as:

Plotnikova E.B., Kuznetsov A.E., Markova Yu.S. Social capital as a concept and phenomenon // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 460–476. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-460-476

УДК 316.334.56

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-477-485

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ГОРОЖАН

*Парамонова Светлана Павловна, Стегний Василий Николаевич,
Разинская Виктория Дорофеевна*

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Денисов Юрий Викторович

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Исследуются ориентации на стабильность в отношении места проживания либо миграцию жителей большого города. Мобильность может задаваться «сверху», из центра, а может развиваться «снизу», из регионов. Скорость этого взаимодействия обеспечивает потенциал и «маркирует» меру развитости субъектности сообществ. Вскрывается основное противоречие между крупным городом, как ценностью в глазах жителей, и отсутствием социального запроса на высококвалифицированный труд, его низкой оплатой, нехваткой специалистов для обеспечения потребностей горожан. В данном исследовании дифференцированная триадичная оценка городских условий проведена с позиций социально-профессиональной занятости групп; оценки личностью основных элементов материальной инфраструктуры города; удовлетворенностью личности жизнью в городе. В рамках исследования опрашивались студенты ВУЗов, преподаватели, библиотечные работники, работники строительной организации. Выделены следующие три группы горожан: стабильные, латентно-мобильные и прогрессивно-мобильные. Ориентация на стабильность указывает на относительное морально-психологическое спокойствие города. Латентная мобильность маркирует «проседание» социальной обстановки. Прогрессивно-мобильные индивиды — цвет городского сообщества; нередко это энергичные предприниматели и деятели наук, ориентированные на миграцию. Жизненный тонус города определяется соотношением ориентаций горожан либо на стабильность, либо на выезд из города. Очевидно, что будущее города во многом определяется настроениями молодых людей. В исследовании показано, что студенческая молодежь дает реальные и идеальные характеристики: символов (мифов) районов, материально-архитектурной среды и инфраструктуры, а также культуры города, как социализирующей среды. Студенты рассматривают внутреннюю мобильность, как важное условие необходимой циркуляции сил общества, но критически оценивают нерегулируемую миграцию извне. В символических формах молодежь Перми выражает желание мигрировать туда, где есть развитие, где труд энергичных и образованных оценивается выше, чем в своем городе. Практическое значение исследования заключается в том, что городская общность приобретает знание о себе, как современном субъекте социального действия, в частности, о качестве социальной мобильности; удовлетворенности занятостью; социализирующих условиях жизни горожан.

Ключевые слова: городская социализация, группы городского сообщества, реальный и идеальный город, символические и поведенческие формы ориентации групп.

POTENTIAL MOBILITY OF CITIZENS

Svetlana P. Paramonova, Vasiliy N. Stegnyy, Viktoria D. Razinskaya

Perm National Research Polytechnic University

Yuriy V. Denisov

Perm State Humanitarian Pedagogical University

The article deals with the dynamics of orientations towards stability or migration of the residents of a large city. Mobility can be set from «above», from the center, and can develop from «below», from regions. The speed of this interaction provides potential and «marks» the degree of the communities' subjectivity development. The main contradiction arises between a large city as a value in the eyes of the inhabitants and the lack

of a social demand for highly skilled labor, low wages and lack of specialists to meet the needs of the citizens. A differentiated triadic assessment of urban conditions is given on the basis of social and professional employment of groups, evaluation of the main elements of the city's material infrastructure by the individual, satisfaction of the person with life in the city. Students of higher educational institutions, teachers, library workers, and workers of the construction organization were interviewed during the research. The following three groups of citizens are distinguished: stable, latent-mobile and progressive-mobile. The orientation toward stability indicates the relative moral and psychological tranquility of the city. Latent-mobile groups show a «subsidence» of the social situation. Progressive-mobile individuals are the color of the urban community (for example, vigorous entrepreneurs and scientists oriented toward migration). The vital tone of the city is determined by the ratio of orientation to stability or to departure from the city. The future of the city is largely determined by the intentions of young people. Student youth gives real and ideal characteristics: symbols (myths) of districts, material and architectural environment and infrastructure, as well as culture of the city as a socializing environment. Students view internal mobility as an important condition for the necessary circulation of the society's forces, but critically assess unregulated migration from outside. In the symbolic forms the youth of Perm has the desire to migrate to where there is development, where work of the energetic and educated people is estimated higher than in their city. The practical significance of the research lies in the fact that the urban community acquires knowledge about itself as a modern subject of social action, in particular, about the quality of social mobility; satisfaction with employment; socializing conditions of life of the citizens.

Keywords: urban socialization, groups of the urban community, a real and ideal city, symbolic and behavioral forms of group orientation.

Введение

Мировоззренческие формы осмысления связи со своей землей, своим городом, местом рождения, своим народом включают вопросы социального и антропологического восприятия социальной реальности. Человек, адаптируясь в городе, «читает город как текст», осмысливает его культурно-технические мощности, происходящие события и выстраивает перспективу будущего. Человек будущего, по Тоффлеру, сможет адаптироваться к новому миру, только если сам трансформируется изнутри, сознательно выбрав позицию странника или «чужака» [1, с. 171]. В этом смысле изучение потенциальной мобильности горожан представляется важным и актуальным. В связи с оценкой потенциальной мобильности горожан нами проведено два исследования о большом городе как социализирующей среде.

Объект *теоретического* исследования — город как социальная среда. Предмет исследования — личность в условиях городской социализирующей среды: стимулы, мотивы, потребности и интересы двух поколений. Объектом *эмпирического* исследования явилась пермская городская общность. Предмет исследования в эмпирическом аспекте — символический мир: ориентации на укорененность/мобильность в поведенческих формах. В программе исследования, ее теоретико-методологических предпосылках обосновывается методика определения условий социокультурной среды обитания: труда, ритмичности работы всех видов транспорта; дается оценка работы инфраструктурных институтов города: городского быта

и культурной среды; рассматриваются внутренние подвижки мобильности: статусные позиции и изменения в профессиональной сфере; жизненные планы относительно стабильности и миграций. Метод исследования — анкетный опрос при количественном подходе и сплошной письменный опрос при качественном методе исследования.

Исследование «Городская мобильность», включающее инструмент «Жизнь в движении», проведено в июне 2016 г., на основе инструмента лаборатории социологии с помощью обчета по пакету программ SPSS выполнен С. Штрабаевой, А. Оньковой. Программа составлена С.П. Парамоновой. Инициировал самостоятельное исследование при поддержке гуманитарного факультета проф. В.Н. Стегний. Внутри городской общности опрошены следующие профессиональные группы (N = 202): студенты вузов, преподаватели, библиотечные работники, предприниматели, рабочие строительной организации ЗАО «Генподрядная строительная фирма консорциум “Западный Урал”».

Показателем благополучия либо кризиса городской общности являются социальные настроения, выражающиеся в установках социально-демографических групп — укорениться в городе либо мигрировать из города по тем или иным причинам. Всегда есть группы латентно-мобильных горожан, тех, кто хотел бы выехать, но ряд обстоятельств этому препятствует. Дифференцируя группы по признакам устойчивой укорененности либо мобильности в соответствии с баумановской «текущей современностью», мы определяем степень социальной напряженности

внутригородской социальной ситуации [2, с. 312]. Город мы рассматриваем, выделяя три социализирующих аспекта: 1) миф (парадигма ценностей городской общности и самосознание о потенциале жителей); 2) урбанистичная культура (архитектура, инфраструктура, экология); 3) город как событийная социальная среда («практопия» — термин Э. Тоффлера) и представление о городе как идеальной урбанизированной среде — «утопии» [3, с. 287–294].

Пермь постоянно омывается все новыми волнами внутренней миграции — рабочих, перемещающихся из пригородов на работу и обратно, и студентов из малых городов и поселков, остающихся в городе на относительно постоянное проживание. Соотношение традиции и модерна создают довольно мобильную среду. Э. Гидденс отмечал, что современный городской быт организован на основании совершенно иных принципов, чем те, что отделяли современный город от сельской местности в более ранние эпохи [4, с. 117].

В настроениях исследуемых нами неоднородных, разнообразных социально-демографических групп города выделена потенциальная (латентная) мобильность, отражающая смутную неудовлетворенность собственной жизненной ситуацией и малую возможность социально-профессиональной мобильности в структурах города. Это несколько снижает градус городского патриотизма. На улицах города, где наряду с высотным комфортабельным жильем гнездятся почерневшие деревянные дома коренных жителей, очевидна разница статусных позиций и психологическая неприязнь одних индивидов к другим.

На материале Перми фактически впервые выполняются исследования в таких направлениях как «городская мобильность и стабильность», «космополитизм и патриотизм». И, безусловно, социальная мобильность выражающая динамичность карьерных устремлений личности, связанная с символическими формами, переходит в желание выехать туда, где найдется применение сил и соответствующие условия существования.

Мы исходим из того, что существует не только вынужденная макропроцессами общества миграция, есть и другая тенденция — поиск условий реализации своих социальных ресурсов: энергии, образования, профессиональных навыков, организаторских способностей. На эмпирическом уровне анализа мы разделили респондентов исходя из символов и ритуального, привычного поведения на три идеально-типологические группы.

(1) «Стабильные», те, кто в корневых исторически сложившихся структурах деятельности обрели свое место в городе и обществе. Лица, име-

ющие устойчивые семейные и дружеские связи, выражающие удовлетворенность условиями жизни в городе. Они положительно относятся к деятельности местной власти. Знают городскую мифологию, любят привычные места обитания, занимают место в соцструктуре в соответствии с уровнем образования. Стабильные составили самую большую группу (43,3 % опрошенных).

(2) «Латентно-мобильные», те, кто терпимы к внешним условиям существования, но не удовлетворены собственной жизненной ситуацией. Хотели бы уехать из города, но для этого у них нет необходимых средств; есть и возрастные ограничения. На стремление уехать влияют как внешние, так и внутрилличностные факторы, например, неудачно сложившаяся семейная жизнь. Склонны и положительно, и нейтрально, и критически оценивать деятельность властей всех уровней. Мифы, легенды и памятники города их мало вдохновляют. Место в городской соцструктуре и материальное положение их не удовлетворяют. Латентно-мобильные составили более трети (35,4 % наших респондентов).

(3) «Прогрессивно-мобильные» — энергичная часть городской общности. Эти люди готовы реализовать себя в регионах со вновь открывающимися возможностями (в современной ситуации страны), имеют образование, занимаются бизнесом либо продолжают учиться, еще более повышая свою квалификацию. Круг связей и информированность о ситуации в городах и регионах страны шире, чем в других выделенных группах. Представители группы выражают неудовлетворенность внешними факторами деятельности: экономикой, политикой; критически относятся к властям разного уровня, положительно оценивают лишь деятельность Президента. В целом доля прогрессивно-мобильных составили пятую часть опрошенных (21,3 %). Гендерные характеристики этой группы таковы: мужчины — 51,3 %, женщины — 48,7 %. По виду деятельности: самое большое число респондентов из предпринимателей, сотрудников ПНИПУ и узких специалистов. По величине заработка: среднеоплачиваемые (44,4 %), низкооплачиваемые (27,8 %) и без постоянного заработка (27,8 %). Распределение по месту жительства показало, что большинство — жители отдаленных районов Перми.

Очевидно, что это активные, критически мыслящие граждане. Среди прогрессивно-мобильных половина — студенты ПНИПУ, к ним примыкает большая группа горожан, работающих в сфере обслуживания, значительная часть этой группы предприниматели. Таксон прогрессивно-мобильных составляют те, кто намерен и может уехать,

т.е. уедут. Социально-демографические характеристики, в т.ч. место в социальной структуре, задают разные уровни социальной пространственно-временной мобильности. Мужчины в несколько большей степени, чем женщины, выразили желание уехать, но и среди женщин много желающих уехать (22,0 % и 19,0 % соответственно).

Стабильными оказались преподаватели, в частности работающие на аэрокосмическом факультете ПНИПУ. Это круг людей с высокой долей «остепененности». Кроме того, к стабильным относятся руководители библиотеки им. М. Горького. На стабильность ориентированы опрошенные рабочие строительной организации и работники обслуживания и сервиса города. Среди стабильных оказались студенты технических специальностей, вследствие того что, к примеру, на специалистов химико-технологического факультета уже сейчас идет заказ с предприятий средних городов региона и ЛУКОЙЛа. В стабильной группе студентов-гуманитариев (социологов) так же, как у работников библиотеки, сказанся фактор пола, а именно тяготение к укорененности. Укорененность в среде рядовых работников и группы работников управления составили от 49,0 % до 81,0 %. Большая доля стабильных среди строителей Запад-Уралстроя приходится на мужчин (47,0 %), на женщины несколько меньшая (38,0 %).

В группе латентно-мобильных на маргинальные подгруппы приходится половина всех социально-профессиональных групп (от 66,0 % до 38,0 %). Это работницы сервиса, занятые в сфере материального производства, предприниматели. Среди них желающих «сорваться с места» вследствие неудовлетворенности заработной платой, конфликтов в семье, бесперспективности в продвижении оказались и мужчины (28,0 %), и женщины (39,0 %). Вместе с тем ряд жизненных обстоятельств пока удерживает их на месте.

Выделяя особенные характеристики группы прогрессивно-мобильных, отметим, что наиболее настроены на переезд люди, имеющие высшее образование, обладающие профессиональными навыками. Они могут оценить общегородскую ситуацию и прогнозировать свою жизненную перспективу, опираясь на обширную информированность и собственный опыт. Именно им удалось принять нелегкое решение — переехать туда, где выше уровень жизни, более развита инфраструктура, где открываются перспективы профессионального роста, хотя на новом месте нет родственных, дружеских связей, вокруг — незнакомая среда. Это латентно-протестная форма выражения отношения группы к складывающейся ситуации в городе.

Люди, мигрировавшие из деревень и малых городов в большой город, как выяснилось, не менее мобильны. У них есть опыт переезда. Большую роль играет и то обстоятельство, что прибывший из провинциальных малых городов, зачастую из рабочих и интеллигентных семей, оказываясь в конкурентной среде, при адаптации к новым условиям проявляет больше способностей, при этом не рискуя ничем, они не боятся смены места пребывания и любой новой работы. Однако данную группу не следует путать с прекариатом, напротив, это энергичные молодые внутренние мигранты с активными помыслами и действиями в большом городе.

По величине дохода (заработной платы) прогрессивно-мобильные жители Перми делятся на две большие подгруппы. Первую составили те, кто уже достиг довольно высокого уровня в профессиональной, экономической, семейной, жилищно-бытовой, а также в рекреационной сфере (в т.ч. транспортная обеспеченность либо удобное расположение жилья относительно места работы). Однако получив желаемую работу и улучшив свою среду обитания, эта группа не удовлетворена уровнем жизни. Члены подгруппы стремятся повысить свой статус. Вместе с тем группа сталкивается с ограничениями со стороны глобальной системы — финансовой системы государства, сдерживающей развитие. Более узкая система (город в рамках большой системы) не может разрешить затруднения этой подгруппы прогрессивно-мобильных. Проявляется это в сформировавшемся желании покинуть большой город без сожаления.

Вторая подгруппа — это те жители Перми, которые по каким-то причинам не смогли достичь высокого социального статуса, определяемого ценностями современной государственности РФ (достойное положение в обществе данного города), и не утратили надежд поискать счастья в другом месте. По данным исследования видно, что это люди, живущие на окраинах города, более склонные к переезду, что обусловлено, в частности, неразвитостью инфраструктуры их района проживания, отмечающие недостаточность мест досуга, развлечений и, что более существенно в плане расширения сферы труда, наличия перспективных рабочих мест. Из-за неопределенности внутригородской перспективы обладатели потенциала организаторской или профессиональной деятельности, имеющие несколько специальностей (технических и экономических), предприниматели, владеющие информацией о ситуации в своем и других городах, знающие, что могут быть востребованы за пределами Перми, проявили

большую склонность к поиску лучших условий жизни и деятельности.

Итак, в самом общем виде мы получили ситуативный срез прогнозных состояний сознания наиболее энергичной группы населения города. Одну подгруппу прогрессивно-мобильных представляют люди, стремящиеся развиваться и получать максимум возможностей для расширения условий деятельности, а также вознаграждений своих усилий. Вторая подгруппа прогрессивно-мобильных жителей — те, кому не удалось реализоваться в данном месте, ожидания которых от городской среды большого города не оправдались. В совокупности с группой латентно-мобильных группа прогрессивно-мобильных составляет больше половины респондентов. Это показатель существенно негативной оценки социально-экономической ситуации города.

Суждения-«практопии» студентов о больших и малых городах

Необходимость содействия модернизации, инновационному и технологическому развитию, разработке экономических стратегий Перми, а также технологическому развитию малых городов выражены в суждениях студентов о символах и поведении городского сообщества: деятельных, культурных, средовых (архитектурных) метафорах¹. Студенты считают, что в сравнении с окружающими городами Пермь является современным, культурным и развитым краевым центром. В городе сосредоточены промышленные, образовательные, досуговые комплексы с множеством стадионов, очень удобной квартальной системой. Разнообразие ландшафту придают Черняевский, Андроновский леса и лес за Камой. Студентов устраивает ритм жизни города. В центре города эспланада — площадь для многих культурных экспериментов, о которых как о новациях упоминал В. Вахштайн.

Иная критическая позиция юношей-студентов, коренных пермяков, состоит в следующем: «городу не хватает технологичности, модернизации; жалко выглядит аэропорт. В ответах девушек речь идет в основном об экологической стороне жизни города: Пермь не создает впечатления чистого города. Хотя Пермь до-

статочно зеленый город, но дороги сконструированы неправильно, поэтому город (и транспорт в нем) очень грязный. Среди городов-миллионников Пермь является просто большой деревней, грязной и некрасивой; лишь среди городов поменьше город выглядит более презентабельно».

Очевидны и призывы студенческой молодежи к активной преобразовательной деятельности: «Следует уходить от собственной индифферентности и молодым, и членам Городской думы: город мне нравится больше, чем его правительство». Второкурсник самостоятельно пришел к выводу: «Проезжаем по региону с ребятами на внедорожниках, видим множество заброшенных деревень, пустующих полей. Мой вывод: или будем жить при коммунизме, или погибнем».

Идеальный город будущего. На первый план в высказываниях студентов выступили социальные метафоры. Идеальный город характеризуется «высокой безопасностью: нулевым уровнем преступности и адекватно реагирующими на преступность жителями. Богатство города состоит не только в его материальном благосостоянии, но в духовном потенциале. Наличие в каждом европейском городе университета обусловлено высоким уровнем жизни европейских городов. Если есть вузы, культурные традиции и спортивные сооружения, то молодежь не будет покидать свой город, в таком случае и город будет богат».

Вторая метафора — о реализации деятельной сущности человека в городской среде в высказываниях студентов: «Тот город перспективен, где есть большой спрос на квалифицированных специалистов, наличествует стабильность, развитая инфраструктура, множество научных центров». Тенденция к социокультурному развитию городов отмечается в работах о социальном предпринимательстве [5, с. 297].

Третья метафора, выраженная студентами, связана с архитектурой и организационной культурой города: «чистые красивые современные дома с прямыми улицами. Желания отражены в следующих суждениях: Улучшить систему передвижения, обеспечить возможность быстрого перемещения из одного района в другой. Нужны хорошие дороги с преобладанием общественного транспорта и движением без пробок, метро. Пермь будущего предполагает лучшую архитектуру, интересные места времяпрепровождения не только для молодежи, но и для взрослых. Обилие парков и прудов.

Хорошо бы иметь чистую реку с большим пляжем, центр — культурным, а спальные райо-

¹ Опрос «Мой город» проводился 12 апреля 2017 г. среди потока студентов АД-15 и РД-15, N = 54, муж. 7/8, девушки 1/8. Респонденты — выходцы из больших и малых индустриальных городов: Перми, Ижевска, Кизела, Осы, Чусового, большинство проживает в отдаленных и центральных районах Перми.

ны красивыми и отнесенными к окраинам. В центре дома должны быть не более 3 этажей. Больше цветов. Дороги и тротуары должны быть на одном уровне с основанием домов либо выше его, тогда не будет грязи.

Идеальное место проживания человека — небольшой город средних размеров, с хорошей архитектурой, умеренным климатом, где все знают друг друга. Город, который стыкуется с поселком и другими природными зонами. Город должен быть модернизированным, с островками прошлого. Образцом может служить Япония».

Экономическое городское самосознание студентов. Студенты соотносят восточный административный централизм с западным демократизмом, где распределение средств равномерно в регионах и центрах. Один из респондентов отмечает: «Отток финансовых средств в Москву — несправедливый порядок. С чего я должен из своего кармана содержать москвичей? В США Вашингтон — не самый богатый город, и европейские города развиваются самостоятельно. Этот опыт следует перенять и дать возможность развиваться регионам».

Городское экономическое самосознание выразилось в следующем высказывании студента: «Если бы средства не уходили полностью в Москву, то Пермь и города вокруг нее были бы бурно развивающимся регионом. В наличии развитая промышленность, много нефти, есть калий, много угля, соли, леса, водные и энергетические ресурсы, 15 % электроэнергии экспортируется в соседние регионы. Есть развитые очаги сельского хозяйства. Все суммарно даст нам достаточно богатства для развития. И великие, образованные умы не будут уезжать в другие города и центры».

«Отправка в центр страны средств была бы справедливой, если бы в центре правильно ими распоряжались. Несправедливо все оставлять в центре, а регионы оставлять на дотациях. Скорее это “ордизм”, который перекрывает “нордизм”». «Когда все средства уходят в столицу, то у других городов меньше возможностей для развития. Поэтому люди уезжают из города». Можно согласиться с историческими параллелями, проводимыми студентами. Централизм перекрывает демократизм, а традиции личностного управления из единого центра противоположны ситуации преобладания власти законов, в равной мере распределяющих большую часть прибыли на места.

Миграция как необходимый внутрирегиональный процесс. «Люди мигрируют внутри страны в поисках лучшего качества жизни. Ми-

грация вызвана озабоченностью низкими заработками. В ее основе личные предпочтения в самореализации: только в трех городах, в т.ч. Перми, строят авиамоторы, в Архангельске и во Владивостоке можно получить морское образование, в Челябинске — металлургическое. Миграция молодежи в города вызвана тем, что общество в большом городе идет в ногу со временем, для молодежи это крайне важно. Для любого места — большая травма, если молодежь уходит из города. Город в таком случае начинает медленно, но верно угасать и терять перспективу развития. Молодежь имеет неограниченный потенциал, если с ней правильно вести диалог, определять престижные каналы продвижения — это задаст перспективу городу».

Международная миграция «связана с войнами в Азии и плохими условиями жизни, с высоким уровнем безработицы и низким уровнем жизни. Миграция губительна для культуры страны. В Европе идет мощнейший процесс метисации. Азия восприняла ценности двуличной Европы, что сыграло против нее же».

Люди — живые существа. Эмиграция — явление неплохое, но все переворачивается на местах, в таких городах, как Пермь, когда мигранты начинают “проталкивать” свои права. Миграция плохо влияет на коренное население страны. Мигранты занимают рабочие места, заставляя коренное население сплываться и более интенсивно повышать свой уровень квалификации. Миграция ведет к уплотнению населения, однако социальная сфера на это не рассчитана: больницы, школы не строятся так быстро. Жители Украины бегут от войны. Мигрантов нужно обеспечивать жильем и работой, что идет в ущерб основному населению страны».

Итак, исходя из определенных эмпирических фактов определения ситуации в большом городе, можно отметить следующее: по убеждению студентов, доминирующим социальным отличием Запада и Востока является вынужденная централизация средств. В России это происходит из-за внешнеполитических военных угроз. В результате останавливается развитие регионов, что сказывается отрицательно на уровне жизни страны в целом. По мнению студентов, в этом есть несправедливость. Здесь очевидным становится различие ситуации в Европе, где прибыль, полученная от производства, самостоятельно используется городами, и в России: это принцип демократии и равенства прав на развитие городов, с одной стороны, и централизм, установленный в РФ, который еще более усиливает «ордистскую» тради-

цию прошлого, останавливающую развитие больших и малых городов — с другой. Массовое сознание студенчества, становящееся разумным субъектом социального процесса, отыскивает оптимальные пути развития.

Инновационные формы сотрудничества федеральных, региональных и муниципальных органов власти с молодежью и молодежными организациями лишь частично встроены в образ жизни и занятость молодежи. Инновационный потенциал молодежи брошен на поддержание собственного существования в свободное от учебы время [5, с. 297–299]. Молодежь в политическом пространстве современной России здраво оценивает реальность и ищет пути выхода из неопределенной, быстро меняющейся внешней и внутренней ситуации.

Артефакты среды районов больших, средних и малых городов Пермского региона представлены взглядом изнутри, с позиций социализирующей среды молодых респондентов [6, с. 254]. Интересен факт концентрации внимания студентов на основных значимых объектах, «высвеченных» одобрением либо критикой социокультурных явлений, как большого, так и малых городов.

Свердловский район. «Пермские моторные заводы, дворец Свердлова, “Баиня смерти”. Стадион “Звезда”, место тренировок и игр “Амкара”. В центре города один из артефактов города — рынок, который я наблюдаю из окна. Второй артефакт — общежитие, откуда постоянно разносятся крики».

Мотовилихинский район. «Много спортивных сооружений, спортивный клуб “Молот”, где тренируются хоккеисты “Молота”, бумкомбинат “Парма” и вошедший уже в историю большого спорта “Урал-Грейт”».

Сылва — «это полуостров, омываемый Чусовой и Камой. Кругом леса, хрущевки, бараки, один рынок, два кладбища, есть станция. Два завода: стекольный (сейчас закрыт) и Пермская птицефабрика. Население занято трудом на ней. Один детсад и одна школа».

Закамск. «Район множества предприятий, в том числе пороховой завод, сыгравший большую роль в Великой Отечественной войне. Судозавод представляет собой полуживой объект с коробками цехов. Хотя московский собственник скупил завод, однако заказов на продукцию нефтерудовозов нет. Прежде танкеры и сухогрузы везли все по Волге и Каме. В районе проживает много речников. Железнодорожники забрали вместо речников все грузоперевозки. Активная застройка, дешевые дома».

Закамск особый район, социальная среда выступает как воспитатель характера. Двор был неблагополучен, он наполовину воспитал меня, сделал открытым, не зажатым: не испытывать страха перед различными средами. В садике появились обидчики, с которыми у меня было мало общего, это пробуждало злость. В начальной школе враг становился другом, злость ушла. До пятого класса шла борьба беспорядочных компаний за власть. В восьмом классе сложилась устойчивая компания, с которой мной поддерживается связь по сей день.

Артефакты Закамска — холодные ключи, бьющие прямо в реку. Родниковые ключи с чистой водой равномерно расположены вдоль всего берега Камы. Купаться в реке холодно. В центре Закамска после нескольких рукопожатий молодежь по одежде и манере поведения узнает друг друга. В районе “Богданки” школа для умственно отсталых детей и соответствующий контингент родителей вокруг школы».

В Нагорном поселке «из высотного дома видны Андроновские пруды с лесом и логом. Черняевский лес является охранной зоной. Экологически чистый район, расположен недалеко от центра».

Кизел. «Население менее 20 тыс. человек. Бывший шахтерский город. После закрытия шахт люди массово покидают город, он “погибает” на глазах. Многие предприятия закрываются. Люди доживают в нем свой век. Молодежь из-за отсутствия перспектив и дальнейшего развития старается уехать из города. После окончания школы нет достойных учебных заведений. Люди не видят путей развития, город не предоставляет хороших условий после школьного обучения и места заработка. Пермь для кизеловцев — приоритетный выбор дальнейшего проживания, здесь большая вероятность найти достойную работу и такую же жизнь».

Артефактами среды г. Кизела являются шахты, которыми славился город. Они затоплены и закрыты. Много в городе и поселках заброшенных домов и зданий. Город вымирает, небольшая часть людей держится работой на железной дороге. Есть памятники героям Великой Отечественной войны. Лыжная база, на которой проводятся гонки, где есть трамплин для прыжков на лыжах. Вокруг Кизела много природных красот, поляны: небольшой город окружен поселками и лесами».

Город Оса. «Прекрасные природные условия, набережная для прогулок. Три района (названы населением): Старый, Новый и Шанхай. Группы ребят встречаются стенка на стенку. Многие

лыжники из Осы выступают за Пермский край. Школа во время Великой Отечественной войны была превращена в госпиталь, много раненых было спасено».

Город **Чусовой**. «Чусовские городки уютное поселение, окруженные лесами. Чусовской металлургический комбинат — градообразующее предприятие — скуплено Управляющей металлургической компанией. Завод сдали на металлолом. Предложена концепция “опережающего социального развития”, включающая развитие всех производств с минимальным налогом, кроме основного и главного — производства металла. Притока инвестиций нет».

Выводы

На конкретном объекте исследования городской поселенческой общности респондентами представлена социальная реальность большого города и прилежащих малых промышленных городов. Город не просто совокупность рабочих зон «питающихся» рабочей силой пригородов. Он не просто соединение исторических мифов о нем и модернизации форм культуры. Город — это социализирующая среда с близкими человеку людьми, товарищами из своего двора, взрослыми родственниками, соседями, ориентирующими на будущую профессию и тем самым намечающими пунктиром будущий образ деятельности и жизни молодых людей.

Вместе с тем в городе протекают сложнейшие социальные процессы, разрешаются не все социальные противоречия. Большой город принимает потоки людей из малых городов и внешних мигрантов из стран СНГ. Сам он отдает столицам и другим странам лучших специалистов. Динамика движения населения из городов обусловлена факторами ослабления крупномасштабной социальной политики, сворачиванием социальных программ и направлением средств в сторону «хипстерски-зрелищных» мероприятий. Это создает латентно-напряженные настроения внутри города.

Дифференциация групп городского сообщества, предпринятая в исследовании, определила динамику потенциальной мобильности пермской городской общности. Типы прогрессивно-мобильных, латентно-мобильных, и стабильных групп демонстрируют следующее соотношение — 21,3 : 35,4 : 43,3. Если объединить настроения представителей первых двух групп, то можно заключить, что их жизненный тонус, — низкий, что и определяет их стремление к миграции из города. Город, как живой организм, реагирует на неустойчивый социальный процесс.

В высказываниях молодых респондентов сохранятся следующие рекомендации для городской стратегии: организация запроса на образованные кадры, внесение финансово-трудовой составляющей в социальные программы города. Задача оперативной системы управления — устранение отклонений от поставленных целей. Результаты исследования могут быть полезны для управляющих структур.

Данные эмпирического уровня анализа однозначно свидетельствуют о необходимости фиксировать, паспортизировать и соотносить все существенные стороны организации производственного и научно-образовательного комплекса. Следует менять ситуацию с транспортными коммуникациями города. На этапе планирования необходимо создать режим финансового благоприятствования для предпринимательства и соразмерный комплекс социально-культурных инициатив городского сообщества.

Список литературы

1. Катерный И.В. Памяти Э. Тоффлера // Социологические исследования. 2017. № 3 С. 171–172.
2. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 654 с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего / пер с англ. М.: АСТ, 2003. 557 с.
4. Гидденс Э. Последствия современности / пер с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича; вст. ст. Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2011. 352 с.
5. Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
6. Социальное неравенство в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы: социологический анализ. СПб.: Нестор-История, 2011. 336 с.

Получено 27.05.2017

References

1. Katerny I.V. Pamyati E. Tofflera [In memory of E. Toffler]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2017, no. 3, pp. 171–172. (In Russian).
2. Bauman Z. *Tekucaya sovremennost'* [Flowing modernity]. St. Petersburg, Peter Publ., 2008, 654 p. (In Russian).
3. Toffler E. *Shok budushchego* [Shock of the future]. Moscow, AST Publ., 2003, 557 p. (In Russian).
4. Giddens E. *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Moscow, Praxis Publ., 2011, 352 p. (In Russian).
5. Golovnev A.V. Fenomen kolonizatsii [The phenomenon of colonization]. Ekaterinburg, LOUR RAS Publ., 2015. 592 p. (In Russian).

6. *Sotsial'noe neravenstvo v postsocialisticheskikh stranakh Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy: sotsiologicheskii analiz* [Social inequality in post-socialist countries of Central and Eastern Europe:

sociological analysis]. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2011. 336 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 27.05.2017

Об авторах

Парамонова Светлана Павловна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социологии и политологии

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: spp45@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4302-7214

Стегний Василий Николаевич

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры социологии и политологии

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: gf@pstu.ru
ORCID: 0000-0002-8918-2706

Разинская Виктория Дороевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии и политологии

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: socio@pstu.ru
ORCID: 0000-0002-7741-4792

Денисов Юрий Викторович

аспирант кафедры философии
и общественных наук

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: yurii_denisov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0785-2727

About the authors

Paramonova Svetlana Pavlovna

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Sociology
and Political Science

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: spp45@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4302-7214

Stegniy Vasilii Nikolaevich

Doctor of Sociology, Professor,
Professor of the Department of Sociology
and Political Science

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: gf@pstu.ru
ORCID: 0000-0002-8918-2706

Razinskaya Viktoria Dorofeevna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Sociology and Political Science

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: socio@pstu.ru
ORCID: 0000-0002-7741-4792

Denisov Yuriy Viktorovich

Ph.D. Student of the Department
of Philosophy and Social Sciences

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: yurii_denisov@mail.ru
RCID: ORCID: 0000-0003-0785-2727

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Парамонова С.П., Стегний В.Н., Разинская В.Д., Денисов Ю.В. Потенциальная мобильность горожан // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 477–485.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-477-485

Please cite this article in English as:

Paramonova S.P., Stegny V.N., Razinskaya V.D., Denisov Yu.V. Potential mobility of citizens // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 477–485. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-477-485

УДК 316.74:63

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-486-496

**ИСТОЧНИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПЕРМСКИХ ШКОЛЬНИКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Красноборов Михаил Андреевич

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Статья посвящена проблемам формирования исторической памяти и территориальной (локальной) идентичности у старшеклассников. В социальных науках историческая память как представление о прошлом является условием формирования идентичности, в первую очередь — территориальной (включая идентичность гражданскую, региональную и локальную).

Школа как социальный институт является сегодня основным каналом трансляции государственной политики памяти. Здесь школа выступает рука об руку с другими источниками формирования исторической памяти, такими как средства массовой информации, кинематограф, телевидение, коммеморативные практики и т.д., однако именно школьная история является каркасом формирования общегражданской идентичности. По данным массовых опросов жителей Пермского края (2012–2016 гг.), реализуемая сегодня политика памяти приводит к постепенному возрастанию значимости общегражданской идентичности на фоне других форм территориальной идентичности.

С другой стороны, представление об истории страны, получаемое старшеклассниками в школе, накладывается на семейную историческую память, иногда непротиворечиво согласуясь с ней, а иногда — конфликтуя. Исследования, проведенные автором среди пермских школьников (серия фокус-интервью), показывают, что каркасом локальной и региональной идентичности выступает как раз семейная история, которая неминуемо оказывается более сложной и персонализированной. Следовательно, несовпадение, а иногда и прямые противоречия между государственной политикой памяти и исторической памятью семьи чреваты возникновением противоречий между чувством принадлежности нации и территориальной самоидентификацией, что уже является важной социальной и управленческой проблемой.

Ключевые слова: историческая память, семейная память, территориальная идентичность, локальная идентичность, коммеморация, политика памяти, символическая политика.

**FORMATION RESOURCES OF HISTORICAL MEMORY OF PERM
SCHOOLCHILDREN (BASED ON SOCIOLOGICAL INVESTGATIONS)**

Mikhail A. Krasnoborov

Perm State Humanitarian Pedagogical University

The text is devoted to the problem of formation of historical memory and local identity among schoolchildren. In the social sciences historical memory is considered as a representation of the past, and is a condition for the identity formation, first of all — territorial, that includes civil, regional and local identity. The article presents the analysis of a series of interviews with high schoolchildren of Perm schools. The issue covers the influence of school history lessons, family history, media sources and commemoration on the ideas of the past of the «small homeland», which in turn underlie local self-identification. Historical memory is formed under the influence of random apocryphal sources. Regional and local identity are the least backed up by historical memory, since less resources are involved in the formation of the latter.

The school as a social institution is one of the main channels for broadcasting the state policy of memory. The school acts hand in hand with the other resources of the formation of historical memory, such as the media, cinematography, television, commemorative practices, etc., but it is school history that is a framework for

the formation of a national identity. According to mass polls of the residents of the Perm Krai, the memory policy implemented today leads to a gradual increase of the significance of the general civil identity on the background of the other forms of territorial identity.

Studies conducted by the author among Perm schoolchildren (a series of focus interviews) show that the framework of local and regional identity is just family history, which inevitably turns out to be more complex and personalized. Consequently, the discrepancy and sometimes direct contradictions between the state memory policy and the historical memory of the family are fraught with the emergence of contradictions between the sense of belonging to the nation and territorial self-identification, which is already an important social and managerial problem.

Keywords: historical memory, memory, territorial identity, local identity, commemoration, politics of memory, symbolic poetry.

Историческая память и территориальная идентичность: постановка проблемы и методологический подход

Данная статья посвящена одному из факторов формирования локальной идентичности у современной молодежи, а именно исторической памяти школьников, складывающейся под воздействием разных факторов. Прежде чем приступить к изложению фактов и их интерпретаций, необходимо оговорить некоторые теоретические предпосылки, на которые опирается автор.

По довольно распространенному в научной литературе мнению, территориальные идентичности (и, стало быть, территориальные общности) можно описать через метафору «матрешки», согласно которой чувство принадлежности к менее масштабным территориальным общностям является составной частью чувства принадлежности к более широкому социальному образованию. Поэтому территориальные идентичности по масштабу можно условно расположить следующим образом: общегражданская, национально-этническая (хотя такая идентичность и не является в полном смысле территориальной, в массовом сознании она почти всегда связана с определенной территорией), географическая (например, «я — житель Урала»), региональная и локальная [1, с. 44].

Важной научной и практической проблемой является значимость соотношения территориальных идентичностей в массовом сознании. Преобладание общегражданской идентичности над всеми остальными приводит, с одной стороны, к эффекту сплочения общества, возможно, к росту патриотизма и повышению мобилизационного потенциала государства, что, разумеется, всегда важно для последнего. Обратной стороной этого усиления является ослабление локальной и региональной идентичности, а значит, и ослабление местных сообществ, что чревато оттоком населения с определенной территории и нарастанием других деструктивных последствий для конкретных городов и ре-

гионов (что часто наблюдается в так называемых вахтовых городах Крайнего Севера России) [2]. Верно и обратное: чрезмерное преобладание региональной и локальной идентичности над идентичностью общегражданской в массовом сознании населения той или иной территории вполне реально может обернуться ростом сепаратизма. Оптимальным представляется вариант, при котором территориальные идентичности разного масштаба бесконфликтно согласованы, усиливая друг друга и создавая многообразие сообществ, культур и стилей жизни, необходимое для успешного развития современного общества.

Формирование любой территориальной идентичности происходит под влиянием разного рода факторов, инициируемых и актуализируемых разными социальными институтами и социальными агентами. Одним из них является историческая память, которая на наш взгляд, выступает самым важным компонентом конструирования территориальных идентичностей. Она служит основой для символической политики администраций, воплощаясь в памятниках и памятных топонимах. На основе исторической памяти разворачиваются коммеморативные практики, инициируемые властью или реализуемые в рамках семьи и локального сообщества. При этом стоит пояснить, что если коммеморация в широком смысле — это сохранение в обществе воспоминаний о значимых событиях прошлого, поддерживающих чувство единства (историческую память), то коммеморативные практики суть набор способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом [3, с. 116; 4, с. 77].

В рамках данной работы мы хотели бы рассмотреть, каковы источники и механизмы формирования исторической памяти, какую роль в этом процессе играет школьное образование и как это влияет на процесс согласования территориальных идентичностей разного масштаба.

Источники конструирования исторической памяти жителей Пермского края

Историческая память в научной литературе определяется как набор научных, вненаучных и квазинаучных знаний об общем прошлом [5, с. 24–25]. Чтобы выявить спектр источников, конструирующих историческую память в нашем обществе, обратимся к результатам двух опросов, проведенных на разных территориях Пермского края. Первый опрос прошел в одном из районов Перми, общее количество опрошенных составило 750 человек. Второй опрос был проведен в одном из муниципальных образований региона — в Лысьвенском городском округе, на территории которого проживает как городское, так и сельское насе-

ление (последнее составляет около 15 %). Число опрошенных составило 700 человек. Оба опроса были проведены методом стандартизированного интервью по репрезентативной выборке с соблюдением квот по полу, возрасту и территории проживания. В обоих опросах был использован один и тот же инструментарий, предполагающий, во-первых, выявление источников формирования представлений об истории, и, во-вторых, оценку респондентами достоверности этих источников. Список вариантов ответа был сформирован в ходе пилотного опроса (выборка 150 человек), во время которого респондентам эти же вопросы задавались в открытой форме с последующей классификацией ответов.

Таблица 1. Источники формирования исторической памяти жителей Перми и Лысьвы
(% от числа опрошенных)

Откуда вы больше всего узнаете (или узнали в прошлом) об истории нашей страны? (отметьте все подходящие варианты)	Пермь		Лысьва	
	%	Рейтинг источника	%	Рейтинг источника
1. Уроки в школе	61,8	1	62,2	1
2. Исторические передачи по телевизору	59,1	2	55,2	2
3. Интернет-справочники, публикации	35,7	3–4–5	28,0	3
4. Советские художественные исторические фильмы	33,6	3–4–5	24,6	4–5
5. Рассказы людей старшего поколения	33,4	3–4–5	25,7	4–5
6. Лекции по истории в вузе/училище/колледже	26,8	6	18,3	7–8
7. Исторические публикации в газетах, журналах	19,1	7	20,1	6
8. Новые художественные исторические фильмы	15,9	8	18,4	7–8
9. Исторические романы	13,1	9–10	9,4	9
10. Книги профессиональных историков	13,5	9–10	7,4	10
11. Ничего из этого	0,9	–	0,1	–
12. Затрудняюсь ответить	0,8	–	0,1	–

Прежде всего стоит отметить, что данные, полученные в Перми и Лысьве, сходны: иерархия источников формирования исторической памяти у жителей мегаполиса, небольшого города (с населением около 60 тыс. чел.) и деревень отличается не более чем на 1 позицию. Несмотря на то что частота выбора тех или иных источников исторической памяти в столице региона и в небольшом городе различна (в Лысьвенском городском округе реже называют в этом качестве Интернет, советские фильмы, рассказы людей старшего возраста и лекции по истории в вузах и колледжах — см. табл. 1), полученные результаты можно экстраполировать на весь регион.

Результаты, приведенные в табл. 1, показывают, что более половины опрошенных жителей Перми и Лысьвы получают знания, во-первых, из уроков истории в школе (около 62 %) и, во-вторых, из исторических передач по телевизору (55–59 % соответственно).

Данные о значимости школы хорошо согласуются с выводами других исследователей. Так, задачу исторического образования Белл и МакКаллам видели в создании чувства истории, или *historic sense*, которое включает в себя способность воспринимать исторический нарратив, осознавать настоящее в свете прошедшего, понимать внешкольные исторические источники — газеты, мифы, слухи, литературу, фильмы и формировать из

этого представление о том, что происходило в прошлом [цит. по: 6, с. 9]. Отечественные социологи И.М. Савельева и А.В. Полетаев считают, что в процессе обучения истории в школе познавательная функция тесно переплетается с другими не менее важными функциями — воспитания (например, патриотизма) и идентификации (например, национальной) [6, с. 58]. По мнению авторов, все функции в разной степени подчинены интересам государства, так как первоочередной задачей исторического образования является формирование социальной общности и привязанности к прошлому страны, что служит одним из способов формирования легитимности современной политической власти.

Около трети респондентов в Перми и четверти в Лысьве пользуются для пополнения своих исторических знаний Интернетом и просмотром советских фильмов. Столько же опрошенных черпают знания по истории из рассказов людей старшего поколения. Работы профессиональных историков в этой иерархии занимают последние строки рейтинга.

Исследование показало, что иерархия источников формирования исторической памяти мало зависит от пола, профессионального статуса и уровня образования респондента (последнее — за исключением исторических курсов в вузах и техникумах). Единственные значимые отличия, зафиксированные в ходе опроса, связаны с возрастом респондентов (см. табл. 2).

Таблица 2. Источники формирования исторической памяти
(% от числа опрошенных по возрастным когортам)

Источники формирования исторической памяти	Возрастные когорты								
	18–30 лет			31–45 лет		46–60 лет		старше 60	
	Пермь	Лысьва	Место в рейтинге источников	Пермь	Лысьва	Пермь	Лысьва	Пермь	Лысьва
1. Уроки в школе	68,3	68,9	1	61,4	68,1	58,5	65,0	57,7	47,1
2. Исторические передачи по телевизору	44,4	38,2	3	59,9	54,9	67,3	61,3	65,9	66,3
3. Интернет-справочники, публикации	61,9	57,1	2	48,2	34,5	24,0	16,5	4,9	4,6
4. Советские художественные исторические фильмы	24,3	13,9	6	34,0	23,8	36,8	32,9	40,1	27,5
5. Рассказы людей старшего поколения	33,9	15,5	5	28,9	24,3	34,5	24,7	36,8	38,3
6. Лекции по истории в вузе, в училище или колледже	39,7	17,6	4	26,4	22,1	21,1	21,8	18,7	11,7
7. Исторические публикации в газетах, журналах	12,2	8,0	8	16,8	20,9	25,1	25,1	23,6	26,3
8. Новые художественные исторические фильмы	19,0	13,4	7	19,3	21,7	16,4	20,6	8,8	17,9
9. Исторические романы	10,1	7,1	9	12,2	10,6	16,4	8,6	14,3	11,3
10. Книги профессиональных историков	9,5	3,8	10	13,2	8,9	16,4	8,6	15,4	8,3
11. Ничего из этого	0,5			0,5		1,2		1,6	0,4
12. Затрудняюсь ответить	0,5	0,4		1,5				1,1	

В силу понятных причин и пермская, и лысьвенская молодежь чаще, чем люди среднего и старшего возраста, выбирает в качестве источников исторических представлений Интернет, лекции по истории в вузах и колледжах и (особенно по сравнению с респондентами старше 60 лет) уроки в школе. По этим же причинам молодые люди реже, чем представители старшего поколения, выбирают передачи по телевизору, публикации в газетах и журналах и советские исторические фильмы. Соответственно, для молодежи рейтинг источников исторической памяти выглядит несколько иначе: на первом месте находится школа, на втором — Интернет-публикации, на третьем — телевизионные передачи, на четвертом — лекции в профессиональных учебных заведе-

ниях, на пятом — рассказы людей старшего возраста, на шестом — советские художественные фильмы, на седьмом — новые художественные фильмы, на восьмом-девятом — пресса и исторические романы, на последнем — работы профессиональных историков.

Рейтинг источников исторической памяти будет выглядеть иначе, если в его основу положить уровень доверия к ним со стороны респондентов. В ходе опроса последним было предложено оценить правдивость тех источников, которые они выбрали ранее. На основании сопоставления двух выборов был выведен коэффициент доверия, отражающий процент респондентов, доверяющих источнику, от числа респондентов, его выбравших.

Таблица 3. Оценка достоверности источников, формирующих историческую память (% от числа опрошенных и коэффициент доверия)

Вопросы: Откуда вы больше всего узнаете (или узнали в прошлом) сведения об истории нашей страны? / Какие источники по истории нашей страны можно считать наиболее правдивыми?	Пермь				Лысьва			
	% выбравших источник от опрошенных	% доверяющих источнику от числа его выбравших	Коэффициент доверия	Рейтинг источника на основе уровня доверия	% выбравших источник от опрошенных	% доверяющих источнику от числа его выбравших	Коэффициент доверия	Рейтинг источника на основе уровня доверия
1. Рассказы людей старшего поколения	33,4	29,1	87,1	1	25,7	20,9	81,3	2
2. Книги профессиональных историков	13,5	10,2	75,6	2	7,4	7,3	98,6	1
3. Интернет-справочники, публикации	35,7	24,3	68,1	3	28,0	20,4	72,9	3-6
4. Исторические передачи по телевизору	59,1	36,9	62,4	4	55,2	40,6	73,6	3-6
5. Исторические публикации в газетах, журналах	19,1	9,7	50,8	5	20,1	14,5	72,1	3-6
6. Советские художественные исторические фильмы	33,6	16,0	47,6	6-7	24,6	12,3	50,0	8-9
7. Уроки в школе.	61,8	28,7	46,4	6-7	62,2	45,6	73,3	3-6
8. Исторические романы	13,1	4,7	35,9	8-9	9,4	4,9	52,1	8-9
9. Лекции по истории в вузе/ училище/ колледже	26,8	9,4	35,1	8-9	18,3	11,7	63,9	7
10. Новые художественные исторические фильмы	15,9	4,7	29,6	10	18,4	7,9	42,9	10

Первое, что следует отметить при анализе табл. 3, — жители провинциальной глубинки в целом больше доверяют своим источникам исторических представлений, нежели жители большо-

го города. Такая разница в критичности отношения к источникам во многом объясняется разным уровнем урбанизированности этих социальных общностей: согласно «теории 4-х России»

Н. Зубаревич, чем больше город, тем сильнее критичность горожан к власти, а значит, и к официальным каналам информации [7].

Через теорию Н. Зубаревич можно интерпретировать и второй значимый вывод из данных, представленных в табл. 3, — доверие к источнику исторических представлений тем выше, чем сложнее его контролировать государству, особенно в Перми. Респонденты, пользующиеся работами профессиональных историков, семейными рассказами и интернет-изданиями, доверяют этим источникам чаще, чем респонденты, пользующиеся телевидением, кинематографом и школьными уроками. Действительно, государству легче транслировать устраивающие его исторические нарративы через телевидение, прессу и кинофильмы, нежели через изначально плюралистичный Интернет или исторические научные издания, подчиняющиеся в той или иной степени научным правилам объективности, не говоря уже о семейной истории.

Это, разумеется, не говорит о том, что такие источники не работают вообще. Во-первых, в абсолютном исчислении количество людей, черпающих свои представления об истории из «прогосударственных» источников и одновременно доверяющих им (из телевидения, прессы и исторических учебников и уроков), все равно несколько выше, чем количество людей, пользующихся альтернативными источниками и доверяющих им, особенно в небольших городах «2-й России». Размеры статьи не позволяют привести полные расчеты, поэтому ограничимся только выводами: соотношение граждан, пользующихся «прогосударственными» источниками об истории страны и доверяющих им, и граждан, пользующихся альтернативным источникам, в том числе семейной историей, и доверяющих им, примерно 70 к 30 процентам.

Во-вторых, недоверие источнику еще не означает, что он «не работает» хотя бы в силу того, что других, более «правдивых», источников у человека, далекого от дебатов об истории страны, нет или у него нет времени и потребности к ним обращаться. Говоря аналогиями, реклама действует, даже если мы знаем, что это реклама, а не объективное научное суждение.

Итак, приведенные в этом разделе данные позволяют сделать следующие выводы:

– Школьные знания об истории являются главным источником формирования исторической памяти у молодежи и у людей в возрасте до 45 лет. Для представителей старшего среднего и

старшего возраста на первый план в качестве источника формирования исторической памяти выходит телевидение.

– Советские источники формирования исторической памяти (в первую очередь фильмы) по-прежнему имеют важное значение для существенной части населения (от четверти до трети всех опрошенных), причем они в равной степени популярны как среди молодежи, так и среди пенсионеров.

– У большинства опрошенных исторические представления формируются за счет визуальных, аудио-визуальных и визуально-текстовых источников (телевидение, фильмы, Интернет). То есть визуальность имеет решающее значение для конструирования исторической памяти.

– Для значительной части населения семейная память (в рассказах людей старшего поколения) остается важным источником формирования общей исторической памяти, причем этот источник равно значим и для пермской молодежи, и для пенсионеров.

– Современное российское общество по отношению к источникам исторических представлений распадается на две неравные части: те, кто верит историческим источникам, транслирующим установки и нарративы официальной истории и пользуется ими, и тех, кто пользуется больше источниками, мало или почти не контролируемым напрямую государством, и верит им. Последних насчитывается примерно 30 % от количества совершеннолетнего населения, и они чаще встречаются в больших городах. Доля населения, лояльно воспринимающего «прогосударственные» источники исторической памяти, достигает 70 %. С учетом «эффекта рекламы» можно утверждать, что населения, верящего в телевизионную и, что еще более значимо для нас, в школьную версию истории, — подавляющее большинство.

Остается открытым вопрос, какую именно историю предлагает школа и что она делает для развития исторической памяти, связанной с локальной идентичностью. Ответ на этот вопрос требует привлечения дополнительных данных, полученных уже с помощью качественных методов.

Историческая память пермских старшеклассников: разрыв между школьной историей и локальной исторической памятью

Чтобы подробнее рассмотреть механизмы формирования исторической памяти школьников, мы провели серию глубинных интервью с пятнадцатью старшеклассниками из пяти пермских школ.

Выбор данной возрастной группы в качестве респондентов обусловлен теорией социализации Э. Эриксона [8], утверждавшего, что социальные идентичности формируются на пятой стадии развития человека, совпадающей с периодом обучения в старших классах. Информанты отбирались с помощью следующих критериев:

- престижность школ (2 престижных школы / 3 рядовых школы);

- территориальная расположенность школ (2 школы расположены в центре Перми, 3 школы — в спальных районах);

- профиль подготовки старшеклассников (5 человек из классов гуманитарного профиля и 10 человек из классов физико-математического, естественнонаучного и технического профиля);

- пол (девушки/юноши).

Количество информантов определялось по принципу теоретической насыщенности. Инструментарий интервью включал блоки вопросов, касавшиеся представлений старшеклассников о российской истории и истории города, памятниках и символах города, территориальной самоидентификации. Главной темой интервью стали источники получения знаний об истории страны и города, соотношение в преподавании истории общероссийской и территориальной тематики, участие школьников в различных коммеморативных практиках, семейная история.

Результаты интервью, с одной стороны, полностью подтверждают данные социологических опросов, приведенные выше: старшеклассники, как и остальная пермская молодежь, черпают свои представления об истории страны из школьного курса, Интернета, телевидения, рассказов старших родственников. С другой стороны, полученные данные позволяют по-иному взглянуть на роль школы в формировании исторической памяти, связанной с локальной идентичностью. Выяснилось, что школьное историческое образование, формируя систему общегражданской исторической памяти, в то же время уделяет мало внимания знаниям о прошлом малой родины. Из 15 интервьюированных нами школьников только двое говорят, что получали связку изучали материал общенациональной и локальной истории на уроках истории комплексно [интервью 3 и 5].

Получают или нет школьники достаточные представления об истории своей малой родины, судя по интервью, зависит от школьного учителя, от его знания локальной истории и готовности совмещать общие исторические нарративы с местным материалом. Разумеется, школьники не

могут дать ответ на вопрос «почему учитель не знакомит вас с историей города». Но, исходя из нашего личного опыта, можно с уверенностью сказать, что здесь срабатывает особая институциональная логика школы, согласно которой необходимо жертвовать всем «второстепенным» ради качественной подготовки к ЕГЭ. На уроках истории и обществознания таким второстепенным оказываются как раз местные исторические сюжеты.

Тем не менее результаты интервью показывают, что абсолютно все школьники-информанты хорошо осведомлены об истории города, большинство знают год и исторический контекст образования города, называют имена основных исторических деятелей. Как оказалось, важную роль в получении знаний о прошлом города и региона играют другие школьные предметы, такие как литература, география и, особенно, иностранный язык. «*Об истории города мы чаще всего говорим на уроках иностранного языка*», — таков ответ, повторяемый в том или ином виде семью информантами [интервью 1, 2, 4, 7, 9, 11, 15]; может показаться парадоксальным, но практика написания эссе и докладов на тему «Мой город» на уроках английского, немецкого и французского известна практически всем, кто учился в школе. Сведения для написания таких работ информанты черпают в основном из интернет-источников, таких как электронные энциклопедии, новостные форумы и, чаще всего, туристические сайты, реже используются журнальные материалы (часто упоминается только журнал «Мы земляки») и краеведческая литература.

Специфика таких источников определяет характер исторических представлений школьников о городе и крае. Туристические интернет-путеводители направлены на презентацию города неким «другим» (в лице туристов) и содержат информацию о мало связанных друг с другом памятниках, исторических деятелях и городских мифах, обрывочно включающих в себя исторический нарратив. В результате местная история оказывается случайным набором забавных сюжетов и экстраординарных событий, обозначенных каким-нибудь символом или освещенных пребыванием в городе какого-нибудь известного российского деятеля (часто — не по своей воле).

Например, арт-объект «Пермяк — соленые уши» [9] является наиболее популярным символом Перми у школьников. Информанты осведомлены об историческом контексте появления высказывания, давшего название этому городскому

объекту и отражающего связь истории Прикамья с дореволюционной соляной промышленностью, легко воспроизводят рассказ о соленосах, таскавших мешки с солью на своих плечах, однако с трудом представляют себе более широкий исторический контекст и значение развития солеваренной промышленности для региона и страны [интервью 7, 9, 13]. Другим примером могут служить упоминания информантов о Мотовилихинском заводе, в частности, о том, что здесь делали пушки в годы Великой Отечественной войны, но они не связывают этот завод с событиями революции 1905 года (несмотря на наличие в городе диорамы и музея, отражающего этот сюжет), и уж тем более не сопоставляют с ними улицы, названные фамилиями революционных рабочих этого завода [интервью 4, 7, 8].

В ходе интервью также выяснилось, что важным источником формирования исторической памяти является городское символическое пространство, дающее поводы для пополнения исторических представлений. Старшеклассники в целом неплохо осведомлены о многих памятниках и архитектурных постройках. Более того, они самостоятельно и со школьными группами посещают музеи и ходят на экскурсии. В редких случаях экскурсии проводятся учителями истории, например, по так называемой «Зеленой линии» (всего одно упоминание [интервью 3]), популярному туристическому маршруту, разработанному некогда Министерством культуры края [10]. В этом единственном интервью можно увидеть пример реально работающей символической политики властей, которая согласована с образовательным процессом, но для всех остальных информантов местная история остается «историей для туристов». Так, возвращение улиц исторических названий может оказаться поводом для актуализации интереса к городской топонимике, но не для рассмотрения более сложных вопросов и причин такого проявления символической политики советской власти и постсоветского государства [интервью 11, 14]. Некоторые ученики что-то слышали об исторических событиях и деятелях, с которыми связаны названия районов, микрорайонов и улиц [интервью 1, 6], но с трудом представляют, какую роль они играли в общенациональной истории, просто зачисляя такие фамилии в дежурные категории: «герой войны», «революционер», «артист», «врач» [интервью 4, 7, 11, 14, 15], а в лучшем случае добавляя стандартные характеристики типа «помогал бедным» (о враче П.Н. Серебренникове) [интервью 15].

Аналогично в качестве источника формирования представлений о прошлом малой родины работают СМИ. Публикуя материалы к памятным событиям или просто ведя постоянную историческую рубрику, они дают возможность почувствовать вкус к историческим деталям, формируют визуальные образы истории. Но задачи сформировать развернутый исторический нарратив местной истории перед ними не стоит. Кроме того, как и респонденты больших опросов Перми и Лысьвы, старшеклассники считают СМИ не всегда заслуживающими доверия [интервью 6, 7, 12, 15].

На формирование исторической памяти школьников влияют и коммеморативные практики. Из локальных примеров коммеморации и праздников, которые называли интервьюируемые, можно выделить празднование Дня города (хотя связанных с ним определенных традиций и практик, в которых участвовали бы сами информанты, нет) и Дня Победы, о котором мы скажем чуть позже.

Данные интервью позволяют утверждать, что самую важную роль в формировании представлений школьников о местной истории и, следовательно, в формировании локальной идентичности, играет семейная память. Как пишут исследователи пермской идентичности, «отождествление себя с Пермью... тесно связано со значимыми личностными достижениями и важными событиями в жизни человека и семьи» [1, с. 43]. Это справедливо и для опрошенных нами подростков, только вместо личных достижений, которых пока немного, они сосредоточиваются на истории своих семей. Отвечая на вопрос «Считаете ли вы себя пермяками?», все информанты ответили утвердительно, а на просьбу пояснить почему, они, помимо банального «мы здесь родились и выросли», выдали многочисленные рассказы о своих предках, некогда переселившихся в город. Многие из них оказались потомками эвакуированных в годы войны переселенцев (вероятно, принудительно) [интервью 2, 3, 5, 7, 12, 13, 15], часть школьников рассказали, что в Пермь переехали их родители или бабушки, поступив в вузы и техникумы либо устроившись на работу [интервью 1, 4, 5, 6, 8, 9, 10]. В семьях многих информантов хранятся семейные реликвии, часть которых свидетельствует о героизме предков (награды, казачьи шапки, памятные фотографии с войны), а часть — о трагических судьбах (например, о репрессиях или принудительных переселениях). В семейной исторической памяти иногда можно встретить и явные следы семейных умолчаний, например о прину-

дительных переселениях из Западной Украины в 1939 году (информант утверждал, что его дед «просто переехал в Пермь» [интервью 12]). И, разумеется, каждая семья хранит память о предках-фронтовиках и тружениках тыла. Почти все эти рассказы тесно переплетаются с историей города и выступают в качестве обоснования связи школьников с ним.

Обилие исторических сведений в семейной памяти показывает, насколько обширным и мощным подспорьем она может быть в деле обучения школьной истории. Но во взятых нами интервью единственным историческим событием, по поводу которого мы смогли зафиксировать пересечение семейной исторической памяти и школьной истории, является День Победы. Информанты сообщают, что школьные учителя побуждают учеников писать эссе и доклады ко Дню Победы, оформлять стенгазеты с использованием семейных историй об участниках войны и тружениках тыла. Однако и здесь это пересечение весьма условно: информанты сообщают, что подобные задания дают не учителя истории, которые могли бы обучить школьников некоторым методикам oral history и включить собранные рассказы в широкий исторический контекст, а классные руководители, для которых такого рода эссе имеют только воспитательное значение. Поэтому эссе чаще всего получают выстроенными по шаблону официальных коммемораций, а не исторических эго-документов.

Вместо заключения

Проведенное исследование показало, что историческая память нашего общества, конструируемая различными историческими источниками, не обладает достаточным единством и весьма непротиворечива. Школьная история, сосредоточенная на общенациональных событиях и процессах, формирует такую историческую память, на основе которой может быть построена только общегражданская идентичность [11]. Означает ли это, что локальная и семейная история не участвуют в формировании исторической памяти школьников? Разумеется, нет. Погруженные в символическое пространство города, общающиеся с представителями старших поколений своей семьи, так или иначе использующие другие источники, учащиеся средних школ все равно приобретают представления об истории родного города.

Эти представления отрывочны и упрощены, не систематизированы и не снабжены тем методическим аппаратом, который есть у школьной исто-

рии. Они вряд ли могут быть соединены с официальной исторической памятью усилиями самого школьника, поскольку последняя, как правило, выстроена в простой логике «побед», и не предполагает сложных сюжетов (об упрощении официальной памяти сегодня говорят многие [см. напр.: 12, 13]). А на столь шатком фундаменте несогласованных уровней исторической памяти вряд ли может возникнуть прочный и устраивающий всех вариант комбинации общегражданской и локальной идентичности.

Развитие новых форматов образования, в том числе в Перми [14], дает надежду на позитивные изменения в этой сфере. Но чтобы это произошло, необходимы усилия со стороны как институтов, определяющих историческую политику по расширению рамок официальной исторической памяти в нашей стране, так и со стороны учителей истории, помогающих овладеть новыми методиками включения семейной и локальной истории в школьный курс.

Список литературы

1. *Лысенко О.В., Шишигин А.В.* Пермская городская идентичность в зеркале социологических опросов // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / ПГГПУ. Пермь, 2013. С. 40–81.
2. *Магидович М.Л.* Значение культурных индустрий в идентификации молодежи на примере регионального эмпирического исследования Кольского Севера // Современные модели развития культурных индустрий в регионах России: сб. науч. ст. / отв. ред. М.Л. Магидович. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 19–31.
3. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
4. *Зерубавель Я.* Динамика памяти // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 71–90.
5. *Репина Л.П.* Память и историописание // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / отв. ред. Л.П. Репина М.: Кругъ, 2006. 768 с.
6. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы свою историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 456 с.
7. *Зубаревич Н.* Четыре России и новая политическая реальность // Сайт Полит.ru. URL: http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/#sdfootnote1anc (дата обращения: 17.01.2016).
8. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с.
9. «Пермяк соленые уши» // Википедия — свободная энциклопедия. URL:

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%8F%D0%BA_%D1%81%D0%BE%D0%BB%D1%91%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%83%D1%88%D0%B8 (дата обращения: 18.03.2017)

10. «Зеленая» и «Красная» линии — самые интересные пешеходные маршруты современной Перми // LINES.PERM.RU. URL: <http://lines.perm.ru/> (дата обращения: 18.03.2017)
11. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
12. Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 315 с.
13. Эткин А.М. Кривое горе: Память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.
14. Игнатъева О.В., Лысенко О.В., Черникова И.Ю. Тьюторство в культуре: новые образовательные практики Пермского культурного проекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 81–90. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-81-90.

Получено 26.05.2017

References

1. Lysenko O.V., Shishigin A.V. *Permskaya gorodskaya identichnost' v zerkale sotsiologicheskikh oprosov* [Perm city identity in the mirror of sociological polls]. *Perm' kak stil'. Prezentsatsii permskoy gorodskoy identichnosti* [Perm as a style. Presentations of the Perm city identity]. Perm, PSPU Publ., 2013, pp. 40–81. (In Russian).
2. Magidovich M.L. *Znachenie kulturnykh industriy v identifikatsii molodezhi na primere regionalnogo empiricheskogo issledovaniya Kolskogo Severa* [The Importance of Cultural Industries in the Identification of Youth by the Example of Regional Empirical Research of the Kola North]. *Sovremennye modeli razvitiya kul'turnykh industriy v regionakh Rossii: Sbornik nauchnykh statey* [Modern Models for the Development of Cultural Industries in Russian Regions: A Collection of Scientific Articles]. St.Petersburg, RGPU Publ., 2014, pp. 19–31. (In Russian).
3. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow, Kanon+ Publ., ROOI Rehabilitatsiya Publ., 2007. 480 p. (In Russian).
4. Zerubavel Ya. *Dinamika pamyati* [Memory dynamics]. *Ab Imperio*. 2004, no. 3, pp. 71–90. (In Russian).
5. Repina L.P. *Pamyat' i istoriopisanie* [Memory and historiography]. *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya*

- kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and memory: The historical culture of Europe before the beginning of modern times]. Moscow, Krug Publ., 2006, 768 p. (In Russian).
6. Saveleva I.M., Poletaev A.V. *Sotsialnye predstavleniya o proshlom, ili Znayut li amerikantsy svoju istoriyu* [Social ideas about the past, or Do Americans know their history]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, 456 p. (In Russian).
7. Zubarevich N. *Chetyre Rossii i novaya politicheskaya realnost* [Four Russias and a New Political Reality]. Available at: http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/#sdfootnote1anc (accessed 17.01.2016). (In Russian).
8. Erikson E. *Identichnost': yunost i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, Flinta, MPSI, Progress Publ., 2006, 352 p. (In Russian).
9. «Permyak — solenye ushi» [Permyak — salty ears]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%8F%D0%BA_%D1%81%D0%BE%D0%BB%D1%91%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%83%D1%88%D0%B8 (accessed 18 March 2017). (In Russian).
10. «Zelenaya» i «Krasnaya» linii — samye interesnye peshkhodnye marshruty sovremennoy Permi [«Green» and «Red» lines — the most interesting pedestrian routes of modern Perm]. Available at: <http://lines.perm.ru/> (accessed 18.03.2017). (In Russian).
11. Assman A. *Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika* [A long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 328 p. (In Russian).
12. Kopusov N.E. *Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii* [Memory of the strict regime: history and politics in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 315 p. (In Russian).
13. Etkind A.M. *Krivoie gore: Pamyat o nepogrebennykh* [Crooked mountain: Memory of the unburied]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, 328 p. (In Russian).
14. Ignateva O.V., Lysenko O.V., Chernikova I.Yu. *Tyutorstvo v kulture: novye obrazovatelnye praktiki Permskogo kulturnogo proekta* [Tutorship in Culture: New Educational Practices of the Perm Cultural Project]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2016, iss. 4(28), pp. 81–90. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-81-90. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 26.05.2017

Об авторе

Красноборов Михаил Андреевич
аспирант, ассистент кафедры культурологии
Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: krasnoborov@pspu.ru
ORCID: 0000-0001-9196-5745

About the author

Krasnoborov Mikhail Andreevich
Ph.D. Student, Assistant Lecturer
of the Department of Culturology
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: krasnoborov@pspu.ru
ORCID: 0000-0001-9196-5745

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Красноборов М.А. Источники конструирования исторической памяти пермских школьников (по материалам социологического исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 486–496. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-486-496

Please cite this article in English as:

Krasnoborov M.A. Formation resources of historical memory of Perm schoolchildren (based on sociological investigations) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 486–496. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-486-496

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки. Кроме того, издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Желательно разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование; название части «Основной контент» не допускается);
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются с указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3, 5, 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81], [1, с. 81–82] или [1, с. 81; 3, с. 35]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском.

Источники в списке литературы располагаются и нумеруются по мере упоминания в тексте. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет идентификатор DOI, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым базой данных SCOPUS, согласно рекомендациям эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevier.com/locate/elsevier/scopus/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «—», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и

другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatsti», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Bell D. *Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999, 956 p. (In Russian).

Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma [Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism]. Moscow, Mysl Publ., 1977, 190 p. (In Russian).

Шаблон для описания книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* [Название собрания сочинений или книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Leybnits G.V. *Monadologiya* [Monadology]. *Sochineniya, Tom 1* [Works, Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1982, 636 p. (In Russian).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniya. T. 13* [Works, Vol. 13]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1960, pp. 1–784. (In Russian).

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название статьи курсивом* [Название статьи на английском языке]. *Транслитерированное название журнала курсивом* [Название журнала на английском языке], год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. *Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh* [The Idea of a Knowledge-Based Society]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19. (In Russian).

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название выступления курсивом*. [Название выступления на английском языке]. *Транслитерированное название конференции курсивом* [Название конференции на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Pigrov K.S. *Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak npravstvennaya problema* [Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P.N. Khmyleva* [Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2008, pp. 109–116. (In Russian).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Транслитерированное название статьи курсивом [Название статьи на английском языке]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voyna v short-liste «Innovatsii»: *Minkult khochet dat premiyu* [War in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award]. Available at: <http://free-voyna.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013). (In Russian).

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники список литературы делается только один, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться:

- индексом УДК;
- аннотацией состоящей минимум из 200 слов;
- ключевыми словами (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми);
- информацией об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- информацией об идентификаторах автора: ORCID (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и ResearchID (желательно);

- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, однако в ней следует избегать лишних вводных фраз (например: «Автор статьи рассматривает...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национально-исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>)

Предоставление авторами сторонних рецензий не является обязательным (кроме аспирантов и соискателей), но приветствуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайшем выпуске.

Публикации для авторов статей, включая аспирантов, бесплатные.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2017 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	30 марта
в № 2 — до 01 мая	29 июня
в № 3 — до 01 августа	28 сентября
в № 4 — до 01 октября	26 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophical Sciences, 19.00.00 Psychological Sciences, 22.00.00 Sociological Sciences. Also the journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks, electronic library system «The University Library On-line», open access scientific library «CyberLeninka», national digital resource «RUCONT»* and national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)».

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

We urge to divide the text of your article into following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented as follows. Number of the source indicates in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81], [1, p. 81–82] or [1, p. 81; 3, p. 35]).

A number is allocated to a source in the order in which it is cited in the text. Each source should be mentioned in the list of references just once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should contain only those sources, which was cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

For **sources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

For **sources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the source language

For example:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students), but is welcomed. All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issue.

There is no fee for the publication of manuscript for authors, including PhD students.

Submission deadlines in 2017

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 30
No 2 May 1	June 29
No 3 August 1	September 28
No 4 October 1	December 26

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2017
Выпуск 3

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 25.09.2017
Дата выхода в свет
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 22,1
Тираж 500 экз. Заказ

Спонсорскую помощь в издании научного журнала оказывает
ОАО «ROSSET»
<http://www.rosset-kzms.ru>

Адрес учредителя и издателя:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-68-23

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке